This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 470658 DUPL

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

1. Шивотиковъ Новиков.

2. Радищев. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

3. Сологубъ. Тарантасъ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ВЪ КЛАССѢ.

РЕДАКЦІЯ

Петра Вейнберга.

Выпускъ X.

НОВИКОВЪ.

(«Живописецъ»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., 7.
1886.

891.78
N94
1886

Дозволено цензурою, Спб. 18-го августа 1886 г.

1952 - 212736

Оглавленіе.

стр.

Вступительныя Замѣтки. I

Живописецъ 1

Примѣчанія 62

Критическія Замѣтки 64

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Между дѣятелями русской сатирической журналистики Екатерининскаго времени, (общую характеристику которой мы помѣщаемъ ниже, въ «Критическихъ Замѣткахъ»), одно изъ самыхъ главныхъ мѣстъ, если не самое главное, принадлежитъ Николаю Ивановичу Новикову, вообще великому дѣятелю въ области русскаго просвѣщенья.

Подъ редакціею Новикова и при его главномъ, почти исключительномъ сотрудничествѣ вышли въ періодъ отъ 1769 по 1774 г. три сатирическихъ изданія: «Трутень», «Живописецъ» и «Кошелекъ». Всѣ они издавались въ Петербургѣ.

«Трутень» появился въ 1769 г. и продолжалъ выходить въ слѣдующемъ; прекратился онъ на 53 номерѣ (или, какъ тогда говорилось, листѣ).

Первый листъ «Живописца» вышелъ 17 апрѣля 1772 г. послѣдній (по показанію г. Ефремова) — въ іюнѣ или началѣ іюля 1773 г. Но прекращеніе не помѣшало тому, что этотъ журналъ потомъ имѣлъ нѣсколько изданій, и именно семь; но шестое вышло уже по смерти автора (въ 1829 г.) и, какъ говоритъ г. Ефремовъ, «есть ничто иное, какъ жалкая спекуляція; въ немъ нѣтъ и половины «Живописца»; все лучшее откинуто, да и перепечатанное вошло съ пропусками и искаженіями, съ произвольными урѣзками и добавками и съ исправленіями устарѣвшаго слога». Въ 1864 г. г. Ефремовъ выпустилъ седьмое изданіе «Живописца»; оно, какъ

онъ объясняетъ въ предисловіи «напечатано съ перваго слово въ слово, но только съ добавкою тѣхъ пропусковъ, которые были сдѣланы въ первомъ изданіи и потомъ пополнены въ слѣдующихъ четырехъ». Прекрасное изданіе это въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость. Авторомъ большинства статей въ «Живописцѣ», какъ и въ «Трутнѣ» былъ самъ редакторъ; но въ числѣ сотрудниковъ перваго мы встрѣчаемъ и такихъ писателей, какъ Фонъ-Визинъ, которому (по предположенью г. Афанасьева), быть можетъ, принадлежатъ нѣкоторыя, напечатанныя въ этомъ журналѣ и живо напоминающія слогъ и манеру автора «Недоросля» письма.

Изданіе третьяго Новиковскаго журнала «Кошелекъ» относится къ 1774 году.

Поставленные размѣрами нашего изданія въ невозможность познакомить нашихъ читателей со *всѣми* журналами Новикова и слѣдовательно въ необходимость ограничиться однимъ изъ нихъ, мы избрали «Живописецъ», во первыхъ потому, что по своей художественности онъ стоитъ значительно выше остальныхъ, вовторыхъ по той причинѣ, что по своему общему содержанію, направленію, основной мысли, онъ сходенъ съ «Трутнемъ» (нѣкоторыя статьи котораго въ немъ даже перепечатаны) и «Кошелькомъ» и такимъ образомъ даетъ довольно ясное и точное понятіе и о ихъ общемъ характерѣ.

Изъ статей «Живописца» нами взяты исключительно тѣ, которыя имѣютъ сатирическій характеръ (такъ какъ мы имѣли въ виду познакомить здѣсь съ Новиковымъ только какъ съ сатирикомъ), за исключеніемъ одной— письма Любомудрова (см. стр. 56), очень важнаго относительно другой стороны дѣятельности Новикова на пользу русскаго просвѣщенія.

ЖИВОПИСЕЦЪ.

I.

Принявъ названіе „Живописца“ и сдѣлавшись авторомъ еженедѣльныхъ листовъ, нечувствительно сдѣлался я должникомъ всѣхъ моихъ читателей. Они безъ сомнѣнія потребуютъ въ каждую недѣлю полулиста моего сочиненія: я имъ такъ обѣщалъ и почтенное авторское слово сохраню неотмѣнно. Да для чего-жъ бы и не сохранить онаго? По модѣ нашего времени писать не трудно: благодаря Бога, правая рука моя здорова, буквы чертить по бумагѣ научился еще съ ребячества. Я говорю чертить, для того, что россійской грамотѣ учился я у дьячка, который и самъ не зналъ никакихъ правилъ, а о грамматикѣ и не слыхивалъ; слѣдовательно, учился я искуству попугая и обезьяны: но это разумѣется только о россійскомъ языкѣ, которому почти и всѣ обучаются безъ правилъ; и такъ, были бы только чернила, перо, бумага, такъ и совсѣмъ авторъ. О времена! блаженныя времена, въ которыя, не учась грамотѣ, становимся попами! Нѣкоторые ненавистники писмянъ новаго вкуса утверждаютъ, что ко всякому сочиненію потребенъ разумъ, ученіе, критика, разсужденіе, знаніе россійскаго языка и правилъ грамматическихъ—устыдитесь, государи мои, строгіе судьи, устыдитесь своего мнѣнія;

оставьте ваше заблужденіе: посмотрите только на молодыхъ нашихъ писателей, вы увидите, что они никогда вашимъ не слѣдуютъ правиламъ. Вы то проповѣдуете, чего не было, или что вышло уже изъ моды: кто же будетъ вамъ слѣдоватъ? Право никто. По малой мѣрѣ, мы, молодые люди, никогда не отяготимъ памяти своей ненужнымъ знаніемъ; да это и похвально: для чего безъ нужды трудиться? На что разумъ, когда и безъ онаго писать можно? Что въ разсужденіи и критикѣ?—все ли захватить автору, надобно и читателямъ что нибудь оставить. Пропади знаніе россійскаго языка, ежели и безъ него можно жить въ большомъ свѣтѣ: а этотъ большой свѣтъ составляютъ почтенныя и любезныя наши щеголи и щеголихи. Исчезните правила грамматическія! вы только пустое дѣлаете затрудненіе. А ученіе—о! эта ненужная тягость совсѣмъ брошена. Но что я слышу! строгіе, ученые и благоразумные люди негодуютъ, вооружаются противъ меня; хотятъ дѣлать опроверженіе моимъ правиламъ: я пропалъ! Но постойте, государи мои, есть у меня защитники; они за меня отвѣтствовать вамъ будутъ; благородные невѣжды, вѣтреные щеголи, модные вертопрашки, на васъ полагаю я надежду; вы держитесь моихъ правилъ, защищайте ихъ: острые ваши языки къ тому способны. И вы, добрые старички, вы думаете о наукахъ согласно со мною, но по другимъ только причинамъ. Вы разсуждаете такъ: „дѣды наши и прадѣды ничему не учились, да жили щастливо, богато и спокойно: науки да книги переводятъ только деньги: какая отъ нихъ прибыль, одно раззоренье!“ Дѣтямъ своимъ вы говорите: „рости

только великъ, да будь щастливъ, а умъ будетъ". Прекрасное нравоученіе! неоспоримые доводы: новая истина открывается свѣту! Благоразумные старцы, премудрые воспитатели, въ вашемъ невѣжествѣ видно нѣкоторое подобіе славнѣйшія въ нашемъ вѣкѣ человѣческія мудрости—Жанъ Жака Руссо[1]): онъ разумомъ, а вы невѣжествомъ доказываете, что науки безполезны. Какіе ужасные противоположники соглашаются утвердить вредъ, отъ наукъ происходящій! Въ первый еще разъ, сіи непримиримые непріятели—разумъ и невѣжество во единомысліе приходятъ. Прорицалище нашего вѣка, славный Волтеръ[2]), познай свое заблужденіе: старики наши, паче тебя тягостію лѣтъ обремененные, никогда не говорятъ, что на четырехъ ногахъ ходить поздно. Послушаемъ теперь, какъ молодые люди о наукахъ разсуждаютъ.

„Что въ наукахъ, говоритъ Наркисъ: Астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ?—нѣтъ: на что-жъ мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ? — нѣтъ: чортъ ли въ ней! Физика изобрѣтетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію—нѣтъ: куда она годится! Исторія покажетъ ли мнѣ человѣка, который былъ бы прекраснѣе меня?—нѣтъ: какая-жъ въ ней нужда? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе?—нѣтъ: такъ она и недостойна моего вниманія. Прочія всѣ науки могутъ ли произвесть чудо, чтобы красавицы въ меня не влюблялись? — нѣтъ: это невозможность; слѣдовательно, для меня всѣ онѣ безполезны. А о словесныхъ наукахъ и говорить нечего. Одна только изъ нихъ заслуживаетъ нѣсколько мое вниманіе: это стихотвор-

ство; да и оно нужно мнѣ тогда только, когда захочется написать пѣсенку. Я бы началъ обучаться оному, да то бѣда, что я не знаю русскаго языка. Покойный батюшка его терпѣть не могъ; да и всю Россію ненавидѣлъ, и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился; полно этому дивиться нечему; она и подлинно это заслуживаетъ; человѣкъ съ моими достоинствами не можетъ найти щастія! То, что имѣю я, другой почелъ бы щастіемъ, но для меня этого мало... О, Россія, Россія! когда научишься ты познавать достоинства людскія!" Такъ разсуждаетъ Наркисъ: достоинства его слѣдующія; танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ какъ ангелъ: красавицы почитаютъ его Адонидомъ а соперники—Марсомъ [3]), и всѣ его трепещутъ; да есть чего и страшиться: ибо онъ уже принялъ нѣсколько уроковъ отъ французскаго шпагобойца [4]). Къ дополненію его достоинствъ играетъ онъ во всѣ карточныя игры совершенно, а притомъ разумѣетъ по Французски—Не завидный ли это молодецъ? не совершенный ли онъ человѣкъ?—Читатель, скажи мнѣ на ухо, каковы будутъ дѣти Наркисовы?

Худовоспитанникъ говоритъ: „Науки никакой не могутъ мнѣ принести пользы: я опредѣлилъ себя къ военной службѣ, и я имѣю уже офицерскій чинъ. Науки сдѣлаютъ ли меня смѣлѣе? прибавятъ ли мнѣ храбрости? сдѣлаютъ ли исправнѣйшимъ въ моей должности? Нѣтъ: такъ онѣ для меня и не годятся. Моя наука вся въ томъ состоитъ, чтобы умѣть кричать: пали! коли! руби! и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ. Науки да книги умягчаютъ сердце; а отъ мягкосердечія до трусости одинъ только

шагъ.) И такъ, пусть учатся и читаютъ книги люди праздные; а я храбростію одною найду себѣ счастіе". Худовоспитанникъ точно такъ и поступаетъ: его называютъ храбрымъ офицеромъ, похваляютъ; отецъ его радуется, что имѣетъ столь любезнаго сына. Наконецъ, по многимъ храбрымъ его поступкамъ сдѣлалъ онъ прехраброе дѣло: его пожаловали бы большимъ чиномъ, если бы онъ что нибудь разумѣлъ опричь науки рубить шпагою. Но тутъ уже смотрятъ на него другими глазами, и говорятъ: онъ былъ наилучшій офицеръ, когда былъ подъ командою, но будетъ самый худой начальникъ. Какъ повѣрить ему полкъ? онъ ничему не учился, ничего не читалъ и ничего не знаетъ. Вмѣсто большаго чина, даютъ ему деньги; онъ считаетъ себя обиженнымъ, думая, что когда былъ онъ хорошимъ офицеромъ, то былъ бы еще лучшимъ начальникомъ. Онъ идетъ въ отставку и говоритъ: достоинства не награждаются. Худовоспитанникъ пріѣзжаетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь съ крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады; а если бы можно ему было со крестьянами своими поступать въ силу военнаго устава, то не отказался-бы онъ ихъ аркибузировать [5]). Тамъ отнятіемъ непріятельскихъ земель служилъ онъ отечеству, а здѣсь отнятіемъ оныхъ у маломощныхъ своихъ сосѣдей, дѣлается преступникомъ законовъ отечества.—Правильно говорилъ Худовоспи-

танникъ, что науки для него безполезны; не нужны онѣ ему были въ военной службѣ, а въ отставкѣ и совсѣмъ не годятся!

Кривосудъ, получа судейскій чинъ, говоритъ: „По наукамъ ли чины раздаются? Я ничему не учился, и не хочу учиться; однако-жъ я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, чтобы знать наизусть всѣ указы, и въ случаѣ нужды умѣть ихъ употреблять въ свою пользу. Науками ли получаютъ деньги? науками ли наживаютъ деревни? науками ли пріобрѣтаютъ себѣ покровителей? науками ли доставляютъ себѣ въ старости спокойную жизнь? науками ли дѣлаютъ дѣтей своихъ счастливыми? Нѣтъ: такъ къ чему же онѣ годятся? Будь ученый человѣкъ, хотя семи пядей во лбу, да попадись къ намъ въ приказъ, то переучимъ мы его на свой салтыкъ: буде не захочетъ ходить по міру. О науки! науки! безполезная тяжесть! О ученые! ученые! вы то прямые дураки“.

Щеголиха говоритъ: „Какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужасть какъ смѣшны ученые мужчины; а наши сестры ученыя—о! онѣ-то совершенныя дуры. Безпримѣрно, какъ онѣ смѣшны! Не для географіи одарила насъ природа красотою лица; не для математики дано намъ острое и проницательное понятіе; не для исторіи награждены мы плѣняющимъ голосомъ; не для физики вложены въ насъ нѣжныя сердца; для чего же одарены мы сими преимуществами?—чтобы быть обожаемыми. Въ словѣ умѣть нравиться всѣ наши заключаются науки. За науки ли любятъ насъ до безумія? наукамъ ли въ насъ удивляются? науки ли въ

насъ обожаютъ? Нѣтъ, право, нѣтъ. Пусть ученая женщина покажется въ ту бесѣду, въ которой будутъ всѣ наши щеголи, украшающіе собой мужской полъ: пусть она туда покажется: чортъ меня возьми, ежели тамъ съ нею хотя одно слово промолвятъ. А ежели она говорить начнетъ, то всѣ мужчины зѣвать станутъ. Счастлива будетъ она, ежели случится тамъ нѣсколько человѣкъ къ ей подобныхъ: тогда по малой мѣрѣ хотя не умретъ отъ скуки. Но что-жъ она тѣмъ выигрываетъ? Не больше, какъ назовутъ ее ученою женщиною; да и то такіе люди, которыхъ самихъ называютъ педантами — прекрасная побѣда! безпримѣрно какъ славна!.. Ученая женщина! ученая женщина! фуй! какъ это неловко! Напротивъ того, ежели пріѣду я въ такое собраніе, то вмигъ окружатъ меня всѣ мужчины. Станутъ наперерывъ хвалить меня: одинъ удивляется красотѣ моего лица; другой хвалитъ руки; третій—станъ; иной—походку; тотъ—пріятность моего голоса; иной превозноситъ нѣжность моего вкуса въ нарядахъ; словомъ сказать, ни одна изъ бездѣлокъ моихъ даже до булавки не останется, чтобы не была расхвалена. Всѣ кричатъ: вотъ прекрасная, пріятная и любезная женщина; вотъ чудесное произведеніе природы; вотъ совершенное ея сотвореніе: она мила какъ ангелъ! Разумѣется, что всѣ такія слова безъ проводника идутъ къ сердцу. Не успѣю я осмотрѣться, какъ уже найду тысячи обожателей. Одинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ бы быть вѣчно моимъ слугою, лишь бы могъ имѣть счастіе всегда меня видѣть. Какъ это много! безпримѣрно много! Изъ благороднаго человѣка хочетъ сдѣлаться слугою, для того только, чтобы

чаще на меня смотрѣть и удивляться. Другой говоритъ, что онъ оставилъ бы престолъ всего свѣта, лишь бы могъ быть моимъ любимымъ невольникомъ. Ужасная мысль! годится хоть въ трагедію; по счастью, что онъ еще не король, а то бы и въ истину онъ такъ сдурачился. Однакожъ его до такого дурачества не допустили бы. Но какъ исчислить все, что говорятъ учтивые мужчины красавицамъ? Ласкательства ихъ неограниченны, а учтивости безконечны. Слыша это, какъ не восхищаться? какъ за учтивости не платить ласкою? Я такъ и поступаю: съ однимъ поговорю, другаго похвалю, на третьяго брошу взглядъ, поражающій его сердце, и такъ далѣе. Я ни одному ничего не обѣщаю, но однакожъ всѣхъ ихъ къ себѣ привязываю. Ужасть какъ завидно состояніе красавицы, и какъ безпримѣрно жалко ученой женщины! Божусь, что я своего состоянія ни на какое не промѣняю. Какая-жъ нужда мнѣ въ наукахъ?—Право, никакой". Такъ разсуждаетъ Щеголиха. Читатель, скажи, неправильно ли ея разсужденіе?

Молокососъ говоритъ: „Я не хочу тратить времени для наукъ: онѣ мнѣ не нужны. Чины получаю я по милости моего дядюшки, гораздо еще преимущественнѣе передъ тѣми, которые въ наукахъ погубили молодыя свои лѣта. Деньги на мое содержаніе жалуетъ мнѣ батюшка, а когда недостаетъ оныхъ, тогда забираю въ долгъ, и мнѣ вѣрятъ. Начальники мои не только что любятъ меня, но еще стараются угождать мнѣ, дѣлая тѣмъ услугу знатнымъ моимъ родственникамъ. Въ любви счастливъ я и безъ наукъ: всякая красавица за честь себѣ почтетъ быть моею

женою. Куда я ни пріѣду, вездѣ меня ласкаютъ; всѣ хвалятъ, удивляются моей живости, превозносятъ остроту мою; и такъ по всему науки для меня безполезны". Читатель! прибавь отъ себя, какъ Молокососа всѣ внутренно называютъ.

Читатель! съ позволенія твоего, не пора ли оставить разсужденія нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ людей о наукахъ? Кажется мнѣ, что я уже ими довольно тебѣ наскучилъ. Ты ожидаешь чего-нибудь поважнѣе; потерпи, пожалуй, все будетъ: только чуръ не сердиться.)

II.

Отрывокъ путешествія

въ ***

И*** Т***

...По выѣздѣ моемъ изъ сего города, я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ: ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но въ три дня сего путешествія, ничего не нашелъ я похвалы достойнаго. Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною во образѣ крестьянъ. Непахатныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшія задонья хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота, потверждали, сколь велики недостатки

тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны.

Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О, человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ! О, господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками! О, блаженная добродѣтель, любовь къ ближнему! ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня, ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истина перомъ моимъ руководствуетъ!

Деревня Раззоренная поселена на самомъ низкомъ и болотномъ мѣстѣ. Дворовъ около двадцати, стѣсненныхъ одинъ подлѣ другаго, огорожены изсохшими плетнями и покрыты, отъ одного конца до другаго, сплошь соломою. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостью ихъ господина! Избы, или, лучше сказать, бѣдныя развалившіяся хижины, представляютъ взору путешественника оставленное человѣками селеніе. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимнимъ временемъ. При въѣздѣ моемъ въ сіе обиталище плача, я не видалъ ни одного человѣка. День тогда былъ жаркій; я ѣхалъ въ открытой коляскѣ; пыль и жаръ столько обезпокоивали меня дорогою, что я

спѣшилъ войти въ одну изъ сихъ развалившихся хижинъ, дабы нѣсколько успокоиться. Извощикъ мой остановился у воротъ одного бѣднаго дворишка, сказывая, что это былъ лучшій во всей деревнѣ и что хозяинъ онаго зажиточнѣе былъ всѣхъ прочихъ, потому что онъ имѣлъ корову. Мы стучались у воротъ очень долго; но намъ ихъ не отпирали. Собака, на дворѣ привязанная, тихимъ и осиплымъ лаяніемъ, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извошикъ вышелъ изъ тернѣнія, перелѣзъ черезъ ворота и отперъ ихъ. Коляска моя взвезена была на грязный дворъ, намощенный соломою, ежели оною намостить можно грязное и болотное мѣсто; а я вошелъ въ избу растворенными настежь дверями. Заразительный духъ отъ всякой нечистоты, чрезвычайный жаръ и жужжаніе безчисленнаго множества мухъ оттуда меня выгоняли; а вопль трехъ оставленныхъ младенцевъ удерживалъ въ оной. Я спѣшилъ подать помощь симъ несчастнымъ тварямъ. Пришедъ къ лукошкамъ, прицѣпленнымъ веревками къ шестамъ, въ которыхъ лежали безъ всякаго призрѣнія оставленные младенцы, увидѣлъ я, что у одного упалъ сосокъ съ молокомъ; я его поправилъ и онъ успокоился. Другаго нашелъ обернувшагося лицомъ къ подушонкѣ изъ самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчасъ его оборотилъ и увидѣлъ, что безъ скорой помощи лишился бы онъ жизни: ибо онъ не только что посинѣлъ, но и почернѣвъ, былъ уже въ рукахъ смерти; скоро и этотъ успокоился. Подошедъ къ третьему, увидѣлъ, что онъ былъ распеленанъ, множество мухъ покрывали лицо его и тѣло и немилосердно мучили сего ребенка;

солома, на которой онъ лежалъ, также его колола, и онъ произносилъ пронзающій крикъ. Я оказалъ и этому услугу: согналъ всѣхъ мухъ, спеленалъ его другими, хотя нечистыми, но однакожъ сухими пеленками, которыя въ избѣ тогда развѣшаны были; поправилъ солому, которую онъ, барахтаясь, ногами взбилъ: замолчалъ и этотъ. Смотря на сихъ младенцевъ и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: „Жестокосердый тиранъ, отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднее спокойство! посмотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приноситъ ли онъ о томъ жалобы?—нѣтъ: онъ спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ?—необходимо нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третій вопіялъ къ человѣчеству, чтобы его не мучили. Кричите, бѣдныя твари!—сказалъ я, проливая слезы;—произносите жалобы свои! наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ въ младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О солнце, лучами щедротъ своихъ *** озаряющее: призри на сихъ несчастныхъ!“

Оказавъ услугу человѣчеству, я спѣшилъ подать помощь себѣ: тяжкій запахъ въ избѣ столь для меня былъ вреденъ, что я насилу могъ выйти изъ оной. Пришедъ къ своей коляскѣ, упалъ я безъ чувства во оную. Приключившійся мнѣ обморокъ былъ не продолжителенъ; я опомнился, спрашивалъ холодной воды; извощикъ мой ее принесъ изъ колодезя; но я не могъ пить ея по причинѣ худаго запаха. Я требовалъ чистой; но во отвѣтъ услышалъ, что во всей деревнѣ

лучше этой воды нѣтъ, и что всѣ крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помѣщики, сказалъ я, вы никакаго не имѣете попеченія о сохраненіи здоровья своихъ кормильцевъ!

Я спрашивалъ, гдѣ хозяева того дома; извощикъ отвѣтствовалъ, что всѣ крестьяне и крестьянки въ полѣ; прибавя къ тому, что когда былъ я въ избѣ, то выходилъ онъ въ то время за заднія ворота посмотрѣть, не найдетъ ли тамъ кого нибудь изъ крестьянъ; что нашелъ онъ тамъ одного спрятавшагося мальчика, который ему сказалъ, что, увидѣвъ издалека пыль отъ моей коляски, подумали они, что это ѣдетъ ихъ баринъ, и для того отъ страха разбѣжались. „Они скоро придутъ—сказалъ извощикъ;—я ихъ увѣрилъ, что мы проѣзжіе, что ты бояринъ добрый, что ты не дерешься и что ты пожалуешь имъ на лапти. Вскорѣ послѣ того пришли два мальчика и двѣ дѣвочки отъ пяти до семи лѣтъ. Они всѣ были босиками, съ раскрытыми грудями и въ однѣхъ рубашкахъ; и столь были дики и застращены именемъ барина, что боялись подойти къ моей коляскѣ. Извощикъ ихъ подвелъ, приговаривая: „Не бойтесь, онъ васъ не убьетъ: онъ бояринъ добрый; онъ пожалуетъ вамъ на лапти". Робятишки, подведены будучи близко къ моей коляскѣ, вдругъ всѣ побѣжали назадъ, крича: „Ай! ай! ай! берите все, что есть, только не бейте насъ!" Извощикъ, схватя одного изъ нихъ, спрашивалъ, чего они испужались. Мальчишка, тресучись отъ страха, говорилъ: „Да! чего испужались.... ты насъ обманулъ... на этомъ баринѣ красный кафтанъ..... это никакъ нашъ баринъ..... онъ насъ засѣчетъ". Вотъ

плоды жестокости и страха! О вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастія, что подобные вамъ человѣки боятся васъ, какъ дикихъ звѣрей! „Не бойся, другъ мой,—сказалъ я испуженному краснымъ кафтаномъ мальчику;—я не вашъ баринъ: подойди ко мнѣ, я тебѣ дамъ денегъ". Мальчикъ оставилъ страхъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ деньги, поклонился въ ноги и, оборотясь, кричалъ другимъ: „Ступайте сюда, ребята; это не нашъ баринъ; этотъ баринъ добрый: онъ даетъ деньги и не дерется!" Робятишки тотчасъ всѣ ко мнѣ прибѣжали: я далъ каждому по нѣскольку денегъ и по пирожку, которые со мною были. Они всѣ кричали: „У меня деньги! у меня пирогъ!"

Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ путешествія въ ***, получилъ я отъ г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Если бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою націею, то не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать съ этого блюда; потому что оно приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сидящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. И такъ я надѣюсь, что сіе сочиненьице заслужитъ вниманіе людей, истину любящихъ.

III.

Вѣдомости въ С.-Петербургѣ.

Изъ Милионной улицы.

Здѣсь примѣчена великая перемѣна въ продажѣ книгъ. Прежде жаловались, что на россійскомъ языкѣ не было почти никакихъ полезныхъ и ко украшенію разума служащихъ книгъ, а печатались одни только романы и сказки; но однакожъ ихъ покупали очень много. Нынѣ многія наилучшія книги переведены съ разныхъ иностранныхъ языковъ и напечатаны на россійскомъ; но ихъ и въ десятую долю противъ романовъ не покупаютъ. Прежнему великому на романы и сказки расходу причиною было, какъ нѣкоторые сказываютъ, невѣжество; а нынѣшнему малому наилучшимъ книгамъ расходу, полагаютъ причиною великое наше просвѣщеніе. И подлинно, благодаря Бога, мы нынѣ такъ стали разумны, что не только ничему уже не хотимъ учиться, но и за стыдъ почитаемъ упражняться въ наукахъ, а еще и паче во словесныхъ. Что жъ касается до подлинныхъ нашихъ книгъ, то онѣ никогда не были въ модѣ, и совсѣмъ не расходятся; да и кому ихъ покупать? Просвѣщеннымъ нашимъ господчикамъ онѣ не нужны, а невѣжамъ и совсѣмъ не годятся. Кто бы во Франціи повѣрилъ, ежели бы сказали, что „Волшебныхъ Сказокъ" разошлося больше сочиненій Расиновыхъ? А у насъ это сбывается: „Тысяча одной ночи" [6]) продано гораздо больше сочиненій г. Сумарокова. И какой бы лондонскій книгопродавецъ не ужаснулся, услышавъ, что у насъ

двѣсти экземпляровъ напечатанной книги иногда въ десять лѣтъ насилу раскупятся? О времена! о нравы! Ободряйтесь, россійскіе писатели! Сочиненія ваши скоро и совсѣмъ покупать перестанутъ.

Изъ Твери.

Недавно черезъ нашъ городъ проѣхалъ въ Петербургъ какой то славный выдумщикъ. Онъ разсказывалъ намъ о себѣ великія чудеса и показывалъ болѣе ста выдумокъ, имъ сочиненныхъ. Между прочими выхвалялъ онъ болѣе всѣхъ сочиненіе, въ которомъ предлагаетъ способъ для пріохочиванья молодыхъ россійскихъ господчиковъ къ чтенію рускихъ книгъ. Оный въ томъ состоитъ, чтобы рускія книги печатать французскими литерами. Г. Выдумщикъ увѣряетъ, что симъ способомъ можно приманить къ чтенію россійскихъ книгъ всѣхъ щеголей и щеголихъ; да и самыхъ тѣхъ, которые россійскаго языка терпѣть не могутъ. Онъ утверждалъ, что ежели эта его выдумка произведется въ дѣйство, то онъ надѣется отъ сего великаго успѣха: потому что, по его мнѣнію, французскія буквы мягкостію своею очистятъ всю грубость россійскаго языка. Сей великій человѣкъ недолго промѣшкалъ въ нашемъ городѣ и поскакалъ въ Петербургъ.

Недавно пріѣхавшій французъ учредилъ для молодыхъ благородныхъ и мѣщанскихъ дѣтей школу, въ которой преподавать будетъ всѣ въ карточныхъ играхъ употребляемыя хитрости и обманы, въ каждый день отъ 10 пополудни до 5 часовъ пополуночи. Сей

честный и некорыстолюбивый французъ обязуется какъ сему, такъ и другимъ разнымъ къ обогащенію себя средствамъ обучать учениковъ своихъ безъ всякой платы. Но чтобы ученики его больше уважали его наставленія и болѣе бы имѣли прилежанія къ скорѣйшему обученію, то требуетъ онъ только сей бездѣлки, чтобы они играли съ нимъ на чистыя деньги. Впрочемъ онъ клянется французскою своею совѣстью, что въ скорое время учениковъ своихъ приведетъ въ такое состояніе, что они другихъ обучать будутъ. Сей учитель живетъ въ улицѣ Раззореніе, въ домѣ г. Безстыднаго.

IV.

Mon coeur, **Живописецъ!**

Ты, радость, безпримѣрный Авторъ. — По чести говорю, ужесть какъ ты славенъ; читая твои листы, я безподобно утѣшаюсь; какъ все у тебя славно: слогъ растеганъ, мысли прыгающи. — По чести скажу, что твои листы вѣчно меня прельщаютъ: клянусь, что я всегда фельетирую ихъ безъ всякой дистракціи. Да и нельзя не такъ, ты не грустенъ, шутишь славно, и твое перо по бумагѣ бѣгаетъ безподобно. — Ужесть, ужесть, какъ прекрасны твои листы! Но сказать, вокругъ насъ, ты много долженъ мнѣ:—уморитъ ли радость? Вѣдь мнѣніе-то Щеголихино ты у меня подтяпалъ:— Ха! ха! ха!—Клянусь: спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ, они тебѣ скажутъ, что я всегда это говаривала; но это ничего не значитъ. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего

ты ластишь меня тѣмъ, что никакъ со мною не споришь; а особливо когда говорилъ о наукахъ: ты это такъ славно прокричалъ?—чертъ меня возьми!—какъ книга. А при томъ, ты всегда стараешься оказывать намъ учтивости; не такъ какъ нѣкоторый грубіянъ, сочиня комедію, одну изъ подругъ моихъ вытащилъ на театръ. Куда какъ онъ много выигралъ! Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ расхохочутся до смерти; анъ право никто изъ нашихъ сестеръ, и учтивыхъ мущинъ, и не улыбнулся; а смѣялись только... Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. Ужесть, какъ славно онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ Фирлифюшковымъ: совсѣмъ тѣмъ подобные ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи; а его Дремовъ никогда не выведетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я этого Автора, то оттѣнила бы сама его безподобно. Я никакъ на него не сердита: онъ меня никакъ не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я его никакъ не могу терпѣть. Въ первой его Комедіи, я сама до смерти захохоталась, ужесть, какъ славно шпетилъ онъ нашихъ бабушекъ; а эта Комедія такую сдѣлала дистракцію, и такую грусть, что я поклялась никакъ на именины не ѣздить. Правда, ты и самъ зацѣпился: но это шуткою; а за шутки мы никакъ не сердимся: напротивъ того, ты бранишь однихъ только деревенскихъ дураковъ; да и безпримѣрно: ужесть, какъ славно ты ихъ развернулъ, въ 5 листѣ твоего Живописца. Ты уморилъ меня: точь въ точь выказалъ ты дражайшаго моего папахена. Какой это несносный человѣкъ! Ужесть, радость, какъ онъ не-

ловокъ выдѣланъ: какой грубіянъ! Онъ со мною хотѣлъ поступать также, какъ съ мужиками; но я ему показала, что я не такое животное, какъ его крестьяне. То-то были люди! съ матушкою моею онъ обходился по старинѣ. Ласкательства его къ ней были брань, пощечины и палка; но она и подлинно была того достойна: съ эдакимъ звѣремъ жила сорокъ лѣтъ и не умѣла ретироваться въ свѣтъ. Бывало, онъ сдѣлаетъ ей грубость палкою, а она опять въ глаза ему лѣзетъ: безпримѣрные люди! такихъ горячихъ супруговъ и въ романахъ не скоро набѣжишь. Ужесть, какъ славны! Суди, душа моя, поэтому, въ какой была я школѣ: было чему научиться! По счастью скоро выдали меня замужъ: я пріѣхала въ Петербуртъ: подвинулась въ свѣтъ, разняла глаза и выкинула весь тотъ изъ головы вздоръ, который посадили мнѣ мои родители: поправила опрокинутое мое понятіе, научилась говорить, познакомилась со Щеголями и Щеголихами, и сдѣлалась человѣкомъ. Но я никакъ не ушла отъ бѣды: мужъ мой въ умѣ очень развязанъ, да это бы и ничего; чѣмъ глупѣе мужъ, тѣмъ лучше для жены: но вотъ что меня терзаетъ до невозможности; онъ влюбленъ въ меня до дурачества, а къ тому жъ еще и ревнивъ. Фуй! какъ это не ловко: мужъ растрепанъ отъ жены: это, радость, гадко! О еслибъ не помогло мнѣ разумное нынѣшнее обхожденіе, то давно бы я протянулась. Сказать ли, чѣмъ я отвязываюсь отъ этого несноснаго человѣка? Одними обмороками.—Не удивляйся, я тебѣ это растолкую: какъ привяжется онъ ко мнѣ со своими декларась-

іонами и клятвами, что онъ отъ любви ко мнѣ сходитъ съ ума, то я сперва говорю ему: отцѣпись; но онъ никакъ не отстаетъ; послѣ этого резонирую, что стыдно и глупо быть мужу влюблену въ свою жену; но онъ никакъ не вѣритъ: и такъ остается мнѣ одно средство упасть въ обморокъ. Тогда суется онъ по всѣмъ угламъ, старается помогать мнѣ, а я тихонько смѣюсь: ужасно, какъ безпримѣрно много помогаютъ мнѣ обмороки: божусь! тѣмъ только и живу. Шутки прочь, помоги мнѣ: ты знаешь, радость, что отъ этого можно тотчасъ получить ипохондрію. Пожалуй, не задержись съ отвѣтомъ; я на тебя опущаюсь, и буду ожидать его съ безпримѣрнымъ нетерпѣніемъ. Прости, радость!

P. S. Услужи, радость, мнѣ, собери всѣ наши модныя слова, и напечатай ихъ особливою книжкою, подъ именемъ Моднаго Женскаго Словаря: ты многихъ одолжишь, и мы твой журналъ за это будемъ превозносить. Только не умори радость, напечатай его маленькою книжкою, и дай ему видъ; а еще бы лучше, если бы ты напечаталъ его вмѣсто чернилъ какою краскою. Мы бы тебя до смерти захвалили.

V.

Письмо къ Издателю.

Государь мой! Послѣ дѣда моего нашелъ я записки, изъ которыхъ сообщаю къ вамъ маленькую выпись: и если она внесена будетъ въ ваши листы, то продолжу по временамъ присылать; а если не внесете,

то за излишне почитаю далѣе симъ васъ утруждать. Что предаю на ваше благоразсужденіе.

Въ порочныхъ сердцахъ любовь порокомъ обращается; напротивъ того въ добродѣтельныхъ душахъ сія страсть перерождается въ добродѣтель. Человѣкъ, не имѣющій постоянства, счастливымъ надолго быть не можетъ. Скажи дочери своей, чтобъ она научилась быть чистоплотною прежде, нежели примется за щегольство. Не смѣйся пороку ближняго, пока не испытаешь себя, не имѣешь ли самъ его; въ противномъ случаѣ, самъ смѣшонъ будешь. Скажи мнѣ, съ кѣмъ обходишься—я скажу тогда, каковъ ты. Не смѣйся громко при людяхъ, коимъ ты долженъ оказывать почтеніе. Не становись задомъ, молодой человѣкъ, предъ тѣми, кои выше тебя чиномъ, и старѣе тебя лѣтами. Имѣй къ людямъ уваженіе, если уважаемъ быть хочешь. Не пропускай мимо ушей правилъ, по коимъ устроить можешь свое поведеніе, но размышляй объ нихъ; авось либо и тебѣ они пригодятся. Что ни предпримешь, старайся достигнуть въ томъ до нѣкотораго искусства по крайней мѣрѣ. Праздность мать всѣмъ порокамъ. Скука—первородная дочь праздности. Лѣность, трусость и нерѣшимость ни къ чему въ свѣтѣ не годятся. Храбрость, терпѣніе и великодушіе все въ свѣтѣ преодолѣваютъ. Ложь всякая оказываетъ подлость души лгуна. Не толкуй въ худую сторону словъ беззлобныхъ. Не толкуй сыну о родѣ его; говори ему о добродѣтеляхъ, безъ которыхъ унизитъ онъ свое рожденіе. Молодой человѣкъ, не слушающійся своихъ начальниковъ, никогда не научится повелѣвать съ разумомъ. Гдѣ точ-

ности нѣтъ, тутъ нѣтъ и исполненія. Жалка подъ старость всякая красавица, которая вѣкъ свой ни о чемъ иномъ не размышляла, какъ о красотѣ своей; сія подруга обманчива; другъ ее покинетъ; свѣтъ ей покажется пустъ тогда; она была самдругъ, а останется одна съ пустою головою передъ зеркаломъ, въ которомъ уже отрады нѣтъ: грустно. Не принимай съ сердцемъ, что въ шутки говорено. Самая лучшая участь для женщины есть честь. Если женщина желаетъ быть въ почтеніи, то должна она умѣрять свои желанія, любить своихъ родителей, и жить въ добромъ согласіи съ мужемъ и его роднею. Чѣмъ болѣе споришь съ дуракомъ, тѣмъ болѣе открываешь его дурачество. Если ты невиненъ, то защищай смѣло свою невинность. Если ты виноватъ, то винись скорѣе: упрямствомъ умножишь и вины и бѣды. Чѣмъ богатѣе за женою приданое берешь, тѣмъ болѣе увеличиваешь иго свое. Чтобъ дѣла твои шли съ успѣхомъ, надобно, чтобъ ты объ нихъ свѣдомъ былъ. Тотъ, кто въ праздникъ все пропьетъ, долженъ на завтра поститься. Человѣкъ никогда лучше, какъ по потерѣ, не узнаетъ цѣны того, что онъ имѣлъ. Если не хочешь, чтобъ пороки твои пересчитываны были, то не заставь никого ждать себя: тѣ, кои ждутъ, всегда перебираютъ пороки тѣхъ, коихъ долго ожидаютъ.

VI.

Англійская Прогулка.

Прогуливаясь третьяго дни по берегу, встрѣтился я съ однимъ изъ тѣхъ почтенныхъ человѣковъ, кото-

рые превосходительство поставляютъ не въ пышности названія, но въ добротѣ сердца. Сей господинъ, съ обыкновенною своею учтивостью и ласкою, свойственною только добродѣтельнымъ людямъ, подошедъ, поздравлялъ меня съ хорошимъ успѣхомъ „Живописцовыхъ“ листовъ, увѣряя при томъ, что они заслужили благоволеніе многихъ почтенныхъ особъ. Я началъ было благодарить его за сіе для меня пріятное извѣстіе, но онъ, прервавъ мои слова, спрашивалъ, для чего я не издаю продолженія путешествія И*** Т.*** „Безъ сомнѣнія дошли до васъ, говорилъ онъ, толки, симъ листочкомъ произведенные: но вы не должны о томъ безпокоиться. Правда, что многіе наши братья-дворяне пятымъ вашимъ листомъ недовольны, однакожъ вѣдайте и то, что многіе за оный же листъ и похваляютъ васъ. На всѣхъ никто угодить не можетъ, такъ старайтесь по крайней мѣрѣ угождать тѣмъ, которые въ своихъ требованіяхъ справедливѣе другихъ. Впрочемъ я совсѣмъ не понимаю, продолжалъ онъ, почему нѣкоторые думаютъ, что будто сей листокъ огорчаетъ цѣлый дворянскій корпусъ. Тутъ описанъ помѣщикъ, не имѣющій ни здраваго разсужденія, ни любви къ человѣчеству, ни сожалѣнія къ подобнымъ себѣ; и слѣдовательно описанъ дворянинъ, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющій *) . . . . . Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе зло-

*) Тутъ слѣдовали многія другія упреканія, относящіяся къ худымъ помѣщикамъ, но я ихъ исключилъ, опасаясь навлечь на себя сугубое негодованіе.

употребленіе не достойно осмѣянія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству? Пусть вникнутъ въ сіе здравымъ разсужденіемъ: тогда увидятъ, отчего остановляются и приходятъ въ недоимку государственные поборы? Отчего происходитъ то, что крестьяне наши бываютъ бѣдны? Отчего у худыхъ помѣщиковъ и у крестьянъ ихъ частые бываютъ неурожаи хлѣба? *).

. . . . . .

„Не все ли сіе проистекаетъ отъ употребленія во зло преимущества дворянскаго? Когда жъ неустроенію сему причиною худые дворяне, то не достойны ли они справедливаго порицанія? Пусть скажутъ господа критики, кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ, я еще важнѣе скажу, кто дѣлаетъ стыдъ человѣчеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющіе, или ваша на нихъ сатира? И такъ вѣрьте, примолвилъ онъ, что такія ваши сатиры не только что не огорчаютъ дворянъ, украшенныхъ добродѣтелью и знающихъ человѣчество, но паче еще и превозносятъ ихъ. Правда, что въ числѣ вашихъ критиковъ были и такіе, которые порицали васъ, будучи побуждаемы слѣпымъ пристрастіемъ ко преимуществу дворянскому: но коль чудно и странно сіе пристрастіе! Какъ? Защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они, и всѣ честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются?.... Я знаю еще недовольныхъ вашимъ листкомъ; но неудовольствіе сихъ людей достойно того, чтобы вы имѣли къ нимъ почтеніе: ибо они, не вѣ-

*) Я и тутъ многое выключилъ для сказанныхъ мною причинъ въ первомъ примѣчаніи.

дая вашей цѣли, никакого не могли по началу сдѣлать правильнаго заключенія; и потому изъ любви ко ближнему болѣе сожалѣли, нежели охуждали, что вы не съ той стороны принялися за сію сатиру. Напротивъ того, бранили васъ надменные дворянствомъ люди, которые думаютъ, что дворяне ничего не дѣлаютъ неблагороднаго, что подлости одной свойственно утопать въ порокахъ; и что, наконецъ, хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и человѣчество, однакожъ, будто они, яко благорожденные люди, отъ порицанія всегда должны быть свободны. Сіи гордые люди утверждаютъ, что будто точно сказано о крестьянахъ: „накажу ихъ жезломъ беззаконія". И подлинно они часто наказываютъ беззаконіемъ.

„Мы привыкли, продолжалъ онъ, перенимать съ жадностію все отъ иностранныхъ, но по несчастію нашему по часту перенимаемъ только пороки ихъ; напримѣръ, когда были у насъ въ модѣ французы, то отъ обхожденія съ ними остались у насъ легковѣрность, непостоянство, вертопрашество, вольность въ обхожденіи, превосходящая границы, благоразуміемъ учрежденныя, и многіе другіе пороки. Французовъ смѣнили англичане: нынѣ женщины и мущины взапуски стараются перенимать что нибудь отъ англичанъ: все англійское кажется намъ теперь хорошо, прелестно, и все насъ восхищаетъ. И мы по счастію столь пристрастны къ чужестранному, что и самые пороки ихъ нерѣдко почитаемъ добродѣтелью. Французскую наглость называли мы благородною вольностью, а нынѣ англійскую грубость именуемъ благородною великостью духа. Я говорю это, продолжалъ онъ, не въ поношеніе обо-

ихъ сихъ народовъ: ибо всякъ вѣдаетъ, что французы и англичане весьма много имѣютъ добраго; но говорю единственно въ доказательство пристрастнаго нашего къ иностраннымъ порокамъ прилѣпленія. Кто захочетъ въ истинѣ сего мнѣнія удостовѣриться, тотъ пусть поогляди́тся; я увѣренъ, что онъ много найдетъ сему подобнаго . . . . . .

. . . . . .

Нѣкоторые изъ насъ удивлялися шатавшимся провинціальнымъ англійскимъ актерамъ, а своихъ имѣемъ, которые равняются съ наилучшими англійскими актерами и актрисами, но однакожъ они намъ не удивительны, потому что они русскіе".

VII.

Продолженіе

Отрывка Путешествія.

въ ***

И*** Т***

(См. стран. 9-ю).

Между тѣмъ, солнце, совершивъ свое теченіе, погружалось въ бездну водъ, дневной жаръ перемѣнялся въ прохладность, птицы согласнымъ своимъ пѣніемъ начали воспѣвать пріятность ночи, а сама природа призывала всѣхъ отъ трудовъ къ покою. Между тѣмъ богачи, любимцы Плутовы [7]), препроводя весь день въ веселіи и пированіяхъ, къ новымъ приготов-

ляются увеселеніямъ. Люди праздные, скучающіе драгоцѣнностію времени, потерявъ сей день безполезно, возвращались на ложе свое спокойными, и радовались, что одинъ день убавился изъ ихъ вѣка. Худой судья и негодный подъячій веселились, что въ минувшій день сдѣлали прибытокъ своему карману, и пролили новые источники невинныхъ слезъ. Щеголи и щеголихи, препроводя весь день въ нарядахъ, скакали на берегъ *) для свиданія. Устарѣлыя щеголихи воспаляли великое число восковыхъ свѣчъ и, устроя лице свое различными хитростями, торжествовали восхожденіе луны, своей благотворительницы, которая блѣднымъ своимъ свѣтомъ оживляла увядшія ихъ прелести. Игроки собирались къ всенощному бдѣнію за карточными столами, и тамъ теряя честь, совѣсть и любовь къ ближнему, приготовлялись обманывать и раззорять богатыхъ простячковъ всякими непозволенными способами. Другіе игроки везли съ собою въ карманѣ труды и потъ своихъ крестьянъ цѣлаго года и готовились поставить на карту. Купецъ веселился, считая прибытокъ того дня, полученный имъ на совѣсть, и радовался, что на дешевый товаръ много получилъ барыша. Врачъ благодарилъ Бога, что въ этотъ день много было больныхъ, и радовался, что отправленный имъ на тотъ свѣтъ покойникъ былъ весьма молчаливый человѣкъ. Стряпчій доволенъ былъ, что въ минувшій день умѣлъ раззорить зажиточнаго человѣка и придумать новыя плутовства для раззоренія другихъ по законамъ. А крестьяне, мои хозяева, возвращались съ

*) Надобно думать, что это путешествіе писано въ то время, когда прогуливаніе по берегу было въ модѣ.

поля въ пыли, въ потѣ, измучены, и радовались, что для прихотей одного человѣка всѣ они въ прошедшій день много сработали.

Вошедъ на дворъ и увидѣвъ меня въ коляскѣ, всѣ они поклонились въ землю, а старшій изъ нихъ говоритъ; „Не прогнѣвайся, господинъ добрый, что насъ никого не прилучилося дома. Мы всѣ, родимый, были въ полѣ; Царь Небесный далъ намъ вёдро, и мы торопимся убрать жниво, покуда дожди не захватили. По сей день Господень все-таки у насъ, родимый, погода стоитъ добрая, и мы почти со всѣмъ господскимъ хлѣбомъ управились: авось таки милостивый Спасъ подержитъ надъ нами свою руку и дастъ намъ еще хорошую погоду, такъ мы и со своимъ хлѣбишкомъ управимся. У нашего боярина такое, родимый, повѣрье, что какъ поспѣетъ хлѣбъ, такъ сперва всегда его боярскій убираемъ; а съ своимъ то де, изволитъ баять, вы поскорѣе уберетесь. Ну, а ты разсуди, кормилецъ, вѣдь мы себѣ не лиходѣи: мы бы и рады убрать, да какъ захватятъ дожди, такъ хлѣбъ-отъ нашъ и пропадетъ. Дай ему Богъ здоровье! Мы на Бога надѣемся: Богъ и государь до насъ милостивы, а кабы да Григорій Терентьевичъ также насъ миловалъ, такъ мы бы жили какъ въ раю.“—Подите, друзья мои,—сказалъ я имъ,—отдыхайте: завтра воскресенье, а вы, конечно, на работу не пойдете, такъ мы поговоримъ побольше.—„И! родимый!—сказалъ крестьянинъ,—какъ не работать въ воскресенье! Помолясь Богу, не что же дѣлать намъ, какъ не за работу приниматься; кабы да по всѣмъ праздникамъ нашему брату гулять, такъ некогда бы и работать было.

Вѣдь мы, родимый, не господа, чтобы и намъ гулять; полно того, что и они гуляютъ". Послѣ чего крестьяне пошли, а я остался въ своей коляскѣ и, разсуждая о ихъ состояніи, столь углубился въ размышленія, что не могъ заснуть прежде двухъ часовъ пополуночи.

На другой день, поговоря съ хозяиномъ, я отправился въ свой путь, горя нетерпѣливостью увидѣть жителей благополучной деревни: хозяинъ мой столько насказалъ мнѣ добраго о помѣщикѣ той деревни, что я напередъ уже возымѣлъ къ нему почтеніе и чувствовалъ удовольствіе, что увижу крестьянъ благополучныхъ.

VIII.

Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну.

Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу отъ отца твоего Трифона Панкратьевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестрицы твоей Варюшки низкій поклонъ и великое челобитіе.

Пиши къ намъ про свое здоровье: таки такъ ли ты поживаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцовъ, которыми я тебя благословилъ? Береги ихъ; вѣдь это не шутка: меня ими благословилъ покойникъ дѣдушка, а его—отецъ духовный, Ильинскій батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанію ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ, и кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда привезъ этотъ канунникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его—возомъ муки, двумя тушами свиными, да стягомъ говяжьимъ. Не тѣмъ-то покойникъ,

свѣтъ, будь помянутъ! Онъ ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкины-то, свѣтъ, грѣхи дорогоньки становились. Кабы онъ покойникъ поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ. Домъ его былъ, какъ полная чаша, да и тутъ процѣдила. Вѣдь и нашъ батька Иванъ: кабы да я не таковъ былъ, такъ онъ бы готовъ хоть кожу содрать: то-то поповскіе завидливые глаза: прости Господи мое согрѣшеніе! А ты, Ѳалалеюшка, съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна... Какъ отпоетъ молебенъ, такъ можно ему поднести чарку вина, да дать ему шесть денегъ, такъ онъ и доволенъ. Чего-жъ ему больше: прости Господи, вѣдь не рожна? Да полно нынче и винцо то въ сапогахъ ходитъ: экое времячко; вотъ до чего дожили, что и вина своего нельзя привезть въ городъ; пей де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! А говорятъ, что все хорошо дѣлаютъ; поэтому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. Да что ужъ и говорить, житье то наше дворянское нынѣче стало очень худенько. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ ли это слухалъ, прости Господи, какая вольность! Дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать; нельзя у сосѣда и земли отнять: въ старину то было намъ больше вольности, бывало, отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ, да проси, такъ еще десять полей потеряетъ; а вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову: то-то была

воля-то! Нынче и денегъ отдавать въ проценты нельзя: больше шести рублей брать не велятъ, а бывало, такъ брали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нѣтъ-ста, кто что не говори, а старая воля лучшей новой. Нынче только и воли, что можно вытить изъ службы, да поѣхать за море; а не слыхать, что тамъ дѣлать: хлѣба-тъ мы и здѣсь ѣдимъ, да таковожъ живемъ. А изъ службы тогда хоть и не вольно было вытить, такъ были на это лѣкари: отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судьѣ другого, такъ и отставятъ за болѣзнями. Да ужъ бывало, какъ пріѣдешь въ деревню-та, такъ это наверстаешь: былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. То-то было житье: ты, Ѳалалеюшка, не запомнишь этого. Сестра твоя Варя посажена за грамоту; батько Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ея именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ: пора, другъ мой, и объ этомъ подумать; вѣдь ужъ скоро и женихи станутъ свататься; а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя. Отпиши, Ѳалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, что великія затѣи. Колокольню строятъ, и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго; статошное ли это дѣло? То дѣлалось по благословенію патріаршему, а имъ какъ это сдѣлать! Вѣра-та тогда была покрѣпче: во всемъ, другъ мой, надѣялись на Бога, а нонче, она пошатнулась, по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать: а все это проклятая некрестъ дѣлаетъ: отъ нѣмцевъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть въ адѣ. Пожалуйста, Ѳалалеюшка, не погуби себя, не заводи съ ними знакомства: про-

вались они, проклятые! Нынче и за море ѣздить не запрещаютъ, а въ Кормчей Книгѣ [8]) положено за это проклятіе. Нынче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать, да проценты выше указныхъ. Это имъ пуще пересола; а объ этомъ въ Кормчей Книгѣ ничего и не написано: на моей душѣ проклятія не будетъ: я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями. Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери, такъ отчего же и разбогатѣть? Вѣдь не всякому Богъ дастъ кладъ; а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ немного прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да что ты изволишь сдѣлать: пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ? Сѣку ихъ нещадно, а все прибыли нѣтъ, годъ отъ году все больше мужики нищаютъ: Господь на насъ прогнѣвался; право, Ѳалалеюшка, и ума не приложу, что съ ними дѣлать. Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ Брюжжаловъ и привезъ съ собою какіе-та печатные листочки, и, будучи у меня, читалъ ихъ. Что это у васъ, Ѳалалеюшка, дѣлается, никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? Чего они смотрятъ? Да я бы ему, проклятому, и ребра живаго не оставилъ. Что за живописецъ такой у васъ появился! какой нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами, а того, проклятый, и не знаетъ, что въ старину тираны бывали не крещеные, и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети-Минеи [9]); а наши мужики вѣдь не святые: какже намъ быть тиранами? Нынѣче же это

и ремесло не въ модѣ: скорѣе въ воеводы добьешься... Да полно, это не наше дѣло. Изволитъ умничать, что мужики бѣдны. Эдакая бѣда: неужто хочетъ онъ, чтобы мужики богатѣли, а мы бы, дворяне, скудѣли? Да этого и Господь не приказалъ: кому нибудь одному богатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину: вѣдь не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. И во Святомъ Писаніи сказано: „Другъ другу тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ:“ они на насъ работаютъ, а мы ихъ сѣчемъ, ежели станутъ лѣниться; такъ мы и равны — да на что они крестьяне; его такое и дѣло, что работай безъ отдыху. Дайка имъ волю, такъ они и не вѣсть что затѣютъ. Вотъ те на, до чего дожили! Только я на это смотрѣть не буду; ври себѣ онъ, что хочетъ, а я знаю, что съ мужиками дѣлать *) . . . . . .

. . . . . .

О коли бы онъ здѣсь былъ! то-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ какъ въ мѣшкѣ. Что и говорить, дали волю: тутъ, не бось не видятъ, а знатные господа молчатъ; кабы я былъ большимъ бояриномъ, такъ управилъ бы его въ Сибирь. Эдакіе люди за себя не вступятся! Вѣдь и бояре съ мужиками-та своими поступаютъ не понѣмецки, а все-таки также порусски. И ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ. Да что ужъ и говорить! И они свихнулись. Не далеко отъ меня деревня Григорія Григорьевича Орлова; такъ знаешь ли, почему онъ съ нихъ беретъ? стыдно и сказать: по полтора рубли съ

*) Я нѣчто выключилъ изъ сего письма: такія мнѣнія оскорбляютъ человѣчество.

души, а угодьевъ-то сколько! И мужики какіе богатые! Живутъ себѣ, да и гадки не маютъ, богатѣе иного дворянина; ну, а ты разсуди самъ, что отъ этого прибыли, что мужики богаты; кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ бы это получше было: эдакій умъ! То-то, Ѳалалеюшка, не къ рукамъ эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ міръ еще не пустилъ; только что мужиковъ балуютъ. Эхъ! перевелись-ста старые наши большіе бояре! То-то были люди: не только что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, какъ сыръ въ маслѣ катались: и царское, и дворянское, и купеческое, все было ихъ; у всѣхъ, кромѣ Бога, отнимали... А нынѣшніе господа что за люди! И себѣ добра не хотятъ. Что ужъ и говорить: все пошло на нѣмецкій манеръ. Нутка, Ѳалалеюшка, вздумай да взгадай, да поди въ отставку: полно, другъ мой, вѣдь ты уже послужилъ, лбомъ стѣну не проломишь; а коли не то, то хоть въ отпускъ пріѣзжай. Скосырь твой живъ и Налетка; мать твоя бережетъ ихъ пуще своего глаза; намнясь, Налетку укусила было бѣшеная собака; да спасибо, скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно, и было за это людямъ. Сидоровна твоя всѣмъ кожу спустила: то-то проказница; я за то ее и люблю, что ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣлаетъ, перемѣнъ двѣнадцать подадутъ: попроситъ, небось, воды со льдомъ; да это нѣтъ ничего, лучше смотрятъ. Засимъ писавый кланяюсь. Отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

IX.

Слѣдствія худого воспитанія.

Отецъ мой дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простого нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія, и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались, или бы людей на конюшнѣ плетьми не сѣкли. Я, будучи въ домѣ ихъ воспитыванъ и имѣя вседневно въ глазахъ таковые поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возымѣлъ къ онымъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно, ибо я въ скорое время къ удивленію всѣхъ домашнихъ уже совершенно выражалъ всѣ тѣ бранныя слова, которыя, бывало, отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже я въ томъ и родителей своихъ превосходилъ; хотя, правда, они въ семъ искуствѣ гораздо не плохи были: ибо одинъ разъ батюшка за недоимку 35 душъ. . . . . а матушка, еще и того болѣе безчеловѣчнымъ наказаніемъ на . . . . какъ узнала, что нѣкто изъ крестьянъ перешибъ ногу любезной ея собачкѣ. Отецъ мой хотя, правда, былъ не далекаго разума, однако разбиралъ по немногу Четьи-Минеи и другія церковныя книги: матушка же моя на смерть тѣхъ книгъ не любила, потому что

она дѣвицею воспитана въ городѣ; да рѣдко имѣла досугъ читать и французскія, потому что вседневно ходила слушать очистки крестьянъ, во что ужъ батюшка мой никогда и не мѣшался, а только лишь бывало по приговору матушки сѣчетъ крестьянъ. А какъ я уже приходилъ лѣтъ подъ десятокъ, и батюшка мой началъ преподавать мнѣ первыя начала россійской грамоты, то матушка, любя меня чрезмѣрно и опасаясь, чтобъ отъ такого упражненія голова у меня не разломилась, или бы по времени не повредился я умомъ, всегда меня отъ книги отрывала и не разъ за то бранивала батюшку, что онъ меня къ тому неволитъ. Книга, если правду сказать, мнѣ и самому въ то время гораздо несносною казалась, и я, не примѣтя еще хорошо, почему отличать А отъ Д, столько оную вымаралъ, что батюшка мой и самъ по часту не распознавалъ буквъ, которыя зналъ ли полно онъ и самъ твердо, я сомнѣваюсь, ибо онъ, какъ я примѣтилъ, называлъ одну букву тремя званіями; но до того мнѣ нужды мало.

Отъ праздности, въ которой я всѣ дорогіе своей жизни часы препроводилъ и которая по несмышленности мнѣ пріятною казалась, произошли всѣ мерзости исполненныя дѣла, а вольность сдѣлала меня отважнымъ и наглымъ на всѣ предпріятія. Я спознался съ сыномъ одного помѣщика, неподалеку отъ нашей деревни живущаго, который воспитанъ былъ не лучше моего, и дѣтина на всѣ руки. Покрытый сѣдинами его отецъ ожидалъ съ часа на часъ смерти, яко убѣжища своего, и все предалъ свое сокровище въ руки своего сына, котораго, хотя былъ онъ еще несовер-

шенныхъ лѣтъ, вся деревня трепетала. Отъ частаго съ нимъ обхожденія научился я просиживать цѣлыя ночи весьма скоро въ игрѣ, въ пьянствѣ и въ другихъ непостоянныхъ забавахъ преходящія, и былъ уже совершеннаго знанія во всѣхъ карточныхъ играхъ къ погибели своего дома. Отецъ мой, разгнѣвавшись на меня за таковые мои поступки, выгналъ меня изъ дома и лишилъ законнаго наслѣдства, а я, не имѣя средства, чѣмъ себя пропитать, вдался во всякія неприличныя моему роду дѣла и тѣмъ доставлялъ себѣ бѣдное пропитаніе. Наконецъ несносныя бѣдствія и оставшаяся во мнѣ еще искра стыда и совѣсти начали исправлять мои поступки, и я вступилъ въ военную службу, гдѣ нужда еще больше того меня поправила, почему нынѣ я живу спокоенъ, со всегдашнимъ сожалѣніемъ о участи тѣхъ бѣдныхъ, которые имѣютъ подобное моему отъ родителей или наставниковъ своихъ воспитаніе.

Г. несчастный Е***, поступки отца вашего и матери, такъ какъ и ваша въ разсужденіи родителей неблагодарность, достойны справедливаго порицанія; но вы всѣ уже довольно наказаны. Отцы и матери! казнитеся симъ примѣромъ; воспитывайте дѣтей своихъ со тщаніемъ, если не хотите опослѣ быть ими презираемы.

X.

Господинъ Живописецъ!

Что мнѣ дѣлать? Хочется писать, да не знаю, за что приняться: кажется мнѣ, что могъ бы я написать

все, но однакожъ по сіе время не написалъ еще ничего. Не подумайте жъ, что я не имѣю способностей къ писанію: напротивъ я ихъ имѣю; но это происходитъ отъ того, что я весьма разборчивъ и чувствителенъ къ моей славѣ. Стиховъ я не пишу для того, что русскій языкъ не способенъ къ стихотворству: я бы писалъ ихъ на французскомъ языкѣ, но по несчастію Вольтеръ, Расинъ, и многіе другіе писатели родились прежде; а какъ дарованія свои и способности вѣшу я всегда на вѣсахъ безпристрастія, то и увидѣлъ, что превзойти сихъ писателей я не могу; а равенства я не потерплю ни въ чемъ. Что дѣлать, когда я такъ поздно въ свѣтъ родился! Ради сего хочу писать по русски прозою, но только еще не рѣшился, въ какомъ родѣ сочиненій мнѣ упражняться. Писать сатиры, по моему чину, низко; писать любовныя сочиненія поздно, по моимъ лѣтамъ; къ трагедіи я не имѣю склонности, оперы мнѣ не нравятся; пастушескихъ сочиненій [10]) я не люблю; для поэмы я по сіе время не избралъ еще хорошаго содержанія; и такъ остается мнѣ писать комедіи.—Но могу ли я писать ихъ, и чего мнѣ ожидать? Всѣ похвалы, которыя бы по справедливости, принадлежали только мнѣ одному, давно уже истощены, не знаю какому-то сочинителю комедій: О Время, Именинъ, Вѣстниковой [11]) сносно ли это! Я бѣшусь и прихожу во отчаяніе! Вотъ, сударь, до чего мы дожили: вотъ какой вкусъ въ комедіяхъ утверждается: русскій, русскій—какая глупость! французскій театръ постарѣе нашего, такъ намъ ли принятое ими перемѣнять? и можетъ ли русскій человѣкъ, не закраснѣвшись, осмѣлиться подумать,

что онъ можетъ въ чемъ нибудь поровняться со французомъ? О вы, изъ русскихъ чиновныхъ дворянъ обожающіе французовъ, ежели вы впрочемъ и глупы, однакожъ вы достойны великаго почтенія за то одно, что вы удивляетесь французамъ. Впрочемъ я имѣю средства отомстить и тебѣ, и всѣмъ хвалителямъ комедіи О Время: вѣдайте, что я напишу комедію на сего автора и на всѣхъ васъ, и ежели ее здѣсь не представятъ и не напечатаютъ, тогда переведу ее на французскій языкъ, пошлю на парижскій театръ: пусть ее тамъ представятъ; а ежели имъ угодно будетъ, такъ хоть и напечатаютъ. Симъ средствомъ я отомщу обиженную мою честь; а ежели и сего не удастся мнѣ сдѣлать, такъ по крайней мѣрѣ пропущу здѣсь въ городѣ слухъ, будто въ Парижѣ сочинена комедія на одного здѣшняго боярина, котораго я не могу терпѣть, и будто ее представляютъ на Бульварѣ. [12]) Берегитесь моего мщенія, и знайте, что ежели я за что примусь, такъ уже конечно сдѣлаю. Прощай, отвѣта ко мнѣ не пиши, я его читать не буду.

XI.

Второе письмо къ Ѳалалею.

(См. стр. 31).

Такъ-то ты почитаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? Тому ли я тебя, проклятаго, училъ, и того ли отъ тебя надѣялся, чтобы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ, окаянному, въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать. Погубилъ ты, су-

постатъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханое ли это дѣло, чтобы дѣти надъ отцами своими такъ ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ? Меня Богъ и государь тѣмъ пожаловали: я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно, что ты это позабылъ! Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за это положено только церковное покаяніе. Эй сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки: вѣдь недалеко великій постъ, попоститься мнѣ немудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать. Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, по просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ бы я далъ тебѣ знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вѣдь ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ не жди никакой пощады; я не Сидоровнѣ чета; у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишь бы только мнѣ до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, это бы свое дѣло; а то вѣдь ты знаешь, что нынче время военное; неровно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копѣйку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не плошись; уберись-ка въ сторонку, такъ это здоровѣе будетъ. Поди въ отставку, да пріѣзжай домой: ѣшь до сыта, спи, сколько хочешь,

а дѣла за тобой никакого не будетъ. Чего тебѣ лучше этого? За честью, свѣтъ, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть! Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты за то поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частехонько поохиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышутъ: у кого руки перестрѣляны, у кого ноги, у иного голова; такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка неубогая, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка; у нея ни синій порохъ даромъ не пропадетъ, такую-то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой: тебѣ будетъ чѣмъ жить, опричь невѣстина приданаго, я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣдь это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумна: то-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить. Со всемъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Ѳалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай. Да полно, что тебя учить, ты вѣдь уже не малый робенокъ, пора своимъ умкомъ жить. Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригоднѣе. Да и дядя твой Ермолай, чуть тако не то-же ли тебѣ совѣтуетъ; онъ хотѣлъ писать къ тебѣ съ тѣмъ же ѣздокомъ. Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя

подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ, бывало, ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ съ молоду! Какъ, бывало, примешься пороть людей, такъ пойдетъ крикъ такой и хлопанье, какъ будто за уголовье въ застѣнкѣ сѣкутъ: таки, бывало, животики надорвемъ со смѣха. Молись, другъ мой, Богу! ума у тебя довольно: можно вѣкъ прожить. Не испугайся, Ѳалалеюшка: у насъ нездорово, мать твоя, Акулина Сидоровна, лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ особоровалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: Налетку твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она, голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту божьева не взвидѣла: такъ и повалилась! А послѣ какъ опомнилась, то пошла это дѣло разыскивать; и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла, и повалилась на постелю; да ктому же выпила студеной воды цѣлый жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. [13]) Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! на ладонъ дышетъ: я того и жду, какъ сошлетъ Богъ по душу. Знать, что, Ѳалалеюшко, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ Налеткою; и она не лучше матери. Тебѣ, другъ мой, все таки легче моего: Налеткины щенята, слава Богу! живы: авось таки которой нибудь удастся, по матери; а мнѣ ужъ эдакой жены не нажить! Охти мнѣ, пропала моя головушка! гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай, да женись, такъ хоть бы тѣмъ я порадовался, что у меня была бы невѣстка.

Тошно, Ѳалалеюшко, съ женою разставаться: я было ужъ къ ней привыкъ, тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ: какъ у печки погрѣлся! Виноватъ я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку; ну, да какъ безъ этого: живучи столько вмѣстѣ, и горшокъ съ горшкомъ столкнется; какъ безъ того! я крутъ больно, а она неуступчива, такъ, бывало, хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись сынокъ, какъ жить съ женою; мы хоть и дирались съ нею, да все таки живемъ вмѣстѣ; и мнѣ ее теперь право жаль. Худо, другъ мой, и ворожеи не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

XII.

Письмо къ Ѳалалею отъ дяди.

Любезному племяннику моему, Ѳалалею Трифоновичу, отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкій поклонъ и великое челобитье; и при семъ желаю тебѣ многолѣтнаго здравія и всякаго благополучія на множество лѣтъ, отъ Адама и до сего дне.

Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпускъ сего письма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; такожъ и отецъ твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать больно трудна: что подымешь, то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нея руки

и ноги, а теперь, чай, ужъ и не говоритъ; и при мнѣ-та такъ ужъ черезъ мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоимъ Ангеломъ, да Фарсульской Богородицей, а меня Неопалимой. Ну, братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не тароватѣе стала! Оставила на поминъ душѣ такой образъ, что и полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! У меня образовъ-та и своихъ есть сотня мѣста, да не эдакихъ; какъ жаръ вызолочены. А эта, братъ, Неопалима, подлинно что не опалитъ, и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спасибо за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась; хоть и умретъ, такъ ужъ по христіански. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Ѳалалеюшка, кабы не я, такъ бы развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужъ я ей говорилъ: „эй, Сидоровна, исповѣдайся: вѣдь уже ты въ гробъ глядишь; такъ нѣтъ-ста, насилу пробили“. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужъ за то въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать, что у нея многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили и ворожей: ничего, спасибо твоему отцу, не поскупился; да ничего не помогли. А послѣ исповѣди привели было еще одного, да ужъ и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Ѳалалеюшка, такъ будетъ притоманно живъ, а кому умереть, тому и ворожеи не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ. Аще ежели Ему угодно будетъ прекратить дни ея, то пріѣзжай погребсти грѣшное тѣло ея. Да и кромѣ того, намъ до тебя есть дѣло. Ну, Ѳалалеюшка! вѣдь матушка твоя скончалась; поминай, какъ звали. Я только теперь

получилъ объ этомъ извѣстіе: отецъ твой, сказываютъ, воетъ, какъ корова. У насъ всегда бываетъ такъ: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее, какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ, какъ будто по любимой лошади. Пріѣзжай, другъ мой, Ѳалалеюшка, пріѣзжай, Бога ради, поскорѣе, хоть не на долго, а буде можно—такъ и вовсе. Ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе Петербургскаго. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, наприкладъ, въ экономическіе казначеи, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда нибудь къ подряднымъ, либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удалось побыть, такъ всѣ, Богъ съ ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и въ каменныхъ палатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни и по двѣ-три. Не въ проносъ сказать о нашемъ Авдулѣ Еремѣевичѣ: хотя онъ недолго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ замужъ. За одной, я слышалъ, чистыми денежками десять тысячъ далъ, да деревню тысячъ въ пять. А не совсѣмъ таки разорился: Богъ съ нимъ, про себя еще осталось. А кабы да его не не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ эту пору опредѣлились. Не житье имъ, масляница. Я бы-ста и самъ непобрезгывалъ пойти въ эдакіе управители. Перепало бы кое-что и мнѣ въ карманъ: кресты да

перстни, все тѣ-же деньги, только умѣй концы хоронить. Я и понынѣ еще все старенькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? кто передъ царемъ не виноватъ? не нами свѣтъ начался, не нами и оканчается. Что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется. Лишь только подѣлись, Ѳалалеюшка, такъ и концы въ воду. Неужто всѣхъ станутъ вѣшать? въ чемъ кто попадется, тотъ тѣмъ и спасется. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ! Я и самъ попался было однажды подъ судъ; однако дѣло-то пошло иною дорогою, и я очистился, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Но кабы ты самъ сюда пріѣхалъ, такъ мы бы обо всемъ поговорили лучше на словахъ; а писать-то страховато, неровно кому попадется въ руки, такъ напляшешься до сыта. При семъ во ожиданіи тебя, остаюсь дядя твой

Ермолай ***

XIII.

Письмо къ издателю.

На прошедшей недѣлѣ получилъ я съ почтоваго двора письмо слѣдующаго содержанія.

Слушай-ка, братъ, Живописецъ! на шутку, что ли, я тебѣ достался? Не на такого ты наскочилъ. Развѣ ты еще не знаешь приказныхъ? такъ отвѣдай, потягайся. Вѣдомо тебѣ буди, что я передъ Владимірской поклялся, и снялъ ее, Матушку, со стѣны въ томъ, что какъ скоро пріѣду я въ Петербургъ, то подамъ на тебя челобитье въ безчестьѣ. Знаешь ли ты, молокососъ, что я имѣю патентъ, которымъ повелѣ-

вается признавать меня и почитать за добраго, вѣрнаго и честнаго титулярнаго совѣтника; вѣдаешь ли ты, что и въ подлости *) есть присловица: „не пойманъ—не воръ“. А ты, забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня яко бы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожъ не за воровство, а за взятки; а взятки ничто иное, какъ акциденція... Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ, а я биралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому же я ни кого до смерти не убилъ: правда, согрѣшилъ передъ Богомъ и передъ государемъ: — многихъ пустилъ по міру; да это дѣло постороннее, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить, какъ царя не обманутъ? Какъ у него не украсть? Грѣшно украсть изъ кармана у своего брата, а это то дѣло особое; у кого же украсть какъ не у царя? благодаря Бога, домъ у него, какъ полная чаша, такъ хоть и украдешь, такъ не убудетъ. Глупый человѣкъ! Да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое ничто иное, какъ только утайка; а другое — преступленіе противъ законовъ, и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали кнутомъ: блаженной памяти при ****** это случалось; но

*) Подлыми людьми по справедливости называться должны тѣ, которые худыя дѣлаютъ дѣла: но у насъ, не вѣдаю по какому предразсужденію, вкралось мнѣніе почитать подлыми людьми тѣхъ, кои находятся въ низкомъ состояніи.

нынѣ, благодаря Бога, люди стали разсудительнѣе, и за рѣченную утайку кнутомъ сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ: да это и дѣльно; не заводи дѣла изъ бездѣлицы. А прочихъ, которые приличаются въ утайкѣ большихъ суммъ, отпущаютъ жить въ свои деревни. Видишь ли ты, глупый человѣкъ, что ты умничаешь по пустому? Кто тебя послушается? Я помню, какъ одинъ господинъ, въ бытность мою у него, разсуждалъ о тебѣ такъ: онъ де-дѣлаетъ безчестье всѣмъ дворянамъ, пиша эдакія письма; что де-подумаютъ иностранные объ насъ, когда увидятъ, что у насъ есть дураки, плуты . . . . . .
. . . . . .
Понимаешь ли ты, что и вѣрить этому не хотятъ, что есть безсовѣстные судьи, безчеловѣчные помѣщики, безразсудные отцы, безчестные сосѣди и грабители-управители? Чтожъ ты изъ пустаго въ порожнее пересыпаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ, и никого не кусаетъ. А это называется брехать на вѣтеръ: по нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хотя и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится. Такъ-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казнь за преступленіе? Слыхалъ я отъ одного моего сосѣда исторію, какъ одинъ греческій мудрецъ сказалъ, увидя что... да полно, вѣдь не все надобно говорить, объ иномъ полно что и поду-

маешь. „Ну братъ, маляръ, образумился ли ты? Послушай, хотя ты меня и обидѣлъ, однакожъ я суда съ тобой заводить не хочу, ежели ты раздѣлаешься со мною добрымъ порядкомъ и такъ, какъ водится между честными людьми. Сдѣлаемъ мировую; заплати только мнѣ, да женѣ моей безчестье, что надлежитъ по законамъ; а буде не такъ, то по суду взыщу съ тебя все до копѣйки. Мнѣ заплатишь безчестье по моему чину, женѣ моей вдвое, тремъ сыновьямъ недорослямъ вполы противъ моего жалованья, четыремъ дочерямъ моимъ, дѣвицамъ, вчетверо каждой; а къ тому времени, авось либо жена родитъ дочь, такъ еще и пятой заплатишь. Видишь ли, что я съ тобою поступаю по христіански, какъ слѣдуетъ честному и доброму человѣку. Смотри, не испорть этого самъ и не разори себя. Къ эдакимъ тяжбамъ мнѣ уже не привыкать; я многихъ молодчиковъ отдѣлалъ такъ, что однимъ моимъ, жены моей и дочерей безчестьемъ, накопилъ тремъ дочерямъ довольное приданое. Чтожъ дѣлать, живучи въ деревнѣ отставному человѣку? чѣмъ нибудь надобно промышлять. Многіе изволятъ умничать, что, живучи въ деревнѣ, можно-де разбогатѣть однимъ домостроительствомъ и хорошимъ смотрѣніемъ за хлѣбопашествомъ; да я эдакимъ вракамъ не вѣрю. Хлѣбъ таки хлѣбомъ, скотина скотиною, а безчестье въ головахъ. Да полно, что объ этомъ и говорить, на такія глупыя разсужденія нечего смотрѣть: которая десятина земли принесетъ мнѣ столько прибыли, какъ мое безчестье! нѣтъ-ста, кто что ни говори, а я таки свое утверждаю, что безчестьемъ скорѣе всего разбогатѣть можно. Есть и такіе умники, которые про-

повѣдываютъ, что безчестье братъ безчестно: но пусть они скажутъ мнѣ, что почтеннѣе—честь или деньги? что прибыльнѣе—честь или деньги? что нужнѣе—честь или деньги. Коли есть деньги, такъ честь нажить не трудно, а съ честью, право, не много наживешь денегъ. Такъ-то, братъ, я разсуждаю; да я думаю, что и многіе, хотя не согласятся на сіе словами, но въ самомъ дѣлѣ моимъ же правиламъ слѣдуютъ. И такъ, разсудя хорошенько, пожалуй, послушайся меня и не заводи тяжбы: такъ мы и останемся пріятелями; а это нѣтъ ничего, что ты меня выбранилъ: „брань на вороту не виснетъ“, лишь бы деньги у меня были въ карманѣ. А притомъ, постарайся уговорить племянника моего Ѳалалея ***, чтобы онъ пошелъ въ отставку и пріѣзжалъ въ деревню. Видно, что ты съ нимъ пріятель, потому что онъ отдаетъ тебѣ всѣ отцовскія и материнскія и мои письма для напечатанія. За симъ остаюсь доброжелатель Ермолай.

XIV.

Г. Живописецъ!

Недѣли съ двѣ тому, какъ пріѣхала я сюда изъ Москвы, и начитавъ въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ, что въ Луговой Милліонной продаются какого-то Живописца листочки, по природной моей къ живописи склонности тотчасъ послала ихъ купить. Но въ какое удивленіе я пришла, нашедъ въ нихъ поношенія и клеветы противу прекраснаго пола!—Видно, что ты, другъ мой, родился въ какой ни есть сибирской деревушкѣ,

вскормленъ и выученъ безпутной твоей живописи; а если бы хотя одинъ твой глазъ во Франціи побывалъ, такъ ты бы конечно поострѣе глядѣлъ на свои руки и, пишучи женское лице, употреблялъ бы къ тому нѣжныхъ только цвѣтовъ краски, а не темныя и мрачныя, такъ, какъ теперь дѣлаешь, не знаю, ошибкою ли или умышленно. Нѣтъ, дружокъ! даромъ тебѣ это не пройдетъ. Гдѣ это слыхано, чтобъ живописецъ написалъ женское лице темными красками? И бабушка твоя „Всякая Всячина“ [14]), какъ говорятъ здѣшнія женщины, того не запомнитъ; а ты, видно, на высвечку. Полно и того, что твои братья по невѣжеству своему не умѣютъ иногда и бородавки утаить! а ты вздумалъ еще и худыми красками насъ описывать. Признайся жъ самъ, заслуживаешь ли ты трудами своими отъ нашего пола благодарность? Видно, ты еще не знаешь, что кто не умѣетъ женскому полу угождать, того и за человѣка не почитаютъ. Черезъ кого наживаются портные и парикмахеры? Скажи, не черезъ насъ ли? Черезъ кого происходятъ добрые люди и въ чины, какъ не черезъ насъ? Кто выгоняетъ изъ молодыхъ людей задумчивость, какъ не мы? Кто вперяетъ воспитаннымъ въ непросвѣщеніи дворянамъ понятіе о модахъ, какъ не мы?.. А ты, такая мелкая на свѣтѣ тварь, уродуешь наши лица. Пора, право, пора тебѣ, дружокъ, опомниться. Напиши-ка два или три хорошенькіе портретца, да только поскорѣе; анъ и не тотъ станешь человѣкъ. Тебя будутъ звать во всѣ знатные домы; а ты съ легкой моей руки станешь богатѣть да наживаться. Вотъ тебѣ прямая дорога ко счастію! Кинь, дружокъ, старинныя темныя краски: онѣ, если

*

по совѣсти сказать, глаза колютъ; такъ будешь всему женскому полу во всѣ будущіе роды и роды пріятенъ. А теперь всѣ щеголихи и новомодныя женщины право такъ тебя боятся, какъ ребята азбуки. Такъ-то, дружокъ. Отпиши-же, радость моя, въ твоихъ еженедѣльныхъ листочкахъ, какъ тебѣ покажется мой совѣтъ — тебѣ-же лучше будетъ, а я изготовлю тебѣ между тѣмъ въ подарокъ Доброхотное Сердечко.

Государыня моя, я бы хотѣлъ сдѣлать вамъ угодность изображеніемъ вашего прекраснаго лица самыми нѣжнѣйшими красками, но не въ силахъ сіе исполнить, потому что ласкательство есть претрудная для меня наука, и я никогда не имѣлъ склонности слѣдовать ея правиламъ. Я соглашаюсь на ваше мнѣніе, что ни одинъ живописецъ не придетъ въ моду у прекраснаго пола, а можетъ быть, и у нашего, который ласкать не умѣетъ—это неоспоримая истина; да и то также правда, что я никогда сему ремеслу не обучался. Живописцевъ, нашей братіи, въ здѣшнемъ городѣ много; такъ вы можете сыскать изъ нихъ одного по своему желанію. Вы увѣдомляете меня, что всякая щеголиха боится меня такъ, какъ ребята азбуки: я тѣмъ и доволенъ: ребята, боявшіеся азбуки, пришедъ въ совершенный возрастъ, всегда раскаяваются въ томъ; можетъ быть — но вѣдь я васъ еще больше разсержу.

Прощайте сударыня.

XV.

Почтенный господинъ издатель «Живописца»!

Недавно пріѣзжимъ изъ Петербурга въ наши мѣста, однимъ не безъ знати дворяниномъ, привезенное ваше новое изданіе нашимъ городскимъ и деревенскимъ окольнымъ дворянамъ, очень полюбилось: какъ женщины, такъ и мужчины наперерывъ оное хвалятъ безъ усталости, говоря: „То-то разумный живописецъ!“ онъ такъ малюетъ хорошо своими красками нынѣшніе развратные свѣтскіе обычаи, новоманерныхъ петербургскихъ щеголей и щеголихъ, что никто еще, кромѣ его, пороковъ ихъ такъ живо не изображалъ. Прямо честный и разумный человѣкъ достоенъ всякой похвалы и почтенія. Дай Богъ, чтобы онъ подолѣ продолжалъ свое изданіе; несмотря на тѣхъ развратныхъ кривотолковъ, которые, пороча добродѣтель, прилѣпляются къ порокамъ; авось либо исправитъ перенятое нашими молодыми господичами у иностранцевъ нововыдуманное обхожденіе, противное честному житію и благопристойности, чтобъ и наши дѣти отъ нихъ тѣмъ же, опаснѣе моровой язвы, повѣтріемъ не заразилися, подражая во всемъ имъ“.

Я не знаю того, отъ искренности ль молодые наши дворяне и дворянки ваше изданіе хвалятъ, или изъ почтенія къ своимъ старымъ родственникамъ, боясь ихъ раздражить. Видно, что и наша украинская молодежь съ настоящаго пути свихнулась! не хуже нынѣ стала вашей петербургской, кажется, и вашу бы перещеголяла; но та бѣда, что живутъ въ деревняхъ съ

родителями и явно боятся прежніе наши обычаи на ваши новые свѣтскіе перемѣнить, коихъ доброту съ похвалою нерѣдко намъ проповѣдываютъ пріѣзжіе отъ васъ въ томъ искусные знатоки; а наши деревенскіе вертопрахи и вертопрашки, развѣся уши, разсказы ихъ съ прилежаніемъ слушаютъ и, кое-что перенявъ, тайкомъ оному подражаютъ. Вотъ, почтенный господинъ издатель, мнѣніе наше украинское о вашемъ похвальномъ трудѣ.

Мнѣ жъ ваше изданіе тѣмъ пріятнѣе показалось, что вы, принимая ото всѣхъ присылаемыя къ вамъ всякія сочиненія, помѣщаете оныя въ листахъ своихъ; симъ обнадѣясь, посылаю при семъ къ вамъ Украинскія вѣдомости, получаемыя мною отъ окольныхъ мѣстъ, съ такимъ условіемъ, если оныя достойны быть помѣщены въ вашемъ изданіи, то прошу помѣстить: если жъ покажутся въ чемъ противны, то издерите оныя на завивку вашихъ волосъ; чрезъ что узная изъ слѣдующаго, и впредь присылкою тѣхъ не отречется пребывающій къ вамъ навсегда съ отличнымъ почтеньемъ

Почтенный господинъ издатель!

вашъ покорный слуга

Хуляковъ.

Отъ 8 ноября 1772 г.
Изъ Украйны.

Украинскія вѣдомости 1772 года.

Изъ Полтавы октября отъ 27.

На сихъ дняхъ проявилась у насъ новость; когда кто изъ молодыхъ здѣшнихъ благороднихъ мужчинъ

и женщинъ что говоритъ, то при произношеніи новоманерныхъ петербургскихъ словъ нѣсколько пришепетываютъ и картавятъ. Случилось третьяго дня одному магистратскому судьѣ у здѣшняго знатнаго жителя быть на пирушкѣ, гдѣ было великое множество молодыхъ благородныхъ обоего пола дворянъ, которые иначе не разговаривали, какъ новымъ петербургскимъ щегольскимъ нарѣчіемъ, и притомъ пришепетывали и картавили, говоря, такъ-де нѣжнѣе; коего онъ инако узнать не могъ, выключая послѣднихъ словъ, когда бъ ему онаго не растолковала его родственница, будучи уже въ томъ сама довольно искусна. Она своему старому родственнику объявила, что сіе новое щегольское нарѣчіе съ нѣжнымъ произношеніемъ привезено изъ Петербурга однимъ пріѣзжимъ молодцомъ, между другими довольно знатнымъ въ нынѣшнемъ свѣтскомъ вольномъ обхожденіи; и что онъ такъ честенъ, что всѣ онаго правила безо всякой платы имъ показалъ, желая въ такомъ искусствѣ болѣе себѣ умножить сотоварищей.

Харьковъ, отъ 2 ноября.

Его сіятельство любезный нашъ графъ Гальяковъ, по благополучномъ прибытіи изъ отъѣзжаго поля въ здѣшній городъ, изволилъ дать всѣмъ здѣшнимъ обоего пола дворянамъ знатный ужинъ и балъ, и всему бывшему у него тогда собранію изволилъ объявить: если кто желаетъ поставить его сіятельству новую нынѣшняго послѣдняго манера совѣсть, на мѣсто прежде бывшей у него, а нынѣ пришедшей въ ветхость, то уступаетъ тому онъ въ награжденіе самой лучшей доброты родовое хвастовство.

Подряды.

Почтенному какъ насмѣшествомъ, такъ и грубіянствомъ, престарѣлому мужу, потребно вмѣсто отнятаго у него гордостью, въ бытность его прошлаго года въ К..., знанія въ благородномъ и пристойномъ обхожденіи; желающіе поставить сто пять пудъ и взять ниже просимой цѣны могутъ являться въ его домѣ.

Продажа.

У его сіятельства графа Гальякова продается ложь перваго номера, самой высокой работы, весьма недорогою цѣною.

У господина Поджогина продаются насмѣшки и нахальство разныхъ сортовъ, оптомъ и въ розницу; кто хочетъ оные товары покупать, тотъ можетъ явиться у него самого.

XVI.

Г. Живописецъ! [15]).

Какъ мнѣ извѣстно, что въ вашихъ хвалы достойныхъ листахъ не упускаете никогда являть свѣту все, что онаго заслуживаетъ презрѣніе, дабы чрезъ то возбудить въ сердцахъ согражданъ вашихъ должное отвращеніе къ худымъ дѣламъ; то вы, я думаю, не пропустите случая дать знать всѣмъ мыслящимъ россіянамъ (ибо вы для нихъ только, я думаю, пишете) о наипохвальнѣйшемъ и наиполезнѣйшемъ учрежденіи,

о какомъ токмо частнымъ людямъ помышлять дозволяется. Я хочу здѣсь говорить о недавно учрежденномъ Обществѣ, старающемся о напечатаніи книгъ. Статуты онаго общества, вамъ, какъ человѣку всегда въ свѣтѣ обращающемуся, можетъ быть, извѣстны; но я, читая оные, столь много восхитился, усмотря ихъ доброе намѣреніе и долженствующую изъ онаго учрежденія истекати пользу для всего россійскаго народа, что не могъ удержаться, чтобы не восхотѣть объ оныхъ дать знать всему свѣту. Между тѣмъ, какъ я постараюсь вамъ сообщить всѣ статьи онаго учрежденія, намѣренъ теперь вамъ поговорить о пользѣ онаго въ разсужденіи народнаго просвѣщенія и о пользѣ его, какъ Общества, до торговли касающагося.

Правило неоспоримое государственнаго домостроительства есть сіе: стараться о процвѣтаніи торговли. Сіе разумѣется о пространныхъ государствахъ; ибо сколь торговля въ такомъ государствѣ полезна, столь и болѣе она вредна въ правленіи, на одинъ или малое число городовъ ограниченномъ; что болѣе, опричь торга, приводитъ деньги, сіи измѣряющіе знаки народное иждивеніе, въ обращеніе, и потому, что болѣе доставляетъ гражданамъ пропитаніе! Не говоря о томъ, что чрезъ оный богатые люди лишаются излишнихъ своихъ денегъ, которыя бы мертвы, такъ сказать, были въ ихъ сундукахъ, если бъ роскошь, сплетая имъ новыя потребности, не побуждала ихъ покупать работы художниковъ, равно пышность, тщеславіе и чувства услаждающихъ,—коликое число питается посредствомъ торга людей, дневную работу исправляющихъ, доставляя художнику матеріалы, надъ коими хитрая

ихъ рука исчерпываетъ вымыслы искусства! Что были бы безъ торговли фабрики, мануфактуры, и проч.? А общественный торгъ тѣмъ выгоднѣе для государства, что, будучи въ состояніи большія предпринимать намѣренія, онъ большему числу людей доставляетъ прокормленіе. Но учрежденіе Общества, старающагося о напечатаніи книгъ, хотя и кажется, что не подходитъ подъ сіе правило, но тѣмъ полезно, что подаетъ примѣръ, какимъ образомъ надлежитъ установлять торговыя общества, какъ производить онаго дѣла безъ замѣшательства, какъ предварять неудобствамъ, къ разрушенію оныя влекущимъ. Я не устыжусь сказать, что сіе Общество посрамляетъ большую часть нашего купечества, не вѣдающаго начальныхъ правилъ торговли. Да научится оно онымъ изъ сего учрежденія! Дай Богъ, чтобы, просвѣщая всѣхъ разумы, примѣръ сего Общества просвѣтилъ разумы нашихъ торгующихъ и явилъ имъ истинные ихъ прибытки. Сами они были бы богатѣе, а государство могущественнѣе и счастливѣе.

Что касается до пользы сего Общества, въ разсужденіи просвѣщенія разумовъ, то кто оную, такъ сказать, не ощущаетъ? Печатаніе книгъ, сближая вѣки и земли, доставляя всѣмъ свѣдѣніе о изобрѣтенномъ и о происшедшемъ, есть наивеличайшее изо всѣхъ изобрѣтеній, разуму человѣческому надлежащихъ. Что можетъ болѣе, коли не печатаніе книгъ, расплодить единую истину, въ забвеніи бы быть безъ онаго опредѣленную, и родить, такъ сказать, столько же прямомыслящихъ головъ, какъ самъ изобрѣтатель той истины, сколько есть читателей? Печатаніе соблюдаетъ

наилучшимъ образомъ всѣ истины, доставляетъ наибольшему количеству народа объ оныхъ свѣдѣніе, чрезъ то очищаетъ общество отъ заблужденій и предразсудковъ всегда вредныхъ; ибо я не того мнѣнія, чтобы оныя нѣкогда полезны быть могли; польза ихъ бываетъ мгновенна, но вредъ, отъ оныхъ происходящій, отрыгается, если могу такъ сказать, чрезъ цѣлые вѣка.

Вотъ, что я вамъ имѣлъ сообщить о наиполезнѣйшемъ нашего вѣка учрежденіи частныхъ людей. Пожалуй, внесите сіе письмо въ ваши листы, ибо свѣдѣніе о таковомъ Обществѣ побудитъ, можетъ быть, иныхъ въ учрежденію какого другаго, гораздо полезнѣе нашихъ клубовъ, ассамблей и тому подобныхъ сходбищъ. А вы, ревнители истины, продолжайте путь вашъ. Вамъ Россія долженствовать будетъ . . . .

. . . . . .

Вашъ покорный слуга

Любомудровъ изъ Ярославля.

1773 года февраля 28 дня.

Г. Любомудровъ, я помѣщаю ваше письмо въ листахъ моихъ съ удовольствіемъ, вѣдая, что оно не мало послужитъ къ ободренію учредителей Общества, старающагося о напечатаніи книгъ, въ ихъ предпріятіи. И хотя планъ учрежденія сего мнѣ не извѣстенъ, однакожъ я согласно съ вами мышлю, что намѣреніе сіе весьма полезно для единоземцевъ нашихъ; Торговля книгами, по существу своему, весьма достойна того, чтобы о ней лучшее имѣли понятіе, и

большее бы прилагалось стараніе о распространеніи оныя въ нашемъ Отечествѣ, нежели какъ было донынѣ. Но по моему мнѣнію, государь мой, не довольно сего, чтобы только печатать книги, какъ то понимаю я изъ наименованія сего Общества, а надобно имѣть попеченіе о продажѣ напечатанныхъ книгъ. Петербургъ и Москва имѣютъ способы покупать книги, заводить книгохранительницы и употреблять ихъ въ свою пользу, лишь только была бы у покупающихъ охота. Но позвольте сказать, петербургскіе и московскіе жители много имѣютъ увеселеній; есть у нихъ различныя зрѣлища, забавы и собранія; слѣдовательно весьма не у великаго числа людей остается время для чтенія книгъ; а сверхъ того и просвѣщеніе наше, или, такъ сказать, слѣпое пристрастіе ко французскимъ книгамъ, не позволяетъ покупать россійскихъ. Въ россійской типографіи напечатанное рѣдко молодыми нашими господчиками пріемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда. Напротивъ того, живущіе въ отдаленныхъ провинціяхъ, дворяне и купцы лишены способовъ покупать книги и употреблять ихъ въ свою пользу. Напечатанная въ Петербургѣ книга черезъ трои или четверо рукъ дойдетъ напримѣръ въ малую Россію; всякій накладываетъ неумѣренный баршъ, для того, что производитъ сію торговлю весьма малымъ числомъ денегъ, и такъ продающаяся въ Петербургѣ книга по рублю приходитъ туда почти всегда въ три рубля, а иногда и больше. Чрезъ сіе охотники покупать книги уменьшаются, книгъ расходится меньше, а печатающіе оныя, вмѣсто награжденія за свои труды, часто терпятъ убытокъ. Вотъ,

государь мой, цѣль, куда должно стремиться намѣреніе сего Общества, и если Общество сіе будетъ въ состояніи привести торговлю книжную въ цвѣтущее состояніе, то по справедливости заслужитъ похвалу. Сего еще не довольно, я бы поговорилъ съ вами о семъ веществѣ поболѣе, но не упріиде часъ.

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) Жанъ Жакъ Руссо, знаменитый философъ конца XVIII ст., доказывавшій, что цивилизація извратила нравы человѣчества, уничтоживъ все, что есть хорошаго и чистаго въ человѣкѣ первобытномъ.

2) Вольтеръ, знаменитый писатель, современникъ Ж. Ж. Руссо — философъ, поэтъ и историкъ. Оба они пользовались въ Россіи огромнымъ значеніемъ во время Екатерины. Съ Вольтеромъ она находилась въ перепискѣ.

3) Адонидъ (собственно Адонисъ) — богъ красоты; Марсъ— богъ войны.

4) Шпагобоецъ—учитель фехтованья.

5) Арнибузировать — разстрѣлять, отъ стараго французскаго слова arquebuse (ружье особеннаго устройства).

6) «Тысяча и одна ночь» сборникъ волшебныхъ арабскихъ сказокъ.

7) Плутосъ, греческій богъ богатства.

8) Коричая Книга или Номоканонъ—Сборникъ постановленій по управленію церковному, служившій у насъ руководствомъ уже въ XI ст. и переведенный съ греческаго языка на славянскій въ первыя времена нашей письменности.

9) Чети-Минеи—сборникъ жизнеописаній святыхъ. Сборниковъ подъ этимъ заглавіемъ у насъ было два: «Великія Чети-Минеи», составленный въ XVI в. митрополитомъ Макаріемъ и состоящій изъ 12 огромныхъ томовъ, и просто «Четьи-Минеи», болѣе сокращенный трудъ такого же характера, составитель котораго— Св. Дмитрій Ростовскій, извѣстный проповѣдникъ и писатель XVII ст.

10) «Пастушескими сочиненіями», которыя перешли къ намъ изъ Франціи и Италіи и въ то время были въ большой модѣ, назывались стихотворенія, гдѣ дѣйствующими лицами являлись пастухи и пастушки въ ихъ обстановкѣ.

11) Упомянутыя здѣсь комедіи сочинены императрицей Екатериной. Заглавіе первой приведено правильно; вторая же назы-

вается въ подлинникѣ «Имянины г-жи Верчалкиной», а третья— «Госпожа Вѣстникова съ семьею».

12) «Бульварами» называются главныя парижскія улицы, и на нихъ помѣщаются почти всѣ театры.

13) Огневица—лихорадка.

14) «Всякая Всячина» — одинъ изъ сатирическихъ журналовъ этой же эпохи, съ котораго началось изданіе ихъ.

15) Это письмо имѣетъ большую важность потому, что въ немъ уже въ то время Новиковъ высказывалъ устами этого Любомудрова тѣ мысли касательно важности издательскаго и типографскаго дѣла, которыя впослѣдствіи были осуществлены имъ на практикѣ и вызвали одну изъ самыхъ блестящихъ сторонъ его дѣятельности на поприщѣ русскому просвѣщенью.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Изъ сочиненія А. Афанасьева: «Русскіе Сатирическіе Журналы».

Блистательное царствованіе Императрицы Екатерины II, столько замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, извѣстно и своимъ благотворнымъ вліяніемъ на развитіе отечественной литературы и журналистики. Успѣхи общественной жизни отразились и на серьезномъ содержаніи многихъ литературныхъ произведеній, и на благородномъ ихъ направленіи. Защита просвѣщенія, борьба съ невѣжествомъ и предразсудками, открытая и мѣткая насмѣшка надъ нравственными общественными недугами и глубокое чувство истиннаго патріотизма—вотъ тѣ существенныя стремленія, которымъ служило перо лучшихъ сочинителей того времени.

Главнымъ характеристическимъ выраженіемъ журналовъ времени съ 1769 по 1774 г. была *сатира*; этимъ они болѣе или менѣе отличаются отъ журналовъ предыдущаго и послѣдующаго времени.

Время съ 1769 по 1775-й годъ въ исторіи нашей литературы—время сатиры по преимуществу, сатиры, строго обличающей пороки и затрогивающей темныя стороны вседневной жизни. Сатира эта состоитъ въ тѣсной связи съ тѣми преобразованіями, какія задумывала и совершала Великая Екатерина: она бросала на воспріимчивую почву русской народности живительное сѣмя и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранила для насъ много богатыхъ и любопытныхъ свидѣтельствъ о внутренней жизни нашего общества, о разнообразныхъ условіяхъ его быта, о духѣ современныхъ той эпохѣ убѣж-

деній и взглядовъ. Вотъ почему лучшіе сатирическіе журналы даннаго времени отличаются такою же яркою изобразительностью и такимъ же живымъ интересомъ, какими была проникнута самая общественная жизнь семидесятыхъ годовъ; въ нихъ заключены превосходные матеріалы для комическаго и драматическаго воспроизведенія нравовъ прошлаго столѣтія.

Скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнихъ формахъ сатирическихъ статей, наполнявшихъ собою періодическія изданія. Формы эти были довольно однообразны. Самою обыкновенною и любимою формою было *письмо*. Отъ имени неизвѣстныхъ или вымышленныхъ лицъ печатались въ журналахъ къ ихъ издателямъ письма, въ которыхъ мнимые авторы, оправдывая свои одностороннія и достойныя осмѣянія мнѣнія или несправедливые и безнравственные поступки, какъ будто ненарочно, но ярко обнаруживаютъ ихъ смѣшную и вредную стороны. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ написаны перомъ мастерскимъ, съ соблюденіемъ вѣрнаго художническаго такта; таковы помѣщенныя въ „Живописцѣ" и „Трутнѣ" письма къ Ѳалалею отъ его отца, матери и дяди, отписки крестьянъ къ помѣщику, и другія, живо напоминающія манеру и остроуміе Фонъ-Визина въ его сатирическихъ письмахъ. Здѣсь нѣтъ тѣхъ преувеличеній, которыми такъ легко могутъ увлекаться сатирики и которыя замѣтны въ другихъ журнальныхъ статьяхъ того времени; напротивъ, все дышетъ неподдѣльною естественностью. Невѣжество, суевѣріе и порокъ разоблачаютъ себя съ необыкновенною наивностью, сами того не подозрѣвая. Иногда неизвѣстные сочинители писемъ прибѣгали къ издателю журнала за совѣтами, и тотъ, давая отвѣты, пользовался случаемъ посмѣяться и дать наставленіе. Набрасывать такой кажущійся покровъ на свои сатирическія описанія было тогда въ модѣ. Рисуя темныя стороны дѣйствительной жизни, любили выставлять ихъ на показъ подъ чужими именами лицъ и мѣстностей, или придавать имъ фантастическій характеръ: появились *восточныя повѣсти*, *волшебныя сказки*, *разговоры въ царствѣ мертвыхъ*, *разсказы о видѣнномъ во снѣ*. Но всѣ знали, куда мѣтили эти восточныя повѣсти и волшебныя сказки; всѣ легко догадывались, что видѣнное во снѣ весьма часто случалось на яву, въ обыкновенной жизни, а въ царствѣ мертвыхъ разговариваютъ о слабостяхъ, свойственныхъ живымъ людямъ; таковы разговоры: между скупымъ и должникомъ и другіе.

Сатирическія *вѣдомости* также были одною изъ наиболѣе употребительныхъ формъ въ нашихъ журналахъ. Въ этихъ вѣдомостяхъ, подъ рубриками извѣстій изъ разныхъ городовъ и мѣстъ, подрядовъ, поставокъ, объявленій о куплѣ и продажѣ, различныхъ вызововъ и проч., печатались злыя насмѣшки надъ взяточничествомъ приказныхъ и судей, волокитствомъ и мотовствомъ щеголихъ и франтовъ, жестокостью господъ, суевѣріемъ и невѣжествомъ противниковъ просвѣщенія. Въ формѣ этой однако, замѣчается искусственность, условливаемая несбыточностью многихъ торговыхъ и другихъ сдѣлокъ, о которыхъ публикуютъ вѣдомости: здѣсь судья продаетъ за ненадобностью свою совѣсть, а тамъ какому-нибудь спѣсивцу понадобилось нѣсколько пудовъ здраваго смысла! Такая искусственность, которая отчасти лишала сатиру ея мѣткости, неразлучна и съ другими формами журнальныхъ статей, съ такъ называемыми сатирическими *портретами* или *картинами*, изображающими разные порочные характеры, и сатирическимъ *лечебникомъ*, въ которомъ описывались нравственные недуги и цѣлебныя противъ нихъ лекарства, напримѣръ: „*Глупомыслъ* желаетъ невозможнаго и для него вреднаго. Сіе произошло отъ худыхъ мокротъ, усилившихся въ немъ при его воспитаніи. Для очищенія его отъ сихъ мокротъ, надлежитъ ему привить *благоразуміе* такъ, какъ оно обыкновенно прививается въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ.“

Кромѣ указанныхъ формъ въ журналахъ встрѣчаемъ еще: *вопросы и отвѣты* и сатирическій *словарь*. Вопросы и отвѣты — форма, замѣчательная въ нашей литературѣ, потому что ею воспользовался Фонъ-Визинъ, обратившійся съ любопытными вопросами къ Императрицѣ Екатеринѣ II.

Таковы были формы сатирическихъ статей, помѣщавшихся въ журналахъ XVIII-го столѣтія. Если формы эти и не давали творческой фантазіи того простора, какой возможенъ въ повѣсти и романѣ, тѣмъ не менѣе въ нихъ легко и свободно вкладывалось горячее слово сатиры, сохранившее для насъ яркія, характеристическія свидѣтельства о тогдашнемъ общественномъ бытѣ.

Журналы вышеупомянутаго времени являлись представителями образованія, водвореннаго на Руси Петромъ I и Екатериною II, и вмѣстѣ жаркими защитниками русской національности отъ всякихъ односторонних чужеземныхъ вліяній: этимъ опредѣлились

отношеніе ихъ къ современности и тѣсная связь ихъ съ эпохою преобразованій Петра Великаго. Лучшіе, образованнѣйшіе умы того вѣка глубоко вѣрили и съ благодарнымъ сочувствіемъ повторяли: „Петръ далъ намъ *бытіе*, Екатерина — *душу*.“ Удивляясь заслугамъ преобразователя, великаго не только *въ геройствѣ, но еще болѣе въ человѣчествѣ*, они въ Императрицѣ Екатеринѣ II видѣли продолжательницу его славныхъ дѣлъ:

„Петра Великаго ты (Россія) нынѣ
Въ премудрой зришь Екатеринѣ!“

Императрица Екатерина, предъ геніемъ которой преклонялись знаменитые иностранцы, въ литературѣ нашей названа „Россійскою Минервою.“ Ея громкіе подвиги, заставившіе признать, „что слава была ея барабанъ, а исторія—записная книжка,“ блескъ и роскошь того вѣка, ея живой умъ, гигантскія предпріятія, обходительность—все увлекало вслѣдъ за нею. Литература съ особеннымъ одушевленіемъ и участіемъ спѣшила записать въ свою лѣтопись великія дѣла великаго царствованія. Сколько торжественныхъ одъ! Сколько прямыхъ и задушевныхъ выраженій благодарнаго чувства! Державинъ, а за нимъ всѣ другіе поэты, громко славили „Фелицу“. Фонъ-Визинъ прямо называетъ Екатерину Великую *честнымъ человѣкомъ*. Журналы выразили то-же благоговѣйное сочувствіе къ ея славнымъ подвигамъ.

По указанію Екатерины Великой, періодическія изданія выступили со своимъ обличительнымъ словомъ, и въ этомъ общемъ увлеченіи сатирическимъ направленіемъ нельзя не признать высокой нравственной стороны современной эпохи. Старинныя суевѣрія, предразсудки, ложь отживали свой вѣкъ; въ ихъ дикомъ воплѣ противъ сатиры и правительственныхъ мѣръ слышится уже близкое торжество всеобновляющей правды. Посмотрите, какъ наивно жалуется на свое время уѣздный дворянинъ екатерининскаго вѣка, ясно доказывая своими жалобами всю несостоятельность своихъ требованій: „Да полно, нынче и винцо-то въ сапогахъ ходитъ: экое времячко! Вотъ до чего дожили: и своего вина нельзя привезть въ городъ: пей-де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе!“ *) и т. д. Въ

*) Въ письмѣ къ Ѳалалею, напечатанномъ въ настоящемъ выпускѣ. *Ред.*

подобныхъ жалобахъ лучшая похвала екатерининскому вѣку, и съ этой точки зрѣнія получаютъ для насъ особенно любопытное и поучительное значеніе сатирическія нападки журналовъ на разныя темныя стороны отживавшаго вѣка.

Чтобъ противодѣйствовать застарѣлымъ предразсудкамъ и порокамъ, журналы полагали необходимымъ сокрушить невѣжество и водворить въ отечествѣ образованіе европейское, однако на основахъ національныхъ съ сохраненіемъ своей самостоятельности и уваженія къ родной странѣ и ея исторіи.

Невѣжество, проповѣдывавшее противъ образованія, по указанію нашихъ сатириковъ, было двоякое: одни смотрѣли на науку со стороны матеріальной пользы, и если познанія не вели къ непосредственному и для всѣхъ наглядному удовлетворенію первоначальныхъ житейскихъ нуждъ, то объявляли ихъ безплодными и ссылались при этомъ напримѣръ на предковъ, которые, и не учась, жили не бѣднѣе нашего; другіе, подъ вліяніемъ французскихъ нравовъ, все значеніе воспитанія полагали въ усвоеніи внѣшняго лоска, въ умѣньи держаться въ обществѣ, въ ловкости пріемовъ и въ легкомъ изученіи тѣхъ искусствъ, которыя признавались модою за необходимость; знанія серьезныя и основательныя считали они излишнимъ и вмѣстѣ скучнымъ бременемъ. Вооружаясь противъ подобныхъ предразсудковъ, журналы должны были обратить, и дѣйствительно обратили самое живое вниманіе на методу *воспитанія*, какъ на основу общественнаго блага и въ настоящемъ и въ будущемъ.

Послѣ преобразованій, совершенныхъ Петромъ Великимъ, въ обществѣ нашемъ долгое время замѣчалась странная и пестрая смѣсь старины съ новизною. Пышныя моды, роскошь и свободные нравы, напоминавшіе Парижъ и Лондонъ, стояли рядомъ съ пристрастіемъ къ старымъ обычаямъ и суевѣріямъ и съ мелочною бережливостью, которая учитывала всякую кроху и упускала изъ виду самыя главныя требованія домашней экономіи; утонченная вѣжливость и внѣшній лоскъ французскаго общежитія встрѣчались съ самыми угловатыми и наивно-грубыми формами. Подъ вліяніемъ этихъ характеристическихъ особенностей, воспитаніе главнымъ образомъ представляло два совершенно различныя явленія: оно или оставалось вѣрнымъ преданіемъ и правиломъ допетровской старины, или преклонялось предъ новостью и блескомъ чуже-

земныхъ идей, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ по справедливости можетъ быть названо *французскимъ*. И та и другая методы воспитанія имѣли свои хорошія стороны, но еще болѣе недостатковъ. Сатира не могла и не хотѣла оставить эти недостатки безъ обличенія и укоризны.

Люди старинныхъ преданій вѣрили, что опытъ житейскій лучше всякаго ученья и большею частью предоставляли своихъ дѣтей матери-природѣ. О воспитаніи немного прилагалось заботъ, или и вовсе о немъ не было рѣчи, по пословицѣ: „лишь бы здоровъ былъ Иванушка, да счастливъ, а умъ будетъ—всему самъ научится!“ У насъ, говорили старики, изстари положено: для дворянина—шпага, для стряпчаго — перо, *а грамота — для поповъ*. Въ глуши деревень, среди грубой и недѣятельной жизни, выростали баричи, съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ привыкая къ скопидомству и праздности. Окруженные толпою мамъ, нянекъ, шутихъ и прочей дворни, они рано знакомились съ примѣрами несовсѣмъ поучительными, о чемъ еще Кантемиръ отзывался съ горькимъ чувствомъ: „слуги суть язва дѣтей!“ Учить грамотѣ начинали поздно, и вообще учили мало и плохо, такъ что, по отзыву „Трутня“, во всей Руси немного было такихъ, которые умѣли-бы правильно писать. Учителями обыкновенно назначались пономарь, дьячокъ, иногда грамотный дворовый человѣкъ, и ученье ограничивалось чтеньемъ часослова, Четій-Миней и библіи.

Съ самыхъ раннихъ и нѣжныхъ лѣтъ дѣти, отданныя на руки глупыхъ мамъ и нянюшекъ, шутя и забавляясь, привыкали къ той грубости нравовъ, которая прежде всего обнаруживалась на животныхъ и игрушкахъ, а потовъ въ болѣе взрослые годы, получала и болѣе широкое и болѣе вредное примѣненіе. Какъ только ребенокъ начиналъ подростать, его окружали роемъ дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, и конечно худые примѣры не могли не отозваться худыми послѣдствіями.

Были конечно и между поклонниками старины люди, понимавшіе потребность болѣе серьезнаго образованія и, по примѣру высшаго круга общества, возлагавшіе всѣ свои надежды на иноземныхъ гувернеровъ; но чтобъ выбрать достойнаго наставника, имъ большею частью не доставало ни нужныхъ свѣдѣній, ни средствъ. Но если и замѣтно было въ нѣкоторыхъ лицахъ это—хотя невольное и малосознанное—уваженіе къ образованію, за то

попадались и такіе отцы, которые прямо объявляли себя противниками всякаго образованія, почитая издержки на воспитаніе дѣтей излишнею тратою и мотовствомъ; по какому-то странному убѣжденію они увѣряли, что „кто много знаетъ, тотъ уже отцу и матери не кормилецъ.“ Журналъ „И то и Сё“ разсказываетъ о такихъ отцахъ, которые сердились, когда дѣти просили нанять имъ учителя, и для вящаго увѣщанія прибѣгали къ ремянной плеткѣ.

Какія послѣдствія могли быть плодомъ подобнаго воспитанія? Разумѣется, самыя печальныя. „Живописецъ“ въ прекрасной статьѣ подъ заглавіемъ: *Слѣдствія худаго воспитанія*, яркими красками обрисовываетъ тотъ общественный вредъ, какой порождается невниманіемъ къ дѣтямъ, поблажкою и распущенностью.

Журналы 1769—1774 годовъ представляютъ нѣсколько любопытныхъ картинъ (tableaux de genre) изъ домашней жизни людей, оставшихся вѣрными стариннымъ предразсудкамъ и обыкновеніямъ.

Ближе и нагляднѣе всего съ людьми стариннаго покроя знакомятъ насъ любопытныя письма, писанныя къ Ѳалалею; конечно, знакомятъ они насъ только съ темными сторонами ихъ характеровъ и убѣжденій, но такова задача сатиры. Свѣтлыхъ сторонъ жизни сатира не могла касаться; но ея живая и бойкая насмѣшка надъ недостатками общества не есть ли самое свѣтлое явленіе, которое лучше всякихъ похвалъ говоритъ за нравственное развитіе сатирической эпохи?

Въ частной и общественной жизни высшихъ слоевъ общества у насъ въ XVIII столѣтіи, въ свѣтскихъ нравахъ и обычаяхъ, замѣчается сильное чужеземное вліяніе. Въ этомъ отношеніи особенно важно было знакомство наше съ французами. Современники екатерининской эпохи признавались, что нѣмцы, голландцы и англичане никогда бы не смягчили такъ нашихъ нравовъ, какъ смягчило ихъ частое обхожденіе съ французами и путешествія въ Парижъ.

Но какъ при первомъ знакомствѣ нашемъ съ Европою общество русское стояло на весьма невысокой ступени умственнаго и нравственнаго образованія, то понятны крайности и односторонность его увлеченій внѣшностью европейской жизни, свѣтскими условными приличіями и обыкновеніями. Что въ разсадникъ истиннаго

просвѣщенія, насажденный Петромъ Великимъ и его сподвижниками, вторглись разные плевелы, въ томъ виновата не западная цивилизація, виноваты мы сами, наша молодость и неразвитость. Медленно и съ трудомъ усвоивая себѣ богатыя свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ и высоко-гуманныя идеи, вызванныя къ жизни европейскимъ образованіемъ, мы, какъ дѣти, бросились на то, что кидалось намъ въ глаза и нравилось своею яркостью и блескомъ: на моды, роскошь и свѣтскія удовольствія. Подъ французскими кафтанами еще долгое время таились грубые старинные нравы; наружная утонченная вѣжливость очень часто прикрывала внутреннюю пустоту и мрачныя убѣжденія. Такія противорѣчія заставили Сумарокова и другихъ литераторовъ выступить съ обличительнымъ протестомъ. Сатирическіе журналы, со всею энергіею патріотическаго негодованія, наравнѣ съ темными явленіями старины, осмѣивали и крайности односторонняго увлеченія чужеземнымъ, и въ ихъ насмѣшкахъ замѣчается подчасъ желчное остроуміе.

Въ высшихъ кружкахъ русскаго общества, въ прошломъ столѣтіи, воспитаніе дѣтей и юношей поручалось иностраннымъ дядькамъ, мадамамъ и учителямъ, наиболѣе охотно французамъ и француженкамъ. Если богатыя и знатныя фамилія, располагая огромными матеріальными средствами и усвоивъ себѣ европейскую образованность, безъ особенныхъ трудностей могли вызывать изъ-заграницы учителей и гувернеровъ, дѣйствительно свѣдущихъ и достойныхъ, то для другихъ выгода эта была рѣшительно недоступна; при недостаточномъ образованіи самихъ родителей не легко было имъ выбрать добраго воспитателя, не говоря уже о препятствіяхъ, полагаемыхъ состояніемъ. Но духъ подражанія, владычество моды и примѣры большаго свѣта были слишкомъ сильны. Большинство стало принимать къ себѣ иностранныхъ учителей и гувернеровъ, не разбирая ни нравственныхъ ихъ достоинствъ, ни познаній; думали только о наружномъ лоскѣ и заботились, чтобы воспитаніе удовлетворяло принятымъ обыкновеніямъ и стало подешевле. Толпы иноземцевъ, нисколько не приготовленныхъ къ важному дѣлу воспитанія, явились на Руси съ предложеніемъ своихъ корыстныхъ услугъ, и имъ-то многіе родители стали неосторожно ввѣрять будущую надежду отечества.

Этотъ грустный фактъ засвидѣтельствовало самое законодательство. Въ именномъ указѣ 12-го января 1755 года, которымъ

утверждено основаніе московскаго университета, сказано, что „у большей части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только не могли преподавать науки, но и сами ничего не знали; оттого лучшее время для воспитанія пропадало даромъ. Иные-же родители, не имѣя званія въ наукахъ, или, по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали.“ Въ замѣнъ такихъ невѣжественныхъ воспитателей необходимы, по словамъ указа, національные надежные люди для заведенія, при посредствѣ ихъ, училищъ по большимъ городамъ.

И современныя записки, и комедіи оставили намъ довольно характеристическихъ указаній, потверждающихъ отзывы журналовъ.

Согласно съ принятою системой воспитанія, богатые родители считали необходимымъ отпускать своихъ взрослыхъ сыновей заграницу, чтобы, путешествуя по западной Европѣ, закончили они тамъ свое блестящее образованіе; но иные недоросли, избалованные дома и привычкою къ роскоши, и окружавшею ихъ лѣнью, выросшіе подъ руководствомъ невѣжественныхъ гувернеровъ и отцовъ, мечтали не о трудахъ, а о наслажденіяхъ парижской жизни. Что̀ могли они вывезть прочнаго изъ-за-границы, куда вырывались на свободу и гдѣ на каждомъ шагу искали однихъ соблазновъ, гдѣ женщины были такъ увлекательны, а общественныя развлеченія такъ легко доступны, гдѣ роскошь въ то время являлась во всемъ изящномъ блескѣ? По отзывамъ современниковъ, они со страстью предавались праздной и шумной жизни, проматывали въ большихъ европейскихъ городахъ цѣлыя состоянія и никогда не заглядывали въ тѣ мѣста, гдѣ обитали науки. „Трутень“ жаловался, что молодые люди вывозили изъ чужихъ земель только свѣдѣнія о томъ, какъ тамъ одѣваются, какія бываютъ зрѣлища и увеселенія, а никто не разскажетъ о нравахъ, учрежденіяхъ и узаконеніяхъ просвѣщенныхъ народовъ. Много смѣшного можно было подмѣтить въ этихъ путешественникахъ...

Въ нападкахъ сатирическихъ писателей XVIII вѣка на французскихъ гувернеровъ и русскихъ баричей, странствовавшихъ въ Парижъ, нельзя не замѣтить нѣкоторой доли преувеличенія; сатира такъ легко переходитъ въ каррикатуру, а писатель, тревожно

занятый интересами своей эпохи и возмущенный ея недостатками, съ большимъ насиліемъ для себя можетъ выдерживать хладнокровное безпристрастіе; обыкновенно овладѣваетъ имъ жажда безпощаднаго осмѣянія тѣхъ крайностей, въ которыхъ видится ему источникъ нравственнаго зла. Зло конечно существовало; это засвидѣтельствовано передовыми людьми прошлаго столѣтія, вовсе не старовѣрами, а людьми, горячо преданными европейскому образованію, каковы: Фонъ-Визинъ, Новиковъ и сама Императрица. Но нападая на него, писатели не всегда выдерживали должную мѣру. Не все-же были Вральманы; были изъ иноземцевъ и такіе, которые дѣйствительно научили нашихъ предковъ многому добру. Особенно рѣзкая односторонность замѣчается въ журнальныхъ обвиненіяхъ французскихъ гувернеровъ и учителей въ томъ, что они внушали своимъ воспитанникамъ презрѣніе къ отечественнымъ нравамъ и безконечное уваженіе къ французскимъ. Понятно, что люди, рожденные въ странѣ высшей цивилизаціи и привыкшіе къ инымъ, болѣе мягкимъ и человѣчнымъ нравамъ и обычаямъ, съ гордымъ сознаніемъ своего народнаго достоинства говорили о своемъ отечествѣ, и непривѣтливо смотрѣли на наши суровыя обыкновенія и откровенную грубость въ обхожденіи. Если Фонъ-Визинъ, одинъ изъ замѣчательно свѣтлыхъ умовъ своего времени, съ непріязненнымъ чувствомъ замѣтилъ, что во Франціи лакеи, сидя въ передней, не вскакиваютъ съ мѣстъ передъ господами, проходящими мимо этихъ *скотовъ*; если Фонъ-Визинъ былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что французскіе офицеры гуляли по улицамъ безъ слуги, то какъ должны были поражаться европейскими нравами люди, стоявшіе далеко ниже Фонъ-Визина по уму, по образованію, и съ дѣтства воспитанные въ грубыхъ и не совсѣмъ человѣчныхъ убѣжденіяхъ? Съ другой стороны, какъ должны были поражать иноземцевъ, выросшихъ среди иныхъ обычаевъ, наше безцеремонное обращеніе съ подчиненными и слугами, наша барская спѣсь и семейная автократія! Передавая своимъ ученикамъ презрѣніе къ такимъ суровымъ нравамъ, они конечно дѣйствовали не совсѣмъ недобросовѣстно.

Въ воспитаніи дѣвицъ мадамами и гувернантками также главное вниманіе было обращено на внѣшній лоскъ и наружныя формы. Почти съ того дня, какъ разставались дѣвочки съ своими кормилицами, начинали ихъ наряжать; потомъ учили танцовать, вы-

прямливали станъ, заставляли голову носить предписаннымъ образомъ и поворачиваться по циркулю, подъ опасеніемъ не выйдти никогда замужъ, если не будутъ ходить, глядѣть и двигаться прямо; о томъ же, чтобы приготовлять изъ нихъ добрыхъ хозяекъ, образовать ихъ умъ и сердце, почти совсѣмъ не заботились.

Свѣтское модное воспитаніе не обошлось безъ сильнаго вліянія на отечественный языкъ. Періодическія изданія, проникнутыя строгимъ сатирическимъ направленіемъ, горячо вступились за родное слово, которое въ большомъ свѣтѣ искажалось и передѣлывалось на французскую и нѣмецкую стать: здѣсь создался свой особенный разговорный языкъ съ странною примѣсью множества иностранныхъ словъ и оборотовъ.

Начиная съ Петра Великаго, въ литературѣ нашей не переставало слышаться обличительное слово, направленное противъ лихоимства, ябеды, беззаконныхъ судей и приказныхъ. Противъ „*застарѣлой* неправды" рѣзко говорилъ Посошковъ въ своихъ проектахъ, гремѣла проповѣдь Ѳеофана Прокоповича, писалъ сатиры Кантемиръ, колко и откровенно выражались сатирическіе памфлеты Сумарокова и Нахимова, явился цѣлый рядъ комедій, между которыми встрѣчаемъ „Ябеду" Капниста и „Неслыханное диво или честный секретарь" Судовщикова. Ни Императрица Екатерина II, ни Фонъ-Визинъ не обошли этого общественнаго вопроса, и перо послѣдняго завѣщало намъ превосходныя „письма, найденныя по блаженной кончинѣ надворнаго совѣтника *Взяткина*"; сатирическія изданія прошлаго столѣтія съ самымъ живымъ энергическимъ участіемъ возвышали свой голосъ противъ неправосудія и взятокъ, и это одна изъ характеристическихъ сторонъ этихъ изданій.

Нападая на темныя стороны современной юстиціи, сатирики прошлаго столѣтія выставляли образованіе, какъ главное и вѣрнѣйшее исправительное средство противъ сутяжничества, взятокъ и лихоимства. „Я увѣренъ (читаемъ во „Всякой Всячинѣ)", что если къ должностямъ употребляемы будутъ люди съ воспитаніемъ и знаніемъ, менѣе услышимъ о корыстолюбіи. Человѣкъ, который съ малыхъ лѣтъ привыкъ слушать и читать похвалу добродѣтелей и поношеніе пороковъ, несомнѣнно болѣе воздержанія имѣетъ отъ послѣднихъ и болѣе почтенія къ первымъ, нежели тотъ, который почти различія не знаетъ между пороками и добродѣтелями".

„Трутень“ совѣтовалъ во всѣ должности, большія и малыя, стараться выбирать людей просвѣщенныхъ; ибо только при посредствѣ такихъ людей могутъ быть водворены въ народѣ благоденствіе и добрые нравы. Быть добродѣтельными—нельзя приказать; для этого необходимы добрые примѣры, тщательное воспитаніе и науки. Взглядъ этотъ оправдывался на самомъ дѣлѣ. Народное образованіе, насажденное Петромъ Великимъ и расширенное въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ гуманныхъ предначертаній Екатерины II, уже тогда начинало приносить свои благотворные плоды.

Главная задача европейскаго образованія, перенесеннаго на русскую почву, заключалась въ умягченіи нравовъ общества и въ водвореніи тѣхъ гуманныхъ идей, которыя были выработаны энциклопедистами и которыя за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ требовали признанія его человѣческаго достоинства. Ту-же задачу имѣла въ виду и журнальная сатира. Она съ строгими обличеніями выступила противъ вельможъ, гордыхъ своимъ высокороднымъ происхожденіемъ, а не личными заслугами, надменныхъ блескомъ своего богатства и готовыхъ оказывать незаслуженное презрѣніе къ низшимъ классамъ. Еще Кантемиръ осмѣялъ эту боярскую спѣсь во второй сатирѣ: но предразсудки живучи! Надо было снова толковать, что всѣ сословія равно почтенны, что трудъ (каковъ бы онъ ни былъ) заслуживаетъ полнаго уваженія, а праздность, пожирающая плоды чужихъ усилій,—полнаго презрѣнія, что не порода, а личныя достоинства и заслуги даютъ право на почетъ и вниманіе.

Гуманное направленіе замѣчается въ большей части журнальныхъ статей этого времени. Касаются ли онѣ военной службы—тотчасъ требуютъ отъ офицеровъ кроткаго и сообразнаго съ человѣческимъ достоинствомъ обращенія съ нижними чинами, требуютъ, чтобы солдата исправляли болѣе лаской и примѣромъ, нежели безумною строгостью. Касаются ли журналы состоянія и быта крестьянскаго населенія—они непремѣнно имѣютъ въ виду указать его нужды, возбудить участіе къ его судьбѣ и выяснить высокія требованія христіанской любви. На обыкновенномъ языкѣ той эпохи низшіе общественные слои назывались *подлыми*; эпитетъ этотъ, по первоначальному употребленію, не заключалъ въ себѣ ничего колкаго и оскорбительнаго и служилъ только для прямаго обозначенія низшихъ классовъ народа; въ такомъ смыслѣ употребляло прежде это слово и самое законодательство. Но впослѣдствіи тще-

славная гордость стала употреблять его въ томъ презрительномъ смыслѣ, какой и теперь удержался за этимъ прилагательнымъ. Журналы немедленно возвысили свой голосъ противъ такого названія и рѣзко высказали по этому поводу свои правдивыя замѣчанія. „*Подлыми* людьми—говоритъ „Живописецъ"—по справедливости должны называться тѣ, которые худыя дѣла дѣлаютъ, но у насъ, не вѣдаю—по какому предразсужденію, вкралось мнѣніе почитать подлыми тѣхъ, кои находятся въ низкомъ состояніи. „Трутень" убѣждаетъ, что не порода, а добродѣтели дѣлаютъ человѣка достойнымъ почтенія; что нельзя назвать человѣка *подлымъ* за то только, что родился онъ отъ честныхъ и добродѣтельныхъ мѣщанъ, какъ позволяютъ себѣ нѣкоторые невѣжды; что преступленія и худые поступки равно встрѣчаются и между благорожденными, и между простолюдинами. Осмѣивая безразсудное тщеславіе породою, сатирическія изданія неразъ напоминали гордецамъ, что всѣ люди имѣютъ одного общаго праотца—Адама, и совѣтовали имъ почаще разсматривать кости, оставшіяся по смерти простолюдина и боярина: не найдется ли между ними какого различія? О нравственномъ и матеріальномъ положеніи крестьянскаго населенія Новиковскіе журналы, „Смѣсь" и другія повременныя изданія представили нѣсколько превосходныхъ статей, проникнутыхъ истиннымъ чувствомъ любви къ человѣчеству и написанныхъ съ одушевленіемъ и остроуміемъ неподдѣльными.

Такова была журнальная сатира 1769—1774 годовъ. Требуя умственнаго и нравственнаго образованія, проповѣдуя человѣколюбіе и необходимость труда, она въ то-же время осмѣивала все, что̀ противорѣчило общественному благу и вѣчной правдѣ. Конечно, эти колкія насмѣшки и смѣлыя нападки не могли всѣмъ нравиться. Если лучшая, образованная часть публики сочувствовала такому литературному движенію, то съ другой стороны масса, выросшая въ невѣжествѣ и привыкшая въ мутной водѣ ловить рыбу, не очень таила свою невольную досаду. Честь и слава тѣмъ писателямъ, которыя, не смотря на подобные возгласы, подвизались на избранномъ ими литературномъ поприщѣ съ искреннимъ желаніемъ добра, съ непритворною любовью къ отечеству, съ полнымъ уваженіемъ къ просвѣщенію и правдѣ и съ неослабною энергіею! Мы обязаны почтить ихъ труды благодарнымъ воспоминаніемъ тѣмъ болѣе, что положеніе писателя было въ ту пору не совсѣмъ завидное.

II.

Изъ сочиненія А. И. Незеленова: «Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 г.».

Д. Ив. Фонъ-Визинъ, первоклассный поэтъ екатерининскихъ временъ, въ своей „Челобитной Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ писателей", жалуясь на вельможъ, что они опредѣлили — „всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять", проситъ Минерву „таковое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить", „дабы мы, именованные—говоритъ онъ отъ лица всѣхъ русскихъ писателей—служа Россійскимъ музамъ *на досугѣ*, могли *главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы* Вашего Величества". Фонъ-Визину и въ голову не приходило, что „служенье Музамъ" есть такой-же трудъ на пользу отечества, какъ и государственная служба; онъ хотѣлъ посвящать музамъ только свободное отъ другихъ серьезныхъ занятій время. Иначе смотрѣлъ на литературу Николай Ивановичъ Новиковъ: готовясь выступить на служеніе обществу словомъ, онъ оставилъ многообѣщавшую ему въ будущемъ службу и всего себя посвятилъ новому дѣлу. „Я отъ лѣности никакой еще и службы по сіе время не избралъ (иронически говоритъ онъ въ предисловіи „Трутня"): ибо всякая служба несходна съ моею склонностью. Военная кажется мнѣ очень безпокойною и угнетающею человѣчество: она нужна, и безъ нея никакъ не можно обойтись; она почтенна, но она не по моимъ склонностямъ. Приказная хлопотлива... надлежитъ знать всѣ пронырства, въ дѣлахъ употребляемыя. . И хотя она и по сіе время еще гораздо наживна, но однакожъ она не по моимъ склонностямъ. Придворная всѣхъ покойнѣе, и была бы легче всѣхъ, ежели бы не надлежало знать наизусть ее актеру... Къ чему жъ потребенъ я въ обществѣ? „*Безъ пользы въ свѣтѣ жить, тягчить лишь только землю*" сказалъ славный россійской стихотворецъ... И такъ вознамѣрился я издавать въ семъ году еженедѣльное сочиненіе, подъ заглавіемъ „*Трутня*". — Сознательное пониманіе Новиковымъ важности слова, глубокое уваженіе его къ слову и мысли объясняются, во 1-хъ, благород-

ною его личностью; во 2-хъ, по всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ „Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія", гдѣ онъ могъ наглядно понять всѣ важности и силу слова, высказаннаго для общества. Въ показаніи своемъ въ шлиссельбургской крѣпости, Новиковъ писалъ про себя: „Будучи унтеръ-офицеромъ... опредѣленъ въ коммиссію о среднемъ родѣ людей, гдѣ и находился содержателемъ дневной записки и во время диспутовъ прикомандированъ былъ въ общее собраніе къ держанію дневной, же записки". Эту записку велъ онъ, чередуясь съ товарищами, въ 1767 и 1768 годахъ; „въ 1768 г. отъ Коммиссіи уволенъ и оставленъ поручикомъ", а весною 1769 г. онъ выступилъ уже на литературное поприще — какъ издатель „Трутня".

Двѣ опредѣленныя, ясныя идеи проходятъ сквозь все содержаніе перваго журнала Новикова; во имя ихъ сатирикъ обличаетъ современную ему дѣйствительность. Во множествѣ большихъ статей и мелкихъ замѣтокъ „Трутень" высказываетъ ту мысль, что мы, отказавшись отъ всего прошлаго нашей жизни, отъ нравовъ и обычаевъ предковъ, сдѣлавшись слѣпыми подражателями всему французскому, вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели нашихъ предковъ, въ большинствѣ случаевъ промѣняли наше старое родное добро на новое чужое зло, какъ промѣниваемъ „разныя домашнія наши бездѣлицы, какъ-то пеньку, желѣзо юфть, сало, свѣчи, полотна и проч." на „нужныя намъ товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки, черепаховыя, бумажныя, сургучныя; кружевы, блонды, бахрамки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякія такъ-называемыя галантерейныя вещи".—Какъ разошлись мы съ предками во взглядѣ на ученіе, на мысль, на умъ, такъ разошлись мы съ ними и въ чувствѣ: прежде люди любили серьезно, всею душою; теперь это дѣлается иначе. „Трутень" рисуетъ портретъ молодого человѣка, который прежде „имѣлъ веселый нравъ и живые поступки; въ бесѣдахъ душею собранія почитался, и словомъ, во всѣхъ между молодыми людьми веселостяхъ былъ первый; но съ нѣкотораго времени совсѣмъ перемѣнился: сталъ задумчивъ, скученъ и иногда не только другимъ, но и самому себѣ тягостенъ бываетъ. Поступки его не имѣютъ уже прежней живости, но вмѣсто того видна робость и смятеніе, и часто въ задумчивости отвѣчаетъ не то, о чемъ спрашиваютъ".

Это онъ, поясняетъ сатирикъ; „влюбленъ *по дѣдовски*“ т. е. онъ человѣкъ отсталый, потому что „любовь нынѣ у насъ (говорится въ другой статьѣ, въ которой предварительно нарисовано трогательное прощанье искренно любящихъ другъ друга молодыхъ людей), любовь нынѣ у насъ завелась большею частью модная, что значитъ: увидѣть, влюбиться, получить склонность и тотчасъ сдѣлаться невѣрнымъ; а еще моднѣе—влюбляться и измѣнять разъ по сту на день... „Нынѣшняя любовь весьма далека отъ любви нашихъ предковъ. „Слѣдствіемъ такого взгляда на чувство явилось паденіе семейнаго начала; любовь супруговъ другъ къ другу стала считаться дѣломъ неприличнымъ, непринятымъ въ свѣтѣ. Образы кокетокъ и щеголихъ, съ ихъ невѣжествомъ, безграмотностью, пустотою и легкомысліемъ, съ ихъ пристрастіемъ къ нарядамъ, модамъ, сплетнямъ, любовнымъ приключеніямъ, художественно нарисованы „Трутнемъ“. Не лучше кокетокъ и молодые щеголи: ложь царитъ въ современной жизни вообще, въ мысли, въ чувствѣ и во всемъ. Главною причиной паденія нравовъ Новиковъ считаетъ дурное воспитаніе русскаго юношества,—воспитаніе, получаемое отъ французовъ-гувернеровъ. „На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ (говоритъ извѣстіе изъ Кронштадта) прибылъ изъ Бурдо корабль; на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 Француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ Бароны, Шевалье, Маркизы и Графы“; на самомъ дѣлѣ это французы-ремесленники. „Многіе изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ парижскою полиціею, и для того она по ненависти своей къ нимъ „сдѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось“, „хотя было и очень искренно“, т. е. она хотѣла посадить ихъ въ Бастилію; „и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезные сограждане, спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ для воспитанія нашихъ дѣтей! Поручайте немедленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учители французовъ, не узнавъ прежде ни знанія ихъ, ни поведенія“. Эти слова показываютъ намъ, какъ у Новикова остроумная и живая сатира тѣсно сливалась съ серьезной мыслью даже въ формѣ рѣчи. Деревенскому воспитанію, даже обошедшемуся безъ образованія, Новиковъ отдаетъ

предпочтеніе передъ воспитаніемъ моднымъ, французскимъ.—Вообще онъ съ сочувствіемъ относится къ деревнѣ: тамъ видитъ онъ слѣды нашей прежней жизни, остатки добродѣтелей предковъ, отъ которыхъ отреклось городское офранцузившееся общество. „Съ пріятностью деревенской жизни ничто сравниться не можетъ (говоритъ одна статья „Трутня"): тамъ встаютъ рано не для того, чтобы просидѣвъ 3 или 4 часа надъ уборомъ головы и отягчивъ оную саломъ и пудрою, шататься по переднимъ комнатамъ знатныхъ бояръ; но для того, чтобъ пользоваться пріятнымъ утреннимъ временемъ, присматривать за своимъ домостроительствомъ и примѣромъ своимъ служителей своихъ поощрять къ трудамъ". Тамъ нѣтъ огромной музыки, садовъ со статуями и водометами; но вмѣсто этого тамъ поютъ птицы, зеленѣютъ рощи и луга, испещренные цвѣтами. Новикову нравится въ деревнѣ дѣятельная и простая жизнь, близкая къ природѣ, чуждая лести и лжи.— Нравамъ городскаго, по французски образованнаго общества противополагаетъ сатирикъ нравы сельскаго сословія, крестьянства.

Вопросомъ о положеніи крестьянина, о крѣпостномъ правѣ помѣщика „Трутень" интересовался очень сильно. Мысль о томъ, что крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, что онъ имѣетъ право на свободу и что положеніе его слишкомъ тяжело, есть вторая идея, положенная Новиковымъ въ основу его журнала. Но должно замѣтить, что по обстоятельствамъ времени Новиковъ не могъ высказать свою мысль прямо, мало того, — и къ той формѣ, въ которой она явилась на свѣтъ, онъ долженъ былъ прибавить оговорки.—Что Новиковъ сострадалъ не только о крестьянахъ дурныхъ, безчеловѣчныхъ помѣщиковъ, что онъ считалъ крѣпостное право вообще явленіемъ ненормальнымъ, объ этомъ положительно свидѣтельствуютъ два письма „Трутня" въ одномъ, разсказывая о смерти помѣщика, сатирикъ выражается: „онъ переселился въ то жилище, въ которомъ *чужихъ душъ никто не желаетъ*"; въ другомъ мѣстѣ—Правдинъ пишетъ издателю „Трутня": „Изъ вашихъ сочиненій примѣтилъ я, что вы къ состоянію крестьянъ чувствительны. Вы о нихъ сожалѣете вообще: похвально; но коликаго жъ достойны сожалѣнія тѣ, кои во владѣніи у худыхъ помѣщиковъ!" и т. д. Т. е. значитъ, „Трутень" сожалѣетъ и тѣхъ, которые находятся во власти добрыхъ помѣщиковъ, сожалѣетъ о томъ, что они рабы, будучи совер-

шенно такими же „человѣками“, какъ и помѣщики. Эту послѣднюю мысль журналъ проводитъ особенно настоятельно, благородно и умно, стараясь разбить силой логики нелѣпое предубѣжденіе о какихъ-то природныхъ преимуществахъ благороднаго сословія. Новиковъ былъ совершенно свободенъ отъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ,—обстоятельство, ставящее его очень высоко, ибо этихъ предразсудковъ не были чужды и такіе его современники, какъ Полѣновъ, Фонъ-Визинъ, даже Радищевъ. Замѣчательно отношеніе Новикова къ слову „моднаго нарѣчія“—*подлый*. Въ одной статьѣ Трутня разсказывается, что явилось три охотника занять „прежнее мѣсто“, дающее въ годъ 2000 рублей безгрѣшнаго дохода: „Первый изъ нихъ дворянинъ безъ разума, безъ науки, безъ добродѣтели и безъ воспитанія... Душъ за нимъ тысячи двѣ; но самъ онъ безъ души. Короче сказать, все достоинство сего молодца въ томъ только и состоитъ, что онъ дворянинъ и родня многимъ знатнымъ боярамъ“. Другой охотникъ — дворянинъ, не имѣющій важнаго родства, „поведенія добраго, разума хотя не пылкаго, однако наукою подкрѣпленнаго“; третій— проситель мѣста, *по нарѣчію нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ, есть человѣкъ подлый: ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мѣщанъ*.. Природный его разумъ, соединенный съ долговременнымъ и въ Россіи и въ чужихъ краяхъ ученьемъ, учинили его мужемъ совершеннымъ. Мало такихъ наукъ, которыхъ бы онъ не зналъ, или о которыхъ бы онъ не имѣлъ понятія; защитникъ истины, помогатель бѣдности, ненавистникъ злыхъ нравовъ и роскоши, любитель человѣчества, честности, наукъ, достоинства и отечества“. „Читатель! угадай (заключаетъ авторъ статьи): глупость-ли, подкрѣпляемая родствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелью наградятся?—Такимъ образомъ, *подлымъ*, по мнѣнію Новикова, можетъ называть простаго человѣка лишь глупый; а дѣлаютъ насъ благородными, возвышаютъ надъ другими только образованіе и нравственныя достоинства. Въ глубокомъ уваженіи къ наукамъ, которое выразилъ Новиковъ, характеризуя третьяго искателя мѣста, выказался будущій просвѣтитель своего отечества. „Трутень“ не упустилъ изъ виду показать своимъ читателямъ и тяжелое экономическое положеніе крестьянина, его бѣдность, доходящую до обнищанія, вслѣдствіе громадныхъ оброковъ помѣщику, которые онъ

наконецъ не въ силахъ выплатить, не смотря на невѣроятныя усилія въ работѣ и на безчеловѣчныя наказанія за недоимки. Съ этой стороны крестьянская жизнь художественно нарисована въ статьяхъ подъ заглавіемъ „Копіи съ отписокъ", состоящихъ изъ переписки крестьянъ съ ихъ помѣщикомъ. Цѣлый рядъ подобныхъ статей проходитъ сквозь весь первый годъ изданія журнала, свидѣтельствуя, какое важное значеніе придавалъ Новиковъ вопросу о крѣпостномъ правѣ.

Не должно думать, что, говоря о „добродѣтеляхъ предковъ", Новиковъ проповѣдывалъ отчужденіе отъ иностранныхъ земель и національную исключительность. Онъ, напр., готовъ отдать должную дань уваженія иностраннымъ писателямъ: благоразумный помѣщикъ, воспитавшій дочь свою въ деревнѣ не по модному, составилъ себѣ небольшую, но хорошую библіотеку; въ нее входятъ между прочимъ слѣдующія книги, которыя дочь его, обратившись въ кокетку, не можетъ читать: „Ѳеофаны *) да Кантеміры, *Телемаки*, *Роллени* **), Лѣтописцы" и т. п.—Въ первыхъ номерахъ „Трутня" мы встрѣчаемъ объявленіе: „Молодого россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума и который, объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть, могутъ его видѣть безденежно, по многимъ улицамъ сего города". Но не должно изъ этого заключить, что Новиковъ считаетъ путешествія заграницу вредными; напротивъ, мы видѣли, что его идеальный мѣщанинъ сдѣлался „мужемъ совершеннымъ" вслѣдствіе долговременнаго „и въ Россіи *и въ чужихъ краяхъ*" ученія. Если же иной „поросенокъ" воротится изъ-за-границы уже „совершенною свиньею", то это потому, „что всѣ наши молодые дворяне, путешествующіе въ чужія земли, привозятъ (говоритъ „Трутень") только извѣстія, какъ тамъ одѣваются, пространное дѣлаютъ описаніе всѣмъ увеселеніямъ и позорищамъ того народа; но рѣдкія изъ нихъ знаетъ, на какой конецъ путешествіе предпринимать

*) Ѳеофанъ Прокоповичъ—знаменитый писатель и проповѣдникъ временъ Петра Великаго. *Ред.*

**) «Телемакъ» — нравоучительное сочиненіе епископа Фенелона (въ XVIII ст.). Ролленъ—извѣстный французскій историкъ XVIII ст., сочиненіе котораго было у насъ переведено Тредьяковскимъ. *Ред.*

должно. Я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчанія на нравы того народа, или на узаконенія, на полезныя учрежденіи и проч., *дѣлающія путешествіе только нужнымъ*. Мнѣ это совсѣмъ не нравится: лучше совсѣмъ не ѣздить, нежели ѣздить безъ пользы; а еще паче и ко вреду своего отечества".—Глаза сатирика не закрыты и на наши родные, національные недостатки. Среди деревенской жизни, за наружнымъ благочестіемъ, онъ видитъ такіе пороки, которые не изъ чужихъ земель пришли къ намъ. „Трутень" не только восхищался простотою и дѣятельностью деревенской жизни,—онъ видѣлъ и грубые недостатки старосвѣтскихъ людей, живущихъ, какъ жили наши предки; онъ видѣлъ ихъ праздную, грубую, почти животную жизнь, прикрываемую ханжествомъ, невѣжество и отвращеніе отъ мысли, грубый эгоизмъ и произволъ, дозволяющіе тѣснить и грабить ближняго. Въ связи съ этимъ стоятъ въ „Трутнѣ" обличенія неправосудія и взяточничества судей. Въ многочисленныхъ статьяхъ и замѣткахъ о кривизнѣ судейской совѣсти „Трутень" нигдѣ не предполагаетъ, чтобы эта язва нашей жизни явилась къ намъ изъ чужихъ земель, какъ слѣдствіе нашего слѣпаго преклоненія предъ западомъ. Онъ, напротивъ, скорѣе склоненъ думать, что неправду нашего суда мы наслѣдовали отъ предковъ. Обличенія „Трутня" чрезвычайно остроумны и порой даже художественны.

„Живописецъ" приводитъ, нѣсколько видоизмѣняя ихъ, тѣже двѣ идеи, которыя мы видѣли въ „Трутнѣ". Подобно этому послѣднему, „Живописецъ" рисуетъ нравы кокетокъ и щеголей. Если эти лица встаютъ передъ нами изъ „Трутня", какъ живые, то изображеніе ихъ чувствъ, мыслей, языка, образа жизни въ „Живописцѣ" достигаетъ замѣчательной степени художественности; таковы напр.: „Письмо щеголихи къ издателю" (Mon coeur, Живописецъ!), „Опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія" и т. п. Кокетки и щеголи являются жаркими отрицателями науки, мысли, всякаго ученія вообще. Съ первыхъ-же страницъ новаго изданія Новиковъ заявилъ себя горячимъ преслѣдователемъ невѣжества.—Между кокетками и щеголями совсѣмъ неизвѣстны: искреннее чувство, добрая нравственность, супружеская вѣрность, цѣломудріе.

„Живописецъ", подобно „Трутню", думалъ, что нравствен-

ный упадокъ русскаго общества, есть слѣдствіе нашего увлеченія всѣмъ иностраннымъ. Онъ объявлялъ, что въ Петербургѣ и въ Москвѣ укоренилась болѣзнь, называемая „слѣпое пристрастіе ко всѣмъ иностранцамъ"; онъ указывалъ на отвращеніе „россійскихъ господчиковъ къ чтенію русскихъ книгъ", потому только, что онѣ русскія, и остроумно совѣтовалъ печатать ихъ „французскими литерами". Но однако въ вопросѣ о нашихъ отношеніяхъ къ западу „Живописецъ" довольно сильно расходится съ „Трутнемъ". Этотъ послѣдній винилъ въ паденіи нашихъ нравовъ не только насъ самихъ, но и Францію. Во всѣхъ нашихъ грѣхахъ „Живописецъ" винитъ насъ самихъ. Всякій народъ, говоритъ онъ, выходя „изъ тьмы невѣдѣнія и жестокосердія", долженъ перенимать отъ того народа, у котораго „заимствуетъ свое просвѣщеніе", во-первыхъ—добродѣтели, а потомъ науки, художества и промыслы. А мы поступаемъ иначе: „мы привыкли перенимать съ жадностью все отъ иностранныхъ, но по несчастію нашему *по часту перенимаемъ только пороки ихъ*; напримѣръ, когда были у насъ въ модѣ французы, то отъ обхожденія съ ними остались у насъ легковѣрность, непостоянство, вертопрашество, вольность въ обхожденіи... Французовъ смѣнили англичане: нынѣ женщины и мущины взапуски стараются перенимать что нибудь отъ англичанъ... Французскую наглость называли мы благородною вольностью, а нынѣ англійскую грубость именуемъ благородною великостью духа. Я говорю это (замѣчаетъ сатирикъ) не въ поношеніе обоихъ сихъ народовъ: ибо всякъ вѣдаетъ, что *французы и англичане весьма много имѣютъ добраго:* но говорю единственно въ доказательство пристрастнаго нашего къ иностраннымъ порокамъ прилѣпленія". Конечно, „Живописецъ" не увлеченъ безусловно Франціей—онъ говоритъ о ея недостаткахъ; но онъ указываетъ и на ея хорошія стороны. Въ „Трутнѣ" этого почти не было; „Трутень" винилъ наше общество за подражательность Франціи, „Живописецъ"—за то, что мы переняли только ея пороки. „Трутень" не прочь былъ, чтобы мы путешествовали во Францію, изучали ея нравы; но онъ не хотѣлъ, чтобы мы отъ нея что нибудь заимствовали; „Живописецъ" находилъ, что не мѣшаетъ намъ брать изъ чужихъ земель ихъ добродѣтели, науки, художества. Идея о близкой связи нашихъ старинныхъ нравовъ съ невѣжествомъ, которую мы замѣтили уже въ „Трутнѣ", заставила Новикова сильно

призадуматься надъ нашими отношеніями къ западу, къ народамъ, отъ которыхъ со временъ Петра Великаго шла къ намъ образованность.

Второй сатирическій журналъ Новикова указываетъ на добрые нравы нашихъ предковъ и на остатки этихъ нравовъ по деревнямъ; но такихъ указаній въ немъ гораздо меньше, чѣмъ въ „Трутнѣ", и они не такъ рѣшительны и опредѣленны. Старинѣ отдаетъ Новиковъ предпочтенье предъ новизною. Но какой старинѣ? Легко замѣтить, что эта старина недавняя; и точно также легко замѣтить, что похвалы ей весьма сдержанны и весьма условны: въ этой старинѣ, напр. по указанію прославляющаго ее сатирика, не было серьезной литературы и мужья колотили любящихъ ихъ женъ палками.—Что же касается деревни, то щеголиха, упрекая издателя „Живописца" за невѣжливость къ дамамъ, т. е. къ кокеткамъ, дѣлаетъ предположеніе, что вѣрно эта невѣжливость есть слѣдствіе воспитанія въ сибирской деревнѣ. Еще два-три подобныхъ указаній на деревню—вотъ и все, что нашелъ сказать „Живописецъ" въ пользу жизни, близкой къ природѣ; это далеко не то, что въ „Трутнѣ".

Сдержанный въ похвалахъ нашей старинѣ, „Живописецъ" съ большею опредѣленностью и ясностью, чѣмъ „Трутень", представляетъ наши старинные недостатки. Письма къ Ѳалалею его отца, матери и дяди художественно рисуютъ бытъ нашихъ деревенскихъ дворянъ, простыхъ людей, живущихъ по-старому. Самыми мрачными красками изобразилъ „Живописецъ" грубые пороки этой жизни: глубокое невѣжество и суевѣріе, ханжество и внѣшнее благочестіе, жадность, дикій произволъ, выражающійся въ семейной жизни побоями отъ рукъ главы семьи жены и всѣхъ домашнихъ, въ служебной и общественной дѣятельности —казнокрадствомъ и взяточничествомъ, непониманіемъ общественныхъ интересовъ, наглымъ отниманіемъ сосѣдскихъ земель, въ отношеніяхъ къ крестьянамъ—безчеловѣчной жестокостью. „Живописецъ", подобно „Трутню", обличаетъ взяточничество и неправосудіе, и еще болѣе, чѣмъ этотъ послѣдній журналъ, сближаетъ ихъ съ нашими старинными пороками.—Указывая на родные наши недостатки дворянскаго сословія, „Живописецъ" не щадитъ и сословій другихъ.

Очевидно, горячее увлеченіе издателя „Трутня" нашими старинными народными нравами въ значительной степени охладѣло

въ то время, когда онъ издавалъ „Живописецъ“, Издатель этого послѣдняго журнала болѣе благоговѣетъ передъ образованностью, которую мы можемъ заимствовать съ запада. Но изъ этого отнюдь не должно заключать, что въ Новиковѣ ослабѣла любовь къ родной землѣ и что онъ хотѣлъ-бы сдѣлать Русь простою подражательницею другимъ землямъ. „Желалъ бы я (напечатано въ 13 листѣ „Живописца“ 1772 года), чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ! Если какое находитъ она препятство тому, чтобы нарещися ей за превосходныя свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другого нѣтъ, кажется, какъ сей токмо недостатокъ“. Изъ этихъ словъ, равно какъ и изъ многаго другаго, видно, что „Живописецъ“ вовсе не разочарованъ въ высотѣ духовныхъ началъ нашей народности; онъ указываетъ только, что эти начала не развиты еще, что ихъ глушитъ невѣжество.

Подобно „Трутню“, „Живописецъ“ сильно и горячо ратовалъ противъ крѣпостного права. Въ 5 листѣ его напечатанъ „Отрывокъ путешествія въ ***, И. Т., глава XIV“. Здѣсь серьезнымъ, не сатирическимъ тономъ нарисовалъ авторъ безотрадную картину непомѣрнаго крестьянскаго труда и безъисходной нищеты подъ властью жестокаго помѣщика. Статья указываетъ читателямъ на важное значеніе крестьянъ для государства вообще... Полное отрицаніе крѣпостного права въ „Живописцѣ“, какъ и въ „Трутнѣ“, прямо не высказано, но его можно подмѣтить въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Вопросъ о положеніи крестьянъ „Живописецъ“ тѣсно связалъ съ нашими старинными помѣщичьими нравами и съ нравами кокетокъ и щеголей. Замѣчательно, что въ „Живописцѣ“ Новиковъ указываетъ на то обстоятельство, что въ иностранныхъ государствахъ на крестьянъ, на простой народъ смотрятъ иначе, чѣмъ у насъ. По мнѣнію „Живописца“, въ иностранныхъ государствахъ лучше смотрятъ на простолюдина, чѣмъ у насъ.

„Живописецъ“ 1773 года совершенно не похожъ на „Живописецъ“ 1772 года; мѣсто живой сатиры на современные нравы заняли въ немъ различныя серьезныя статьи, часто переводныя, съ отвлеченнымъ содержаніемъ.

Сюда относятся статьи: „Странствіе Музъ по землѣ“; „Картина изъ самой далечайшей древности“; „Сатира на человѣка“, Боало; его

же „Сатира на женщинъ"; „Письмо россіянина"; „Извѣстіе, полученное съ Еликона". Въ этихъ сочиненіяхъ говорится о господствѣ низкихъ страстей въ человѣческой жизни, что часто ставитъ человѣка ниже животныхъ, унижаетъ его и лишаетъ истиннаго счастья; люди злы, глупы и невѣжественны, подозрительны, мстительны, развратны, клеветники, низкопоклонники; они отказываются отъ принесенныхъ музами на землю—разума, добродѣтели и здравія, зависящаго отъ умѣренной жизни, и съ жадностью кидаются за увеселеніями, богатствомъ, честью, понимая подъ послѣднею не истинную честь, а пустыя титла и знаки. Мрачная картина пороковъ человѣчества приводитъ журналъ къ мистическимъ стремленіямъ удалиться прочь отъ грязной жизни земнаго міра, приводитъ къ увѣренности въ ничтожествѣ и этой жизни, и человѣческой личности, къ презрѣнію и той, и другой. — Мы должны однако замѣтить, что среди этихъ отвлеченно-мистическихъ статей встрѣчаются порою возвышенныя мысли; каковы, напр. мысли, что завоевательная политика вызывается тщеславіемъ, что не должно быть смертной казни.

Таково преобладающее содержаніе второй части „Живописца". Но не должно думать, что въ ней совсѣмъ нѣтъ прежней Новиковской сатиры. Въ этой части журнала есть и сатира на кокетокъ и щеголей, на придворныхъ и вообще на знатныхъ людей, на нечестныхъ судей и приказныхъ, на различные современные недуги (какъ напр. обычай жестоко наказывать солдатъ палками); въ ней есть наконецъ хотя и мимоходомъ сдѣланныя, но опредѣленныя и ясныя указанія на тяжелое положеніе крестьянина. Даже въ самыхъ отвлеченно-мистическихъ статьяхъ попадаются порою сатирическія выходки и выраженія сочувствія къ старинѣ.

Въ заключеніе мы должны обратить вниманіе еще на двѣ статьи втораго года „Живописца". Нѣкто Любомудровъ извѣщаетъ издателя, прося „дать знать объ этомъ всѣмъ мыслящимъ россіянамъ" объ учрежденіи „Общества, старающагося о напечатаніи книгъ". Издатель выражаетъ въ отвѣтѣ полное сочувствіе свое какъ обществу, такъ и мысли Любомудрова, что книгопечатанье есть величайшее изобрѣтеніе, которое будитъ человѣческую мысль и „соблюдаетъ наилучшимъ образомъ всѣ истины, доставляетъ наибольшему количеству народа объ оныхъ свѣдѣнія, чрезъ то очищаетъ общество отъ заблужденія и предразсудковъ всегда вред-

ныхъ. „Но по моему мнѣнію, государь мой, прибавляетъ Новиковъ, не довольно сего, чтобы только печатать книги, а надобно имѣть попеченіе о продажѣ напечатанныхъ книгъ"; въ столицахъ русскія книги идутъ туго, а въ провинціяхъ ихъ не могутъ достать,— нужно создать книжную торговлю въ провинціяхъ. При этомъ Новиковъ высказываетъ двѣ замѣчательныя идеи: „о распространеніи сей торговли не государю, но частнымъ людямъ помышлять должно", и „науки любятъ свободу, и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслить". Мы видимъ, такимъ образомъ, въ 1773 г. начало той идеи, которую осуществилъ потомъ Новиковъ въ колоссальныхъ размѣрахъ, создавши издательскую дѣятельность и книжную торговлю на Руси.—Другая изъ упомянутыхъ статей есть отвѣтъ Новикова генералъ-маіору Щербинину „находящемуся со властію губернатора въ Слободской губерніи", отвѣтъ на предложеніе участвовать въ учрежденіи типографіи при харьковскихъ училищахъ. Въ ней Новиковъ высказываетъ свой взглядъ на значеніе типографій.

Въ 1774 году начался третій сатирическій журналъ его — „Кошелекъ". Если прибѣгнуть къ старому, избитому, но прекрасному сравненію, то можно сказать, что, какъ лампада, догарая, вспыхиваетъ на мгновенье яркимъ блескомъ, такъ мысль, проходящая чрезъ весь первый періодъ литературной дѣятельности Новикова, умирая, уступая свое мѣсто иной мысли, вспыхнула, также на мгновеніе, яркимъ пламенемъ въ послѣднемъ изъ сатирическихъ журналовъ, въ „Кошелькѣ".—По сатирѣ своей, по художественности „Кошелекъ" значительно слабѣе не только „Живописца", но и "Трутня",—обстоятельство, свидѣтельствующее, что вѣра издателя въ свою идею уже не тверда и близко граничитъ съ сомнѣніемъ, что страстное увлеченіе его своей идеей есть уже увлеченіе лихорадочное, болѣзненное: намъ всегда становится дороже подъ конецъ то, чѣмъ мы когда то жили, и что мы чувствуемъ, уходитъ отъ насъ.—Но, уступая во многомъ своимъ предшественникамъ, „Кошелекъ" замѣчателенъ по строгой и рѣзкой опредѣленности своего направленія.

Съ благоговѣйнымъ уваженіемъ относится Новиковъ въ своемъ новомъ изданіи къ русской старинѣ. Онъ говоритъ, что Праотцевъ нашихъ (это слово написано даже съ большой буквы) украшали „великія добродѣтели", которыя онъ сравниваетъ съ „ис-

тинными драгоцѣнными жемчугами"; какъ великаго счастья, желаетъ издатель „Кошелька" своимъ читателямъ—„пользоваться древними россійскими добродѣтелями". Предки наши во сто разъ были добродѣтельнѣе насъ, и земля наша не носила на себѣ исчадій, не имѣющихъ склонности къ добродѣянію и не любящихъ своего отечества. — Слѣды древнихъ нашихъ доблестей видитъ Новиковъ и въ современной ему русской дѣйствительности. Эти доблести и добродѣтели Новиковъ не считаетъ явленіемъ случайнымъ—онѣ признаетъ ихъ свойствами нашего народнаго характера. Нашъ народный характеръ считаетъ Новиковъ въ „Кошелькѣ" высшимъ, чѣмъ характеры другихъ народовъ: еще въ „Живописцѣ" называлъ онъ Русь „несравненною подъ солнцемъ страною". Но въ то же время Новиковъ видитъ, что наша довѣрчивость, граничащая съ легковѣріемъ, есть добродѣтель весьма сомнительная: она приводитъ насъ къ самымъ печальнымъ результатамъ, — къ слѣпому увлеченію всѣмъ французскимъ, къ рабскому преклоненію передъ нимъ.

Въ 6, 7 и 8 листахъ „Кошелька" напечатана комедія изъ народнаго быта, подъ заглавіемъ „Народное игрище". Комедія — плоха, но мысль вызвавшая ее, достойна замѣчанія: авторъ пьесы говоритъ въ письмѣ къ издателю, что онъ задумалъ сочинить нѣсколько комедій для народнаго „Ѳеатра", ибо находитъ иностранныя комедіи „для народа мало полезными". Новиковъ выражаетъ полное сочувствіе мысли автора и желаетъ, чтобы онъ „устоялъ въ своемъ словѣ и сочинилъ бы нѣсколько комедій для народа. Нѣтъ нужды въ томъ (прибавляетъ Новиковъ), что въ нихъ не будутъ сохранены ѳеатральныя правила, лишь бы замыкалось въ оныхъ нравоученіе, и почаще представлялись бы примѣры, къ подражанію народному годные: то есть добрый слуга, честный купецъ, трудолюбивый хлѣбопашецъ и симъ подобные. Сіе было бы весьма не худо". Изъ этихъ словъ видно довольно заурядное, слабое литературно-критическое пониманіе Новикова; но въ то же время здѣсь высказанъ здравый, жизненный взглядъ на театръ какъ на школу для народа.

Въ первомъ листѣ „Кошелька" напечатана статья, осмѣивающая пристрастіе наше къ иностраннымъ словамъ и оборотамъ рѣчи. Въ этой статьѣ Новиковъ призываетъ все общество на исправленіе русскаго языка; каждый изъ насъ, говоритъ онъ, долженъ

слѣдить за своею рѣчью, изгонять изъ нея все не-русское; тогда только, при общихъ усиліяхъ, русская рѣчь можетъ прійти къ совершерству. Съ сильной ироніей говоритъ онъ о тѣхъ людяхъ, которые думаютъ, будто это — не дѣло частныхъ лицъ, а дѣло „особо учрежденныхъ мѣстъ, которыя денно-ночно о томъ пекутся, или по малой мѣрѣ печися долженствовали бы"; съ такой же ироніей отзывается онъ и о медленности трудовъ этихъ „особо учрежденныхъ мѣстъ", подъ которыми, по всей вѣроятности, должно разумѣть Академію Наукъ. — Въ этой статьѣ, какъ и во многихъ другихъ, въ Новиковѣ сказывается писатель, задавшійся высокой цѣлью — будить общественную дѣятельность.

Въ 1775 г. Новиковъ выпустилъ въ свѣтъ третье изданіе „Живописца". Изъ него выброшены всѣ серьезныя статьи, взамѣнъ ихъ напечатаны многія сатирическія статьи „Трутня". Новый „Живописецъ" снабженъ и новымъ предисловіемъ, весьма замѣчательнымъ: въ немъ успѣхъ своего журнала Новиковъ приписываетъ тому обстоятельству, что онъ „попалъ на вкусъ мѣщанъ нашихъ; только эти простосердечные люди—говоритъ онъ—читаютъ и поддерживаютъ серьезныя книги, они не знаютъ „чужестранныхъ языковъ"; „люди же, разумы свои знаніемъ французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги въ число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми головными уборами, привозимыми изъ Франціи какъ то: пудрою, помадою, книгами и пр.". Въ этомъ предисловіи видно во-первыхъ, отсутствіе въ Новиковѣ сословныхъ предразсудковъ; во-вторыхъ, такое осмѣяніе нашего увлеченія Франціей, которое доходитъ до крайности, до отрицанія пользы знанія французскаго языка.

РАДИЩЕВЪ

и

ЕГО КНИГА:

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1790 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.
1868.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

У насъ, гдѣ неусыпныя заботы правительства о народномъ благѣ, всегда заставляли ожидать отъ державной воли тѣхъ благихъ начинаній и реформъ, которыя были бы надобны въ извѣстное время, — часто являются люди, которые не имѣя возможности знать высокихъ причинъ и соображеній монарха, хотятъ, какъ будто, упредить державную волю. Впадая въ увлеченія и заблужденія, ихъ пропаганда о предполагаемой реформѣ получаетъ противузаконный характеръ, и они оказываютъ положительное противодѣйствіе проэктированному преобразованію, потому что освѣщаютъ его по своему вкусу

и часто преждевременно требуютъ большаго, не принимая въ разсчетъ того, что еслибъ ихъ проектъ былъ дѣйствительно своевременнымъ и полезнымъ, то правительство приняло бы его при первой возможности, такъ какъ всѣ интересы и желанія монарха сосредоточены на народномъ благѣ.

Однимъ изъ такихъ людей является Радищевъ. Получивъ заграничное воспитаніе, подъ вліяніемъ броженія умовъ вблизи французской революціи, поклонникъ Гельвеція, Радищевъ не могъ не отличатся по складу мыслей между своими соотечественниками, и не могъ равнодушно относиться къ общественнымъ недостаткамъ и порокамъ; но при обличеніи онъ слишкомъ увлекся, многое преувеличилъ съ необыкновенною рѣзкостью сужденій, часто самъ доходя до самыхъ ложныхъ выводовъ. Все это не могло не возбудить преслѣдованія. Главнымъ мотивомъ его обвиненія послужило отрицаніе крѣпостнаго права. Императрица Екатерина II конечно не могла не видѣть всѣхъ золъ, происходящихъ отъ крѣпостной за-

висимости; но важныя причины не дозволяли приняться безъ взякой подготовки за реформу крестьянскаго быта. Подготовляясь къ этому, мы медленнымъ путемъ дошли до великаго событія 19 февраля.

Несмотря на промахи, увлеченія и заблужденія Радищева, книга его, имѣя несомнѣнныя литературныя достоинства, не могла не принести въ свое время пользы и пройдти безъ всякаго впечатлѣнія. Одинъ изъ біографовъ Радищева говоритъ: въ «*Путешествіи*» одна только ода можетъ почесться неумѣстною въ извѣстномъ отношеніи, а все остальное было не болѣе, какъ собранные факты изъ дѣйствительности, свѣдѣніе о которыхъ, приведенное въ сознаніе, могло бы быть полезно, какъ матеріалъ для административныхъ и политическихъ дѣйствій. [1])

Пушкинъ, произнесшій самый рѣзкій и строгій приговоръ на книгу Радищева, замѣчаетъ: «въ ней есть нѣсколько благора-

---

[1]) „Русск. Вѣстн.“ 1858 г. 18 т. 429 стр.

зумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли ни какой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія» [1]).

Во всякомъ случаѣ, Радищевъ заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны историка русской литературы, и я, надѣюсь, не безполезно предпринялъ мой трудъ.

Выдержкамъ изъ «Путешествія въ Москву» я счелъ нужнымъ предпослать нѣсколько біографическихъ матеріаловъ, которые могутъ освѣтить до извѣстной степени личность Радищева и дать о немъ, какъ о человѣкѣ, хотя поверхностное понятіе.

---

[1]) Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, т. VII, стр. 57.

Александръ Николаевичъ Радищевъ.

Радищевъ родился въ 1749 году, 20 августа; умеръ отъ отравы крѣпкою водкой 11 сентября 1802 года.

Я имѣю въ рукахъ подробную родословную Радищева; но такъ, какъ это совершенно нейдетъ къ дѣлу, то я опускаю описаніе дѣдовъ и прадѣдовъ поэта, а скажу только нѣсколько словъ объ его отцѣ. Онъ былъ отставной бригадиръ, старый суровый помѣщикъ (имѣлъ 2000 душъ крестьянъ), котораго, впрочемъ, любили подчиненные. Это былъ одинъ изъ тѣхъ типовъ, про которыхъ поется въ пѣснѣ:

За добро онъ хвалитъ,
А за худо бьетъ.

Такое лестное реноме и до сихъ поръ возбуждаетъ уваженіе и симпатію многихъ людей. Отецъ Александра Николаевича на дѣлѣ испыталъ доказательство крестьянской привязанности. Во время нашествія Пугачева, онъ принужденъ былъ удалиться изъ

своего помѣстья, и роздалъ своихъ четверыхъ дѣтей мужикамъ; они не выдали переодѣтыхъ барчатъ и не открыли мѣстопребыванія помѣщика, которому вмѣстѣ съ дѣтьми угрожала неминуемая смерть. Когда бунтовщики, разстрѣлявъ портретъ Радищева удалились изъ села, Николай Афонасьевичъ возвратился къ своему семейству здравъ и невредимъ, между тѣмъ какъ мятежники перебили почти всѣхъ его сосѣдей.

Александръ Николаевичъ былъ старшимъ сыномъ, и его съ раннихъ лѣтъ опредѣлили въ Пажескій корпусъ. Въ званіи пажа, прислуживая за столомъ императрицы [1]), онъ видѣлъ пышный дворъ Екатерины. Въ это время воротился изъ-за границы одинъ молодой человѣкъ (Владиміръ Григор. Орловъ), который блескомъ европейскаго образованія произвелъ на Императрицу очень благопріятное впечатлѣніе, и Екатерина рѣшилась отправить нѣсколько молодыхъ людей за границу.

Въ число двѣнадцати человѣкъ, выбранныхъ для отправки въ Лейпцигскій университетъ, попало шесть пажей и между прочими А. Н. Радищевъ, которому въ то

---

[1]) Обычай этотъ былъ отмѣненъ Александромъ I-мъ.

время только-что исполнилось семнадцать лѣтъ. Было отпущено на каждаго питомца по 800 руб. въ годъ и приставленъ, въ видѣ ментора, гофмейстеръ Бокумъ. Кромѣ того, молодыхъ людей сопровождалъ добрый, веселый монахъ отецъ Павелъ, исправлявшій должность духовника. Бокумъ былъ грубый, дураковатый нѣмецъ, надъ которымъ всѣ потѣшались и дѣлали разныя мистификаціи. Такъ, гофмейстеръ имѣлъ странную черту хвастатся своею, будто бы необыкновенною, силой. Ученики отыскали гдѣ-то рослаго силача лакея и подговорили его поборотся съ своимъ наставникомъ. Лакей поддавался Бокуму, и это его ужасно тѣшило. Такіе сцены, къ величайшему удовольствію наставника и учениковъ, повторялись по нѣскольку разъ въ недѣлю.

Эти странности были бы еще очень сносны, еслибъ Бокумъ не отличался необыкновенною скаредностью и не «рачилъ болѣе о своей прибыли, нежели о ввѣреныхъ ему» (какъ говоритъ Радищевъ въ житіи Ушакова). Выведенные изъ терпѣнія, ученики часто жаловались русскому посланнику, но жалобы ихъ или не доходили по адресу, или не обращали на себя никакого вниманія.

Я выписываю изъ «житія Ушакова» слѣ-

дующій разсказъ, интересный для характеристики Бокума.

«Одинъ изъ нашего общества, Н., не получалъ изъ дому своего ни копѣйки, и для того претерпѣвалъ болѣе другихъ нужду. Зимой, не въ силахъ болѣе терпѣть холода ради болѣзненнаго расположенія тѣла, рѣшился сдѣлать гофмейстеру представленіе. Бокума онъ нашелъ играющаго на билліардѣ съ нѣкоимъ изъ его единоземцевъ и главнымъ подстрекателемъ его надменности. Н. объявилъ ему о своемъ недостаткѣ, прося дать приказаніе истопить его горницу. За день до сего Бокумъ посадилъ подъ стражу К. Т., который былъ комнатнымъ товарищемъ Н. На отказъ сдѣланный Бакумомъ, Н. сдѣлалъ возраженіе, а Бокумъ не хотѣлъ онаго слушать, особенно при напоминателѣ о его власти; оставивъ свою игру, началъ пришедшаго толкать неучтиво; а какъ сей тому противился и, обернувшись къ нему, говорилъ, что требованіе его о семъ справедливо, то Бокумъ, и паче того раздраженный, ударилъ Н. по щекѣ. Сей, мнимый отчасти, знакъ безчестія столь сильно обезоружилъ Н., что онъ, не сказавъ болѣе начальнику нашему ни слова, поклонился и вышелъ.

«Отрада несчастному есть убѣжище на лонѣ дружбы, бесѣдованіе о скорби своей. Н. возвѣстилъ насъ о происшедшемъ съ нимъ. Презрѣніе къ начальнику нашему было первое душъ нашихъ движеніе; но скоро къ тому присовокупилось и негодованіе . . . . всѣ рѣшили, что Бокумъ, сдѣлавъ поступокъ противный не только добрымъ нравамъ, но и благопристойности, долженствовалъ сдѣлать Н. удовлетвореніе за обиду. — Въ общежитіи, говорилъ Ѳедоръ Васильевичъ (Ушаковъ, который пользовался сильнымъ вліяніемъ надъ своими товарищами), если такой случай произойдетъ, то оной не иначе заглаженъ можетъ быть, какъ кровію....

«Заключительный и общій нашъ приговоръ былъ таковъ, что Н. долженъ идти къ Бокуму и въ присутствіи нашемъ требовать отъ него въ обидѣ своей удовлетворенія. Если же онъ не восхочетъ того исполнить, то надлежитъ ему, пощечину Бокуму возвратить. Долго Н. размышлялъ, колебался, и не могъ рѣшится на сей поступокъ; но мы приговоръ нашъ подкрѣпили тѣмъ, что если онъ сего не исполнитъ, то лишенъ будетъ нашея пріязни и обхожденія съ нами. Собравшися и условившись, какимъ обра-

зомъ долженствовалъ Н. требовать отъ Бокума удовольствія въ обидѣ, ему сдѣланной, мы пошли къ нему, исключая К. Т., который сидѣлъ подъ стражею.

«Въ комнатѣ, гдѣ обыкновенно была наша трапеза, дожидались мы Бокума, пославъ извѣстить, что мы желаемъ его видѣть. Едва онъ вошелъ въ комнату..., Н., вслѣдствіе сдѣланнаго нами положенія, подступивъ къ Бокуму, просилъ отъ него удовлетворенія въ обидѣ.

— Вы меня обидѣли, и теперь пришелъ я требовать отъ васъ удовольствія.

— За какую обиду и какое удовольствіе?

— Вы мнѣ дали пощечину.

— Неправда, извольте идти вонъ!

— А если не такъ, то вотъ и другая!

«Сіе говоря, Н. ударилъ Бокума и повторилъ ударъ. Опасаясь дальнѣйшаго слѣдствія, Бокумъ вышелъ изъ горницы... (Передъ этимъ) Н. былъ въ гостяхъ, и, пришедъ не имѣлъ времени раздѣться, и на сраженіе пришелъ со шляпою и шпагою; но Бокумъ въ обвиненіи своемъ не пропустилъ сего обстоятельства, и сказалъ, что мы, а паче Н., покушались на его жизнь, и сей вынулъ уже шпагу изъ ноженъ до половины, но онъ (Бокумъ) насъ, какъ ребятъ, ра-

зогналъ и раскидалъ. И такъ, въ самой клеветѣ не забылъ онъ хвастовства, и никогда не признавался, что Н. возвратилъ ему пощечину съ лихвою» [1]).

Пушкинъ, никогда и ничему не учившійся самъ, небрежно замѣчаетъ, что и Радищевъ провелъ три года въ Лейпцигѣ совершенно безполезно, но по сочиненіямъ его и другимъ фактамъ можно судить, что Александръ Николаевичъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени.

Въ воспоминаніяхъ его сына [2]) говорится, что Радищевъ воротился изъ-за границы «юрис-консультомъ, литераторомъ, медикомъ и химикомъ».

Лучшими товарищами Радищева во время пребыванія его заграницей были Ушаковъ, «Житіе» котораго, написанное А. Н., помѣщено въ пятомъ томѣ его сочиненій [3]), и Кутузовъ, которому онъ посвятилъ впослѣдствіи свое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Въ особенности дружбой Радище-

---

[1]) „Житіе Ушакова". стр. 59.

[2]) „Русскій вѣстникъ" 1858 г. № 18, ст. „А. Н. Радищевъ" стр. 428.

[3]) Москва, въ типографіи Бекетова, 1807—1811.

ва пользовался Ушаковъ, который изъ любви къ наукамъ бросилъ выгодную службу при статсъ-секретарѣ Тепловѣ. Если вѣрить Лонгинову [1]), этотъ молодой человѣкъ «съ раннихъ лѣтъ не пріучалъ себя удерживать порывы страстей и чувственности», что и было причиной его преждевременной смерти на двадцать второмъ году. Страдая антоновымъ огнемъ, Ушаковъ просилъ Кутузова дать ему яду, но этотъ послѣдній посовѣтовался съ Радищевымъ и отказалъ больному. За этотъ поступокъ Радищевъ упрекаетъ себя и Кутузова [2]), и какъ бы предсказываетъ свое самоубійство.

А. М. Кутузовъ впослѣдствіи переводчикъ Мессіады Клопштока и Юнговыхъ размышленій, былъ «добродушный и любезный человѣкъ» по свидѣтельству Карамзина [3]). Всѣ молодые люди занимались очень усердно и успѣли обратить на себя такое вниманіе профессоровъ, что Платнеръ (читавшій философію) вспоминалъ ихъ черезъ 20 лѣтъ [4]).

Въ 1770 году Радищевъ возвратился въ Россію и поступилъ протоколистомъ въ се-

---

[1]) „Современникъ“ 1856 г., № 8, смѣсь, стр. 148.
[2]) Соч. Радищева, т. V стр. 83.
[3]) Собр. Сочиненій Карамзина, т. 11 стр. 55.
[4]) Тамъ же, стр. 127-я.

натъ. Если вѣрить Бантышъ-Каменскому [1]), А. Н., воротившись изъ-за границы, плохо говорилъ по-русски, бралъ уроки у А. В. Храповицкаго, и, будто бы, перевелъ подъ его руководствомъ брошюру Монтескье «О величіи и упадкѣ Римлянъ». До 1780 года, въ теченіе десяти лѣтъ, А. Н. служилъ по разнымъ вѣдомствамъ, пока, наконецъ, ему удалось занять мѣсто при С.-Петербургской таможнѣ, гдѣ онъ получилъ порученіе составить проэктъ новаго тарифа.

Радищевъ былъ приверженецъ свободной торговли и писалъ, что еслибъ отъ него зависило онъ сейчасъ же уничтожилъ бы всѣ таможни. Не сомнѣваюсь, что такія убѣжденія таможеннаго чиновника кому-нибудь покажутся странными. Но у насъ въ Россіи, гдѣ и до сихъ поръ на каждомъ шагу можно встрѣтить офицеровъ, отрицающихъ ружейные пріемы, и собственниковъ, проповѣдующихъ комунистическія идеи,—во времена Екатерины это совсѣмъ не было страннымъ.

Въ 1775 году Радищевъ женился. — «Въ ту самую минуту, какъ женихъ съ невѣстою поѣхали къ вѣнчанію, лошади понесли, что сочтено было за дурное предзнаме-

---

[1]) Словарь достопамятныхъ людей, ч. IV, стр. 260.

нованіе. Дѣйствительно счастливые супруги прожили вмѣстѣ только восемь лѣтъ», пишетъ сынъ Радищева [1]). Александръ Николаевичъ, искренно любившій свою жену, былъ въ отчаяніи; онъ почтилъ ея память стихотворною эпитафіей, гдѣ между прочимъ говорится:

О если, то не ложно,
Что мы по смерти будемъ жить;
Коль будемъ жить, то чувствовать намъ должно,
А если чувствовать — нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая,
И дни въ тоскѣ препровождая,
Я смерти жду какъ брачна дня;
Умру и горести забуду,
Въ объятіяхъ твоихъ я паки счастливъ буду
Но если то мечта, что сердцу льститъ маня,
И ненавистный рокъ отъялъ тебя на вѣки, —
Тогда отрады нѣтъ [2]) . . . . .
. . . . . .

Эти строки были причиною того, что памятникъ запретили, такъ какъ эпитафія не выражаетъ «достаточной увѣренности въ безсмертіе души». Радищевъ поставилъ его въ своемъ саду.

Вскорѣ послѣ смерти жены, А. Н. былъ

---

[1]) „Русскій Вѣстн.“ 1858 г. № 18 стр. „А. Н. Радищевъ“ стр. 403.

[2]) Сочинен. Радищева, т. 1-й, стр. 199.

назначенъ директоромъ петербургской таможни. Онъ, по словамъ сына, отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ и не бралъ взятокъ; поэтому почти ничего не оставилъ своимъ дѣтямъ, и Павелъ Радищевъ (авторъ біографіи своего отца) принужденъ былъ добывать себѣ кусокъ хлѣба уроками въ Таганрогѣ.

Радищеву уже было сорокъ лѣтъ, онъ былъ колежскій ассесоръ и директоръ таможни, лицо лично извѣстное государынѣ, когда началъ писать свое «Путешествіе».

Какъ я уже замѣтилъ въ предисловіи, Гельвецій [1]) имѣлъ сильное вліяніе на убѣжденія Николая Александровича; наконецъ, тогдашнее настроеніе европейскаго общества, приближеніе французской революціи, — все это дало ему тотъ образъ мыслей, за

---

[1]) Сочиненіе „De l'espit" издано въ 1758 году и въ томъ же году было сожжено рукой палача; оно имѣло сильное вліяніе на кружокъ Радищева; Ѳ. В. Ушаковъ писалъ объ немъ. — Характеристика Гельвеція сводится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Изъ ощущеній физической боли и физическаго удовольствія онъ выводитъ всѣ человѣческія страсти, чувства и поступки. Эгоизмъ признаетъ единственнымъ двигателемъ всякой человѣческой дѣятельности, какъ самой преступной, такъ и самой возвышенно-честной и героической; человѣкъ дѣлаетъ добро и зло вслѣдствіе одинаковыхъ побужденій т. е. вслѣдствіе того удовольствія, которое доставляетъ или обѣщаетъ извѣстный поступокъ.

который онъ такъ жестоко поплатился. Нѣкоторыя рѣзкія воззрѣнія на порядокъ вещей Радищевъ высказалъ не въ первый разъ въ своемъ «Путешествіи». Въ «Житіи Ушакова», обращаясь къ Кутузову, авторъ уже выказываетъ нѣкоторое недовольство на своихъ современниковъ, и, вѣроятно, еслибъ тамъ пришлось коснуться крестьянскаго вопроса, онъ произнесъ бы свое рѣшеніе также рѣзко какъ и въ «Путешествіи».

Въ 1790 году А. Н. напечаталъ въ своей типографіи одобренное цензурой («несмысленнымъ урядникомъ управы благочинія», какъ называетъ А. Н. своего цензора [1]) «Путешествіе въ Москву». Онъ разослалъ свою книгу знакомымъ, чѣмъ, по мнѣнію Пушкина поставилъ въ очень неловкое положеніе Державина. Надо однакожъ замѣтить, что если положеніе и было сколько-нибудь неловко, то Державинъ вывернулся изъ него чрезвычайно ловко: онъ представилъ Императрицѣ сочиненіе Радищева съ подробнымъ доносомъ на автора.

26-го Іюня 1790 года Храповицкій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что Императрица говорила о книгѣ Радищева: «тутъ раз-

[1]) До 1804 г. Цензура принадлежала, то управѣ благочинія, то генералъ губернатору, то университету и академіи наукъ.

сѣяніе заразы французской, авторъ мартинистъ, бунтовщикъ, хуже Пугачева: онъ хвалитъ Франклина».

Въ замѣчаніяхъ Екатерины II на сочиненіе Радищева она между прочимъ говоритъ: что авторъ «сложенія унылаго и все видитъ въ темночерномъ видѣ, слѣдовательно черножелтаго вида».

Въ началѣ Іюля, Императрица подписала приказъ объ арестованіи Радищева и судѣ надъ нимъ.

Она писала между прочимъ къ генералъ-аншеру Брюсу [1]) что «*Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*», есть книга, «наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ,—оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской».

Радищевъ былъ арестованъ и приведенъ къ Брюсу; но едва онъ вошелъ, въ сопровожденіи конвойнаго въ переднюю генералъ-аншефа, какъ туда явился посланный отъ Шишковскаго. Услышавъ это имя, Алек-

[1]) Сочин. Екатерины II, изд. Смирдина т. III, стр. 392.

сандръ Николаевичъ упалъ въ обморокъ [1]). Въ тотъ же день Радищевъ былъ закованъ въ кандалы и посаженъ въ крѣпость.

Шишковскому передали замѣчанія Императрицы [2]) на книгу Радищева, и приказано было произвесть строжайшее слѣдствіе.

---

[1]) Черезъ годъ послѣ этого Шишковскій съумѣлъ, такъ обласкать Княжнина по поводу его трагедіи „Вадимъ", что тотъ воротился домой, слегъ въ постель и умеръ. См. Русск. Вѣстн. 1858 г. 18 т. стр. 430.

[2]) Вотъ они: № 1. Книга напечатана въ 1790 г. безъ подписи типографіи и безъ видимаго дозволенія въ началѣ, но въ концѣ сказано: *съ дозволенія Управы Благочинія*. Сіе, вѣроятно, ложь, либо оплошность.

Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно: сочинитель оной исполненъ и зараженъ Французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выисщиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народу въ негодованіе противу начальниковъ и начальству.

Онъ же едва ли не мартинистъ, или что подобное, знаніе имѣетъ довольно и многихъ книгъ читалъ. Сложенія унылаго и все видитъ въ темно-черномъ видѣ, слѣдовательно *черножелтаго вида*.

Воображеніе имѣетъ довольно, и на письмѣ довольно дерзокъ.

№ 2. Все то, что въ свѣтѣ нынѣ установлено и устроено по опытамъ, что предъидущее требовало, чтобы такъ было, а не послѣпому хотѣнію; будетъ ежели инако, то будетъ хуже, понеже лутчеѣ есть врагъ нынѣшному доброму, и лутче держатся извѣстному, нежели не извѣстному проложить дорогу.

№ 3.... (Пропускаемъ какъ неинтересный, наполненной замѣчаніями, судить о которыхъ можно по вопроснымъ пунктамъ).

№ 4. Скажите сочинителю, что я читала ево книгу отъ доски до доски, и прочтя усумнилась, не здѣланно ли ему мною

Шишковскій былъ человѣкъ очень набожный, вынималъ за каждый обѣдней три просфоры, и по нѣскольку часовъ ежедневно проводилъ въ молитвѣ. Изъ дому Радищева начали каждый день таскать всякую живность къ его строгому слѣдователю, который съ благодарностью принималъ взятки, и отвѣчалъ родственникамъ подсудимаго: «все, слава Богу, благополучно; не извольте безпокоиться».

Между тѣмъ съ подсудимаго снимали слѣдующія показанія:

— Книга, названная Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву, которая при семъ ему объявлена, кѣмъ сочинена?

— Сія книга сочинена имъ, Радищевымъ, и черный манускриптъ весь писанъ былъ его рукою. По написаніи жъ оной переписывалъ ее на бѣло таможенный надзиратель Царевскій.

— Какъ она была переписана на бѣло, то вы для цензуры объявили ль, гдѣ должно по учрежденію, а при объявленіи дали ли знать о имени сочинителя той книги?

какая обида; ибо судить ево не хочу, дондеже не выслушенъ, хотя онъ судитъ о царей, не выслушивая ихъ оправданіе".

Смотри брошюру „Радищевъ".

— По перепискѣ на бѣло книги, посылалъ онъ для цензуры оную съ досмотрщикомъ Мейснеромъ, который, спустя довольно времени, за цензурою Оберъ-Полиціймейстера Никиты Ивановича Рылѣева, и принесъ къ нему въ домъ.

— Оную книгу въ какой вы типографіи печатали, и при печатаніи оной, послѣ уже цензуры, не прибавили ли еще чего, и буде прибавили, или же исключили что, то объясните, что прибавили и что убавили?

— Та книга напечатана въ собственной его типографіи, которую онъ купилъ у Шнора. При печатаніи оной наборщикомъ былъ, находящійся въ то время въ Таможняхъ, надсмотрщикъ, Богомоловъ. Тискана же она съ помощію собственныхъ его людей. Послѣ цензуры перемѣнялъ онъ нѣкоторыя только рѣченія, а въ другихъ мѣстахъ и листы, въ которыхъ однакожъ важности не заключалось.

— Сколько ея было напечатано, сколько въ продажу отдано, или кому раздарено, и сколько затѣмъ осталось?

— Напечатано было ея не болѣе, какъ шестьсотъ сорокъ, или пятьдесятъ, экземпляровъ, отдано въ продажу купцу Зотову

сперва 20, а потомъ 5, болѣе жъ никому не продавалъ, подарилъ Козодавлеву 2, прапорщику Дарагану 1, ротмистру Алсуфьеву 1 и иностранцу Вицману 1, а затѣмъ остальные сожжены, такъ какъ и все, къ ней надлежащее.

— Съ какимъ намѣреніемъ писалъ онъ сію книгу?

— Главное его намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобъ прослыть писателемъ и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ объ немъ думали до того. Впрочемъ теперь, при объявленіи оной, и самъ онъ видитъ, что наполнена она гнусными, дерзкими и развратными выраженіями, о чемъ отъ всего своего сердца и сожалѣетъ. Францію жъ въ примѣръ онъ не бралъ, хотя и самъ признается, что сіе похоже и на то обстоятельство, ибо сіе писалъ онъ прежде нежели во Франціи было возмущеніе.

— Не былъ ли приглашенъ въ общество мартинистовъ?

— Мартинистомъ онъ не только никогда не былъ, но и мнѣнія ихъ охуждаетъ, что въ самой книжкѣ сей значится на стр. 93 и 315.

— Противу стр. 88 [1]) не имѣлъ ли, или не имѣетъ ли какой связи съ господиномъ Челищевымъ, какъ въ семъ сочиненіи, также и въ другихъ дѣлахъ?

— Что Челищевъ ему знакомъ, сего онъ не отрицаетъ, потому что съ нимъ былъ товарищемъ въ Лейпцигѣ, въ гимназіи; что жъ касается до связи и совѣтовъ, какъ по сему сочиненію, такъ и о другихъ дѣлахъ, то онъ никакого съ нимъ сообщенія (не имѣлъ) и къ нему въ домъ уже болѣе двухъ годовъ не пріѣзжалъ.

— Противъ 111 стр. [2]) Чѣмъ онъ порочитъ вексельное право, и какимъ образомъ хочетъ онъ, чтобъ довѣріе сохраняемо (былы) въ точности?

— Что касается до вексельнаго права, то онъ нетокмо оное ничѣмъ не охуждаетъ, но еще одобряетъ, а что писалъ на сей и предъидущей страницѣ, то было одно только о вексельныхъ дѣлахъ разсужденіе.

---

[1]) На этой страницѣ Императрица замѣтила своей рукой: „упоминается о знаніи: что *„я имѣлъ случай по счастію моему узнать“*; кажется сіе знаніе въ Лейпцихѣ получено, и доводитъ до подозрѣнія на господъ Радищева и Щелищева, паче же буде у нихъ заведена типографія въ домъ, какъ сказываютъ“.

[2]) „Вылазка на вексельное право, и самъ сочинитель не вѣдаетъ чего хочетъ“. Прим. Импер.

— Не деистъ ли онъ, ибо размышленія на стр. 113, 114, 115 и 116 [1]) изображенныя, не сходственны съ православнымъ восточнымъ ученіемъ?

— На сіе отвѣчалъ, что онъ всегда былъ христіаниномъ и держался тѣхъ догматовъ, въ коихъ родился.

— На стр. 119—123. [2]) Почему вы охуждаете нынѣшній образъ правленія и описываете пороки онаго?

— На сіе отвѣтствовалъ: я никогда не намѣренъ былъ охуждать нынѣшній образъ правленія, а почиталъ учрежденія о губерніяхъ мудрымъ законоположеніемъ и таковымъ, какова и въ другихъ мѣстахъ не находится, а на оныхъ страницахъ о могущихъ быть иногда злоупотребленіяхъ, о которыхъ судить, признаюсь, не мое было дѣло, чего (т. е. злоупотребленій) однако жъ доказать не можетъ, ее писалъ какъ по умствованію своему съ слышаннымъ имъ въ народной молвѣ, якобы происходившихъ по приказнымъ дѣламъ злоупотребленіяхъ.

---

[1]) Здѣсь точно также замѣчаніе Императрицы перефразировано въ форму вопроса.

[2]) Императрица замѣтила, что сочинитель старается „показать недостатокъ теперешняго образа управленія и пороки онаго; здѣсь дѣло идетъ до части уголовной“.

— На стр. 124 [1]) вы старались доказать недостойное произведеніе въ чины, то какую причину на сіе имѣли, и на кого цѣлили именно?

— На сіе онъ отвѣчалъ: я виноватъ потому что не могу судить, кто бы по недостоинству былъ произведенъ, ибо сіе до меня и не принадлежало, а писалъ такъ дерзко, могу истинную (правду) сказать, по сумашествію на то время и сумасбродству своему.

— Начиная отъ стр. 130 по 139 [2]) какая нужда была вводить вамъ произшествіе въ разсужденіи учиненнаго господскими дѣтьми надъ ихъ дѣвкою насилія, зная, что одинъ примѣръ на всѣхъ относиться не можетъ?

— На сіе отвѣтствовалъ: Описывая сей дурной поступокъ, думалъ я, что онъ можетъ воздержать иногда такого человѣка, который бы захотѣлъ поступить такъ дурно. Однако жъ ктобъ это дѣлалъ, того онъ до-

---

[1]) Екатерина замѣчаетъ, что сочинитель старается „доказать недостойное произведеніе въ чины; въ концѣ той страницѣ сочинитель самъ себя противорѣчитъ, ибо показываетъ склонности человѣка нискова состоянія, тогда когда по его системы (Нынѣшно Французской) все состоянiи опредѣлены были равны подъ имяни человѣка и ево мнимыя права“.

[1]) Замѣчаніе императрицы, въ которомъ она называетъ это происшествіе сказкою.

казать не можетъ, а писалъ сіе по сродной человѣку слабости, чая отъ такихъ дурныхъ поступковъ воздержать.

— Какого вы намѣстника разумѣли, котораго описывали и дѣлали ему разныя укоризны на стр. 140—142?

— Никакого я намѣстника лично не имѣлъ въ виду, а писалъ въ общемъ смыслѣ, еслибы гдѣ случилось быть такому, который бы не наблюдалъ Высочайшихъ повеленій, а между тѣмъ наслышась въ народной молвѣ, что будто бы господа намѣстники употребляютъ данную имъ отъ Ея Императорскаго величества власть, иногда, по своимъ пристрастіямъ, не держася Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества учрежденій.

— Почему онъ охуждаетъ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, зная, что лучшей судьбы Россійскихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нигдѣ нѣтъ?

—Охужденіе мое тутъ было только на одно описанное тутъ произшествіе; впрочемъ я и самъ увѣренъ, что у хорошаго помѣщика крестьяне благоденствуютъ больше, нежели гдѣ-либо, а писалъ сіе изъ своей головы, чая, что между помѣщиками есть такіе, можно сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности и благонравія, дѣлаютъ иног-

да такія предосудительныя дѣянія, и симъ своимъ писаніемъ думалъ дурнаго сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить.

— Въ чемъ вы опорачиваете вступленіе дворянъ въ службу?

— Намѣреніе мое клонилось не къ опороченію службы; я только думалъ, что лучше начинать службу въ совершенномъ возрастѣ. Впрочемъ признаюсь, что выраженія мои на сихъ страницахъ неумѣренны и не къ стати.

— На стран. 157, 158 изображено ваше огорченіе и неудовольствіе на вельможъ, то какое вы противу ихъ имѣете?

— Во всю мою жизнь иначе сказать не могу, какъ что былъ многими изъ нихъ благопріятствованъ и благодѣтельствованъ, и начальниками моими свидѣтельствуюсь, что я къ нимъ всегда имѣлъ должное почтеніе, а о семъ написалъ, слыша отъ другихъ на вельможъ жалобы и неудовольствія.

— Начиная съ 160 по 166 стр. помѣщены разсужденія, служащія къ разрушенію союза между родителями и дѣтьми, то къ чему вы сіе въ книжку помѣстили?

— Никогда не имѣлъ я намѣренія разрушить такого священнаго союза, вѣдая сколь онъ нуженъ въ обществѣ; отцомъ моимъ и

матерію свидѣтельствуюсь, сколько я былъ во всю мою жизнь къ нимъ почтителенъ, и отъ своихъ дѣтей ожидалъ того же при моей старости. Думалъ, если союзъ у родителей съ дѣтьми основанъ на чувствованіи сердечномъ, то онъ будетъ всегда твердъ. Если жъ я заблуждаюсь въ моихъ разсужденіяхъ, то сіе была ошибка разума; а чтобы дѣти не были благодарны отцамъ, то въ семъ теперь вижу не только ошибку, но и совершенное безуміе, потому паче, кому жъ больше дѣти обязаны быть благодарны, какъ не отцу, Государю и Отечеству? ибо сіи по закону Божію почитаются благодѣтелями въ жизни человѣку.

— Почему вы порочите посѣщеніе знатныхъ особъ?

— Отвѣчалъ: Я виновенъ, ибо заблуждалъ въ моемъ разсужденіи, а отнюдь не съ тѣмъ намѣреніемъ писалъ, чтобъ ихъ презирать, по тому паче нужно посѣщеніе къ своимъ начальникамъ, что (бы) они, видя его часто могли дѣлать заключеніе достоинъ ли онъ ихъ благоволенія, такъ какъ и къ исправленію должности (можетъ ли) употребленъ быть.

— На стр. 203 для чего вы помѣстили брань на проповѣдающихъ миръ и тишину?

— Здѣсь моя цѣль была порицать защитниковъ публичныхъ женщинъ, а особливо тѣхъ авторовъ, которые преподаютъ установленіе оныхъ, какъ то есть осемъ книга, называемая Порно-Граеръ.

— На 218 страницѣ явно вы судили помѣщика, чтобъ крестьяне, за непозволенные съ крестьянскими дѣвками поступки, предавали (помѣщика) смерти приводя въ резонъ, что будто бъ бывшій Пугачева бунтъ произошелъ по причинѣ помѣщикомъ съ своими крестьянами дурнаго обхожденія; но какъ сія ваша сентенція положена дерзко, а притомъ мѣсто сужденія правительствомъ даетъ волю людямъ не имѣющимъ совершенно просвѣщенія, такого, можно сказать, страшнаго и безчеловѣчнаго карать казнію, въ противность нетолько государственныхъ, но и Божескихъ законовъ, ибо никто въ собственной своей обидѣ судьею быть не можетъ, а симъ самымъ уже потеряна вся должность судопроизводства.

— Признаюсь въ дерзости моихъ изрѣченій, но написалъ сіе истинно безъ всякаго намѣренія къ возмущенію, или чтобъ научить крестьянъ убивать своихъ господъ, того отнюдь я и не помыслилъ, а сіи безразсудною дерзостію наполненныя строки

написалъ онъ въ томъ мнѣніи, чтобъ дурными поступками съ крестьянами помѣщики отъ сего написанія посрамились.

— Почему вы въ насмѣшническомъ видѣ писали о блаженствѣ?

— Всѣ описанные въ книгѣ листы, начиная отъ 236 по 277 написаны имъ подлинно, какъ теперь онъ самъ понимаетъ, должно казаться, что я писалъ съ насмѣшкою и съ тѣмъ намѣреніемъ, что желаніе мое стремилось всѣхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ отобрать и сдѣлать ихъ вольными, а и о солдатской службѣ какъ бы предполагалъ ей быть тяжестною. Но какъ истинную (правду) онъ показываетъ, чтобъ крестьяне были вольные, то его желаніе было; однакожъ располагалъ онъ такъ въ мысляхъ своихъ, что, де, сіе сдѣлано будетъ по волѣ Всемилостивѣйшей Государыни, да и за солдатами конечно, попеченіемъ Ея Императорскаго Величества лучшій присмотръ, такъ какъ и строгой съ ними поступокъ, по природному Ея Величества человѣколюбію, отвращенъ будетъ. Чему ужъ есть и начало о крестьянахъ при заводахъ и фабрикахъ, постановлены правила, какъ съ ними поступать, кто ихъ купитъ, а солдатъ безъ суда сѣчь запрещено. При чемъ онъ увѣряетъ, что

отнюдь не было его намѣренія въ томъ, чтобъ сіи гнусныя строки могли сдѣлать возмущеніе.

— Начиная съ 278 стр. по 288, какую вы имѣли цѣль говорить о уничтоженіи придворныхъ чиновъ?

— Слова, написанныя въ пагубной для меня книгѣ, и на ково теперь и я не понимаю, какъ то, что я сужденіе дѣлалъ о уничтоженіи придворныхъ чиновъ. Но мысль моя тогда отнюдь того не имѣла въ виду, чтобъ уничтожить тѣ чины, а только безъ всякаго соображенія въ душѣ моей полагалъ такъ, что тѣ чины суть излишни, и въ томъ признаю себя виновнымъ.

— Почему вы хотите уничтожить цензуру?

— Признаю мое заблужденіе. Я такъ думалъ, что безъ нея можно обойтиться, но теперь вижу изъ собственнаго своего опыта, что она полезна, потому болѣе, что если она будетъ существовать, такъ какъ законодательница учредить изволила, то подлинно она спасетъ многихъ, подобныхъ мнѣ заблужденно мыслящихъ, отъ таковой погибели, въ которую я себя ввергнулъ истинно отъ слабаго своего разсудка.

— Начиная 305 по 340 между разсужде-

ніями о цензурѣ помѣщены и сіи слова: «*скажите жъ, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей?*» То какъ вы объ оныхъ словахъ думаете?

— Признаюсь, что они весьма дерзновенны, но никакъ не разумѣлъ тутъ священныя Ея Императорскаго Величества особы, а писалъ подлинно о царяхъ, извѣстныхъ по исторіи, которые ознаменованы въ свѣтѣ, въ прошедшихъ вѣкахъ, могу сказать, дурными поступками. Напротивъ же сего, что я могу сказать о такой Самодержицѣ, которой удивляется свѣтъ, Ея премудрому, человѣколюбивому правленію, какъ одно только то, что я ее прогнѣвалъ, какъ бы иступившій на то время изъ ума, писалъ мои дерзкія слова безъ основанія такого, какъ и всегда благоговѣлъ къ священной Ея Императорскаго Величества особѣ въ душѣ моей.

— Начиная съ стр. 341 по 349, въ концѣ разсужденія о проданной съ молотка семьи за долги, помѣщены сіи слова: «*а свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно* (отчинниковъ), *но отъ самой тяжести порабощенія*»; то что вы подъ онымъ разумѣете?

— Писавъ сіе, я то разумѣлъ: еслибъ случилось, что дворяне будутъ своихъ кресть-

янъ отягощать чрезмѣрно, и тогда высшая Императорская власть ихъ отъ онаго отягощенія избавитъ; но все сіе писалъ я безъ соображенія, какъ вексельнаго права, такъ и учрежденнаго на то отъ правительства порядка, а единственно хотя себя показать въ разумѣ томъ, что я какъ бы сожалѣю объ участи крестьянскаго жребія; но и въ томъ теперь признаюсь, ибо буде бъ и подлинное о ихъ участи имѣлъ въ душѣ своей сожалѣніе, то бъ долженъ былъ о семъ донести Правительству, не дѣлая такихъ гнусныхъ выраженій, могу сказать, изъ единаго хвастовства, а не изъ злости.

— Съ 350 до 369 помѣстили вы, по случаю будто бы стихотворства, оду, совершенно явно и ясно бунтовскую, гдѣ царямъ грозите плахою. Кромвелевъ примѣръ приведенъ съ похвалами. Сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія. Въ какомъ смыслѣ и кѣмъ та ода сочинена?

— Ода сія почерпнута изъ разныхъ книгъ и изъявленныя въ ней картины взяты съ худыхъ царей, каковыхъ исторія описуетъ. Нерона, Калигулу, и имъ подобныхъ. Все описанное относилъ я къ государствамъ, гдѣ существуютъ, по малому пространству ихъ,

сложные образы правленія, какъ то въ Англіи, Швеціи. Но кто оспорить можетъ истину, основанную на повѣствованіяхъ всѣхъ временъ, что чѣмъ государство обширнѣе, тѣмъ болѣе нужно, чтобъ верховная власть была въ единой рукѣ, и что пространному государству единое самодержавное правленіе приличествуетъ, какъ то учитъ Монтескію? Читая исторію всѣхъ временъ и всѣхъ столѣтій и видя, что всѣ бывшія царства подвержены были перемѣнамъ и переходили изъ хорошаго въ худое состояніе и изъ худаго въ хорошее, и продолжавшись многія столѣтія, рушились, я думалъ, что и всякое государство будетъ тому же подвержено. Но какой которому положенъ предѣлъ, Богу единому извѣстно. Въ гнѣвѣ своемъ онъ народамъ даетъ худыхъ царей въ наказаніе, въ щедротѣ мудрыхъ и благихъ царей, которые, имѣя попеченіе о пользѣ государства, основаніе его утверждаютъ мудрыми законоположеніями, которыя не только основаніемъ служатъ къ настоящему и будущему блаженству народовъ, для которыхъ они постановлены, но и остаются для примѣру позднѣйшихъ временъ на послѣдованіе. Таковыми по истинѣ познаются въ Россіи многія Высочайшія Ея Императорскаго

Величества законоположенія, подъ покровомъ коихъ мы и потомки наши живутъ во благоденствіи и которыя останутся на поученіе позднѣйшимъ народамъ и столѣтіямъ. Признаю, однако жъ, отъ искренѣйшаго сердца и въ душевномъ сокрушеніи, что ода сія есть найдерзновеннѣйшая. Бредя въ безуміи моемъ прослыть острымъ писателемъ и скитаясь изъ заблужденія въ заблужденіе, я упомянулъ съ похвалою о Кромвелѣ, о семъ скаредномъ, коварномъ и злоумышленномъ присвоителѣ верховной власти. Теперь чувствую всю гнустность моихъ изрѣченій, и сколь они дерзновенны, въ душѣ моей гнушаюся ихъ. Но и въ дерзновеніи моемъ не подразумѣвалъ николи благихъ государей, каковы были Титъ, Траянъ, Маркъ Аврелій, Генрихъ четвертый, и какова есть въ Россіи нынѣ царствующая Екатерина, державу которой многіе миліоны народовъ благословляютъ. Намѣренія при составленіи оды не имѣлъ инаго, какъ прослыть смѣлымъ сочинителемъ; теперь вижу ясно, сколь много въ ней безумнаго, пагубнаго и гнуснаго.

— Не чувствуете ли вы со стороны Ея Императорскаго Величества какой себѣ обиды?

— Никогда и никакой не только обиды

не чувствовалъ, но всегда носилъ ея на себѣ милости, да и впредь ожидалъ всего моего и всей моей семьѣ блаженства, и тѣмъ то мнѣ чувствительнѣе, что я привелъ Высочайшую Ея особу противъ себя на гнѣвъ, однакожъ, уповая На матернія Ея Величества щедроты и человѣколюбіе, о томъ съ рыданіемъ вопію, да отпуститъ погрѣшенія мои и спасетъ погибающаго со всею своею семьею.

— Не имѣли ли вы кого сообщникомъ къ произвѣденію намѣреній, въ сей книгѣ изображенныхъ?

— Какъ самъ не имѣлъ никакого намѣренія сдѣлать возмущеніе, то и сообщниковъ не имѣлъ, что онъ по самой чистой совѣсти и съ найсильнейшею утверждаетъ, тѣмъ паче, что онъ мало и въ компаніяхъ обращался, а исправя должность, бывалъ больше дома и въ свободные часы отдохновенія занимался домашними дѣлами, а между тѣмъ и сочиненіемъ, сей мерзкой книги.

— На 434 стр. обѣщаете продолженіе той книги на возвратномъ пути, но начато ли это сочиненіе и гдѣ оно находится?

— Оное сочиненіе начато не было. — Наконецъ заключилъ сими словами: «Что очищалъ я выше описанные пункты, то при-

знаюсь чистосердечно, что я исполнялъ только волю Всемилостивѣйшей Государыни. Впрочемъ, я вижу теперь очень ясно, что оная моя книга наполнена столь гнустными, дерзкими и развратными выраженіями, что и почитаю себя достойнѣйшимъ всякаго отъ правосудія Ея истязанія, и не принося никакихъ болѣе оправданій, ожидаю и прошу единственно матерняго Ея, если не для меня, то, по крайней мѣрѣ, ради престарѣлыхъ моихъ родителей и ради малолѣтнихъ дѣтей, коихъ четверо, помилованья». [1])

Въ мрачномъ казематѣ Петропавловской крѣпости, удаленный отъ общества и всего милаго сердцу, мучимый тяжелой неизвѣстностью, Радищевъ находилъ утѣшеніе въ религіозномъ чувствѣ.

Послѣ смерти жены, дѣти А. Н. остались на попеченіи его свояченицы (женинoй сестры), которая безъотчетно привязалась къ Радищеву, и даже послѣдовала за нимъ въ ссылку. Сколько трудовъ и хлопотъ стоило бѣдной женщинѣ проникнуть къ любимому арестанту!

Дозволеніе Шишковскаго было получено,

---

[1]) Допросные пункты Радищеву и его отвѣты заимствованы мною изъ брошюры „Радищевъ“ (безъ означ. мѣста печати и имени автора) 1865 г.

и родственники увидѣлись. Радищевъ попросилъ «написать себѣ образъ одного святаго, вверженнаго въ темницу за слишкомъ смѣло говоренную истинну, съ надписью: «*блажени изгнани правды ради*». Но портретный живописецъ, Михайло, крѣпостной его человѣкъ, котораго кисть, по выраженію Дмитріева (1-го), «всегда надъ смертными играла: Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писаса», не умѣлъ исполнить мысли, и написалъ четыре фигуры святыхъ, просто стоящихъ рядомъ» [1]).

Что Радищевъ не былъ атеистомъ и горячо вѣрилъ въ Бога, это видно и изъ его завѣщанія, которое онъ написалъ въ крѣпости, вѣроятно выслушавъ свой смертный приговоръ. Вотъ оно: [2]).

«Не могу паки не обратится къ ужасному моему обвиненію. Что я хотѣлъ сдѣлать? Вомущеніе. Какъ? Что издалъ въ свѣтъ мою книгу. О сердце, сердце непорочное! ты совѣстію не поколеблешся и разуму въ злоумышленіи не упрекаешь. Могъ ли когда либо я подумать, могъ ли бы я себѣ вообразить хотя на одну минуту, что вмѣнюся

---

[1]) Русскій Вѣстн. 1858 стр., т. 18 ст. А. Н. Радищевъ, стр. 409.

[2]) Мы опять выписываемъ это изъ брошюры „Радищевъ“.

во преступника! Гражданинъ миролюбивый, подданный, живущій въ столицѣ законовъ, ревнитель Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества повеленій, сынъ, почтительный къ родителямъ, человѣкъ, протекшій уже бурное время страстнаго колебанія, отецъ (печальное наименованіе!) отецъ чадолюбивый, колико вещей, за меня глаголющихъ! Я жилъ въ тишинѣ, мирѣ и благоденствіи среди моего семейства. Семейство плачевное, гдѣ ты? что обо мнѣ мыслишь? Я погрузилъ васъ въ бездну печали; обѣтъ истинной, о Боже! Боже Праведный! Отецъ безначальный! О Ты, которымъ всякая вещь зиждется, существуетъ и живетъ, отъ Твоего взора, все-объемлющаго, ничто не сокрывается. Ты видишь мою душу. Тебѣ извѣстно, что она не ухищрена.

«А ты, о милосердая Великая Государыня, не отрыни гласу молящаго и изъ глубины печали и скорби къ тебѣ руки свои воздѣвающему на спасеніе. Пощади, пощади мгновенное заблужденіе!

«О семейство несчастное, ты, прилегшее къ сердцу моему толико близко, ты чувствуешъ несумлѣнно терзаніе мое, ты чувствуешъ скорбь разлуки во всемъ ея пространствѣ! О несчастный!»

Іюня 7-го.

«Для удостовѣренія, что показаніе купца Зотова, что онъ имѣлъ 50 экземпляровъ, отъ какого-то Сидѣльникова, неправильно, можно спросить его сидѣльца, а какъ его зовутъ, не знаю. Малый молодой, ростомъ выше Зотова, съ лица чистъ, сидѣлъ въ другой лавкѣ, близъ воротъ Гостинаго двора, подлѣ суконной лавки № 13 или 14, не помню. Онъ приходилъ ко мнѣ и сказывалъ, что хозяинъ его показалъ, что получилъ отъ Сидѣльникова 50 экземпляровъ, и просилъ, что буде я спрошенъ буду, чтобы я показалъ, что у меня пропало 50 экземпляровъ изъ типографіи. Что онъ у меня былъ, о томъ скажутъ и утвердить могутъ мои люди, которые его видѣли, какъ онъ ко мнѣ приходилъ; а что отъ меня болѣе показанныхъ 25 экземпляровъ въ продажу не дано, то вѣрно.

«Проходя сочиненіе мое безпристрастно и находя въ ономъ дерзновенныя выраженія, я вопрошаю самъ себя для чего его писалъ? Гласъ внутренній увѣряетъ меня, что я того не мыслилъ, и что, гоняся за пустою славою, прослыть писателемъ, писалъ. Вопрошаю себя еще, на кого цѣлилъ? Гласъ вну-

тренній отвѣчаетъ мнѣ паки: ни на кого. Никого не хотѣлъ озлобить, ни уязвить. О, милосердіе! милосердіе! воззри милостиво на мое незлобіе и отпусти заблужденіе разсудка!. «Естьли я писалъ противъ ценсуры, то думалъ, что творю доброе, думалъ, что она не нужна, и если не будетъ существовать, то, обязанный всякъ самъ отвѣтствовать, на ценсуру полагаться не будетъ.

«Естьли кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается. Первое и по тому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ, для простаго народа невнятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина. И можетъ ли мыслить о семъ, кто сообщниковъ не имѣетъ? Возмогъ ли я помыслить, что почесть меня такимъ возможно? Занятый съ самаго утра до заката солнечнаго заботливою должностію, тщательно собирая опредѣленный Ея Императорскимъ Величествомъ таможенный сборъ, единое имѣлъ веселіе, въ малые часы отдохновенія моего, заниматься моимъ семействомъ. О семья несчастная! о, плачевныя чады! о родители мои любезные! что должны вы о мнѣ теперь мыслить, видя во мнѣ пре-

ступника? О всещедрая Государыня! о ты, которую милліоны различныхъ народовъ благословляютъ, не лиши, о милосердая, единаго въ жизни бѣдственной утѣшенія зрѣти плачевное мое семейство, воньми моленію несчастнаго, дай узрѣть престарѣлыхъ моихъ родителей!

«Но изъ самой пагубной книги да извлеку что-либо въ мою пользу. Мыслитъ ли тотъ злое, кто говоритъ въ словѣ Крестицкаго дворянина и дѣтей своихъ научаетъ, чтобъ паче всего хранили законы и ихъ не устранялись, что въ Россіи источникъ всѣхъ законовъ есть Государь, чтобы паче всего хранили добродѣтель. О ты! давшая всякому судію его изъ его среды, мудрымъ своимъ учрежденіемъ о Губерніяхъ, о ты! изъемлющая заключеннаго изъ узъ и предавающая его сужденію Совѣстнаго Суда, о ты! велѣвшая начертать должности человѣка и гражданина, для наученія твоего народа! Кому же добродѣтель любезна, развѣ не тебѣ?

«Казнюся единою мыслію, милосердая Государыня, что могъ тебя прогнѣвать, тебя, въ которой ожидалъ всего моего блаженства и благоденствія моей несчастной семьи. О если бы возможно было, скитаясь по дворамъ согражданъ, денно, ночно молилъ бы

ихъ слезно, да истребятъ пагубную мою книгу до послѣдняго листа. Помилуй, милосердая Государыня, помилуй, инаго сказать не умѣю, помилуй!

«Приноса повинную и прося помилованія у престола милосердія Ея Императорскаго Величества, я постараюсь здѣсь объяснить, сколько во мнѣ есть силъ, книгу, изданную подъ заглавіемъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Что сердце мое чисто было, что злаго не имѣлъ намѣренія, издавая сію пагубную для меня книгу, естьли только можно вѣрить преступнику, то говорю истину.

«Первая мысль написать книгу въ сей формѣ пришла мнѣ, читая путешествіе Іорика. Я такъ ее и началъ. Продолжая ее, на мысль мнѣ пришли многія случаи, о которыхъ я слыхивалъ, и дабы не много рыться, я вознамѣрился ихъ помѣстить въ книгу сію. Я думалъ, въ заблужденіи моемъ, что могутъ принести иногда пользу. Описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые съ ними поступаютъ жестокосердно. Шуточные помѣстилъ для того, чтобы не скучно было длинное серьезное сочиненіе. Дерзновенныя выраженія и неприличной смѣлости почерпнулъ я, читая

разныхъ писателей и ни съ какимъ другимъ намѣреніемъ, какъ чтобы прослыть хорошимъ писателемъ, да и самое изданіе книги ни къ чему другому стремилося, какъ быть извѣстному между авторами и изъ продажи книги пріобрѣсти себѣ прибыль. Теперь, проходя то, что я писалъ, понимаю мое прегрѣшеніе; но если разумъ заблуждалъ, сердце не было тому причастно. Свидѣтельствуюсь всѣми, что желаніе мое было не злобиво, что повелѣнія моихъ начальниковъ исполнялъ съ должнымъ повиновеніемъ, что ревностный былъ исполнитель премудрыхъ законовъ Ея Императорскаго Величества. Теперь (осталось бѣлое мѣсто) моего сочиненія, другаго сказать не могу, какъ что я виновенъ.

«Когда моя книга была уже готова, то я послалъ ее для ценсуры съ бывшимъ прежде книгопродавцемъ, а въ то время находящимся при Таможнѣ. Долго времени спустя, въ концѣ прошлаго лѣта, книгу мою Мейснеръ возвратилъ за подписаніемъ Оберъ-Полиціймейстера Рылѣева. Неизвѣстно мнѣ, сказывалъ ли Мейснеръ о сочинителѣ книги, но мнѣ онъ сказывалъ, что о имени моемъ не объявилъ. Я хотя мало тому вѣрилъ, но, признаюсь, былъ тому радъ, по-

тому что, не зная, какъ въ публикѣ оно будетъ принято, я хотѣлъ ждать для объявленія о себѣ того времени, какъ его одобрятъ.

«Съ того времени, какъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше дозволила всѣмъ заводить типографіи безпрепятственно, я, зная, сколь великій барышъ многіе получаютъ, вознамѣрился завести у себя типографскій станъ, но не имѣлъ на то случая. Прошлымъ лѣтомъ получилъ я станъ типографскій отъ Шнора и съ литерами, за который еще ему всѣхъ денегъ не отдалъ, но не могъ начать печатать прежде прошлой зимы. Первую книжку въ одинъ листъ на ономъ я напечаталъ подъ заглавіемъ: «*Письмо къ другу въ Тобольскъ*» вторую: «*Путешествіе*». Та и другая за цензурою. Въ сей послѣдней, при самомъ печатаніи, я иныя мѣста исправлялъ, если мнѣ казалося что не хорошее, а прибавленіе къ оной не велики, какъ я о томъ объявилъ, въ чемъ можно удостовѣриться, если въ отданномъ запечатанномъ пакетѣ всѣ письменные листы находятся. Но, по несчастію моему, думаю, многіе изъ нихъ утрачены. Сколько изъ головы вспомнить могу, прибавлены въ статьяхъ: Спасская полѣсть, въ разговоры присяжнаго, въ статьѣ Подберезья въ

..... (бѣлое мѣсто), которой, если не ошибаюсь, въ ценсурѣ не было. Въ ст. Торжекъ только прибавлено окончаніе о ценсурѣ и древнія о ней учрежденія. Въ ст. Черная Грязь я конецъ не помѣстилъ, ибо показался мнѣ дуренъ, а на мѣсто того Слово о Ломоносовѣ, равнымъ образомъ за ценсурою.

«Когда моя книга тисненіемъ поспѣла, тогда я помышлялъ ее продать, и купецъ Зотовъ, которому я одинъ давалъ экземпляръ, торговалъ все оптомъ; но какъ онъ мнѣ давалъ мало денегъ, и то на вексель, то я на то не согласился: послѣ того далъ я ему 20 экз. на пробу, какъ будутъ покупать, а погодя нѣсколько дней еще пять. Купецъ Зотовъ, видя, что книга скоро продается, сталъ у меня еще просить, но я отговаривался, ибо я слышалъ въ городѣ, что она худо пріемлется, и наконецъ совсѣмъ ему отказалъ и взятыя отъ него въ задатокъ 50 рублей ему отдалъ. Наконецъ, когда купецъ Зотовъ былъ посаженъ подъ стражу, и Мейснеръ былъ спрашиванъ, кто сочинитель книги, и хотя и тотъ и другой того не сказали[1]), но я, ожидая, что и я о

[1]) Паралель, въ этомъ отношеніи, между Зотовымъ и Радищевымъ не совсѣмъ то выгодна для послѣдняго. См. нѣсколько выше, стр. 39.

томъ же вопрошенъ буду, и желая имѣть какое либо оправданіе, собралъ разметанные листы цензированной тетради и пребывалъ въ ожиданіи, что меня спросятъ. Но, чувствуя мой великій проступокъ въ изданіи сей книги, я всю ее велѣлъ собрать и всѣ принадлежащія къ ней маклатуры, поправки, черные листы сжечь велѣлъ, наконецъ велѣлъ то же сдѣлать и со всѣми экземплярами, что, думаю, и исполнено, а если бы которые остались, то не вѣдаю.

«Что могу я сказать въ оправданіе толико дерзкаго сочиненія, что могу пріискать въ оправданіе? Только то повторю, что худыхъ умысловъ не имѣлъ, что цѣль моя была прослыть писателемъ, но скоро убоявшись сей горесной славы, я остановилъ продажу и наконецъ всю велѣлъ сжечь.

«Уповаю на благоутробіе твое, всещедрая Монархиня, не возгнушайся, милосердая, моихъ словъ! Не оправдать намѣренъ пагубную мою книгу, но хочу изъяснить мои мысли.

«Происшествіе въ Чудовѣ описанное, было въ самомъ дѣлѣ, и я спящаго Систербецкаго начальника сравнилъ съ субобомъ, дабы онъ устыдился; но теперь, проходя книгу, чувствую, что оскорбилъ твою свя-

щенную особу, сказавъ, что близъ столицы сіе свершилося. Виновенъ, всемилостивѣйшая Государыня, но виновенъ, милосердая, въ разсудкѣ, но не въ сердцѣ, виновенъ въ дерзновенныхъ выраженіяхъ, но, чувствуя великія твои дѣла, инако не могъ тебя называть, какъ великая Государыня.

«Въ сновидѣніи описанномъ не дерзалъ я цѣлить на великаго Государя и не могъ, не могъ описать тутъ, кто самъ бдитъ о благосостояніи своего народа, не тотъ, кто тяжести его облегчаетъ, не тотъ, кто печется о его наставленіи и обогащеніи. Всемилостивѣйшая Государыня! Картина твоего правленія останется навсегда въ наученіе Царямъ и народамъ любезна. Происшествіемъ, описаннымъ въ Зайцовѣ, я не убивство тщился и намѣренъ былъ одобрить, но отвлещи жестокосердыхъ отъ постыдныхъ дѣлъ. Въ гнушавшемся во все теченіе жизни своея жестокихъ поступковъ, можно-ли, чтобы убивство нашло защитника!

«Въ словѣ Крестицкаго дворянина къ его дѣтямъ не помышлялъ я умалить власти родительской; тотъ, кто чрезъ цѣлый свой вѣкъ почтителенъ былъ къ своему отцу и матери, тотъ, кто самъ имѣетъ дѣтей и ждалъ отъ нихъ въ старости успокоенія, не могъ

такъ мыслить. Я хотѣлъ только показать, какимъ образомъ власть родительская можетъ быть тверда, основанная на чувствованіи сердца.

«Въ проектѣ о освобожденіи крестьянъ помѣщичьихъ я мечталъ, признаюсь, какъ можетъ быть оно постепенно, ибо увѣренъ въ душѣ моей, что запретившій покупку деревень къ заводамъ, фабрикамъ, законоположницѣ, что начертавшей перстомъ мягкосердія мѣру работъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ, что давшей крестьянину судію изъ среды его, мюсль освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ, если не исполнена, то потому, что вящшія тому препятствуютъ соображенія.

«Въ статьѣ о придворныхъ чинахъ, признаюсь, всемилосердая Государыня, что не мое дѣло было судить о заслугахъ и награжденіяхъ. Всещедрая Государыня, взываю къ твоей щедротѣ, помилуй! Но что могу въ разстроенномъ разумѣ сыскать? Изреченія моей книги дерзновенны, но въ безуміи моемъ не мнилъ оскорбить никого, и несмысленное желаніе пріобрѣсти славу писателя ввергнуло меня въ сію погибель.

«О если можно милосердствовати несчастному, не отвергни, всещедрая Государыня,

покаяніе грѣшника, и тѣмъ паче терзающагося о своемъ преступленіи, что сердце его ничѣмъ ему не упрекаетъ! О, если бы слезы и раскаяніе могли возвратить протекшее время! О, возлюбленные мои, гдѣ вы, о, дѣти души моей?

«Экземпляровъ я роздалъ очень мало, да и не имѣлъ намѣренія много отдавать, а хотѣлъ употребить ихъ въ продажу для прибытка; одинъ экземпляръ г-ну Козодавлеву, ему же одинъ для г. Державина, одинъ прапорщику....

«Если спросятъ, съ какимъ намѣреніемъ я ихъ раздавалъ, то только, чтобы читали, ибо всѣ они упражняются въ литературѣ; еще экземпляръ иностранцу Вицману и г. Олсуфьеву. О, милосердая Государыня, внемли гласу стенящаго, помилуй кающагося, и если исправленіе въ человѣкѣ возможно, во мнѣ оно послѣдуетъ, ибо рожденъ не жестокосердъ! Простри, Всемилостивая, руку щедроты къ несчастному, изведи изъ гибели стенящаго, да при концѣ дней прославлю твои щедроты! О, человѣколюбивая Монархиня, воньми слезамъ моимъ и раскаянію!

«Совершилося!

«Если завѣщаніе сіе, о возлюбленные мои, возможетъ до васъ дойти, то приникните

душею вашею въ словеса несчастнаго вашего отца и друга и внемлите:

«Помните, друзья души моей, помните всечасно, что есть Богъ, и что мы ни единаго шага, ниже единыя мысли, совершить не можемъ не подъ Его всесильною рукою. Помните, что Онъ правосуденъ и милосердъ, что доброе дѣло безъ награды не оставляетъ, такъ и безъ наказанія худое. И такъ всякое дѣло начинайте, призвавъ Его къ себѣ въ помощь и прибѣгайте къ Нему теплыми молитвами! О, коликое утѣшеніе въ Немъ обрящете!

«Когда вы, возлюбленные мои сыновья, вступите въ службу, почитайте исполненіе вашей должности первѣйшею вашею добродѣтелію, безъ коей вы блаженны быть не можете. Будьте почтительны и послушны непрекословно къ вашимъ начальникамъ, исполняйте всегда ревностно законы Ея Императорскаго Величества. Любите, почитайте паче всего священную ея особу, и даже мысленно должны вы ей предстоять съ благоговѣніемъ. Старайтеся заслужить ея къ себѣ милости повиновеніемъ и ревностію во исполненіи на васъ возложеннаго. Будьте почтительны, о чада души моей, къ вашимъ роднымъ и ко всякому человѣку, кто васъ

лѣтами старѣе, и снисходительны къ тѣмъ, кто васъ моложе. Будьте милосерды къ вашимъ служителямъ и снисходительны. Паче всего почитайте и не преступайте велѣній тѣхъ, которые служили вамъ вмѣсто матери во младенчествѣ вашемъ. Помните, что мать ваша, умирая, поставила надъ вами вмѣсто себя сестру свою, друга, тетку вашу, Елисавету Васильевну, которую, доколѣ живы будете, матерью именуйте!

«А вы, о сотрудницы въ воскормленіи дѣтей моихъ, коихъ безуміе мое ввергло въ скорбь, печаль и уныніе, послѣдуйте моему послѣднему совѣту:

«Мызу, въ которой жительствуетъ мать ваша, хотя принадлежитъ вамъ обще съ дѣтьми моими, остается въ ея распоряженіи до кончины ея. Домъ въ городѣ, въ которомъ мы жительство имѣли, я вамъ совѣтую продать, возвративъ Стальцу полы, которые лежатъ на верху, за которые деньги не отданы. Выкупить вещи, заложенныя въ Ломбардѣ и ихъ продать можно съ выгодою. Доколѣ вы будете жить вмѣстѣ, то не совѣтую вамъ продавать дома въ Миліонной и мызы, но на вырученныя деньги продажею дома выкупить заложенный въ Банкѣ. Поставить на мѣрѣ и опредѣлить

заранѣе и нынѣ, что кому имѣть должно, завѣщая дѣтямъ моимъ быть довольными тѣмъ, что вы имъ дадите, на удѣлъ ихъ матери, вѣдая, что вы ихъ не обидите. Если же вамъ вмѣстѣ жить будетъ невозможно, то надобно будетъ продать или дворъ, или мызу.

«Купленное мною мѣсто отъ Фридрихсовой вдовы я отдаю навсегда Елисаветѣ Васильевнѣ въ придачу къ тому, которое она имѣетъ рядомъ отъ Казенной Палаты изъ платежа поземельныхъ денегъ. А она отдастъ его дочери моей, Катеринѣ, послѣ себя, если она то заслуживать будетъ.

«Батюшку и матушку попросить, чтобы они не оставили моихъ дѣтей и простили бы несчастному ихъ сыну печаль, въ которую онъ ихъ повергаетъ. Батюшку просить также, чтобы всѣхъ моихъ людей отдалъ въ распоряженіе Елисаветы Васильевны, чтобы пожаловалъ отпускныя за долговременную и безпорочную службу при мнѣ, людямъ моимъ, Петру Иванову и Давыду Фролову съ женами ихъ, и отпускныя отдалъ бы въ распоряженіе Елисаветы. Увѣренъ, что и они не оставятъ дома моего до возраста совершеннаго моихъ дѣтей. Исходатайствовать отпускную Марьѣ Дементье-

вой за заслуги умершаго ея мужа. Елисавету Васильевну прошу дѣвку ея Анну Дорофѣеву отпустить замужъ, по ея желанію.

«Дѣтей моихъ несчастныхъ повергаю предъ престолъ милосердія Ея Императорскаго Величества. У всѣхъ моихъ родственниковъ просить за меня прощенія, если я ихъ чѣмъ либо оскорбилъ.

«За симъ, о возлюбленные мои, прижмите меня къ сердцу вашему и, если то возможно, забудьте несчастнаго!»

Въ дополненіе къ слѣдствію, Радищеву былъ предложенъ еще одинъ вопросъ: «Къ Кутузову, въ чужіе края съ каковымъ намѣреніемъ послалъ извѣстную книгу?»

Радищевъ отвѣчалъ, «что сію книгу послалъ онъ къ нему, по давней съ нимъ дружбѣ, ибо съ малолѣтства они жили, служили и учились вмѣстѣ, почему они были между собой хорошіе друзья, а сіе то самое и понудило его помянутую, для него пагубную книгу къ нему отослать, ласкаясь, что сія книга изобразитъ каково онъ можетъ остро писать. Впрочемъ, онъ никакого съ нимъ согласія къ сочиненію той книги не имѣлъ, а единственно и дедикацію на имя его сдѣлалъ ей изъ хвастовства, ибо онъ тогда такимъ безуміемъ былъ объятъ, что

казалось ему, что сія книга наилучшаго есть сочиненія. Но теперь онъ, по совѣсти своей, будучи выведенъ изъ заблужденія и развратнаго своего мнѣнія, какъ ему стать передъ Богомъ, увѣряетъ, что если бы Кутузовъ получилъ сію книгу, то онъ бы его, конечно, не похвалилъ, а выбранилъ; почему онъ, по теперешнему, искренному души его расположенію, и самъ находитъ, что оная книга есть мерзкая и долженъ онъ гнушаться ею, дондеже живъ. Печатать же оную книгу нигдѣ въ чужихъ краяхъ намѣренія не имѣлъ, а къ Кутузову, какъ выше сего сказалъ, для прочтенія послалъ. Къ оному же Кутузову послалъ онъ книжку своего сочиненія, подъ названіемъ: «Письмо къ другу, живущему въ Тобольскѣ», которая также написана имъ была въ объятомъ имъ тогда безуміи. Не можетъ онъ того отрицать, чтобы оно не казалось произвести французскую революцію, но, однакожь, по чистой совѣсти своей, какъ явится на страшный судъ Божій, увѣряетъ, что онъ сего злаго намеренія не имѣлъ, а писалъ мыслями и штилемъ извѣстнаго Ренальда,[1]) въ чемъ и признаетъ себя виновнымъ».

---

[1]) Извѣстный философъ и проповѣдникъ, бывшій іезуитъ,

Радищева предали суду. Императрица объявила, чтобы судьи не были пристрастными, и «не уважали до нея касающееся, понеже она презираетъ». Въ началѣ Сентября 1890 года состоялось рѣшеніе Сената, по которому Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Четвертаго числа полицейскій офицеръ, арестовавшій Радищева, объявилъ его семейству окончательный приговоръ, состоявшійся въ такой формѣ: «Коллежскій Совѣтникъ и ордена Св. Владиміра кавалеръ, Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противъ присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги, подъ названіемъ: «*Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*», наполненной самыми вредными умствованіями разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стрѣмящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми выраженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лжи-

---

авторъ книги, „Histoire philosophique des établissements et du commerce des Europeens dans les deux-Indes“, изд. въ 1770 г. Радищевъ упоминаетъ объ ней въ путешествіи.

вый поступокъ, прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За таковое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ Санкт-Петербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни; и хотя по роду толь важной вины, заслуживаетъ онъ сію казнь по точной силѣ законовъ, означенными мѣстами ему приговоренную; но Мы послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобы соединять правосудіе съ милосердіемъ для всеобщей радости, которую вѣрные подданные Наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо Имперіи, отъ него намъ ввѣренной, вожделеннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безъисходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ».[1])

[1]) Полн. собр. законовъ т. 23, стр. 1789, № 16, 901.

Державинъ по поводу этого приговора написалъ остроумное четверостишіе:

Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь дерзка, смѣла и сумасбродна,
Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: «вирь, вирь!»
Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь.

Графъ Воронцовъ сочувствовавшій идеямъ Радищева и даже, какъ думаютъ нѣкоторые, принимавшій участіе въ печатаніи «Путешествія», постарался, сколько могъ, облегчить тяжелое положеніе ссыльнаго. Онъ написалъ рекомендательныя письма ко всѣмъ губернаторамъ и принялъ расходы Радищева на свой счетъ. Въ Тобольскѣ А. Н. остановился и прожилъ семь мѣсяцовъ; онъ былъ принятъ во всѣхъ домахъ губернской аристократіи и даже пользовался особымъ расположеніемъ губернатора Алябьева. Здѣсь Радищевъ дождался своего семейства, и отправился далѣе, вмѣстѣ со свояченицей и тремя дѣтьми.

Въ Илимскомъ острогѣ Радищеву отвели для житья обширный воеводскій домъ съ множествомъ службъ и обширнымъ садомъ, но домъ оказался холоднымъ, и вскорѣ изъ Иркутска прислали плотниковъ для постройки новаго жилья. Павелъ Радищевъ слѣдующимъ образомъ описываетъ жизнь своего

отца въ ссылкѣ: «Радищевъ вставалъ очень рано; писалъ и читалъ. Онъ получалъ *Московскія Вѣдомости*, *Политическій Журналъ* Сохацкаго, *Пріятное и полезное препровожденіе времени* Сохацкаго и Подшивалова; гамбургскія газеты ему присылали изъ Иркутска, съ оказіей, знакомые нѣмцы. Онъ дѣлалъ химическіе опыты; одно время занимался много дѣланіемъ и обжиганіемъ горшковъ, для чего ему служила плавильная печь, устроенная въ столовой. Поутру приносили ему большой мѣдный чайникъ съ кипяткомъ, и онъ самъ варилъ себѣ кофе. Дѣти вставали, и онъ ихъ училъ каждый день, поутру, исторіи, географіи и по-нѣмецки, послѣ обѣда заставлялъ ихъ читать и переводить съ французскаго. Лѣтомъ онъ ходилъ съ ружьемъ по лѣсамъ и горамъ, окружающимъ Илимскъ, ѣздилъ на лодкѣ вверхъ и внизъ по Илиму, а зимой на саняхъ въ разныя стороны, и даже до устья Илима, верстъ за сто, въ селеніе Коробганку, гдѣ ловится множество осетровъ [1])». Кромѣ того Радищевъ, при помощи нѣкоторыхъ медицискихъ свѣденій помогалъ крестьянамъ въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ; по словамъ сына, А.

---

[1]) „Русскій вѣстникъ“ 1858 г. № 18-й, стр. 413.

Н. открылъ оспопрививаніе гораздо раньше Дженнера[1]), и прививалъ оспу своимъ дѣтямъ и жителямъ Илимска.

Въ Сибири Радищевъ женился на своей свояченицѣ (жениной сестрѣ) и черезъ годъ послѣ этого, стараніями графа Воронцова, получилъ дозволеніе возвратиться въ свои деревни.

Тамъ онъ пробылъ почти безвыѣздно до восшествія на престолъ Императора Александра I, который вызвалъ Радищева въ столицу, возвратилъ ему чины, орденъ, дворянское достоинство и помѣстилъ въ комисію для составленія законовъ. Предсѣдателемъ этой комисіи былъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, человѣкъ стараго закала, которому конечно не могли нравиться идеи Радищева, беззастенчиво высказываемыя послѣднимъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Александръ Николаевичъ написалъ проэктъ гражданскаго уложенія, который думалъ представить на разсмотрѣніе комисіи, но передъ этимъ произошла какая то размолвка съ графомъ Завадовскимъ, въ

---

[1]) Первая брошюра объ оспопрививаніи вышла въ Лондонѣ въ 1798 г. Радищевъ воротился изъ ссылки въ 1796 г.

которой предсѣдатель замѣтилъ между прочимъ, что убѣжденія Радищева не могутъ привести его ни къ чему хорошему и даже упомянулъ въ разговорѣ роковое слово *Сибирь*. Это сильно поразило Радищева, онъ впалъ въ задумчивость и повторялъ своимъ дѣтямъ: «Ну, что если меня опять сошлютъ въ Сибирь?»

Въ проэктѣ гражданскаго уложенія, въ противоположность Сперанскому, который высказалъ мнѣнія, что Россіи не нужно новыхъ законовъ, а нужно только пересмотрѣть и исправить старые, Радищевъ требовалъ радикальныхъ реформъ. Между прочимъ онъ высказалъ слѣдующія убѣжденія въ своемъ проэктѣ гражданскаго уложенія: 1) Всѣ состоянія должны быть равны предъ закономъ, а потому тѣлесное наказаніе необходимо отмѣнить; 2) Табель о рангахъ уничтожить; 3) Уничтожить пристрастные допросы и ввести гласное судопроизводство; 4) Вѣротерпимость и полная свобода совѣсти необходима; 5) Свобода печати съ яснымъ цензурнымъ уставомъ, точно опредѣляющимъ мѣру отвѣтственности; 6) Уничтожить крѣпостную зависимость; 7) Подушную подать замѣнить поземельною; 8) Ввести свободу торговли; 9) Отмѣнить

строгія законы о торговой несостоятельности [1]).

Взволнованное состояніе духа день ото дня увеличивалось, и подъ конецъ Радищевъ положительно заболѣлъ.

Утромъ 11 Сентября 1802 года, въ припадкѣ иппохондріи, онъ схватилъ и выпилъ большой стаканъ крѣпкой водки, которая приготовлена была для чистки почернѣйшей мишуры на поношенныхъ эполетахъ его старшаго сына. Радищевъ хотѣлъ было зарѣзаться бритвой, но сынъ удержалъ его.

— Оставь; я буду долго мучиться... сказалъ Радищевъ.

Дѣйствительно страшная рвота не замедлила обнаружить разрушающее дѣйствіе крѣпкой водки. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по городу, и Императоръ прислалъ къ Радищеву своего лейбъ-медика, но уже было поздно; причастившись Св. Таинъ, Радищевъ, послѣ непродолжительныхъ, но страшныхъ мученій испустилъ духъ на 53 году отъ рожденія.

Иванъ Петровичъ Пнинъ, въ то время еще молодой человѣкъ, горячій приверже-

---

[1]) „Русс. Вѣст.“ 1858 г. № 18, стр. 224.

нецъ Радищева, написалъ на смерть своего друга слѣдующее стихотвореніе:

И такъ Радищева не стало!
Мой другъ, уже во гробѣ онъ!
То сердце, что добромъ дышало,
Постигъ ничтожества законъ;
Уста, что истину вѣщали,
Увы, на вѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ;
Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
На вѣкъ, на вѣкъ оставилъ насъ!
Оставилъ и прешелъ къ покою,
Благословимъ его мы прахъ!
Кто столько жертвовалъ собою
Не для своихъ, но общихъ благъ,
Кто былъ отечеству сынъ вѣрный,
Былъ гражданинъ, отецъ примѣрный,
И смѣло правду говорилъ,
Кто ни предъ кѣмъ не изгибался,
До гроба лестію гнушался,
Я чаю — тотъ довольно жилъ.

Послѣ смерти Радищева вышло собраніе его сочиненій, въ которое вошло: «Житіе Ѳ. В. Ушакова,» изданное имъ въ 1790 году, до ссылки его въ Сибирь; «О человѣкѣ,—его смертности и безсмертіи» (4 части, 1792, написанные въ ссылкѣ); «Письмо о китайскомъ торгѣ, въ Кіахтѣ», (1792 г. писано тоже въ Илимскѣ); «Сокращенное повѣствованіе о пріобретеніи Сибири»; от-

рывокъ изъ поэмы въ прозѣ: «Ермакъ»; «Дневникъ одной недѣли», «Памятникъ дактилохореическому витязю»; «Описаніе моего владѣнія» одинадцать пѣсней изъ поэмы «Бова королевичъ» и мелкія стихотворенія.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА

ВЪ

МОСКВУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1790 г.

Печатано съ дозволенія Управы Благочинія *).

*) Императрица замѣтила: «О строки *съ дозволенія Управы Благочинія* скажу, что прибавить къ книгѣ послѣ подписи подписавшаго, есть лживый поступокъ и бездѣльство». Радищевъ, послѣ того, какъ цензура выхерила нѣсколько листовъ изъ Путешествія, напечаталъ свою книгу вполнѣ, и успѣлъ получить разрѣшеніе несвѣдущаго оберъ-полицмейстера, Рылѣева.

А. М. К. [1])

Любезнѣйшему другу.

Чтобы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, О! сочувственникъ мой, посвѣщено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно — и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрестъ меня-душа моя, страданіями человѣчества уязвлена стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою—и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его

---

[1]) Посвящено Алексѣю Михайловичу Кутузову, товарищу Радищева по лейпцигскому университету. См. Современникъ 1856 г. книга 8, стр. 147. Библіогр. записки М. Лонгинова.

предметы. Ужели, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно, сокрыла истинну на вѣки? Ужель сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. «Отъ ими завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду.» Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе, я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію, и веселіе не изреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть во благодѣйствіи себѣ подобныхъ. — Се мысль побудившая меня начертать что читать будешь. Но, если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого либо, кто намѣреніе мое одобритъ, кто ради благой цѣли, неопорочитъ неудачное изображеніе мысли, кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ; не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?... Почто, почто мнѣ искать далеко

кого либо? Мой другъ! ты близъ моего сердца живешь и — имя твое да озаритъ сіе начало.

Выѣздъ.

Отужинавъ съ моими друзьями, я легъ въ кибитку. Ямщикъ по обыкновенію своему посвакалъ во всю лошадиную мочь, — и въ нѣсколько минутъ я былъ уже за городомъ. Расставаться трудно, хотя на малое время съ тѣмъ, кто намъ нуженъ сталъ на всякую минуту бытія нашего. Расставаться трудно: но блаженъ тотъ, кто разстаться можетъ не улыбаясь; любовь или дружба стерегутъ его утѣшеніе. Ты плачешь, произнося прости; но вспомни о возвращеніи своемъ, и да изчезнутъ слезы твои при семъ воображеніи, яко роса предъ лицемъ солнца. Блаженъ возрыдавшій надѣяйся на утѣшителя, блаженъ живущій иногда въ будущемъ; блаженъ живущій въ мечтаніи. — Существо его усугубляется, веселія множаться и спокойствіе упреждаетъ нахмуренность грусти, разпложая образы радости въ зерцалахъ воображенія. Я лежу въ кибиткѣ. Звонъ почтоваго колокольчика наскучивъ моимъ

ушамъ, призвалъ наконецъ благодѣтельнаго Морфея. Горесть разлуки моей преслѣдуя за мною въ смертоподобное мое состояніе представила меня воображенію моему уединенна. Я узрѣлъ себя въ пространной долинѣ, потерявшей отъ солнечнаго зноя всю пріятность и пестроту зелености, не было тутъ источника на прохлажденіе, не было древесныя сѣни на умѣреніе зноя. Единъ, оставленъ среди природы пустынникъ! Вострепеталъ. Несчастной, возопилъ я, гдѣ ты? гдѣ дѣвалось все, что тебя прельщало? гдѣ то, что жизнь твою дѣлало тебѣ пріятною? Неужели веселости тобою вкушенныя были сонъ и мечта? По счастію моему случившаяся на дорогѣ рытвина, въ которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподнявъ голову, вижу на пустомъ мѣстѣ стоитъ домъ въ три жилья. Что такое спрашивалъ я у новощика моего? Почтовый дворъ. Да гдѣ мы? въ Софіи: и между тѣмъ выпрягалъ лошадей.

Софія.

По всюду молчаніе. Погруженный въ размышленіяхъ, не примѣтилъ я, что кибитка моя давно уже безъ лошадей стояла. При-

везшій меня извощикъ извлекъ меня изъ задумчивости. — Баринъ, батюшка на водку. — Сборъ сей хотя не законный, но охотно всякой его платитъ, дабы не ѣхать по указу. — Двадцать копѣекъ послужили мнѣ въ пользу. Кто ѣзжалъ на почтѣ, тотъ знаетъ что подорожная есть оберегательное письмо, безъ котораго всякому кошельку будетъ накладно. Вынувъ ее изъ кармана, я шелъ съ нею, какъ ходятъ иногда для защиты своей со крестомъ.

Почтоваго комисара нашелъ я храпящаго; легонько взялъ его за плечо. — Кого чортъ давитъ? Что за манеръ выѣзжать изъ города ночью. Лошадей нѣтъ; очень еще рано, взойди пожалуй въ трактиръ выпей чаю, или усни. Сказавъ сіе, г. Комисаръ отворотился къ стѣнѣ и паки захрапѣлъ. Что дѣлать? Потрясъ я Комисара опять за плечо. — Что за пропасть, я уже сказалъ, что нѣтъ лошадей, и обернувъ голову одѣяломъ, г. Комисаръ отъ меня отворотился. Если лошади всѣ въ разгонѣ, размышлялъ я, то несправедливо, что я мѣшаю Комисару спать. А если лошади въ конюшнѣ... Я вознамѣрился узнать, правду ли г. Комисаръ говорилъ. Вышелъ на дворъ, сыскалъ конюшню, и нашелъ въ оной лошадей до 20, хотя правду

сказать, кости у нихъ были видны, но меня бы дотащили до слѣдующаго стана.— Изъ конюшни я опять возвратился къ Комисару, потрясъ его гораздо покрѣпче. — Казалось мнѣ, что я имѣлъ къ тому право, нашедъ, что комисаръ солгалъ. Онъ въ торопяхъ вскочилъ, и не продравъ еще глазъ спрашивалъ кто пріѣхалъ не.... но опомнявшись увидя меня, сказалъ мнѣ: видно молодецъ ты обынъ такъ обходится съ прежними ямщиками. Ихъ бивали палками, но нынѣ не прежняя пора.- Со гнѣвомъ г. Комисаръ легъ спать въ постелю. Мнѣ его также хотѣлось поподчивать, какъ прежнихъ ямщиковъ, когда они въ обманѣ примечались, но щедрость моя давая на водку городскому извощику побудила Софійскихъ ямщиковъ запречь мнѣ поскорѣе лошадей, и въ самое то время, когда я намѣрялся сдѣлать преступленіе на спинѣ Комисарской, зазвѣнелъ на дворѣ колокольчикъ. Я пребылъ добрый гражданинъ. И такъ 20 мѣдныхъ копѣекъ, избавили миролюбиваго человѣка отъ слѣдствія, дѣтей моихъ отъ примѣра невоздержанія во гнѣвѣ, и я узналъ, что разсудокъ есть рабъ нетерпѣливости.

Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затянулъ пѣсню, по обыкновенію заунывную.—

Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсень суть тону мягкаго. Въ нихъ найдешъ образованіе души нашего народа. Посмотри на русскаго человѣка, — найдешь его задумчива. Если захочетъ разогнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, если захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ. Если что либо случиться не поемъ, то скоро начинаетъ споръ или битву.

Извощикъ мой поетъ. — Третей былъ часъ но полуночи. — Какъ прежде колокольчикъ, такъ теперь его пѣсня опять произвела во мнѣ сонъ. О природа, объявъ человѣка въ пелены скорби при рожденіи его, влача его но строгимъ хребтамъ болзни, скуки и печали чрезъ весь его вѣкъ, дала ты ему въ отраду сонъ. — Уснулъ и все скончалось. — Несносно пробужденіе несчастному. О, сколько смерть для него пріятна. А есть ли она конецъ скорби? Отче всеблагій, неужели отвратишъ взоры свои, отъ скончевающаго бѣдственное житіе свое мужественно. Тебѣ, источнику всѣхъ благъ, приносится сія жертва. Ты единъ даешь крѣпость, когда есте-

ственно трепещетъ, содрагается. Се гласъ отчій, взывающій къ себѣ свое чадо. Ты жизнь мнѣ далъ, Тебѣ ее и возвращаю; на земли она стала уже безполезна.

Тосна.

Поѣхавши изъ Петербурга, я воображалъ себѣ, что дорога была наилучшая. Такова она была дѣйствительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дорогѣ, сдѣлавъ ее гладкою въ сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лѣта, и сдѣлала ее непроходимую.... Обезпокоенъ дурною ~~дорогою~~ погодою, я, вставъ изъ кибитки, вошелъ въ почтовую избу, въ намѣреніи отдохнуть. Въ избѣ нашелъ я пріѣзжающаго, который, сидя за обыкновеннымъ длиннымъ крестьянскимъ столомъ въ переднемъ углу, разбиралъ бумаги, и просилъ почтоваго комисара, чтобы ему поскорѣе велѣлъ дать лошадей. На вопросъ мой, кто онъ ~~былъ~~ такой? узналъ я, что то былъ стараго покроя стряпчій, ѣдущій въ Петербургъ съ великимъ множествомъ изодранныхъ бумагъ, которые онъ тогда разбиралъ. Я немѣдля вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и вотъ моя съ нимъ бѣсѣда: „Милостивый государь!

* Таковы почитаемы ее всѣ тѣ, которые подошли по ней въ слѣдъ государя.

Я нижайшій вашъ слуга, бывъ регистраторомъ въ разрядномъ архивѣ, имѣлъ случай употребить мѣсто мое себѣ въ пользу. Посильными моими трудами я собралъ родословную на ясныхъ доводахъ утвержденную, многихъ родовъ Россійскихъ, я докажу Княжеское или благородное ихъ происхожденіе за нѣсколько сотъ лѣтъ. Я востановлю нерѣдкаго въ княжеское достоинство, показавъ отъ Владиміра Мономаха или отъ самаго Рюрика ихъ происхожденіе. Милостивый Государь! продолжалъ онъ, указывая на свои бумаги, все великороссійское дворянство долженствовало бы купить мой трудъ, заплатя за него столько, сколько ни за какой товаръ ни платятъ. Но съ дозволенія вашего Высокородія, Благородія или Высокоблагородія, невѣдаю какъ честь ваша, они не знаютъ что имъ нужно. Извѣстно вамъ сколько блаженныя памяти благовѣрный Государь Феодоръ Алексѣевичь, Россійское дворянство обидѣлъ, уничтоживъ мѣстничество. Сіе строгое законоположеніе поставило многія честныя Княжескіе роды наравнѣ съ Новгородскимъ дворянствомъ. Но благовѣрный Государь Императоръ Петръ Великій со всѣмъ привелъ ихъ въ затмѣніе своею табелью о рангахъ. Открылъ

онъ путь чрезъ службу военную и гражданскую всѣмъ, къ пріобрѣтенію дворянскаго титла, и древнее дворянство, такъ сказать затопталъ въ грязь. Нынѣ Всемилостивѣйше царствующая наша мать, утвердила прежніе указы Высочайшимъ о дворянствѣ положеніемъ, которое было всѣхъ степенныхъ нашихъ встревожило, ибо древніе роды поставлены во дворянской книгѣ ниже всѣхъ. Но слухъ носится, что въ дополненіе вскорѣ изданъ будетъ указъ, и тѣмъ родамъ, которые дворянское свое происхожденіе докажутъ за 200 или 300 лѣтъ, приложится титло Маркиза или другое знатное, и они предъ другими родами будутъ имѣть нѣкоторую отличность. По сей причинѣ, Милостивый государь! трудъ мой долженъ весьма быть пріятенъ всему древнему благородному обществу; но всякъ имѣетъ своихъ злодѣевъ.

Въ Москвѣ завернулся я въ компанію молодыхъ господчиковъ, и предложилъ имъ мой трудъ, дабы благосклонностію ихъ возвратить хотя истраченную бумагу и чернилы, но вмѣсто благопріятства попалъ въ посмѣяніе, и съ горя оставивъ столичный сей градъ вдался пути до Питера, гдѣ, извѣстно гораздо болѣе просвѣщенія. Сказавъ сіе поклонился мнѣ объ руку и вытянувшись

прямо, стоялъ предомною съ величайшимъ благоговѣніемъ. Я понялъ его мысль, вынулъ изъ кошелька.... и, давъ ему совѣтовалъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ продалъ бы бумагу свою на вѣсъ разнощикамъ, для обертки, ибо мнимое Маркизство скружить можетъ многимъ голову, и онъ причиною будетъ возрожденію истребленнаго въ Россіи зла, хвастовства древнихъ породы.

Любань.

Зимою ли я ѣхалъ или лѣтомъ, для васъ, думаю, равно. Можетъ быть, и зимою и лѣтомъ. Нерѣдко бываетъ съ путешественниками, поѣдутъ на саняхъ, а возвращаются на телѣгахъ. Лѣсомъ бревешками вымощенная дорога замучила мои бока, я вылезъ изъ кибитки и пошелъ пѣшкомъ. Лежа въ кибиткѣ, мысли мои обращены были въ неизмѣримость міра. Отдѣляясь душевно отъ земли, казалося мнѣ, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражненія духовныя не всегда насъ тѣлесности отвлекаютъ; и для сохраненія боковъ моихъ пошелъ я пешкомъ. — Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пасущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я

на часы. Перваго 40 минутъ. Я выѣхалъ въ субботу. Сегодня праздникъ. — Пашущій крестьянинъ принадлежитъ, конечно, помѣщику, который оброкъ съ него не беретъ. — Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ. — Нива, конечно, не господская. Соху поварачиваетъ съ удивительною легкостію. — Богъ въ помощь сказалъ я, подошедъ къ пахарю, который, не останавливаясь, доканчивалъ зачатую борозду. — Богъ въ помощь, повторилъ я. — Спасибо, баринъ, говорилъ мнѣ пахарь, отряхая сошникъ и перенося соху на новую борозду. — Ты, конечно, раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ. — Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенные три перста. — Богъ милостивъ, съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья. Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и въ самый жаръ. Въ недѣлѣ то баринъ 6-ть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину; да подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господскій дворъ, коли погода хороша, а бабы и дѣвки, для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы да по ягоды. Дай Богъ, крестяся, чтобъ подъ вечеръ се-

го дня дождикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужички, такъ они тоже у господа молятъ. — У меня мой другъ мужиковъ нѣтъ и для того никто меня не клянетъ. Велика ли у тебя семья? Три сына и три дочки. Первинькому то 10-й годокъ.—Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ? Не одни праздники и ночь наша. Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умретъ. Видишь ли одна лошадь отдыхаетъ, а какъ эта устанетъ, возьмусь за другую, дѣло то и споро.— Такъ ли ты работаешь на господина своего? Нѣтъ, баринъ, грѣшно бы было такъ же работать. У него на пашнѣ сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ для семи ртовъ, самъ ты нѣтъ знаешь. Да хотя растянись на барской работѣ, то спасибо не скажутъ. Баринъ подушныхъ не заплатитъ, ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступитъ. Толи житье нашему брату, какъ гдѣ баринъ оброкъ беретъ съ крестьянина, да еще безъ прикащика. Правда, что иногда и добрые господа берутъ болѣе 3-хъ рублей съ души; но все лучше барщины. Нынѣ еще повѣрье заводится отдавать деревни, какъ то называется, въ аренду. А мы называемъ это отдавать головой. — Голой наемникъ де-

ретъ съ мужиковъ кожу; даже лучшей поры намъ не оставляетъ.—Зимою не пускаетъ въ извозъ, ни въ работу въ городъ, все работай на него, для того что онъ подушныя платитъ за насъ. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьянъ своихъ чужому въ работу.—На дурнаго прикащика хотя можно жаловаться, а на наемника кому? — Другъ мой, ты ошибаешься; мучить людей законы запрещаютъ. — Мучить? — Правда; но небось, баринъ, не захочешь въ мою кожу. — Между тѣмъ пахарь запрягъ другую лошадь въ соху и начавъ новую борозду, со мною простился. Разговоръ сего земледѣльца возбудилъ во мнѣ множество мыслей. Первое представилось мнѣ неравенство крестьянскаго состоянія. Сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими. Тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ, но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить, то, что господинъ хочетъ.— Одни судятся своими равными, а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ. Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству его охраняющему, когда нарушаетъ союзъ общественный, когда становится злодѣй! Сія мысль всю кровь во мнѣ воспалила. Страшись, по-

мѣщикъ жестокосердый, на челѣ каждаго изъ твоихъ крестьянъ всюду твое осужденіе. Углубленный въ сихъ размышленіяхъ, я нечаянно обратилъ взоръ мой на моего слугу, который, сидя на кибиткѣ передо мною, качался изъ стороны въ сторону. Вдругъ почувствовалъ я быстрый мразъ, протекающій кровь мою, и прогоняющій жаръ къ вершинамъ, нудилъ его распространиться по лицу. Мнѣ такъ стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакалъ. Ты во гнѣвѣ твоемъ, говорилъ я самъ себѣ, устремляешся на гордаго господина, изнуряющаго крестьянина своего на нивѣ своей, а самъ не тоже ли или еще хуже того дѣлаешь. Какое преступленіе сдѣлалъ бѣдной твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителемъ нашихъ бѣдствій, величайшимъ даромъ природы несчастному, сномъ.—Онъ получаетъ плату, сытъ, одѣтъ, никогда я его не сѣку ни плетьми, ни батожьемъ. О умѣренный человѣкъ! и ты думаешь, что кусокъ хлѣба, и лоскутъ сукна тебѣ даютъ право поступать съ подобнымъ тебѣ существомъ, какъ съ кубаремъ, и тѣмъ ты только хвастаешь, что не часто подсѣкаешь его въ его вертѣніи. Вѣдаешь ли, что въ первенственномъ уложеніи, въ

сердце каждаго написано? Если я кого ударю, тотъ и меня ударить можетъ. Вспомни тотъ день, какъ Петрушка пьянъ былъ и не поспѣлъ тебя одѣть. Вспомни о его пощечинѣ. О есть бы онъ тогда, хотя пьяной опомнился, и тебѣ отвѣчалъ бы соразмѣрно твоему вопросу! — А кто тебѣ далъ власть надъ нимъ? — Законъ — Законъ? И ты смѣешь поносить сіе священное имя? Несчастный.... Слезы потекли изъ глазъ моихъ и въ таковомъ положеніи почтовые клячи дотащили меня до слѣдующаго стана.

Чудово.

Не успѣлъ я войти въ почтовую избу какъ услышалъ на улицѣ звонъ почтоваго колокольчика, и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ избу пріятель мой Ч..... Я его оставилъ въ Питербургѣ, и онъ намѣренія не имѣлъ оттуда выѣхать такъ скоро. Особливое происшествіе побудило человѣка нрава крутаго, какъ то былъ мой пріятель, удалится изъ Питербурга и вотъ что онъ мнѣ расказалъ.

Ты былъ уже готовъ къ отъѣзду, какъ я отправился въ Петергофъ. Тутъ я препроводилъ праздники столь весело, сколько въ

шуму и чаду васелиться можно. Но желая поѣздку мою обратить въ пользу, вознамѣрился съѣздить въ Кронштадтъ и на Систербекъ, гдѣ сказывали мнѣ въ послѣднее время сдѣланы великія перемѣны. Въ Кронштадтѣ прожилъ я два дни съ великимъ удовольствіемъ, насыщаяся зрѣніемъ множества иностранныхъ кораблей, каменной одежды крѣпости Кронштадтской, и строеній стремительно возвышающихся. Любопытствовалъ посмотрѣть новаго Кронштату плана, и съ удовольствіемъ предусматривалъ красоту намѣреваемаго строенія, словомъ второй день пребыванія моего кончился весело и пріятно. Ночь была тихая, свѣтлая и воздухъ благоразстворенный вливалъ въ чувства особую нѣжность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамѣрился въ пользу употребить благость природы и насладится еще одинъ хотя разъ въ жизни, великолѣпнымъ зрѣлищемъ восхожденія солнца, котораго на гладкомъ водяномъ горизонтѣ мнѣ еще видѣть не удавалось. Я нанялъ морскую 12-ти весельную шлюбку, и отправился на С.....

Версты въ четыре плыли мы благополучно. Шумъ веселъ единозвучностью своею, возбудилъ во мнѣ дремоту, и томное зрѣніе,

едвали воспрядало отъ мгновеннаго блеска падающихъ капель воды съ вершины веселъ. Стихотворческое воображеніе переселяло уже меня въ прелѣстные луга Пафоса и Амаѳонта. — Внезапу острый свистъ возникающаго въ дали вѣтра, разгналъ мой сонъ, и отягченнымъ взорамъ моимъ, представлялися сгущенныя облака, коихъ черная тяжесть, казалось, стремила ихъ намъ на главу и паденіемъ устрашала. Зерцаловидная поверхность водъ начинала рябѣть и тишина уступала мѣсто начинающемуся плесканію валовъ. Я радъ былъ и сему зрѣлищу; соглядалъ величественныя черты природы и не въ чванство скажу, что другихъ устрашать начинало, то меня веселило. Восклицалъ изрѣдка какъ Вернетъ, ахъ какъ хорошо! Но вѣтеръ усиливаяся постепенно, понуждалъ думать о достиженіи берега. Небо отъ густоты не прозрачныхъ облаковъ, совсемъ померкло. Сильное стремленіе валовъ отнимало у кормила направленіе, и порывистый вѣтръ, то вознося насъ на мокрые хребты, то низвергая въ утѣсистыя равнины водяныхъ зыбей отнимало у гребущихъ силу шественнаго движенія. Слѣдуя по неволѣ направленію вѣтра мы носилися на удачу. Тогда и берега начали боятся. Тогда и то, чтобы

насъ при благополучномъ плаваніи утѣшать могло, начинало приводить въ отчаяніе. Природа завистливою намъ на сей разъ казалася, и мы на нее негодовали теперь за то, что не распростирала ужаснаго своего величества, сверкая въ молніи и слухъ тревожа громовымъ трескомъ. Но надежда преслѣдуя человѣка до крайности, насъ укрѣпляла и мы елико намъ возможно было ободряли другъ друга.

Носимое валами внезапу судно наше остановилось недвижимо. Всѣ наши силы совокупно употребленныя не были въ состояніи совратить его съ того мѣста, на которомъ оно стояло. Упражняясь въ сведеніи нашего судна съ мѣли, какъ то мы думали, мы не примѣтили, что вѣтръ между тѣмъ почти совсѣмъ утихъ. Небо по малу очистилося, отъ затмѣвавшихъ синеву его облаковъ. Но восходящая заря вмѣсто того, чтобъ принести намъ отраду, явила намъ бѣдственное наше положеніе. Мы узрѣли ясно, что шлюпка наша не на мѣли находилась, но погрязла между двухъ большихъ камней, и что небыло никакихъ силъ для ея избавленія оттуда невредимо. Вообрази мой другъ наше положеніе, все что я не скажу, все слабо будетъ въ отношеніи моего чув-

ствія. Да и еслибъ я могъ достаточныя дать черты каждому души моея движенію, то слабы еще были бы онѣ для произведенія въ тебѣ подобнаго тѣмъ чувствованіямъ, какія въ душѣ моей возникали и тѣснилися тогда. Судно наше стояло на срединѣ гряды каменной замыкающей заливъ до С.... простирающійся. Мы находимся отъ берега на полторы версты. Вода начинала проходить въ судно наше со всѣхъ сторонъ и угрожала намъ совершеннымъ потопленіемъ. Въ послѣдній часъ, когда свѣтъ отъ насъ переходить начинаетъ и отверзается вѣчность, низпадаютъ тогда всѣ степени, мнѣніемъ между человѣковъ воздвигнутые. Человѣкъ тогда становится просто человѣкъ: такъ видя приближающуюся кончину, забыли всѣ мы, кто былъ какого состоянія, и помышляли о спасеніи нашемъ отливая воду какъ кому споручно было. Но какая была въ томъ польза? Колико воды союзными нашими силами было изчерпаемо, толико во мгновеніе паки накоплялось. Къ крайнему сердецъ нашихъ сокрушенію ни въ дали, ни въ близи не видно было мимоидущаго судна. Да и то, которое бы подало намъ отраду явясь взорамъ нашимъ, усугубило бы отчаяніе наше, удаляяся отъ насъ и избѣгая равныя съ

нами участи. Наконецъ судна нашего правитель, болѣе нежели другіе всѣ къ опасностямъ морскихъ произшествій обыкшій, взиравшій по неволѣ, можетъ быть, на смерть хладнокровно въ разныхъ морскихъ сраженіяхъ въ прошедшую Турецкую войну въ Архипелагѣ; рѣшился или насъ спасти спасаяся самъ, или погибнуть въ семъ благомъ намѣреніи; ибо стоя на одномъ мѣстѣ, погибнуть бы намъ должно было. Онъ вышедъ изъ судна и перебираяся съ камня на камень направилъ шествіе свое къ берегу, сопровождаемъ чистосердечнѣйшими нашими молитвами. Сначала продолжалъ онъ шествіе свое весьма бодро прыгая съ камень на камень, переходя воду, гдѣ она была мелка, перелѣзая ее, гдѣ она глубже становилась. Мы съ глазъ его не спускали. Наконецъ увидѣли, сто силы его начали ослабѣвать, ибо онъ переходилъ камни медлительнѣе, останавливаясь по часту, и садясь на камень для отдохновенія. Казалось намъ что онъ находился иногда въ размышленіи и нерѣшимости о продолженіи пути своего. Сіе побудило однаго изъ его товарищей ему преслѣдовать, дабы подать ему помощь, если онъ увидитъ его изнемогающаго въ достиженіи берега, или достигнуть онаго,

если первому въ томъ будетъ не удача. Взоры наши стремились во слѣдъ то за тѣмъ, то за другимъ, и молитва наша о ихъ сохраненіи была не лицемѣрна. Наконецъ послѣдній изъ сихъ подражателей Моисея въ прохожденіи, безъ чуда, морскія пучины своими стопами, остановился на камнѣ недвижимъ, а перваго совсѣмъ мы потеряли изъ виду.

Сокровенныя до селѣ внутреннія каждаго движенія, заклепанныя такъ сказать ужасомъ, начали являтся при изчезаніи надежды. Вода между тѣмъ въ суднѣ умножалася, и трудъ нашъ возрастая въ отливаніи оной утомлялъ силы наши примѣтно. Человѣкъ яраго и нетерпѣливаго сложенія рвалъ на себѣ волосы, кусалъ персты, проклиналъ часъ своего выѣзда. Человѣкъ робкія души и чувствовавшій долго можетъ быть тягость удручительныя неволи, рыдалъ орошая слезами своими скамью, на которой ницъ распростертъ лежалъ. Иной воспоминая домъ свой, дѣтей и жену, сидѣлъ яко окаменѣлый, помышляя не о своей, но о ихъ гибели, ибо они питалися его трудами. Каково было души моей положеніе, мой другъ самъ отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу только тебѣ то, что я прилежно молился

Богу. Наконецъ начали мы всѣ предаваться отчаянію, ибо судно наше болѣе половины водою натекло, и мы стояли всѣ въ водѣ по колѣно. Не рѣдко помышляли мы вытти изъ судна и шествовать по каменной грядѣ къ берегу, но пребываніе однаго изъ нашихъ сотрудниковъ на камнѣ уже нѣсколько часовъ, и сокрытіе другаго изъ виду, представляло намъ опасность перехода, болѣе можетъ быть, нежели она была въ самомъ дѣлѣ. Среди таковыхъ горестныхъ размышленій увидѣли мы близь противуположнаго берега, въ растояніи отъ насъ въ какомъ то было, точно опредѣлить не могу, два пятна черныя на водѣ, которыя казалося двигались. Зримое нами нѣчто черное и движущееся, казалося по малу увеличивалось, наконецъ приближаяся представило ясно взорамъ нашимъ два малые судна прямо идущія къ тому мѣсту, гдѣ мы находилися среди отчаянія, во сто кратъ надежду превосходящаго. Какъ въ темной храминѣ свѣту совсѣмъ не приступной, вдругъ отверзается дверь, и лучь денный влетавъ стрѣмительно въ среду мрака, разгоняетъ оный, распростираяся по всей храминѣ до дальнѣйшихъ ея предѣловъ, тако увидѣвъ суда, лучь надежды ко спасенію, протекъ наши

души. Отчаяніе превратилося въ восторгъ, горесть въ восхищеніе, и опасно было, чтобы радостныя тѣлодвиженія и плесканія не навлекли намъ гибели скорѣе, нежели мы будемъ исторгнуты изъ опасности. Но надежда житія возвращаяся въ сердца, возбудила паки мысли о различіи состояній, въ опасности уснувшія. Сіе послужило на сей разъ къ общей пользѣ. Я укротилъ излишнее радованіе во вредъ обратиться могущее. По нѣсколькомъ времени увидѣли мы двѣ большія рыбачьи лодки къ намъ приближающіяся, и при настиженіи ихъ до насъ, увидѣли въ одной изъ нихъ нашего спасителя, который прошедъ каменною грядой до берега, сыскалъ сіи лодки для нашего извлеченія изъ явной гибели. Мы не мѣшкавъ ни мало вышли изъ нашаго судна и поплыли въ пріѣхавшихъ судахъ къ берегу, не забывъ снять съ камня сотоварища нашего, который на ономъ около 7-ми часовъ находился. Не прошло болѣе получаса, какъ судно наше стоявшее между камней, облегченное отъ тяжести, всплыло и развалилося со всѣмъ. Плывучи къ берегу среди радости и восторга спасенія, Павелъ, такъ звали спасшаго насъ сопутника, разсказалъ намъ слѣдующее.

Я оставя васъ въ предстоящей опасности, спѣшилъ по камнямъ къ берегу. Желаніе васъ спасти дало мнѣ силы чрезъестественныя: но сажень за сто до берега силы мои стали ослабѣвать, и я началъ отчаяваться въ вашемъ спасеніи и моей жизни. Но полежавъ съ полчаса на камени вспрянувъ съ новою бодростію, и не отдыхая болѣе доползъ, такъ сказать, до берега. Тутъ я растянулся на травѣ и отдохнувъ минутъ 10-ть, всталъ и побѣжалъ вдоль берега къ С..... что имѣлъ мочи. И хотя съ немалымъ истощеніемъ силъ, но вспоминая о васъ добѣжалъ до мѣста. Казалось, что небо хотѣло испытать вашу твердость и мое терпѣніе, ибо я не нашелъ ни вдоль берега, ни въ самомъ С..... ни какого судна для вашего спасенія. Находясь почти въ отчаяніи, я думалъ, что ни гдѣ не можно мнѣ лучше искать помощи, какъ у тамошняго начальника. Я побѣжалъ въ тотъ домъ гдѣ онъ жилъ. Уже былъ 7-й часъ. Въ передней комнатѣ нашелъ я тамошней команды сержанта. Разсказавъ ему коротко за чемъ я пришелъ, и ваше положеніе, — просилъ его чтобы онъ разбудилъ Г....., который тогда еще почивалъ. Г. сержантъ мнѣ сказалъ: другъ мой я не смѣю. — Какъ ты не смѣ-

ешь? Когда 20 человѣкъ тонутъ, ты не смѣешь разбудить того, кто ихъ спасти можетъ? Но ты бездѣльникъ лжешь, я самъ пойду.... Г. сержантъ взявъ меня за плечо не очень учтиво, вытолкнулъ за дверь. Съ досады чуть я не лопнулъ. Но помня болѣе о вашей опасности, нежели о моей обидѣ и о жестокосердіи начальника съ его подчиненнымъ, я побѣжалъ къ караульной, которая была версты съ двѣ разстояніемъ, отъ проклятаго дома, изъ котораго меня вытолкнули. Я зналъ, что живущіе въ ней солдаты содержали лодки, въ которыхъ ѣздя по заливу собирали булыжникъ на продажу для мостовыхъ, я и не ошибся въ моей надеждѣ. Нашелъ сіи двѣ небольшія лодки и радость моя теперь несказана, вы всѣ спасены. Если бы вы утонули, то и я бы бросился за вами въ воду. Говоря сіе Павелъ обливался слезами. Между тѣмъ достигли мы берега. Вышедъ изъ судна, я палъ на колѣни, возвелъ руки на небо: Отче всесильный, возопилъ я: Тебѣ угодно да живемъ, Ты насъ водилъ на испытаніе, да будетъ воля твоя. — Се слабое изображеніе мой другъ того, что я чувствовалъ. Ужасъ послѣдняго часа прободалъ мою душу, я видѣлъ то мгновеніе, что существовать перестану. Но что я

буду? Не знаю. Страшная неизвѣстность, теперь чувствую, часъ бьетъ, я мертвъ, движеніе, жизнь, чувствіе, мысль, все изчезнетъ мгновенно. Вообрази себя мой другъ на краю гроба, не почувствуешь ли корчущей мразъ, льющійся въ твоихъ жилахъ и завременно жизнь пресѣкающій. О мой другъ! — Но я удалился отъ мого повѣтствованія.

Совершивъ мою молитву, ярость вступила въ мое сердце. Возможно ли, говорилъ я самъ себѣ, чтобъ въ нашъ вѣкъ, въ Европѣ, подлѣ столицы, въ глазахъ Великаго Государя совершалося такое безчеловѣчіе! Я воспомянулъ о заключенныхъ Англичанахъ въ темницѣ Бенгальскаго Субаба [1]).

---

[1]) Англичанѣ приняли въ свое покровительство ушедшаго къ нимъ въ Калкуду чиновника Бенгальскаго подвергшаго себя казни своимъ мздоимствомъ. Справедливо раздраженный Субабъ, собравъ войско, приступилъ къ городу, и оный взялъ. Англійскихъ военноплѣнныхъ велѣлъ вторгнуть въ темную темницу въ коей они въ полсутки издохли. Осталось отъ нихъ только 23 человѣка. Несчастные сіи сулили стражѣ великія деньги, да возвеститъ владѣльцу о ихъ положеніи. Вопль ихъ и стѣнаніе возвѣщало народу о нихъ соболезнующему, но никто не хотѣлъ возвѣстить о томъ властителю. Почиваетъ онъ отвѣтствовано умирающимъ Англичанамъ, и ни единъ человѣкъ въ Бѣнгалѣ не помнилъ, что для спасенія жизни сто пятидесяти несчастныхъ должно отъяти сонъ мучителя на мгновеніе.

Но чтожъ такое мучитель? Или паче чтожъ такое народъ обыкшій къ игу мучительства. Благоговѣніе-ль или боязнь,

Вздохнулъ я въ глубинѣ души. Между тѣмъ дошли мы до С....., я думалъ, что начальникъ проснувшись накажетъ своего сержанта, и претерпѣвшимъ на водѣ дастъ хотя успокоеніе. Съ сею надеждою пошелъ я прямо къ нему въ домъ. Но поступкомъ его подчиненнаго столь былъ раздраженъ, что я не могъ умѣрить моихъ словъ. Увидѣвъ его сказалъ: Государь мой! Извѣстили васъ, что за нѣсколько часовъ предъ симъ 20 человѣкъ находились въ опасности потерять животъ свой на водѣ, и требовали вашея помощи. Онъ мнѣ отвѣчалъ: мнѣ о томъ сказали недавно, а тогда я спалъ. Тутъ я задрожалъ въ ярости человѣчества.

тягчитъ его согбенна? Если боязнь, то мучитель ужаснѣе Боговъ, къ коимъ человѣкъ возсылаетъ или молитву или жалобу, во время нощи или въ часы денныя. Если благоговѣніе, то возможно человѣка возбудить на почитаніе содѣлателей его бѣдствій, чудовозможное единому суевѣрію. Чему болѣе удивляться, звѣрству ли спящаго Набаба или подлости несмѣющаго его разбудить [2]).

(Реналь, исторія о Индіяхъ. Томъ II.)

[2]) Примѣчаніе Императ. Екатерины II: „Ситаціи 36 стр. доказываетъ жестоко устремленная мысль сочинителя, il cite un fait atroce, которое произшествіе тутъ не идетъ. Англичане задохнулись отъ духоты Каликутскаго жара, а рыбачія лодки можно нанимать и безъ командира скорѣя нежели по его приказанію. Да и спящаго человѣка обвинить нельзя за то, что его не разбудили.

— Ты бы велѣлъ себя будить молоткомъ по головѣ, буде крѣпко спишь, когда люди тонутъ и требуютъ отъ тебя помощи. Отгадай мой другъ, какой былъ его отвѣтъ? Я думалъ, что мнѣ здѣлается ударъ отъ того, что я слышалъ. Онъ мнѣ сказалъ: не моя то должность. Я вышелъ изъ терпѣнія. Должность ли твоя людей убивать, скаредный человѣкъ, и ты носишь знаки отличности, ты начальствующій надъ другими!... Окончить не могъ моея рѣчи, плюнулъ почти ему въ рожу и вышелъ вонъ. Я волосы рвалъ съ досады. Сто дѣлалъ распоряженій какъ отмстить сему звѣрскому начальнику не за себя, но за человѣчество. Но опомнясь, убѣдился воспоминовеніемъ многихъ примѣровъ, что мое мщеніе будетъ безплодно, что я же могу прослыть или бѣшенымъ или злымъ человѣкомъ, смирился.

Между тѣмъ люди мои сходили къ священнику, который насъ принялъ съ великою радостію, согрѣлъ насъ, накормилъ далъ отдохновеніе. Мы пробыли у него цѣлыя сутки, пользуясь его гостепріимствомъ и угощеніемъ. На другой день нашедъ большую шлюпку, доѣхали мы до Ораніенбаума благополучно. Въ Петербургѣ я о семъ разсказывалъ тому и другому. Всѣ сочув-

ствовали мою опасность, всѣ хулили жестокосердіе начальника, никто не захотѣлъ ему о семъ напомнить. Если бы мы потонули, то бы онъ былъ нашимъ убійцею. Но въ должности ему не предписано васъ спасать, сказалъ нѣкто. — Теперь я прощусь съ городомъ на вѣки и не въ ѣду ни коли въ сіе жилищѣ тигровъ. И ты хотѣлъ, чтобъ я поселился въ городѣ. Нѣтъ, мой другъ, говорилъ мой повѣствователь, вскочивъ со стула, заѣду туда, куда, куда люди не ходятъ, гдѣ незнаютъ, что есть человѣкъ, гдѣ имя его неизвѣстно. Прости, — сѣлъ въ кибитку и поскакалъ.

Спаская полѣсть.

Я въ слѣдъ за моимъ пріятелемъ скакалъ такъ скоро, что настигъ его еще на почтовомъ стану. Старался его уговорить, чтобъ возвратился въ Петербургъ, старался ему доказать, что малыя и частныя неустройства въ обществѣ связи его не разрушатъ; какъ дробинка падая въ пространство моря, не можетъ возмутить поверхности воды. Но онъ мнѣ сказалъ на отрѣзъ: «когда бы я малая дробинка пошелъ на дно, то бы конечно на Финскомъ заливѣ бури не сдѣла-

лось, а я бы пошелъ жить съ тюленями. И съ видомъ негодованія простясь со мною, легъ въ свою кибитку, и поѣхалъ поспѣшно.

Лошади были уже впряжены, я уже ногу занесъ, чтобы влѣсть въ кибитку, какъ вдругъ дождь пошелъ. Бѣда не велика, размышлялъ я, закроюсь цѣновкою и буду сухъ. Но едва мысль сія въ мозгѣ моемъ пролѣтела, то какъ будто меня окунули въ пролубь. Небо не спросясь со мной разверзло облако и дождь лилъ ведромъ. Съ погодою не сладишь; по пословицѣ: тише ѣдишь дальше будешь вылѣзъ я изъ кибитки и убѣжалъ въ первую избу. Хозяинъ уже ложился спать, въ избѣ было темно. Но я и въ потемкахъ выпросилъ позволеніе обсушиться. Снялъ съ себя мокрое платье и что было посуше, положивъ подъ голову, на лавкѣ скоро заснулъ. Но постель моя была не пуховая, долго нѣжиться не позволила. Проснувшись услышалъ я шопотъ. Два голоса различить я могъ, которые между собою разговаривали. Ну, мужъ, раскажитка, говорилъ женской голосъ — слушай жена: Жилъ былъ; — и подлинно на сказку похоже, да какже сказкѣ вѣрить, сказала жена въ полголоса, зѣвая ото сна, повѣрю ли я, что были Полканъ, Бова или Соловѣй раз-

бойникъ. Да кто тебя толкаетъ въ шею, вѣрь коли хочешь. Но то правда, что въ старину силы тѣлесныя были въ уваженіи, и что силачи оныя употребляли во зло. Вотъ тебѣ Полканъ. А о Соловьѣ разбойникѣ читай мать моя истолкователей русскихъ древностей. Они тебѣ скажутъ, что онъ Соловьемъ названъ краснорѣчія своего ради. Не перебивай же моей рѣчи. И такъ, жилъ былъ гдѣ-то Намѣстникъ. Въ молодости своей тоскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы и былъ до нихъ великій охотникъ. Пока денжонокъ своихъ мало было, то онъ отъ охоты своей воздерживался, ѣдалъ по десятку и когда бывалъ въ Питербургѣ. Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его начало прибавляться. А какъ попалъ въ Намѣстники и когда стало у него много денегъ своихъ, много и казенныхъ въ распоряженіи, тогда сталъ онъ къ устерсамъ, какъ брюхатая баба. Спитъ и видитъ, чтобы устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покоя. Всѣ подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы ѣсть будетъ. Въ правленіе посылаетъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немедленно курьеръ, котораго имѣетъ

отправить въ Питербургъ съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами, но куда не вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много. Гонецъ, снабженный подорожною, прогонами, совсѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчерахъ явился предъ намѣстникомъ. Поспѣшай, мой другъ, вѣщаетъ ему унизанной ордерами, поспѣшай, возьми сей пакетъ, отдай его въ Большой Морской. Кому прикажете. Прочти адресъ его... его... не такъ читаешь — Государю моему Гос... вріошъ господину Корзинкину, почтенному лавошнику въ С.ПБургѣ въ Большой Морской. Знаю, Вашество. Ступай же, мой другъ и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и нимало не медли, я тебѣ скажу спасибо не одно.

И ну, ну, ну, по всѣмъ по тремъ, вплоть до Питера, къ Корзинкину прямо на дворъ. Добро пожаловать. Куды какой намѣстникъ затѣйникъ, изъ за тысячи верстъ, шлетъ за какою дрянью. Только баринъ добрый. Радъ ему служить. Вотъ устерсы теперь лишь съ Биржи. Скажи не меньше 150 бочка, уступить нельзя самимъ пришли дороги. Да мы съ его милостію сочтемся. Бочку взвалили въ кибитку, поворотя огло-

бли, курьеръ уже опять скачетъ; успѣлъ лишь зайти въ кабакъ и выпить два крючка сивухи. Тинь, тинь... Едва у городскихъ воротъ услышали звонъ почтоваго колокольчика; караульный офицеръ бѣжитъ уже къ Намѣстнику, (толи дѣло какъ гдѣ все въ порядкѣ), и рапортуетъ ему, что въ дали видна кибитка и слышенъ звонъ колокольчика. Не успѣлъ выговорить, какъ шасть курьеръ въ двери. Привезъ Вашество. Очень къ статѣ (оборотясь къ предстоящимъ) Право человѣкъ достойный, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ, по два раза ѣздитъ въ Питербургъ, а въ Москву сколько уже разъ, упомнить не могу. Секретарь пиши представленіе. За многочисленные его въ посылкахъ труды, и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ.

Въ расходной книгѣ у Казначея записано: по предложенію Намѣстника дано Курьеру Н. Н. отправленному въ С.ПБургъ съ наинужнѣйшими донесеніями, прогонныхъ денегъ въ оба пути на 3 лошади изъ экстраординарной суммы... Книга казначейская пошла на ревизію, но устерсами не пахнетъ. По представленію Г. Намѣстника и проч., Приказали: Быть сержанту Н. Н. пра-

порщикомъ.—Вотъ жена, говорилъ мужской голосъ, какъ добиваются въ чины, а что мнѣ прибыли, что я служу безпорочно, не подамся впередъ ни на палецъ. По указамъ велѣно за добропорядочную службу награждать. Но Царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ. Такъ то нашъ Г. Казначей, уже другой разъ меня отсылаютъ по его предложенію въ Уголовную Палату. Когда бы я былъ съ нимъ за одно, то было бы не житье, а масляница. И полно, Клементьичъ, пустяки то молотъ. Знаешь ли за что онъ тебя не любитъ, за то что промѣнъ берешь со всѣхъ, а съ нимъ не дѣлишься. Потише, Кузьминишна, потише, не равно кто подслушаетъ. Оба голоса умолкли, и я опять заснулъ.

Поутру узналъ я, что въ одной избѣ со мною, ночевалъ присяжной съ женою, которые до свѣта отправились въ Новгородъ.

Между тѣмъ какъ въ моей повозкѣ запрягали лошадей, пріѣхала еще кибитка, тройкой запряженная. Изъ нее вышелъ человѣкъ закутанный въ большую епанчу, и шляпа съ распущенными полями глубоко надѣтая, препятствовала мнѣ видѣть лице его. Онъ требовалъ лошадей безъ подорожной; а какъ многіе повозчики окруживъ его

съ нимъ торговались, то онъ не дожидаясь конца ихъ торга, сказалъ одному изъ нихъ съ нетерпѣніемъ: запрягай поскорѣй, я дамъ по 4 копѣйки за версту. Ямщикъ побѣжалъ за лошадьми другіе видя, что договариваться уже было не о чемъ, всѣ отъ него отошли. Я находился отъ него не далѣе какъ въ пяти саженяхъ. Онъ подошедъ ко мнѣ и не снимая шляпы сказалъ: Милостивый Государь снабдите чемъ ни есть человѣка несчастнаго. Меня сіе удивило чрезвычайно, и я не могъ вытерпѣть, чтобъ ему не сказать, что я удивляюсь просьбѣ его о вспоможеніи, когда онъ не хотѣлъ торговаться о прогонахъ, и давалъ противу другихъ въ двое. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ что въ жизнь вашу перечнаго вамъ ничего не встрѣчалося. Столь твердый отвѣтъ мнѣ очень понравился, и я не медля ни мало вынувъ изъ кошелька... не осудите, сказалъ болѣе теперь служить вамъ не могу, но если доѣдемъ до мѣста, то можетъ быть, сдѣлаю что нибудь больше. Намѣреніе мое при семъ было то, чтобы сдѣлать его чистосердечнымъ, я не ошибся. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что вы имѣете еще чувствительность, что обращеніе свѣта и снисканіе собственной пользы не затворили входъ ея въ ваше

сердце. Позвольте мнѣ сѣсть въ вашей повозкѣ, а служителю вашему прикажите сѣсть на моей. Между тѣмъ лошади наши были выпряжены, я исполнилъ его желаніе — и мы ѣдемъ.

Ахъ Государь мой, не могу себѣ представить, что я несчастливъ. Не болѣе недѣли тому назадъ я былъ веселъ, въ удовольствіи, недостатка не чувствовалъ, былъ любимъ, или такъ казалося, ибо домъ мой всякой день былъ полонъ, людми заслужившими уже знаки почестей, столъ мой былъ всегда какъ великолѣпное нѣкое торжество. Но если тщеславіе толикое имѣло удовлетвореніе, равно и душа наслаждалася истиннымъ блаженствомъ. По многихъ сперва безплодныхъ стараніяхъ, предпріятіяхъ и неудачахъ наконецъ получилъ я въ жену, ту, которую желалъ. Взаимная наша горячность услаждая и чувства и душу все представляло намъ въ ясномъ видѣ. Не зрѣли мы облачнаго дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна и приближался часъ ея разрѣшенія. Все сіе блаженство, опредѣлила судьба да рушится однимъ мгновеніемъ.

У меня былъ обѣдъ и множество такъ называемыхъ друзей собравшись, насыщали

праздный свой голодъ на мой щетъ. Одинъ изъ бывшихъ тутъ, который внутренно меня не любилъ, началъ говорить съ сидѣвшимъ подлѣ него, хотя въ полголоса, но довольно громко, чтобы говоренное женѣ моей и многимъ другимъ слышно было. Не ужели вы не знаете, что дѣло нашего хозяина въ Уголовной Палатѣ уже рѣшено.

Вамъ покажется мудрено, говорилъ сопутникъ мой, обращая ко мнѣ свое слово, чтобы человѣкъ не служащій и въ положеніи мною описанномъ, могъ подвергнуть себя суду уголовному. И я такъ думалъ долго, да и тогда, когда мое дѣло прошедъ нижніе суды, достигло до высшаго. Вотъ въ чемъ оно состояло: я былъ въ купечествѣ записанъ, пуская капиталъ мой въ обращеніе, сталъ участникомъ въ частномъ откупу. Неосновательность моя причиною была, что я довѣрилъ лживому человѣку, который лично попавшись въ преступленіи, былъ отъ откупа отрѣшенъ и по свидѣтельству будто его книгъ, сдѣлался по видимому большой на него начетъ. Онъ скрылся, я остался въ лицахъ и начетъ положено взыскать съ меня. Я сдѣлалъ выправки, сколько могъ, нашелъ, что начету на мнѣ или совсѣмъ бы не было или бы былъ очень малый, и для

того просилъ, чтобы сдѣлали расчетъ со мною; ибо я по немъ былъ порукою. Но вмѣсто того, чтобы сдѣлать должное по моему прошенію удовлетвореніе, велѣно недоимку взыскать съ меня. Первое неправосудіе. Но къ сему присовокупили и другое. Въ то время какъ я сдѣлался по откупу порукою, имѣнія за мною никакого не было, но по обыкновенію послано было запрещеніе на имѣніе мое въ Гражданскую Палату. Странная вещь запрещать продавать то, чего не существуетъ въ имѣніи! Послѣ того купилъ я домъ, и другія сдѣлалъ пріобрѣтенія. Въ то же самое время случай допустилъ меня перейти изъ купеческаго званія въ званіе дворянское, получа чинъ. Наблюдая свою пользу я нашелъ случай продать домъ на выгодныхъ кондиціяхъ, совершивъ купчую въ самой той же Палатѣ, гдѣ существовало запрещеніе. Сіе постановлено мнѣ въ преступленіе; ибо были люди, которыхъ преступленіе помрачалось блаженствомъ моего житія. Стряпчій Казенныхъ дѣлъ сдѣлалъ на меня доносъ, что я избѣгая платежа казенной недоимки, домъ продалъ, обманулъ Гражданскую Палату, назвавшись тѣмъ званіемъ, въ коемъ я былъ, а не тѣмъ, съ которымъ находился при по-

купкѣ дома. Тщетно я говорилъ, что запрещеніе не можетъ существовать на то, чего нѣтъ въ имѣніи, тщетно я говорилъ, что по крайней мѣрѣ надлежало бы сперва продать оставшееся имѣніе и выручить недоимку сію продажею, а потомъ предпринемать другія средства; что я званія своего не утаивалъ, ибо въ дворянскомъ уже купилъ домъ. Все сіе было отринуто, продажа дому уничтожена меня осудили за ложный мой поступокъ лишить чиновъ, и требуютъ теперь, говорилъ повѣствователь, хозяина здѣшняго въ Судъ, дабы посадить подъ стражу до окончанія дѣла.

Сіе послѣднее повѣствуя, расказывающій возвысилъ свой голосъ. Жена моя едва сіе услышала, обнявъ меня вскричала: нѣтъ мой другъ и я съ тобою. Болѣе выговорить не могла. Члены ея всѣ ослабѣли, и она упала безчувственна въ мои объятія. Я поднявъ ее со стула вынесъ въ спальную комнату и не вѣдаю, какъ обѣдъ окончался.

Пришедъ чрезъ нѣсколько времени въ себя она почувствовала муки, близкое рожденіе плода горячности нашей возвѣщающія. Но сколько ни жестоки онѣ были, воображеніе, что я буду подъ стражею столь ея тревожило, что она только и твердила: и я

пойду съ тобою. Сіе несчастное приключеніе ускорило рожденіе младенца цѣлымъ мѣсяцомъ, и всѣ способы бабки и доктора, для пособія призванныхъ, были тщетны и не могли воспретить, чтобы жена моя не родила чрезъ сутки. Движеніе ея души не токмо съ рожденіемъ младенца не успокоилось, но усилившись гораздо, сдѣлали ей горячку, Почто распространяться мнѣ въ повѣствованіи? Жена моя на третій день послѣ родовъ своихъ умерла. Видя ее страданіе, можете повѣрить, что я ее не оставлялъ ни на минуту. Дѣло мое и осужденіе, въ горести позабылъ совершенно. За день до кончины моей любезной, недозрѣлый плодъ нашей горячности, также умеръ. Болѣзнь матери его, занимала меня совсѣмъ, и потеря сія была для меня тогда не велика.— Вообрази, вообрази, говорилъ тогда повѣствователь мой, взявъ обѣими руками себя за волосы, вообрази мое положеніе, когда я видѣлъ, что возлюбленная моя со мною разставалась навсегда.—Навсегда! вскричалъ онъ дикимъ голосомъ. Но зачѣмъ я бѣгу? Пускай меня посадятъ въ тюрьму, я уже не чувствителенъ, пускай меня мучатъ, пускай меня лишаютъ жизни.—О варвары, тигры, змѣи лютые, грызите сіе сердце, пу-

скайте въ него томной вашъ ядъ.—Извините мое изступленіе, я думаю что я лишусь скоро ума. Сколь скоро воображу ту минуту, когда любезная моя со мною разставалася, то я все позабываю и свѣтъ въ глазахъ меркнетъ. Но окончу мою повѣсть. Въ толико жестокомъ отчаяніи, лежащу мнѣ надъ бездыханнымъ тѣломъ моей возлюбленной, одинъ изъ искреннихъ моихъ друзей прибѣжавъ ко мнѣ.—Тебя пришли взять подъ стражу, команда на дворѣ. Бѣги отсюда кибитка у заднихъ воротъ готова, ступай въ Москву или куда хочешь и живи тамъ, доколѣ можно будетъ облегчить судьбу твою. Я не внималъ его рѣчамъ, но онъ усилясь надо мною и взявъ меня съ помощію своихъ людей, вынесъ и положилъ въ кибитку, но вспомня, что надобны мнѣ деньги, далъ мнѣ кошелекъ въ которомъ было только 50 руб. Самъ пошелъ въ свой кабинетъ, чтобы найти тамъ денегъ и мнѣ вынести, но нашедъ уже офицера въ моей спальнѣ, успѣлъ только прислать ко мнѣ сказать, чтобы я ѣхалъ. Не помню, какъ меня везли первую станцію. Слуга пріятеля моего разсказавъ все произшедшее простился со мною, а я теперь ѣду по пословицѣ,—куда глаза глядятъ.

Подберезье.

На силу очнуться я могъ отъ богатырскаго сна, въ которомъ я столько сгрѣзилъ. — Голова моя была свинцовой тежелѣе, хуже, нежели бываетъ съ похмѣлья у пьяницъ, которые по недѣлѣ пьютъ запоемъ. Не въ состояніи я былъ продолжать пути и трестися на деревянныхъ дрогахъ, (пружинъ у кибитки моей не было). Я вынулъ домашній лечебникъ, искалъ нѣтъ ли въ немъ рецепта отъ головной дурноты, происходящей отъ бреду во снѣ и на яву. Лѣкарство со мной хотя всегда ѣздило въ запасѣ; но по пословицѣ на всякаго мудреца довольно простоты, противъ бреду я себя не предостерегъ и отъ того голова моя, пріѣхавъ на почтовый станъ, была хуже болвана.

Вспомнилъ я, что нѣкогда блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Прасковья, нарѣченная Пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогаетъ онъ отъ головной боли. Какъ чашекъ пять выпью, говаривала она, такъ и свѣтъ вижу, и безъ того умерла бы въ три дни.

Я взялся за нянюшкино лѣкарство, но не привыкнувъ пить вдругъ по пяти чашекъ, поподчивалъ излишне для меня свареннымъ,

молодаго человѣка, который сидѣлъ на одной со мною лавкѣ, но въ другомъ углу отъ окна. Благодарю усердно, сказалъ онъ, взявъ чашку съ кофеемъ. Привѣтливый видъ, взглядъ не робкій, вежливая осанка, казалось не кстати были къ длинному полукафтанью, и къ примазаннымъ квасомъ волосамъ. Извини меня читатель въ моемъ заключеніи, я родился и выросъ въ Столицѣ, и если кто кудрявъ и ненапудренъ, того я ни вочто не чту. Если и ты деревенщина и волосъ не пудришь, то не осуди буде я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Слово за слово я съ новымъ моимъ знакомцемъ поладилъ. Узналъ, что онъ былъ изъ Новогородской семинаріи, и шелъ пешкомъ въ Петербургъ повидаться съ дядею, который былъ Секретаремъ въ Губернскомъ штатѣ. Но главное его намѣреніе было, чтобъ сыскать случай для пріобрѣтенія науки. Сколь великой недостатокъ еще у насъ въ пособіяхъ просвѣщенія, говорилъ онъ мнѣ. Одно свѣдѣніе Латинскаго языка не можетъ удовлетворить разума алчущаго науки. Виргилія, Горація, Тита, Ливія, даже Тацита почти знаю наизустъ, но когда сравню зданіи семинаристовъ съ тѣмъ, что я имѣлъ случай по щастію моему узнать, то

почитаю училище наше принадлежащимъ къ прошедшимъ столѣтіямъ. Классическіе авторы намъ всѣ извѣстны, но мы лучше знаемъ критическія объясненія текстовъ, нежели то, что ихъ до днесь дѣлаетъ пріятными, что вѣчность для нихъ уготовало. Насъ учать философіи, проходимъ мы логику, метафизику, иѳику, богословію, но по словамъ Кутейкина въ Недорослѣ, дойдемъ до конца философскаго ученія и возвратимся въ спять. Чему дивится, Аристотель и Схоластика до нынѣ царствуютъ въ Семинаріяхъ. Я по счастію моему знакомъ сталъ, въ домѣ однаго изъ губернскихъ членовъ въ Новгородѣ, имѣлъ случай пріобрѣсти въ ономъ малое знаніе во Французскомъ и Немѣцкомъ языкахъ и пользоваться книгами хозяина того дома. Какая разница въ просвѣщеніи временъ, когда одинъ Латинскій языкъ былъ въ училищахъ употребителенъ, съ нынѣшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки не суть таинства, для свѣдущихъ. Латинскій языкъ токмо отверстыя, но преподаются на языкѣ народномъ! Но для чего, прервавъ онъ свою рѣчь, продолжалъ, для чего незаведутъ у насъ высшихъ училищь въ которыхъ бы преподавалися науки на языкѣ обществен-

номъ, на языкѣ Россійскомъ? Ученіе всѣмъ бы было внятнѣе, просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе, и однимъ поколѣніемъ позже, за однаго латинщика, нашлось бы 200 человѣкъ просвѣщенныхъ, по крайнѣй мѣрѣ въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе. Боже мой! продолжалъ онъ съ восклицаніемъ, если бы привести примѣры изъ размышленій и разглагольствовать судей нашихъ о дѣлахъ! Чтобы сказали Гроцій, Монтескью, Блекетонъ. — Ты читалъ Блекетона. Читалъ первыя двѣ части на Россійскій языкъ переведенныя. Не худо бы было заставлять судей нашихъ имѣть сію книгу вмѣсто святцевъ, заставлять ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь. Какъ не потужить, повторилъ онъ, что у насъ нѣтъ училищъ, гдѣ бы науки преподавались на языкѣ народномъ.

Вошедшій почтальонъ помѣшалъ продолжать нашей бѣсѣды. Я успѣлъ Симинаристу сказать, что скоро желаніе его исполнится, что уже есть повелѣніе о учрежденіи новыхъ университетовъ, гдѣ науки будутъ преподаваться по его желанію. — Пора государь мой пора. —

Между тѣмъ какъ я платилъ почталіону

прогонныя деньги, Симинаристъ вышелъ вонъ. Выходя выронилъ небольшой пукъ бумаги. Я поднялъ упадшее, и не отдалъ ему. Не обличи меня любезный читатель, въ моемъ воровствѣ, съ такимъ условіемъ, я и тебѣ сообщу, что я подтибрилъ. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей на ружу не выведешь, ибо не тотъ одинъ воръ кто кралъ, но и тотъ кто принималъ. Признаюсь, я на руку не чистъ; гдѣ что немного похожее на разсудительное увижу, то тотъ часъ стяну, смотри ты не клади мыслей плохо. Читай, что мой Симинаристъ говоритъ.

Кто міръ нравственный уподобилъ колесу, тотъ сказавъ великую истинну, не иное что можетъ быть сдѣлалъ, какъ взглянулъ на круглый образъ земли и другихъ великихъ, въ пространствѣ носящихся, тѣлъ, изрѣкъ только то, что зрѣлъ. Поступая въ познаніи естества, откроютъ можетъ быть смертные, тайную связь веществъ духовныхъ или нравственныхъ, съ веществами тѣлесными или естественными; что причина всѣхъ перемѣнъ, превращеній, превратностей міра нравственнаго или духовнаго, зависитъ можетъ быть отъ кругообразнаго вида, нашего обиталища, и другихъ къ сол-

нечной системѣ принадлежащихъ тѣлъ, равно какъ и оно кругообразныхъ, и коловращающихся.... На Мартиниста похоже, на ученика Шведенберга.... Нѣтъ мой другъ! я пью и ѣмъ не для того только, чтобъ быть живу, но для того что въ томъ нахожу не малое услажденіе чувствъ. И покаюся тебѣ какъ отцу духовному, я лучше ночь просижу съ пригоженькою дѣвочкою, и усну упоенный сладострастіемъ въ объятіяхъ ея, нежели зарывшись въ Еврейскія или Арабскія буквы, въ цифиры, или Египецкія Іероглифы, потщуся отдѣлить духъ мой отъ тѣла и рыскать въ простронныхъ поляхъ бредоумствованій, подобенъ древнимъ и новымъ духовнымъ Витязямъ. Когда умру, будетъ время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится до сыта.

Оглянись назадъ, кажется еще время то заплечами близко, въ которое царствовало суевѣріе, и весь его причетъ, невѣжество, рабство, инквизиція, и многое кое что. Давно ли то было, какъ Волтеръ кричалъ противъ суевѣрія до безголосицы; давно ли Фридрихъ неутомимый его былъ врагъ не токмо словомъ своимъ и дѣяніями, но что для него страннѣе, державнымъ своимъ примѣромъ. Но въ мірѣ семъ все приходитъ на

прежнюю степень, ибо все въ разрушеніи свое имѣетъ начало. Животное прозябаемое, родится, ростетъ, дабы произвести себѣ подобныхъ, потомъ умереть и уступить имъ свое мѣсто. Бродящіе народы собираются во грады; основываютъ царства, мужаютъ, славятся, слабѣютъ, изнемогаютъ, разрушаются. Мѣста пребыванія ихъ не видно, даже имена ихъ погибнутъ. Христіанское общество въ началѣ было смиренно, кротко, скрывалося въ пустыняхъ и вертепахъ, потомъ усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалося суевѣрію, въ иступленіи шло стезею народамъ обыкновенною; воздвигло начальника разширило его власть, и Папа сталъ всесильный изъ Царей. Лютеръ началъ преобразованіе, воздвигъ расколъ, изъялся изъ подъ власти его, и много имѣлъ послѣдователей. Зданіе предубѣжденія о власти Папской рушиться стало, стало изчезать и суевѣріе; истина нашла любителей, попрала огромный оплотъ предразсужденій, не долго пребыла въ сей стязѣ. Вольность мыслей вдалася необузданности.

Новгородъ.

Подъѣзжалъ я къ Новгороду, смотря на множество монастырей, вокругъ онаго лежащихъ.

Сказываютъ, что всѣ сіи монастыри, даже и на 15 верстъ разстояніемъ отъ города находящіеся, заключалися въ ономъ, что изъ стѣнъ его могло выходить до 100,000 войска. Извѣстно по лѣтописямъ, что Новгородъ имѣлъ народное правленіе. Хотя у ихъ были Князья, но мало имѣли власти. Вся сила правленія заключалася въ посадникахъ и тысяцкихъ. Народъ въ собраніи своемъ на вѣчѣ, былъ истинный государь. Область Новгородская простиралася на Сѣверѣ даже за Волгу. Сіе вольное государство состояло въ Гайзейскомъ союзѣ. Старинная рѣчь, кто можетъ стать противъ Бога и Великаго Новгорода, служить можетъ доказательствомъ его могущества. Торговля причиною была его возвышенія. Внутреннія несогласія, хищный сосѣдъ совершили его паденіе.

На мосту вышелъ я изъ кибитки моей дабы насладится зрѣлищемъ теченія Волхова. — Неможно было, чтобы не пришелъ мнѣ на память поступокъ Царя Ивана Ва-

сильевича по взятіи Новгорода. Уязвленный сопротивленіемъ сея республеки, сей гордый звѣрскій, но умный властитель, хотѣлъ ее раззорить до основанія. Мнѣ зрится онъ съ долбнею на мосту стоящь, такъ иные повѣтствуютъ, припасай на жертву ярости своей старѣйшихъ и Начальниковъ Новгородскихъ.

Изъ лѣтописи Новгородской.

Новгородцы съ Великимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ вели войну и заключили письменное примиреніе.

Новгородцы сочинили письмо для защищенія своихъ вольностей и утвердили оное 57-ю печатями.

Новгородцы запретили у себя обращеніе чеканной монеты, введенной Татарами въ обращеніе.

Новгородъ въ 1420 году началъ бить свою монету.

Новгородъ стоялъ въ Ганзейскомъ союзѣ.

Въ Новгородѣ былъ колоколъ, по звону котораго народъ собирался на вѣчѣ, для разсужденія о вещахъ общественныхъ.

Царь Иванъ письмо и колоколъ у Новгородцевъ отнялъ. Потомъ въ 1500 г. въ 1600

г. въ 1700 году Новгородъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ.

Но не все думать о старинѣ, не все думать о завтрашнемъ днѣ. Если безпрестанно буду глядѣть на небо, не смотря на то что подъ ногами, то скоро споткнуся и упаду въ грязь, размышлялъ я. Какъ ни тужи, а Новгорода по прежнему не населишь. Что Богъ дастъ впередъ. — Теперь пора ужинать. Пойду къ Карпу Дементьичу.

Ба! ба! ба! добро пожаловать откуда Богъ принесъ, говорилъ мнѣ пріятель мой, Карпъ Дементьевичь, прежде сего купецъ 3-й гильдіи, а нынѣ имянитый Гражданинъ. По пословицѣ щастливый къ обѣду. Милости просимъ садится. Да что за пиръ у тебя. Благодѣтель мой, я женилъ вчера парня моего. Благодѣтель твой, подумалъ я, не безъ причины онъ меня такъ величаетъ. Я ему какъ и другіе помогъ записаться въ иминитые гражданѣ. Дѣдъ мой былъ долженъ будто по векселю 1000 руб., кому того не знаю съ 1737 г. Карпъ Дементьичь въ 1780 г. вексель гдѣ то купилъ, и какой то приладилъ по нему протестъ. Явился онъ ко мнѣ съ искуснымъ стряпчимъ, и въ то время взяли они съ меня милостиво, одни только проценты за 50 лѣтъ, а занятой капиталъ

мнѣ весь подарили. Карпъ Дементьевичь человѣкъ признательный. Невѣстка водки нечаянному гостю. — Я водки не пью. Да хотя прикушай. Здоровье молодыхъ... и сѣли ужинать. По одну сторону меня сѣлъ сынъ хозяйской, а по другую посадилъ Карпъ Дементьичь свою молодую невѣстку....

Прервемъ рѣчь читатель. Дай мнѣ карандашъ и листочикъ бумажки. Я тебѣ воудовольствіе нарисую всю честную компанію, и тѣмъ тебя причастнымъ сдѣлаю, свадебной пирушкѣ, хотя бы ты на Алеутскихъ островахъ бобровъ ловилъ. Если точныя не спѣшу портреты, то доволенъ буду ихъ силуэтами. Лаватеръ и по нихъ учитъ узнавать кто уменъ и кто глупъ.

Карпъ Дементьичь сѣдая борада въ 8-мь вершковъ отъ нижней губы. Носъ кляпомъ, глаза ввалились, брови какъ смоль, кланяется объ руку, бороду гладитъ, всѣхъ величаетъ: благодѣтель мой. Аксинья Парѳентьевна, любезная его супруга. Въ 60 лѣтъ, бѣла какъ снѣгъ и красна какъ маковъ цвѣтъ, губки всегда сжимаетъ кольцомъ; ренскаго не пьетъ, передъ обѣдомъ полчарочки при гостяхъ, да въ чуланѣ стаканчикъ водки. Прикащикъ мужнинъ хозяину на счетъ показываетъ.... По приказанію Аксиньи Пар-

ѳентьевны куплено 3 пуда бѣлилъ Ржевскихъ и 30 фунтовъ румянъ листовыхъ. Прикащики мужнины — Аксиньины камердинеры. Алексѣй Карповичъ, сосѣдъ мой застольный. Ни усовъ ни бороды, а носъ уже багровый, бровями моргаетъ, въ кружекъ обстриженъ, кланяется гусемъ, отряхая голову и поправляя волосы. Въ Петербургѣ былъ сидѣльцемъ. На аршинъ когда мѣряетъ, то спускаетъ на вершокъ, за то отецъ его любитъ, какъ самъ себя, на 15 году матери далъ плеуху. Прасковья Денисовна его новобрачная супруга, бѣла и румяна. Зубы, какъ уголь. Брови въ нитку чернѣе сажи. Въ компаніи сидитъ потупя глаза, но во весь день отъ окошка не отходитъ, и пялитъ глаза на всякаго мужчину. Подъ вечерокъ стоитъ у калитки. Глазъ одинъ подбитъ. Подарокъ ее любезнаго мужеька, для перваго дни, а у кого догадка есть, тотъ знаетъ за что.

Но любезный читатель ты уже зѣваешь. Полно видно мнѣ снимать силуэты. Твоя правда, другова не будетъ, какъ носъ да носъ, губы да губы. Я и того не понимаю, какъ ты на силуэтѣ бѣлила и румяна распознаешь.

Карпъ Дементьичъ, чѣмъ ты нынѣ тор-

гуешь? въ Петербургъ не ѣздишь, льну не привозишь, ни сахару, ни кофе, ни красокъ не покупаешь. Мнѣ кажется, что торгъ твой тебѣ былъ не въ убытокъ. Отъ него то было я и разворился. Но на силу Богъ спасъ. Получивъ однимъ годомъ изрядный барышекъ, я женѣ построилъ здѣсь домъ. На слѣдующій годъ былъ льну неуражай, и я не могъ поставить, что за контроктовалъ вотъ отъ чего я торговать пересталъ. Помню Карпъ Дементьичь, что за 30,000 забранныхъ впередъ, ты тысячу пудъ льну прислалъ должникамъ на раздѣлъ. Ей больше не можно было повѣрь моей совѣсти. Конечно и на заморскіе товары былъ въ томъ году неуражай. Ты забралъ тысячь на двадцать.... Да помню, на нихъ пришла головная боль.—Подлинно благодѣтель, у меня голова такъ болѣла, что чуть не треснула. Да чѣмъ могутъ заимодавцы мои на меня жаловаться? Я имъ отдалъ все свое имѣніе. По 3 копѣйки на рубль. Ни какъ нѣтъ ста по 15. А женинъ домъ? Какъ мнѣ до него коснуться онъ не мой. Скажи же чѣмъ ты торгуешь?—Ничѣмъ ей ей, ничѣмъ. Съ тѣхъ поръ какъ я пришелъ въ несостояніе, парень мой торгуетъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ Слава Богу поставилъ цѣну на 20000. На

будущее конечно законтрактуетъ на 50/т., возметъ половину денегъ впередъ, и молодой женѣ построитъ домъ. Алексѣй Карповичъ только что улыбается. Старинный шутникъ благодѣтель мой. Полно молоть пустяки, возьмемся за дѣло. Я не пью ты знаешь. Да хоть прикушай.

Прикушай, прикушай,— я почувствовалъ, что у меня щеки начали рдѣть, и подъ конецъ пира, я бы, какъ и другіе, напился пьянъ. Но по счастію, вѣкъ за столомъ сидѣть нельзя, такъ какъ всегда быть умнымъ не возможно. И потой самой причинѣ, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебномъ пиру я былъ трезвъ.

Вышедъ отъ пріятеля моего Карпа Дементьича, я впалъ въ размышленіе. Введенное по всюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговымъ обязательствамъ взысканіе почиталъ я до селѣ, охраняющимъ довѣріе законоположеніемъ, почиталъ счастливымъ новыхъ временъ изобрѣтеніемъ, для усугубленія быстраго въ торговлѣ обращенія, чего древнимъ народамъ на умъ не приходило. Но отъ чего же буде нѣтъ честности, въ дающемъ вексельное обязательство отъ чего она тщетная только бумашка? Если бы строгаго взысканія, по

векселямъ не существовало, уже-ли бы торговля изчезла? Не заимодавецъ ли долженъ знать кому онъ довѣряетъ? О комъ законоположеніе болѣе пещися долженствуетъ, о заимодавцѣ ли или о должникѣ? Кто болѣе въ глазахъ человѣчества заслуживаетъ уваженія, заимодавецъ ли теряющій свой капиталъ, для того что не зналъ кому довѣрилъ, или должникъ въ оковахъ и въ темницѣ. Съ одной стороны легковѣрность съ другой почти воровство. Тотъ повѣрилъ, надѣялся на строгое законоположеніе, а сей.... А если бы взысканіе по векселямъ не было столь строгое? Не было бы мѣста легковѣрію, не было бы можетъ быть плутовства въ вексельныхъ дѣлахъ.... Я началъ опять думать, прежняя система пошла къ чорту, и я легъ спать съ пустою головою.

Бронницы.

Между тѣмъ какъ въ кибиткѣ моей лошадей перемѣнили, я захотѣлъ посѣтить, высокую гору, близъ Бронницъ находящуюся, на которой, сказываютъ, въ древнія времена, до пришествія, думаю Славянъ, стоялъ храмъ, славившійся тогда издавае-

мыми въ ономъ прорицаніями, для слышанія коихъ, многіе Севѣрные владѣльцы прихаживали. На томъ мѣстѣ, повѣтствуютъ, гдѣ нынѣ стоитъ село Бронницы, стоялъ извѣстный въ Севѣрной древней исторіи, городъ Холмоградъ. Нынѣ же на мѣстѣ славнаго древняго капища построена малая Церковь.

Воздевъ потомъ очи мои, обративъ взоры на близь стоящія селенія, ее хижины уничиженія, вѣщая я, на мѣстѣ гдѣ некогда градъ великій гордыя возносилъ свои стѣны. Ни малѣйшаго даже признака оныхъ не осталося. Разсудокъ претитъ имѣти вѣру и самой повѣсти, столь жаждущь онъ убѣдительныхъ и чувственныхъ доводовъ. И все, что зримъ, преидетъ, все рушится, все будетъ прахъ. Но нѣкій тайный глазъ вѣщаетъ мнѣ, пребудетъ нѣчто во вѣки живо.

Съ теченіемъ временъ, всѣ звѣзды помрачатся, померкнетъ солнца блескъ, природа обвѣтшавъ

Лѣтъ дряхлостью падетъ,
Но ты, во юности, безсмертной процвѣтешь,
Незыблемый, среди сраженія стихіевъ,
Развалинъ вещества, міровъ всѣхъ разрушенья [1]).

[1]) Смерть Катонова, трагедія Еддесонова. Дѣйст. V, яв. I. Авт.

Зайцово.

Въ зайцовѣ на почтовомъ дворѣ нашелъ я давнишняго моего пріятеля Г. Крестьянкина. Я съ нимъ знакомъ былъ съ ребячества. Рѣдко мы бывали въ одномъ городѣ, но бѣсѣды наши хотя не часты, были однако же откровенны. Г. Крестьянкинъ долго находился въ военной службѣ, и наскучивъ, перешелъ въ статскую. По нещастію его, и въ статской службѣ неизбѣгнулъ того, отъ чего отставляя военную, удалиться хотѣлъ. Душу онъ имѣлъ очень чувствительную и сердце человѣколюбивое. Дознанныя его, столь превосходныя качества, доставили ему мѣсто Предсѣдателя Уголовной Палаты. Сперва не хотѣлъ онъ на себя сего званія, но помысливъ нѣсколько, сказалъ онъ мнѣ: мой другъ, какое обширное поле, отверзается мнѣ на удовлетвореніе любезнѣйшей склонности моея души! какое упражненіе для мягкосердія! О мой другъ? исполненіемъ моея должности, слезы родителей о чадахъ, воздыханія супруговъ, но слезы сіи, будутъ слезы обновленія во благо. Но изсянутъ слезы, страждущей невинности и простодушія. Колико мысль сія меня восхищаетъ. Пойдемъ, ускоримъ отъѣздъ мой.

Можетъ быть скорое пребытіе мое тамъ нужно. Замедля, могу быть убійцею, не предупреждая заключенія или обвиненія прощеніемъ, или разрѣшеніемъ отъ узъ.

Съ таковыми мыслями поѣхалъ пріятель мой къ своему мѣсту. Сколь же много удивился я узнавъ отъ него, что онъ оставилъ службу, и намѣренъ жить всегда въ отставкѣ. Я думалъ мой другъ, говорилъ мнѣ Г. Крестьянкинъ, что услаждающую разсудокъ и обильную найду жатву въ исполненіи моея должности. Но вмѣсто того нашелъ я одну желчь и терпѣніе. Теперь наскучивъ онаго, не въ силахъ будучи дѣлать добро, оставилъ мѣсто истинному хищному звѣрю. Въ короткое время — онъ заслужилъ похвалу, скорымъ рѣшеніемъ залѣжавшихся дѣлъ; а я прослылъ копоткимъ. Иные почитали меня иногда мздоимцемъ, за то что не спѣшилъ отягчить жребія нещастныхъ, опадающихъ въ преступленіе не рѣдко по не волѣ. До вступленія моего въ статскую службу, пріобрѣлъ я лѣстное для меня названіе, человѣколюбиваго Начальника. Теперь самое тоже качество, коимъ сердце мое толико гордилося, теперь почитаютъ послабленіемъ или не позволительною понаровкою. Видѣлъ я рѣшенія мои осмѣянными и въ

томъ самомъ, что ихъ изящными дѣлало, видѣлъ ихъ оставляемыми безъ дѣйствія. Съ презрѣніемъ взиралъ, что для освобожденія дѣйствительнаго злодѣя, и вреднако обществу члена, или дабы наказать мнимыя преступленія лишеніемъ имѣнія, чести, жизни, Начальникъ мой будучи не въ силахъ меня преклонить на беззаконное очищеніе злодѣйства, или на обвиненіе невинности, преклонялъ къ тому моихъ со членовъ, и не рѣдко я видѣлъ, благія мои расположенія изчезавшими, яко дымъ въ пространствѣ воздуха. Они же, во мздусвоего гнустнаго послушанія, получили почести, кои въ глазахъ моихъ столь же были тусклы, сколь ихъ прельщали своимъ блескомъ. Нерѣдко въ затруднительныхъ случаяхъ, когда увѣреніе въ невинности названнаго преступникомъ, меня побуждало на мягкосердіе, я прибѣгалъ къ закону, дабы искати въ немъ подпору моей нерѣшимости, но часто въ немъ находилъ вмѣсто человѣколюбія, жестокость, которая начало свое имѣла не въ самомъ законѣ, но въ его обвѣтшалости. Не соразмѣрность наказанія преступленію, часто извлекала у меня слезы. Я видѣлъ (да и можетъ ли быть иначе), что законъ судитъ о дѣяніяхъ, не ка-

саяся причинъ оныя производившихъ. И послѣдній случай къ таковымъ дѣяніямъ относящійся побудилъ меня оставить службу. Ибо не возмогши спасти винныхъ, мощною судьбы рукою въ преступленіе вовлеченныхъ, я не хотѣлъ быть участникомъ въ ихъ казни. Не возмогши облегчить ихъ жребія, омылъ руки мои въ моей невинности, и удалился жестокосердія.

Въ губерніи нашей жилъ одинъ дворянинъ, который за нѣсколько уже лѣтъ оставилъ службу. Вотъ его послужной списокъ. Началъ службу свою при дворѣ истопникомъ, произведенъ лакеемъ, камеръ лакеемъ, потомъ мундшенкомъ, какія достоинства надобны для прохожденія сихъ степеней придворныя службы, мнѣ неизвѣстно. Но знаю то, что онъ вино любилъ до послѣдняго издыханія. Пробывъ въ мундшенкахъ лѣтъ 15, отосланъ былъ въ Герольдію, для опредѣленія по его чину. Но онъ чувствуя свою неспособность къ дѣламъ выпросился въ отставку и награжденъ чиномъ Коллежскаго Ассесора, съ которымъ онъ пріѣхавъ въ то мѣсто гдѣ родился, т. е. въ нашу губернію лѣтъ 6 тому назадъ. Отличная привязанность къ своей отчизнѣ, не рѣдко основаніе имѣетъ въ тщеславіи. Че-

ловѣкъ низкаго состоянія, добившійся въ знатность и бѣднякъ пріобрѣвшій богатство, сотрясшій всю стыдливости застѣнчивость, послѣдній и слабѣйшій корень добродѣтели, предпочитаетъ мѣсто своего рожденія на распростертіе своея пышности и гордыни. Тамъ скоро Ассесоръ нашелъ случай купить деревню, въ которой поселился съ немалою своею семьею. Если бы у насъ родился Гогардъ то бы обильное нашелъ поле на карикатуры въ семействѣ Г. Ассесора. Но худой живописецъ, или если бы я могъ читать въ чертахъ лица внутренности человѣка съ Лаватеровою проницательностію то бы и тогда картина Ассесоровой семьи была примѣчанія достойна. Не имѣя сихъ свойствъ заставлю вѣщать ихъ дѣянія, кои всегда истинныя суть черты душевнаго образованія.

Г. Ассесоръ произошедъ изъ самаго низкаго состоянія, зрѣлъ себя повѣлителемъ нѣсколькихъ сотенъ себѣ подобныхъ. Сіе вскружило ему голову. Не одинъ онъ жаловаться можетъ, что употребленіе власти вскружаетъ голову. Онъ себя почелъ высшаго чина, крестьянъ почиталъ скотами, данными ему (едва не думалъ ли онъ, что власть его надъ ними, отъ Бога происте-

каетъ), да употребляетъ ихъ въ работу по произволенію. Онъ былъ корыстолюбивъ, копилъ деньги, жестокъ отъ природы, вспыльчивъ, а потому надъ слабѣйшими его, надмѣненъ. Изъ сего судить можешь, какъ онъ обходился съ крестьянами. Они у прежняго помѣщика были на оброкѣ, онъ ихъ посадилъ на пашню; отнялъ у нихъ всю землю, скотину всю у нихъ купилъ, по цѣнѣ, какую самъ опредѣлилъ, заставилъ работать всю недѣлю на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ и по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину. Если который казался ему лѣнивъ, то сѣкъ розгами, плѣтьми, батожьемъ или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности, за дѣйствительныя преступленія, какъ то кражу не у него но у постороннихъ, не говорилъ ни слова. Казалося будто въ деревнѣ своей хотѣлъ возобновить нравы древняго Лакедемона или Запорожской сѣчи. Случилось, что мужики его для пропитанія на дорогѣ ограбили проѣзжаго, другаго потомъ убили. Онъ ихъ суду за то не отдалъ, но скрылъ ихъ у себя, объявя правительству, что они убѣжали, говоря, что ему прибыли не будетъ, если крестьянина его высѣкутъ кнутомъ и

сошлютъ въ работу за злодѣяніе. Если кто изъ крестьянъ что нибудь укралъ у него, то онъ сѣкъ какъ за лѣность, или за дерзкій или остроумный отвѣтъ, но сверхъ того надѣвалъ на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы могъ я тебѣ разсказать его мудрыхъ распоряженій, но сего довольно, для познанія моего ироя. Сожительница его полную власть имѣла надъ бабами. Помощниками въ исполненіи ея веленій, были ея сыновья и дочери, какъ-то и у ея мужа. Ибо сдѣлали они себѣ правиломъ, чтобы ни для какой нужды крестьянъ отъ работы не отвлекать. Во дворѣ людей было — одинъ мальчикъ, купленный имъ въ Москвѣ, парикмахеръ дочерьнинъ, да повариха старуха. Кучера у нихъ не было, ни лошадей, разъѣзжалъ всегда на пахотныхъ лошадяхъ.

Плѣтьми или комками сѣкли крестьянъ сами сыновья. По щекамъ били или за волосы таскали, бабъ и дѣвокъ, дочери. Сыновья въ свободное время, ходили по деревнѣ или въ полѣ, играть и безчинничать съ дѣвками и бабами, и ни какая не избѣгала ихъ насилія. Дочери не имѣя жениховъ, вымѣщали свою скуку надъ прядильницами, изъ которыхъ они многихъ изувѣ-

чали. Суди самъ мой другъ, какой конецъ могъ быть таковымъ поступкамъ. Я примѣтилъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, что Русскій народъ очень терпеливъ, и терпитъ до самой крайности; но когда конецъ положитъ своему терпѣнію, то ничто не можетъ его удержать, чтобы не приклонился на жестокость. Сіе самое и случилось съ Ассесоромъ. Случай къ тому подалъ, неистовой и безпутной, или лучше сказать звѣрской поступокъ однаго изъ его сыновей.

Въ деревнѣ его была крестьянская дѣвка, недурна собою, сговоренная за молодаго крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну Ассесора, который употребилъ все возможное, чтобы ее привлечь къ себѣ въ любовь, но крестьянка вѣрна пребывала въ данномъ жениху ея обѣщаніи, что хотя рѣдко въ крестьянствѣ случается, но возможно. Въ воскресенье должно было быть сватьбѣ. Отецъ жениха по введенному у многихъ помѣщиковъ обычаю, пошелъ съ сыномъ на господскій дворъ, и понесъ повѣнечные два пуда меду, къ своему господину. Сію то послѣднію минуту дворянчикъ и хотѣлъ употребить на удовлетвореніе своея страсти. Взялъ съ собою обоихъ своихъ братьевъ, и вызвавъ невѣсту, чрезъ посто-

ронняго мальчика на дворъ, потащилъ ее въ клѣть, зажавъ ей ротъ. Не будучи въ силахъ кричать, она сопротивлялася всѣми силами звѣрскому намѣренію своего молодаго господина. Наконецъ превозможенная всѣми тремя, принуждена была уступить силѣ, и уже сіе скаредное животное начиналъ исполненіемъ умышленнаго, какъ женихъ, возвратившись изъ господскаго дома, вошелъ на дворъ и увидя однаго изъ господчиковъ у клѣти, усумнился о ихъ зломъ намѣреніи. Кликнувъ отца своего къ себѣ на помощь онъ быстрѣе молніи полѣтелъ ко клѣти. Какое зрѣлище представилося ему. При его приближеніи притворилась клѣть, но совокупныя силы двухъ братьевъ, немощны были удержать стремленія разъяреннаго жениха. Онъ схватилъ близь лежащій колъ, и вскоча въ клѣть, ударилъ вдоль спины хищника своея невѣсты. Они было хотѣли его схватить, но видя отца женихова бѣгущаго съ коломъ же на помощь, оставили свою добычу, выскочили изъ клѣти и побѣжали. Но женихъ догнавъ однаго изъ нихъ, ударилъ его коломъ по головѣ и ее проломилъ. Сіи злодѣи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо къ отцу и сказали ему, что ходя по деревнѣ, они встрѣтились съ

невѣстою, съ нею пошутили, что увидя женихъ ее началъ ихъ бить, будучи вспомогаемъ своимъ отцемъ. Въ доказательство, показали проломленную у одного изъ братьевъ голову. Роздраженный до внутренности сердца болѣзнію своего рожденія отецъ воскипѣлъ гнѣвомъ ярости. Немедля велѣлъ привести предъ себя всѣхъ трехъ злодѣевъ, такъ онъ называлъ жениха, невѣсту и отца женихова. Представшимъ имъ предъ него, первый вопросъ его былъ о томъ, кто проломилъ голову его сыну. Женихъ въ сдѣланномъ не отперся, разсказавъ все произшествіе. Какъ ты дерзнулъ, говорилъ Ассесоръ, поднять руку на твоего господина? А хотя бы онъ ночь проспалъ съ твоею невѣстою на канунѣ твоея свадьбы, то ты ему за то долженъ быть благодаренъ. Ты на ней не женишься, она у меня останется въ домѣ, а вы будете наказаны. По таковомъ рѣшеніи, жениха велѣлъ онъ сѣчь кошками немилосердно, отдавъ его въ волю своимъ сыновьямъ. Побои вытерпѣлъ онъ мужественно, не робкимъ духомъ смотрѣлъ, какъ начали надъ отцемъ его, тоже производить изтязаніе. Но не могъ вытерпѣть, какъ онъ увидѣлъ, что невѣсту господскіе дѣвки хотѣли вести въ домъ. Наказаніе происходило

на дворѣ. Въ одно мгновеніе выхватилъ онъ ее изъ рукъ ее похищающихъ и освобожденные побѣжали оба со двора. Сіе видя барскіе сыновья перестали сѣчь старика, и за ними побѣжали въ погоню. Женихъ, видя, что они его настигать начали, выхватилъ заборину, и сталъ защищаться. Между тѣмъ, шумъ привлекъ другихъ крестьянъ ко двору господскому. Они соболѣзнуя объ участи молодаго крестьянина, и имѣя сердце озлобленное противъ своихъ господъ, его заступили. Видя сіе, Ассесоръ, подбѣжавъ самъ, началъ ихъ бранить и перваго кто встрѣтился ударилъ своею тростью столь сильно, что тотъ упалъ безчувственъ на землю. Сіе было сигналомъ къ общему наступленію. Они окружили всѣхъ четверыхъ господъ, и, коротко сказать, убили ихъ до смерти на томъ же самомъ мѣстѣ. Толико ненавидѣли ихъ они, что ни одинъ не хотѣлъ миновать, чтобы не быть участникомъ въ семъ убійствѣ, какъ то они сами послѣ признались. Въ самое то время, случилося ѣхать тутъ исправнику съ командою. Онъ былъ частію свидѣтелемъ сему произшествію. Взявъ виновныхъ подъ стражу, а виновныхъ была половина деревни, произвелъ слѣдствіе, которое постепенно дошло до Уголовной Па-

латы. Дѣло было выведено очень ясно, и виновные во всемъ признавались, въ оправданіе свое приводя только мучительскія поступки своихъ господъ, о которыхъ уже вся губернія была извѣстна. Таковому дѣлу я обязанъ былъ по долгу моего званія положить окончательное рѣшеніе, приговорить виновныхъ къ смерти и вмѣсто оной къ торговой казни и вѣчной работѣ.

Не нашедъ способа спасти невинныхъ, я нехотѣлъ быть ни сообщникомъ въ ихъ казни, ниже оной свидѣтелемъ, подалъ прошеніе объ отставкѣ, и получивъ ее ѣду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, и услаждать мою скуку, обхожденіемъ съ друзьями. Сказавъ сіе мы разстались и поѣхали всякъ въ свою сторону.

Сей день путешествіе мое было неудачно, лошади были худы, выпрягались поминутно, наконецъ спускаясь съ небольшой горы, ось у кибитки переломилась и я далѣе ѣхать не могъ. Пѣшкомъ ходить мнѣ въ привычку. Взявъ посошекъ, отправился я впередъ къ почтовому стану. Но прогулка по большой дорогѣ, не очень пріятна для Петербургскаго жителя, не похожа на гулянье, въ Лѣтнемъ саду или въ Боба,

скоро она меня утомила и я принужденъ былъ сѣсть.

Между тѣмъ какъ, я сидя на камнѣ, чертилъ на пескѣ фигуры кой какія, не рѣдко кривобокія и кривоугольныя, думалъ я и то и се, скачетъ мимо меня коляска. Сидящій въ ней, увидѣвъ меня, велѣлъ остановиться и я въ немъ узналъ моего знакомаго. Что ты дѣлаешь, сказалъ онъ мнѣ. Думу думаю. Времени довольно мнѣ на размышленіе, ось переломилась. — Что новаго? Старая дрянь. Погода по вѣтру,—то слякоть, то ведро. А!... Вотъ новинькое, Дурындинъ женился. Не правда. Ему ужь лѣтъ съ 80. — Точно такъ. Да вотъ къ тебѣ письмо.... читай на досугѣ, а мнѣ нужно поспѣшать. Прости, — и разстались.

Письмо было отъ моего пріятеля. Охотникъ до всякихъ новостей, онъ обѣщалъ меня въ отсутствіи снабжать оными, и сдержалъ слово. Между тѣмъ, къ кибиткѣ моей поддѣлали новую ось, которая по счастію была въ запасѣ.

Петербургъ.

Любезный мой!

На сихъ дняхъ совершился здѣсь бракъ между 78 лѣтнимъ молодцомъ и 62 лѣтнею молодкою. Причину толь престарѣлому спа-

ренію отгадать тебѣ трудненько, если оной не скажу. Распусти уши, мой другъ, и услышишь. — Госпожа Ш.... витязь въ своемъ родѣ не послѣдній, 62-хъ лѣтъ, вдова съ 25 лѣтняго своего возраста. Была замужемъ за купцомъ, не удачно торговавшимъ, лицомъ смазлива, оставшись послѣ мужа бѣдною сиротою и вѣдая о жескосердіи собратій своего мужа, не захотѣла прибѣгнуть къ прошенію надмѣнной милости, но заблагоразсудила.... кормиться своими трудами. — Наживъ себѣ нѣсколько тысячь, она съ честію изъялась изъ презрительнаго общества сводень, и начала въ ростъ отдавать деньги. Проживъ покойно до 62 лѣтъ, нелегкое надоумило ее собраться замужъ. Всѣ ея знакомые тому дивятся. Пріятельница и ближняя, Н.... пріѣхала къ ней. — Слухъ носится, душа моя, говоритъ она посѣдѣлой невѣстѣ, что ты собралась замужъ. Мнѣ кажется солгано. Какой нибудь насмѣшникъ выдумалъ сію басню....

Ш., Правда совершенная. Завтра сговоръ, пріѣзжай пировать съ нами.

Н., Ты съ ума сошла! Неужели старая кровь разыгралась, неужели какой молокососъ подбился къ тебѣ подъ крылоцко?

Ш., Ахъ матка моя! не къ статѣ ты ме-

ня на равнѣ съ молодыми щитаешь вѣтриницами. Я мужа беру по себѣ.....

Н., Да то я знаю что придетъ по тебѣ. Но вспомни что уже насъ любить нельзя и не для чего; развѣ для денегъ?

Ш., Я такого не возьму, который бы мнѣ могъ измѣнить. Женихъ мой меня старѣя 16 годами.

Н., Ты шутишь!

Ш., По чести правда; баронъ Дурындинъ.

Н., Нельзя этому статься.

Ш., Пріѣзжай завтра къ вечеру ты увидишь, что лгать не люблю.

Н., А хотя и такъ, вѣдь онъ не на тебѣ жениться, но на твоихъ деньгахъ?

Ш., А кто ему ихъ дастъ? Я такъ не обезумѣю, что бы ему отдать все имѣніе мое, уже-то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебрянные, и другая дрянь оставшаяся у меня въ закладѣ, которой съ рукъ нельзя сбыть. Вотъ барышъ любезнаго моего женишка.

Н., Ему хоть табакерочка перепадетъ, а тебѣ что въ немъ проку?

Ш., Какъ, матка? Сверхъ того, что въ нынѣшнія времена не худо имѣть хорошій чинъ, меня называть будутъ: Ваше Высокоро-

діе, а кто поглупѣе и Ваше Превосходительство; но будетъ таки кто нибудь, съ кѣмъ въ долгія зимнія вечера, можно хоть поиграть въ бирюльки. А нынѣ сиди, сиди, все одна, да и того удовольствія не имѣю, когда чихну, чтобъ кто говорилъ: здравствуй. А какъ мужъ будетъ свой, то какой бы насморкъ не былъ, все слышать буду: Здравствуй, мой свѣтъ, здравствуй, моя душинька!...

Н., Прости матушка.

Ш., Завтра сговоръ, а чрезъ недѣлю свадьба.

Н., *(уходитъ)*.

Ш., *(чхаетъ)* Небось не воротиться. Толи дѣло какъ мужъ свой будетъ!

Не дивися, мой другъ! на свѣтѣ все колесомъ вертится. Сегодня умное, завтра глупое въ модѣ. Надѣюсь, что и ты много увидишь Дурындиныхъ. Если не женидьбою всегда они отличаются, то другимъ чѣмъ либо. А безъ Дурындиныхъ свѣтъ не простоялъ бы трехъ дней.

Крестцы.

Въ Крестцахъ я былъ свидѣтелемъ, разставанья у отца съ дѣтьми, которое меня тѣмъ чувствительнѣе тронуло, что я и самъ

отецъ и скоро, можетъ быть, самъ съ дѣтьми своими разставаться буду.

Крестицкій дворянинъ казалося мнѣ былъ лѣтъ 50, рѣдкія сѣдины едва пробивалися сквозь свѣтлорусыя власы главы его. Правильные черты лица его, знаменовали души его спокойствіе, страстямъ не приступное. Нѣжная улыбка безмятежнаго удовольствія, не злобіемъ рождаемаго, изрыли ланиты его ямками въ женщинахъ столь прельщающими, взоры его, когда я вошелъ въ ту комнату, гдѣ онъ сидѣлъ, были устремлены на двухъ его сыновей. Очи его, очи благорастворенпаго разсудка, казалися подернуты были легкою пленою печали, но искры твердости и упованія, пролѣтали оную быстротечно. Предъ нимъ стояли два юноша, его сыны, возраста почти равнаго единымъ годомъ во времени рожденія; но не въ шествіи разума и сердца они разнствовали между собою. Ибо горячность родителя ускоряла въ младшемъ разверженія ума, а любовь братня умѣряла успѣхъ въ наукахъ во старшемъ. Понятія о вещахъ были въ нихъ равныя, правила жизни, знали они равно, но остроту разума и движенія сердца природа насадила въ нихъ различно; во старшемъ взоры были тверды, черты лица не зыбки,

являли качества души не робкой и не поколѣбимой въ предпріятіяхъ. Взоры младшаго были остры, черты лица жестки и не постоянны. Но плавное движеніе, необманчивый былъ знакъ благихъ совѣтовъ отчихъ. На отца своего взирали они съ несвойственною имъ робостію, отъ горести предстоящей разлуки происходящее, а не отъ чувствованія надъ собою власти или начальства — рѣдкія капли слезъ томилися изъ ихъ очей. — Друзья мои, сказалъ отецъ, сегодня мы разстанемся — и, обнявъ ихъ, принялъ возрыдавшихъ въ перси свои. — Я уже нѣсколько минутъ былъ свидѣтелемъ сего зрѣлища, стоя у дверей неподвиженъ, какъ отецъ обратился ко мнѣ будь свидѣтелемъ, чувствительный путешественникъ, будь свидѣтелемъ мнѣ предъ свѣтомъ, сколь тяжко сердцу моему исполнять волю обычая. Я отлучаю дѣтей моихъ отъ бдящаго родительскаго ока, единственное мое къ тому побужденіе есть, да преобрѣтутъ опытность, да познаютъ свѣтъ и да наскучитъ имъ его грѣмленіе, и да оставляя его съ радостію, имутъ отныне въ гоненіи, и хлѣбъ насущный въ скудности для сего то остаюся я въ нивѣ моей. Недаждь владыко всещедрый; недаждь имъ скитатися за милостынію

вельможъ, и обрѣти въ нихъ утѣшителей. Да будетъ соболѣзнуяй о нихъ; ихъ сердца, да будетъ имъ творяй благостыню ихъ разсудокъ — возсядите, и внемлите моему слову, если пребывати во внутренности думъ вашихъ, долженствуетъ. Еще повторю вамъ сего дня мы разлучимся, — съ неизрѣченнымъ услажденіемъ зрю слезы ваши, орошающія ланиты вашего лица. Да отнесетъ сіе души вашей зыбленіе свѣтъ мой во святая ея да восколеблются они при моемъ воспоминаніи и да буду отсудственъ васъ ограда отъ золъ и печалей. Пріявъ васъ даже отъ чрева матерня въ объятіи мои, не восхотѣлъ ни коли, что бы кто либо былъ рачителемъ въ исполненіяхъ до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалася тѣлеси вашего, никогда иноземный наставникъ, не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моея горячности бдѣло надъ вами денно и нощно, да не приближится васъ оскорбленія....

Съ младенчества вашего вы принужденія не чувствовали, хотя въ дѣяніяхъ вашихъ во всемъ вождаемы направляемы рукою моею, не ощущали ни коли ея вожденія направленія. Дѣянія ваши были предузнаты и предваряемы и тако достигли времяни, въ

оное же, какъ то говорятъ, разсудокъ становится опредѣлителенъ, дѣланія и не недѣланія, а лучше сказать когда чувства доселѣ держимыя плавностію младенчества, начинаютъ ощущать дрожаніе, или когда слизненныя соки исполнивъ сосудъ юности превышать начинаютъ его воскранія, ища стезю собственнымъ стремлѣніемъ. Не хотѣлъ я, чтобы робость или послушаніе повиновенія малѣйшею черту ознаменовала на васъ своего перста. И для того духъ вашъ и нынѣ не терпящъ велѣнія безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества. Но если младенцамъ вамъ сущимъ находилъ, что уклонится отъ пути мною назначеннаго устремляемы случайнымъ удареніемъ, тогда остановляя ваше шествіе, или лучше сказать не примѣтно входилъ въ прежній путь, яко потокъ прорвавшій оплоты искусною рукою обращается въ свои брега.

Робкая нѣжность не присутствовала во мнѣ, когда козалося не рачилъ объ охраненіи васъ отъ непріятности стихій и погоды, желалъ лучше, чтобы на мгновеніе тѣло ваше оскорбила преходящею болью, нежели дебелы пребудутъ въ возврастѣ совершенномъ. И для того по часту ходили вы босы, не покровенную имѣя главу, въ пыли, въ

грязи, возлѣжали на отдохновеніе на скамьи, или камени. Неменьше старался я удалить васъ отъ убійственной пищи и питія. Труды лучшая была приправа, въ обѣдѣ нашемъ; вспомните съ какимъ удовольствіемъ обѣдали мы въ деревнѣ намъ неизвѣстной, ненашедъ настоящей дороги къ дому. Сколь вкусенъ намъ казался тогда хлѣбъ ржаной и квасъ деревенскій. Не ропщите на меня, если будете иногда осмѣяны, что не имѣете казистаго возшествія, что стоите, какъ тѣлу вашему покойнѣе, а не какъ обычай или мода велитъ, что одѣваетесь не со вкусомъ, что волосы кудрявы рукою природы, а не чесателя. Если будете небрежны въ собраніяхъ, а особливо отъ женщинъ, что худо умѣете плясать, то вспомните, что вы бѣгаете быстро, что плаваете не утомляемы, что подымаете тягость безъ натуги, что умѣете водить соху, вскопать гряду, владѣете косою и топоромъ, стругомъ и долотомъ, умѣете ѣздить верхомъ, стрѣлять. Не опечальтеся, что вы скакать, какъ скоморохи, не умѣете; вѣдайте, что пляска, ни чего не представляетъ величественнаго и если нѣкогда тронуты будете зрѣніемъ плясанія, то любострастіе онаго будетъ корень, все же другое оному будетъ постороннѣе.

Но вы умѣете черты вещей животныхъ и человѣка изображать на бумагѣ или полотнѣ. Въ живописи найдете вы истинное наслажденіе не токмо чувствъ, но и разума. Я васъ не училъ музыкѣ, дабы дрожащая струна, согласно вашимъ нервамъ, возбуждала дремлющее сердце, ибо музыка, производя внутренность въ движеніе, мягкосердіе дѣлаетъ въ насъ привычкою. Изучилъ я васъ и искуству мечемъ стражаться. Но сіе искуство да пребудетъ въ васъ мертво доколѣ собственная сохранность того не возтребуетъ. На сіе уповаю не сдѣлаетъ васъ подлыми, ибо вы твердый духъ имѣете, и обидою не сочтете, если оселъ васъ улягнетъ, или свинья смраднымъ до васъ коснется рыломъ. Небойтеся сказать ни кому, что вы корову доить умѣете, что шти и кашу сварите или—зажарите кусокъ мяса—будутъ вкусными. Тотъ, кто самъ умѣетъ что сдѣлать, умѣетъ заставить сдѣлать, и будетъ на погрѣшности снисходителенъ, зная все въ исполненіи требности.

Во младенчествѣ, и отрочествѣ не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или мыслями чуждыми, не отягощалъ памяти вашей излишними предметами. Но предложивъ вамъ пути къ позна-

ніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверстой вамъ стезѣ, и познанія ваши тѣмъ основательнѣе, что вы ихъ пріобрѣли не тверды, какъ то говорятъ по слову и сорока Якова; слѣдуя сему правилу доколѣ силы разума не были въ васъ дѣйствующими, не предлагалъ я ему понятія о всевышнемъ существѣ, и еще менѣе объ откровеніи. Ибо то, что вы бы познали прежде нежели, были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и разсужденіе бы мѣшало. Когда же узрѣлъ я, что вы въ сужденіяхъ руководились разсудкомъ то предложилъ вамъ звязь понятій вѣдущихъ къ познанію Бога; увѣренъ во внутренности сердца моего, что всещедрому отцу, пріятнѣе зрѣти двѣ непорочныя души, въ коихъ свѣтильникъ нощи не предразсудкомъ возжигаемый; но что они сами возносятся къ начальному огню на возгорѣніе. Предложилъ я вамъ тогда и о законѣ откровенномъ, не сокрывъ отъ васъ все то, что въ опроверженіе онаго сказано многими. Ибо желалъ, чтобы могли сами избирати между млекомъ и желчію, и съ радостію видѣлъ, что воспріяли вы сосудъ утѣшенія не робко.

Преподавая вамъ свѣдѣніи о наукѣ, неос-

тавилъ я знакомить васъ съ различными народами, изучилъ васъ языкамъ иностраннымъ. Но прежде всего попеченіе мое было, да познаете вашъ собственной. Да умѣете на ономъ изъяснять ваши мысли словесно и письменно, и чтобы изъясненіе сіе было въ васъ не принужденно, и поту на лице не производило. Англинской языкъ, а потомъ Латинской, я вамъ извѣстнѣе сдѣлать другихъ, ибо упругость духа вольности, переходы въ изображеніи рѣчи пріучатъ и разумъ къ твердымъ понятіямъ, во всякихъ направленіяхъ нужнымъ.

Но если разсудку вашему предоставлялъ направлять стопы ваши къ стезямъ науки, тѣмъ бдительнѣе тщился быть въ нравственности вашей. Старался умѣряти въ васъ гнѣва мгновенія, подвергая разсудку гнѣвъ продолжительный производящій мученія; душа ваша мерзитъ его. Вы изъ природнаго сего чувствительныя твари движенія оставили оберегательность своего сложенія, поправъ желаніе возвращенія, уязвленія.

Нынѣ настало то время, какъ чувства ваши, дошедъ до совершенства возбужденія, но не до совершенства еще понятія о возбуждаемомъ, начинаютъ тревожится всякой внѣшностію и опасную производити зыбь въ

внутренности вашей. Я сохранилъ васъ неприступнымъ доселѣ, превратнымъ чувствъ потресеніямъ. Но не сокрылъ отъ васъ невѣдѣнія покровомъ пагубныхъ слѣдствій совращенія отъ пути умѣренности въ чувственномъ услажденіи. Вы свидѣтели были, сколь гнусно избыточество чувственнаго насыщенія и возгнушалися. Свидѣтели были страшнаго волненія страстей, превысившихъ бреги своего естественнаго теченія, познали гибельныя ихъ опустошенія и ужасалися. Но опытность моя охраняла васъ отъ неправильныхъ уязвленій. Нынѣ будьте сами себѣ вожди, и, хотя совѣты мои будутъ всегда свѣтильникомъ вашихъ начинаній, ибо сердцѣ и душа ваша мнѣ отверсты, но яко свѣтъ, отдаляяйся отъ предмета, менѣе его освѣщаетъ, тако и вы отриновенны моего присудствія, слабое ощутити согрѣніе моея дружбы. И тако да преподамъ вамъ правила единожитія и общежитія, дабы, по усмиреніи страстей, не восгнушалися дѣяній въ оныхъ совершенныхъ.

Правила единожитія, поведенія вашего въ отношеніи васъ самихъ, должны относиться къ тѣлесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда употребленіе вашихъ тѣлесныхъ силъ и чувствъ, упражд-

неніе оныхъ умѣренное укрѣпитъ ихъ, не истощевая, и послужитъ къ здравію вашему, и долгой жизни. И для того упрожняйтеся въ искуствахъ, художествахъ и ремеслахъ, вамъ извѣстныхъ. Совершенствованіе въ оныхъ, можетъ быть иногда нужно. Не извѣстно намъ грядущее. Если непріязненное счастіе отыметъ у васъ все, что оно вамъ дало, богаты пребудите въ умѣренности желаній, кормясь дѣломъ рукъ вашихъ. Но если во дни блаженства вы небрежете, поздно о томъ думать во дни печали. Нѣга излѣненіе и не умѣренное чувствъ услажденіе губятъ и тѣло и духъ. Ибо изнуряя тѣло невоздержанностію, изнуряете и крѣпость духа. Но употребленіе силъ укрѣпитъ и тѣло, а за нимъ и духъ. Если почувствуешь отвращеніе къ явствамъ, и болѣзнь постучится у двѣрей, воспряни тогда отъ одра твоего, на немъ же лѣлеешь чувства твои; приведи уснувшіе члены твои упражненіемъ въ дѣйствіе и почувствуешь мгновенно силъ обновленіе, воздержи себя отъ пищи нужной во здравіи и гладъ сдѣлаетъ пищу твою сладкою, огорчавшею отъ сытости. Помните всегда, что на утолѣніе глада нуженъ только кусокъ хлѣба и ковшъ воды. Если благодѣтельное лишеніе внѣш-

нихъ чувствованій, сонъ, побѣжитъ отъ тебя, оставишь подушку, камень же возлежало главы твоея на возобновленіе силъ, разумныхъ и тѣлесныхъ; бѣги изъ чертоговъ твоихъ и утоливъ члены, до усталости возляжь на одрѣ и почіешь во здравіи.

Будьте опрятны въ одеждѣ вашей, тѣло содержите въ чистотѣ, ибо чистота служитъ ко здравію, а не опрятность и смрадность тѣла нерѣдко отверзаетъ непримѣтную стезю къ гнуснымъ порокамъ. Но будьте и въ семъ умѣренны. Не гнушайтесь, пособить, поднимая погрязшую во рву тѣлегу, и тѣмъ облегчить упадшаго; вымоете ваши руки и тѣло и ноги, но просвѣтите сердце. Ходите въ хижины униженія, утѣшите томящагося нищетою, вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, давъ отраду скорбящему. — Нынѣ достигли вы, повторю, того часа, когда чувства одержимые доселѣ плавностію малолѣтства, начинаютъ ощущать движеніе, се время, когда жизненныя соки, исполнивъ сосудъ юности, превышати начинаютъ его воскраня, ища стезь собственнымъ стремленіемъ; но время ее такожде, въ оное же разсудокъ становится опредѣлителемъ дѣланія и не дѣланія. Сего страшнаго достигли вы времени и часа. Ибо

чаша разсудка безъ опытности на вѣсахъ воли воздымется, а чаша страстей опустится мгновенно далѣ. И такъ къ равновѣсію неиначе приближится можно, какъ трудолюбіемъ. Трудитеся тѣломъ, страсти ваши не столь сильное будутъ имѣть волненіе, трудитеся сердцемъ упражняясь въ мягкосердіи, чувственности соболѣзнованій, щедротѣ, отпущеній и страсти ваши направятся къ благому концу. Трудитеся разумомъ, упражняяся въ чтеніи, размышленіи, розысканіи истинны, или произшествій, и разумъ управлять будетъ вашею волею и страстьми. Но не возмните въ восторгѣ разсудка, что можите разрушить корень страстей, что нужно быть совсѣмъ безъстрастну. Корень страстей благъ, и основанъ на нашей чувствительности самой природою. Когда чувства наши внѣшнія и внутреннія ослабѣваютъ и притупляются, тогда ослабѣваютъ и страсти. Они благую въ человѣкѣ производятъ тревогу, безъ нея же уснули бы въ бездѣйствіи. Безстрастный человѣкъ совершенно есть глупецъ, и истуканъ нелѣпый, не возмогаемый благаго ни злаго. Не достоинство есть воздержатися отъ худыхъ помысловъ, не могши ихъ сотворить. Безрукой не можетъ уязвити

ни кого, не можетъ подать помощи и утопающему, не удержати на брегѣ падающаго въ пучинѣ моря. — И такъ умѣренность въ страсти есть благо; шествіе во стезѣ средою есть надежно. Чрезвычайность въ страсти есть гибель, безстрастіе есть нравственная смерть. Якоже шественникъ, отдаляяся среди стези, вдается опасности ввергнутся въ тотъ или другой ровъ. Но буде страсти наши, опытностію разсудкомъ и сердцемъ направлены къ концу благому, окинь съ нихъ бразды томнаго благоразумія не скращай ихъ полета,—мѣта [1]) ихъ будетъ всегда величіе, на немъ единомъ остановится онѣ умѣютъ. — Но если я васъ побуждаю не быть безстрастными, паче всего потребно въ юности вашей умѣренность любовныя страсти. Она природой насаждена въ сердце нашемъ къ блаженству нашему. И такъ въ возрожденіи своемъ ни когда ошибится не можетъ, но въ своемъ предметѣ и не умѣренности. И такъ блюдитеся, да не ошибетеся въ предметѣ любви вашея, и не почтите взаимною горячностію, оныя представленія. Съ благимъ же предметомъ любви неумѣренность страсти сея

---

[1]) Цѣль. *Примѣч. А. П. Радищева.*

будетъ вамъ неизвѣстна. Говоря о любви естественно бы было говорить и о супружествѣ, о семъ священномъ союзѣ общества, коего правила не природа въ сердцѣ начертала, но святость коего изъ начальнаго обществъ положенія проистекаютъ. Но разуму вашему едва шествіе свое начинающему, сіе бы было не понятно, а сердцу вашему, неиспытавшему самолюбивую въ обществѣ страсть любви, повѣсть о семъ была бы вамъ не ощутительна, а потому и безполѣзна. Если желаете о супружествѣ имѣть понятіе, воспомяните о родшей васъ. Представте меня съ нею и съ вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и очамъ лобызанія ваше, и приложите картину сію къ сердцу вашему. Тогда почувствуете въ немъ пріятное нѣкое содраганіе. Что онъ познаетъ со временемъ, а днесь довольны будьте ея ощущеніемъ.

Приступимъ нынѣ вкратцѣ къ правиламъ общежитія; предписать ихъ не можно съ точностію, ибо располагаются часто по обстоятельствамъ мгновенія. Но, дабы колико возможно менѣе ошибаьтся, при всякомъ начинаніи, спросите ваше сердце; оно есть благо и николи обмануть васъ не можетъ. Что вѣщаетъ оно, то и творите, слѣдуяй

сердцу въ юности не ошибетеся, если сердце имѣетъ благое. Но слѣдовати возмнивый разсудку, не имѣя на брадѣ власовъ, опытность возвѣщающихъ, есть безумецъ. Правила общежитія относятся къ исполненію предписываемаго обычаями и нравами народными, или къ исполненію закона благаго, на что нѣтъ ни обычая ни закона т. е. къ исполненіямъ добродѣтели, если въ обществѣ нравы и обычаи не противны закону, если законъ не полагаетъ добродѣтели преткновеній въ ея шествіи, то исполненія правилъ общежитія есть легко. Но гдѣ таковое общество существуетъ? Всѣ извѣстныя намъ многими наполнены во нравахъ, обычаяхъ, законахъ и добродѣтели противорѣчіями. И отъ того трудно становится исполненіе должности человѣка и гражданина, ибо не рѣдко они находятся между собою въ противоположности совершенной.

Понеже добродѣтель есть вершина дѣяній человѣческихъ, то исполненіе ея, ничемъ препинаемо быть не долженствуетъ. Небреги обычаи, нравы, небреги законъ Гражданскій и Священный, столь святыя въ обществѣ вещи, буде исполненія оныхъ отлучаютъ тебя отъ добродѣтели. Не дерзай ни коли нарушенія ея прекрывати робостію благо-

разумія. Благоденственъ безъ нея будетъ во внѣшности, но блаженъ ни коли.

Преслѣдуя тому, что налагаютъ на насъ обычаи и нравы, мы пріобрѣтемъ благопріятство тѣхъ съ кѣмъ живемъ. Исполняя предписанія закона, можемъ пріобрѣсти названіе честнаго человѣка. Исполненіе же добродѣтели пріобрѣтетъ намъ и общую довѣренность, почтеніе и удивленіе въ томъ самомъ, кто бы и не желалъ ихъ ощущать въ душѣ своей. Коварный Афинскій Сенатъ, подавая чашу съ отравою Сократу трепеталъ во внутренности предъ добродѣтелью его. Не дерзай никогда исполнять обычаи во предосужденіе закона. Законъ есть, связь общества. И если бы самъ Государь велѣлъ тебѣ нарушить законъ, не повинуйся ему, ибо онъ заблуждается себѣ и обществу во вредъ. Да уничтожитъ законъ, якоже нарушеніе повелѣваетъ, тогда и повинуйся, ибо въ Россіи Государь есть источникъ законовъ.

Добродѣтели суть—или частныя, или общественныя, побужденія къ первымъ суть всегда мягкосердіе, кротость, соболѣзнованіе, и корень ихъ всегда благъ. Побужденія добродѣтелей общественныхъ нерѣдко имѣетъ начало свое въ тщеславіи и любочестіи.

Но для того не подлежитъ остановляться въ исполненіи ихъ. Предлогъ надъ нимъ же вращается, придаетъ имъ вещество. Въ спасшемъ Курціи отечество свое отъ пагубныя язвы, ни кто не зритъ, ни отчаяннаго или наскученнаго жизнію, но героя. Если же побужденіи наши къ общественнымъ добродѣтелямъ начало свое имѣютъ въ человѣколюбивой твердости души, тогда блескъ ихъ будетъ гораздо большій. Упрожняйся всегда въ частныхъ добродѣтеляхъ, дабы могъ удостоится исполненія общественныхъ.

Еще преподалъ вамъ нѣкоторыя исполнительныя правила жизни — старайтеся паче всего во всѣхъ дѣяніяхъ вашихъ заслужить собственное свое почтеніе, дабы, обращая во уединеніе взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы раскаяться, въ сдѣланномъ, но взирали бы на себя съ благоговѣніемъ. Слѣдуя сему правилу, удаляйтеся елико то возможно даже вида раболѣпствованія, вошедъ въ свѣтъ узнаете скоро, что въ обществѣ существуетъ обычай посѣщать въ праздничные дни по утрамъ знатныхъ особъ. Обычай скаредный, ничего не значущій, означающій въ посѣтителяхъ духъ робости, а въ посѣщенномъ духъ надмѣнности и слабый разсудокъ. У Римлянъ бы-

ло похожѣе сему обыкновенію, которое они называли ambitio, т. е. снисканіе, а отъ туда и любочестіе называлося ambitio, ибо посѣщеніями имѣнитыхъ людей юноши снискивали себѣ путь къ чинамъ и достоинствамъ. Тоже дѣлается и нынѣ. Но если у Римлянъ обычай сей введенъ былъ для того, чтобы молодые люди обхожденіемъ съ испытанными научилися, то сомнѣваюся, чтобы цѣлъ въ обычаѣ семъ всегда не порочно сохранилася. Въ наше же время, посѣщая знатныхъ господъ, ученія цѣлію своею ни кто не имѣетъ. Но снисканія ихъ благопріятства, и такъ да не приступитъ нога ваша порога, отдѣляющаго раболѣпство отъ исполненія должности. Не посѣщай ни коли передней знатной барыни, развѣ по долгу званія твоего. Тогда, среди толпы презрѣнной, и тотъ, на кого она взираетъ съ подобрастіемъ, съ негодованіемъ тебя въ душѣ своей отъ нее откичетъ.

Если случится, что смерть пресѣчетъ дни мои, прежде нежели въ благомъ пути отвердѣете, и оные еще восхотятъ васъ страсти изъ стези разсудка, то неотчаявайтеся, соглядая иногда превратное ваше шествіе въ заблужденіи вашемъ. Въ забвеніи самого себя, возлюбите добро. Распутное житіе,

безмѣрное любочестіе, наглости и всѣ пороки юности оставляютъ надежду исправленія, ибо скользятъ по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы въ младыхъ лѣтахъ вашихъ были распутны, нежели сребролюбивы, или же чрезмѣрно бережливы, или щеголеваты, занимаяся болѣе убранствомъ нежели, чѣмъ другимъ. Систематическое, такъ сказать, расположеніе въ щегольствѣ, означаютъ всегда сжатый разсудокъ. Если повѣствуютъ, что Юлій Кесарь былъ щеголь, то щегольство его имѣло цѣль. Страсть къ женщинамъ въ юности его были къ сему побужденіемъ. Но онъ изъ щеголя облекся бы въ мгновеніе во смраднѣйшее рубище, если бы то способствовало къ достиженію его желаній. — Во младомъ человѣкѣ не только щегольство преходящее простительно, но и всякое—дурачество. Если же наикраснѣйшими дѣяніями жизни сокрывать будите коварство, ложъ, вѣроломство, сребролюбіе, гордость, любочестіе, лицемѣріе, звѣрство, то если ослѣпите современниковъ вашихъ на время блескомъ ясной наружности; если не найдете ни кого сколь любящаго васъ, да представитъ вамъ зерцало истинны, не мните однакоже, затмить взоры прозорливости. Проникнетъ

она свѣтозарную ризу твоего коварства и добродѣтель черноту души твоея обнажитъ, возненавидитъ она сердце твое, и яко чувственница (sensitive) увядать станетъ прикосновеніемъ твоимъ, не мгновенно, но стрѣлы ея изъ далека язвить тебя станутъ и терзать.

Простите возлюбленніи мои, простите, друзья души моея, днесь при сопутномъ вѣтрѣ отчальте отъ брега чуждую опытности ладью вашу; стремитеся по валамъ житія человѣческаго, да научитеся управляти сами собою. Блажени не претерпѣвъ крушенія, достигните пристанища, его же жаждите. Будьте щастливы въ плаваніи вашемъ. Се искреннее мое желаніе. Естественныя силы мои, истощившись движеніемъ и жизнію, изнемогутъ и угаснутъ, оставлю васъ на вѣки, но се мое вамъ завѣщаніе. Если ненависное щастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, тогда умрите. Въ наслѣдіе вамъ оставлю слово умирающаго Катона, но если во добродѣтели умерети возможешь, умѣй умерети и въ порокѣ и будь, такъ сказать добродѣтеленъ и въ самомъ злѣ. — Если, забывъ мои наставленія, поспѣшать будеши на злыя дѣла, обыкшая душа добродѣтели востревожится, воспряни

отъ ложа твоего преслѣдуй душевно моему видѣнію. Если тогда источится слеза изъ очей твоихъ, то усни паки, пробудишся на исправленіе. Но если среди злыхъ твоихъ начинаній, воспоминая обо мнѣ, душа твоя незыбнется и яко пребудетъ сухо, се сталь, се отрава; — избавь меня скорби, избавь землю поносныя тяжести — будь мой еще сынъ — умри, но... добродѣтеленъ!!

Вѣщающу сіе старцу юношескій румянецъ покрылъ сморщенныя ланиты его, взоры его испускали лучи надежнаго радованія, черты лица сіяли сверхестественнымъ веществомъ. Онъ облобызалъ дѣтей своихъ, и проводивъ ихъ до повозки, пребылъ твердъ до послѣдняго разставанія. Но едва звонъ почтоваго колокольчика возвѣстилъ ему, что они начали отъ него удаляться, упругая душа сія смутилася. Слезы проникли сквозь очей грудь его воздымалася, онъ руки свои простиралъ вслѣдъ отъѣзжающихъ, козалося будто желаетъ остановить стремленіе коней. Юноши узрѣли издали родившаго ихъ въ такой печали возрыдали столь громко, что вѣтръ ихъ жалосный стонъ доносилъ до слуха нашего. Они простирали также руки къ отцу своему и казалося будто его къ себѣ звали. Не могъ старецъ снесть

сего зрѣлища, силы его ослабѣли, и онъ упалъ въ мои объятія. Между тѣмъ пригорокъ скрылъ отъѣхавшихъ юношей отъ взоровъ нашихъ. Пришедъ въ себя, старецъ сталъ на колѣни и воздѣвъ руки на небо, Господи! возопилъ онъ, молю тебя да укрѣпитъ ихъ во стезяхъ добродѣтели, молю блаженны да будутъ, вѣси ни коли не утруждалъ тебя отецъ всещедрый безполезною молитвою! Увѣренъ въ душѣ яко благъ еси и правосуденъ. Любезнѣйшее въ тебѣ есть добродѣтель, дѣянія чистаго сердца суть наилучшая для тебя жертва. Отлучилъ я нынѣ отъ себя сыновъ моихъ — Господи да будетъ на нихъ воля твоя.

Смущенъ, но твердъ въ надѣяніи своемъ отъѣхалъ въ жилище свое.

Слова Крестицкаго дворянина невыходили у меня изъ головы.

Яжельбицы.

Сей день опредѣленъ мнѣ былъ судьбою на испытаніе. Я—отецъ, имѣю нѣжное сердце ко моимъ дѣтямъ. — Для того то слово Крестицкаго дворянина меня столь тронуло. Но потрясши меня до внутренности изліяло

нѣкое усладительное чувствованія надѣянія, что блаженство наше въ отношеніи дѣтей нашихъ зависитъ много отъ насъ самихъ. Но въ Яжельбищахъ опредѣлено мнѣ было быть зрителемъ позорища, которое глубокій корень печали оставило въ душѣ моей, и нѣтъ надежды на его истребленіе. О юность! услыши мою повѣсть. Познай свое заблужденіе, воздержись отъ произвольныя гибели, и пресѣки путь будущему раскаянію.

Я пробѣжалъ мимо кладбища. Необыкновенный вопль терзающаго на себѣ волосы человѣка понудилъ меня остановиться. Приближась, увидѣлъ я, что тамъ совершалося погребеніе. Надлежало уже гробъ опустить въ землю, но тотъ котораго я изъдали зрѣлъ терзающаго на себѣ волосы, повергся на гробъ и ухватясь за оный весьма крѣпко, не дозволялъ оный опускать въ землю, съ великимъ трудомъ отвлекли его отъ гроба и опустя оный въ могилу, зарыли оную поспѣшно. Тутъ страждущій вѣщаетъ къ предстоящимъ: — «почто вы меня его лишили, почто меня съ нимъ не погребли живаго, и не скончали моей скорьби и раскаянія; вѣдайте, вѣдайте что я есть убійца возлюбленнаго моего сына, его же мертва предали землѣ. Не дивитеся сему. Я не прекратилъ

жизни его ни мечемъ ни отравою. Нѣтъ, я болѣе сего сдѣлалъ, я смерть его уготовилъ до рожденія его, давъ жизнь ему отравленную. Я есмь убійца, таковыхъ много, но есть убійца лютѣйшій другихъ. Убійца сына моего до рожденія его! Я, я одинъ прекратилъ дни его, изливъ томный ядъ въ начало его. Онъ воспретилъ укрѣпить силамъ тѣла его. Во все время житія своего не наслаждался онъ здравіемъ ни дня единаго, и томящагося въ силахъ своихъ развѣстіе яда пресѣкло теченіе жизни — никто, никто меня не накажетъ за мое злодѣяніе!»— Отчаяніе ознаменовалося на лицѣ его и бездыханна почти отнесли его съ сего мѣста.

Нечаянный хладъ разлился въ моихъ жилахъ, я весь оцѣпенѣлъ — казалося мнѣ я слышалъ мое осужденіе. Воспомянулъ дни распутныя моея юности. Привелъ на память всѣ случаи, когда встревоженная чувствами душа, гонялася за ихъ услажденіемъ, почитая мздоимную участницу любовныя утѣхи истиннымъ предметамъ горячности. Воспомянулъ, что невоздержаніи въ любострастіи навлекло тѣлу моему смрадную болѣзнь, ея же вида всѣ гнушаются, ею же всѣ юноши отравляются; о, если бы недалѣе она корень свой испускала! Если бы онъ съ уто-

лѣніемъ любострастія прерывался пріявъ отраду сію въ веселіи.—Не токмо согрѣваемъ ее въ нѣдрахъ нашихъ, но даемъ ее въ наслѣдіе нашему потомству. О, друзья мои возлюбленныя, о, чада души моей, не вѣдаете вы колико согрѣшилъ предъ вами! Блѣдное ваше чело, есть мое осужденіе, страшусь возвѣстить вамъ, о болѣзни иногда вами ощущаемой. Возненавидете можетъ быть меня. И въ ненависти вашей будете справедливы. Кто увѣритъ васъ и меня, что вы не носите въ крови вашей сокровенное жало, опредѣленное да скончаетъ дни ваши безвременно. Пріявъ сей смрадный ядъ въ тѣло мое въ совершенномъ возрастѣ, затвердѣлость моихъ членовъ противится его распространенію и борется съ его смертностію. Но вы пріявъ его отъ рожденія вашего, нося его въ себѣ, намъ нужное частію сложенія, всѣ ваши болѣзни суть слѣдствія сея отравы. О, возлюбленные, мои плачьте о заблужденіи моего юношества, призовите на помощь врачебное искуство, и если можете меня не навидьте.

Но теперь отверзается очамъ моимъ все пространство сего любострастнаго злодѣянія. Согрѣшилъ предо мною, навлекши безвремянную старость и дряхлость въ юноше-

скихъ еще лѣтахъ. Согрѣшивъ предъ вами, отравивъ жизненныя ваши соки до рожденія вашего, и тѣмъ угодивъ вамъ тлѣнное здравіе и преждеременную можетъ быть смерть. Согрѣшилъ и сіе да будетъ мнѣ въ казнь, согрѣшилъ въ горячности моей, взявъ въ супружество мать вашу. Кто мнѣ порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины. Смертоносный ядъ испиваяся въ веселіи, пріяшеся въ чистое ея тѣло и отравилъ непорочныя ея члены. Тѣмъ смертоноснѣе онъ былъ, тѣмъ былъ сокровенѣе. Ложная стыдливость воспретила мнѣ ее въ томъ увѣдомить, она не остерегалася отравителя своего въ горячности своей къ нему; воспаленія, послѣ родовъ ей приключившееся, есть плодъ, можетъ быть, удѣленной ей мною отравы. О, возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидѣть!

Валдай.

Новый сей городокъ, сказываютъ, поселенъ при царѣ Алексѣе Михайловичѣ взятыми въ плѣнъ Поляками. Сей городъ достопамятенъ въ разсужденіи любовнаго расположенія его жителей, а особливо женщинъ не замужнихъ.

Кто не бывалъ въ Валдаѣ, кто не знаетъ Валдайскихъ баранокъ и Валдайскихъ разрумяненыхъ дѣвокъ? И я въ молодыя въ мои лѣта парился у нихъ въ банѣ. Всякаго проѣзжающаго наглыя Валдайскія и стыдъ сопрясшія дѣвки останавливаютъ и стараются возжигать въ путешественникѣ любострастіе, воспользоваться его щедростію, на щетъ своего цѣломудрія. Сравнивая нравы жителей сего города съ нравами другихъ Россійскихъ городовъ, подумаешь, что онъ наидревнѣйшій, и что развратныя нравы суть единыя остатки его древняго построенія. Но какъ не много болѣе 100 лѣтъ онъ поселенъ, то можно судить сколь развратны были и первыя его жители.

Бани бывали и нынѣ бываютъ мѣстомъ любовныхъ торжествованій. Путешественникъ, условясь о пребываніи своемъ съ услужливою старушкою, или парнемъ, становиться на дворъ, гдѣ намѣренъ былъ приносить жертву всеобожаемой Ладѣ. Настала ночь. Баня для него уже уготована. Путешественникъ раздѣвается. Идетъ въ баню, гдѣ его встрѣчаютъ или хозяйка если молодая, или ея дочь, или свойственницы ее, или сосѣдки. Оттираютъ его утомленные члены, омываютъ его грязь. Сіе произво-

дятъ совлекши съ себя одежды, возжигаютъ въ немъ любострастный огонь, и онъ препроводитъ тутъ нощь, теряя деньги, здравіе и драгоценное на путешествіе время. Бывало сказываютъ, что оплошнаго и отягченнаго любовными подвигами и виномъ путешественника сіи любострастныя чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его имѣніемъ. Не вѣдаю правда ли сіе. Но то правда, что наглость валдайскихъ дѣвокъ сократилась. И хотя онѣ не откажутся удовлетворить желаніе путешественника; но прежней наглости въ нихъ не видно.

Нравы Валдайскія преселилися и въ близь лежащій почтовый станъ Зимогорье. Тутъ для путешественника такая же бываетъ встрѣча, какъ и въ Валдаѣ: прежде всего представятся разрумяненныя дѣвки съ баранками.

Но какъ молодыя лѣта мои уже прошли, то я поспѣшно разстаюся съ мазанными Валдайскими и зимогорьскими сиренами.

Едрово.

Доѣхавъ до жилья, я вышелъ изъ моей кибитки; неподалеку отъ дороги, надъ водою, стояло много бабъ и дѣвокъ. Страсть гос-

подствующая во всю жизнь надо мною, но уже почти угасшая, по обыкновенному ея стрѣмленію направила стопы мои къ толпѣ сельскихъ сихъ красавицъ. Они состояли болѣе нежели изъ тридцати женщинъ. Всѣ они были въ праздничной одеждѣ, шеи голыя, ноги босы, локти наружѣ, платье заткнутое съ переди за поясъ, рубахи бѣлыя, здоровье на щекахъ начерченное, пріятности загрубѣвшія хотя отъ зноя и холода, но пріятности безъ покрова хитрости. Красота юности въ полномъ блѣскѣ, въ устахъ улыбка, или сердечный смѣхъ; а отъ него видны становятся ряды зубовъ бѣлѣе чистѣйшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголихъ съ ума свели. Пріѣзжайте любезные наши барыньки Московскія и Петербургскія, посмотрите на ихъ зубы, учитесь у нихъ какъ ихъ содержать въ чистотѣ. Зубнаго врача у нихъ нѣтъ. Не сдираютъ они каждый день лоску съ зубовъ своихъ ни щетками ни порошками. Станьте съ которою вы изъ нихъ хотите ротъ со ртомъ; дыханіе ни заразитъ вашего легкаго...

У васъ на щекахъ румяна, но искренности.... сажа: все равно румяна или сажа въ глазахъ разума. Я побѣгу отъ васъ во всю конскую рысь къ моимъ деревенскимъ

красавицамъ. Есть ужъ между ими на васъ похожія, но есть такія, каковыхъ въ городахъ слыхомъ не слыхано и видомъ не видано.... но я еще все съ вами болтаю. — Посмотрите, какъ всѣ члены у моихъ красавицъ. Круглы, рослы, не искривлены, не испорчены. Вамъ смѣшно что у нихъ ступны въ 5 вершковъ, а можетъ быть и въ шесть. Ну, любезная моя племянница, съ трехъ вершковою твоею ножскою стань съ ней рядомъ и бѣгите въ запуску, кто скорѣе достигнетъ высокой березы по конецъ луга стоящей? А-а, это не твое дѣло! — а ты сестрица, моя голубушка, съ трехъ четвертнымъ своимъ станомъ въ охватѣ, ты изволишь издѣваться, что у сельской моей русалки брюшко на волѣ выросло. Постой, моя голубушка, посмѣюсь и я надъ тобою ты ужъ 10-й мѣсяцъ замужемъ, и ужъ трехчетвертной твой станъ изуродовался. А какъ то дойдетъ до родовъ запоешь другимъ голосомъ. Но дай то Богъ, чтобы обошлось все смѣхомъ. Дорогой мой зятюшка ходитъ, повѣся носъ. Уже всѣ твои шнурованья бросилъ въ огонь. Кости изъ всѣхъ твоихъ платьевъ повытаскалъ, но уже поздно. Сросшихся твоихъ на кривъ суставовъ тѣмъ не спрямишь. Плачь, мой любезный зять, плачь!

Мать наша, послѣдуя плачевной и смертію разрѣшающихся отъ бремени женъ ознаменованной модѣ, уготовала за многія лѣта тебѣ печаль, а дочери своей — болѣзнь, дѣтямъ твоимъ слабое тѣлосложеніе. Она теперь возноситъ надъ главою ея смертное остріе; и если оно не коснется дней твоея супруги, благодари случай, а если вѣрить, что и провидѣніе Божіе о томъ заботилося, то благодари и его. Но я еще съ городскими барынями.—Вотъ что дѣлаетъ привычка: и отвязаться не могу. Право съ вами бы не расстался, если бы могъ довести васъ до того, что бы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте. — Покуда я глядѣлъ на моющихъ платья деревенскихъ нимфъ, кибитка моя уѣхала отъ меня, я намѣрился идти за ней въ слѣдъ, какъ одна дѣвка по виду лѣтъ 20, а конечно не болѣе 17, положа мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мною дорогою. Я, поровнявшись съ ней, началъ съ ней разговоръ: не трудно ли тебѣ нести такую тяжелую ношу, любезная моя, какъ назвать не знаю?—Меня зовутъ Анною, а ноша моя не тяжела. Хотя бы и тяжеле была я бы тебя, баринъ, не попросила мнѣ пособить. — Къ чему такая суровость, Аннушка, душа моя, я тебѣ ху-

дова не желаю. — Спасибо, спасибо, часто мы видимъ такихъ щелкуновъ какъ ты, пожалуй поди своей дорогой.—Анютушка, я право не таковъ, какъ я тебѣ кажусь и нетаковъ какъ тѣ, о которыхъ ты говоришъ. Тѣ, думая такъ, не начинаютъ, а съ деревенскими дѣвками начинаютъ поцѣлуемъ, но я хотя бы тебя и поцѣловалъ, то конечно бы такъ какъ сестру мою родную. — Не подъѣзжай пожалуй, расказы таковыя я слыхала. А коли ты худаго не мыслишь, чего же ты отъ меня хочешь?—Душа моя Аннушка, я хотѣлъ знать есть ли у тебя отецъ и мать, какъ ты живешъ богато ли или убого, весело ли, есть ли у тебя женихъ?—А на что это тебѣ, баринъ. Отъ роду въ первый разъ такія рѣчи слышу?—Изъ сего судить можешь, Анета, что я не негодный и не хочу тебя обругать или обезчестить. Я любилъ женщинъ для того, что онѣ соотвѣтственное имѣютъ сложеніе моей нѣжности, а болѣе люблю сельскихъ женщинъ или крестьянокъ для того, что онѣ не знаютъ еще притворства, не налагаютъ на себя ласку притворныя любви, а если любятъ, то любятъ отъ всего сердца, и искренно. Дѣвка въ сіе время смотрѣла на меня съ удивленіемъ. Да и такъ было бы должно; ибо кто незнаетъ,

съ какою наглостью дерзская рука поползается на непристойныя и оскорбительныя цѣломудрію шутки съ деревенскими дѣвками? Онѣ въ глазахъ старыхъ и молодыхъ— твари, созданныя на ихъ угожденіе. Такъ они и поступаютъ, а особливо съ нещастными подвластными ихъ велѣніямъ. Въ бывшее Пугачевское возмущеніе, когда всѣ служители вооружались на своихъ господъ, крестьяне (повѣсть сія не лжива) связавъ своего господина везли на неизбѣжную казнь. Какая тому была причина? Онъ во всемъ былъ господинъ добрый и человѣколюбивый, но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочерѣ. Каждую ночь посланныя его приводили къ нему на жертву безчестія имъ того дня назначенную. Извѣстно въ деревнѣ было, что онъ смерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая команда выручила сего варвара изъ рукъ, на него злобствовавшихъ. Глупые крестьяне, вы искали правосудія въ самозванцѣ, почто не повѣдали вы сего законнымъ судіямъ вашимъ? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны осталися. А теперь злодѣй сей спасенъ, блаженъ если близкій взоръ смерти образъ мыслей его перемѣнитъ и дастъ жизненнымъ сокамъ другое

теченіе. Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, слѣдовательно противъ господина своего — возрыдавъ скажу — судиться не можетъ. Средство къ сему конечно будетъ то, чтобы и помѣщичьи крестьяне судимы были въ расправахъ и выбираемы были въ засѣдатели нижнихъ судовъ.—Если баринъ ты не шутишь, сказала мнѣ Анюта, то вотъ что я скажу тебѣ: у меня отца нѣтъ,—онъ умеръ года съ 2, есть матушка, да маленькая сестра. Батюшка намъ оставилъ 5 лошадей, три коровы. Есть и мѣлкаго скота и птицъ довольно. Но нѣтъ въ домѣ работниковъ. Меня было сватали въ богатый домъ, за парня 10 лѣтъ отъ роду; но я не захотѣла. Что мнѣ въ такомъ ребенкѣ, я его любить не буду. А какъ онъ придетъ въ пору, то скоро состарѣюсь и онъ будетъ таскаться съ чужими. Да сказываютъ, что свекръ самъ съ молодыми невѣсками спитъ, покуда сыновья выростаютъ. Мнѣ для того то и не захотѣлось итти въ эту семью. Я хочу себѣ ровню мужа. Буду любить, да и онъ меня любить будетъ, въ томъ не сомнѣваюсь. Гулять я съ молодцами не люблю, а замужъ баринъ хочется, да знаешь ли баринъ для чего? говорила Анета, потупя глаза. — Скажи душя моя, Анета, не стыдись, всѣ слова

въ устахъ невинности, непорочны суть — вотъ что я тебѣ скажу. Прошлымъ лѣтомъ годъ тому назадъ у сосѣда нашего женился сынъ на моей подругѣ, съ которой я хаживала всегда въ посидѣнки, мужъ ее такъ любитъ, и она его такъ любитъ, что на 10 мѣсяцъ послѣ вѣнчанья, она родила сынка. Всякой вечеръ она выходитъ пѣстовать его заворота. Она на него не наглядится, кажется будто и паренёкъ то матушку свою ужъ любитъ. Какъ она скажетъ ему агу, агу, онъ и засмѣется, мнѣ это до слезъ всякой день, мнѣ бы ужъ хотѣлось имѣть такого паренька. Я не могъ тутъ вострепѣть и обнявъ Анету поцѣловалъ ее отъ всего сердца моего. — Смотри, баринъ, какой ты обманщикъ, и ты ужь играешь со мною. Поди, сударь, прочь отъ меня, оставь бѣдную сироту, сказала Анета заплакавъ. Кабы батюшка живъ былъ и это видѣлъ тобы даромъ что господинъ, нагрѣлъ бы тебѣ шею. — Неоскорбляйся, моя любезная Анетушка, не оскорбляйся, поцѣлуй мой не осквернитъ твоей не порочности, она въ глазахъ моихъ священна. Поцѣлуй мой есть залогъ моего къ тебѣ почтенія и былъ исторгнутъ восхищеніемъ глубокотронутыя души. Небойся меня, любезная Анета, неподобенъ хищно-

му звѣрю, какъ наши молодые господчики, которые отъятіе не порочности ни вочто вмѣняютъ. Если бы я зналъ, что поцѣлуй мой тебя оскорбитъ, то клянусь тебѣ Богомъ, чтобы не дерзнулъ и до него. — Разсуди самъ, баринъ, какъ не осердится за поцѣлуй, когда они всѣ посулены ужъ другому? Они заранѣ всѣ уже отданы и я въ нихъ не власна.—Ты меня восхищаешъ, ты уже любить умѣешь? Ты нашла сердце своему другое, ему соотвѣтствующее? Ты будешь блаженна ничто не развратитъ союза вашего... Небудешь ты окружена хищными согладатаями, въ сѣти пагубы уловить тебя стерѣгущими. Небудетъ слухъ сердечнаго друга твоего уязвленъ прельщающимъ гласомъ, на сокрушенія его къ тебѣ вѣрности призывающимъ. Но почто же моя любезная, Анета, ты лишена удовольствія наслаждатся счастіемъ въ объятіяхъ твоего милаго друга? — Ахъ, баринъ, для того, что его не отдаютъ къ намъ въ домъ, просятъ сто рублей. А матушка меня не отдаетъ, я у нея одна работница.—Да любитъ ли онъ тебя?—Какъ же не такъ? Онъ приходитъ повечерамъ къ нашему дому и мы вмѣстѣ смотримъ на паренька моей подруги. Баринъ, ему хочется такого же паренька. Грусно

мнѣ будетъ, но надо тѣрпѣть; Ванька мой хочетъ итти на баркахъ въ Питеръ въ работу и не воротится, покуда не выробатаетъ 100 р. для своего выкупа. — Непускай ево, любезная Анетушка, не пускай ево, онъ идетъ на свою погибель. Житье городское для крестьянина погибель. Тамъ онъ научиться пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего онъ тебя и любить перестанетъ можетъ быть. А тѣмъ скорѣе если случится служить на барскомъ домѣ. Господскій примѣръ заражаетъ верхнихъ служителей, нижніе заражаются отъ верхнихъ, а отъ нихъ язва разврата достигнетъ и до деревень. Худой примѣръ есть истинная чума, кто его не видитъ, всякъ тоже дѣлаетъ. — Да какъ же быть? — такъ мнѣ и вѣкъ за нимъ небывать. Ему пора уже жениться, по чужимъ онъ изгуляется, меня не отдаютъ къ нему въ домъ, то высватаютъ другую, а я, бѣдная, умру съ горя. Сіе говорила она, проливая горькія слезы.— Нѣтъ, моя любезная Анетушка, ты завтра же будешь замужемъ. Повѣди меня къ своей матерѣ. — Да вотъ нашъ дворъ, сказала она остановясь, проходите мимо, матушка меня увидитъ, и худое подумаетъ. А хотя она меня и не бьетъ, но слово ее одно

мнѣ тяжелѣе всякихъ побоевъ.—Нѣтъ, моя Анета, я пойду съ тобою. И, не дожидаясь ея отвѣта, вошелъ въ ворота и прямо пошелъ на лѣстницу и въ избу. Анета мнѣ кричала въ слѣдъ, постой, баринъ, постой. Но я ей не отвѣчалъ. Въ избѣ нашелъ я Анетину мать, которая квашню мѣсила, подлѣ нея на лавкѣ сидѣлъ будущій ея зять. Они удивилися моему приходу. Я безъ дальнихъ околичностей ей сказалъ, что я желаю чтобъ дочь ея была замужемъ за Иваномъ, и для того принесъ ей то, что надобно для отвлеченія препятствія въ семъ дѣлѣ. — Спасибо баринъ, сказала старуха, въ этомъ теперь ужъ нѣтъ нужды. Ванюха теперь пришелъ сказывалъ, что отецъ ужъ отпускаетъ его ко мнѣ въ домъ. И у насъ въ Воскресенье будетъ свадьба. — Пускай же посуленное отъ меня будетъ Анетѣ въ приданое. — И на томъ спасибо, приданое бояре дѣвкамъ даромъ не даютъ. Если вы надъ моей Анютой что сдѣлали и за то даете ей приданое; то Богъ васъ накажетъ за ваше безпутство, а денегъ я не возьму. Если же добрый человѣкъ и не наругаешься надъ бѣдными, то взявъ отъ тебя деньги, лихіе люди мало ли что подумать могутъ. Я не могъ надивится, нашедъ толико бла-

городства въ образѣ мыслей у сельскихъ жителей. Анета между тѣмъ вошла въ избу, и матери своей меня расхвалила. Я было попытался еще имъ дать денегъ, отдавая ихъ Ивану на заведеніе дому. Но онъ мнѣ сказалъ: у меня баринъ есть двѣ руки и ими я домъ заведу. Примѣтивъ, что мое присутствіе было имъ не очень пріятно, я ихъ оставилъ, и возвратился къ моей кибиткѣ.

Ѣдучи изъ Бронницъ, Анета изъ мысли моей не выходила откровенность ея невинности мнѣ нравилася безмѣрно. Благородный поступокъ ея матери меня плѣнилъ. Я сію почтенную мать съ засученными рукавами за квашнею, или съ подойникомъ подлѣ коровы, сравнивалъ съ городскими матерями. Крестьянка не хотѣла у меня взять непорочныхъ, благоумышленныхъ 100 р., которыя въ соразмѣрности состояній долженствуетъ быть, для полковницы, совѣтницы, маіорши, генеральши, 50, 15 тысячь или болѣе; если еслиже Г. Полковницѣ, Маіоршѣ, Совѣтницѣ или Генеральшѣ (въ соразмѣрности моего положенія къ Бронницкой ямщичкѣ), у которой дочка или дочки лицемъ не дурны, или только что дѣвы и того уже довольно, знатный баринъ 70-й

или чего Боже сохрани, 72-й пробы, посулитъ 5, 10, 15 тысячь или глупое знатное приданое, или сыщетъ чиновнаго жениха, или выпроситъ въ почетныя дѣвицы, то я васъ спрашиваю, городскія матушки, не юкнетъ ли у васъ сердечко, не захочется ли видѣть дочьку въ позлащенной каретѣ, въ бриліантахъ, ѣдущею четвернею, если ты ходишь пѣшкомъ, ѣдущую цугомъ въ мѣсто двухъ заморенныхъ клячь, которыя тебя тоскаютъ, или ѣдущую въ придворной каретѣ, въ мѣсто собственной шестилошадной. Я согласенъ въ томъ съ вами, чтобы вы обрядъ и благочиніе сохранили, и не такъ легко сдалися, какъ феатральныя дѣвки. Нѣтъ, мои голубушки, я вамъ даю сроку на мѣсяцъ, на два, но не болѣе. А если заставите воздыхать первостатейную безплодно, то онъ, будучи занятъ дѣлами государственными, васъ оставитъ, дабы не терять съ вами драгоцѣннаго времени, которое онъ лучше употребитъ на пользу общественную. Тысяча голосовъ на меня подымится, ругаютъ меня самыми мерзкими названіями. Голубушки мои успокойтесь, я вашей чести не поношу, поглѣдитесь въ сіе зеркало и кто изъ васъ себя въ немъ узнаетъ, то брани меня безъ всякаго милосердія, жалобницы

на ту я не подамъ и судя по формѣ говорить съ ней не стану.

Анета, Анета, ты мнѣ голову скружила, для чего я тебя не узналъ лѣтъ 15 тому назадъ. Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновенію неприступная научила бы меня ходить во стезяхъ цѣломудрія. Для чего первый мой въ жизни поцѣлуй не былъ тотъ, который я на щекѣ твоей примѣтилъ въ душевномъ восхищеніи. Отраженіе твоея жизненности проникнули бы въ глубину моего сердца, и я избѣгнулъ бы скаредностей, житіе мое исполнившихъ. Я бы удалился отъ смрадныхъ темницъ любострастія, почтилъ бы ложе супружества, ненарушилъ бы союза родства, моею плотскою несытостію, дѣвственности же коснутися не дерзнулъ бы. О моя Анетушка, сиди всегда у перевоза и давай наставленія твоею незастѣнчивою невинностію. Увѣренъ въ сердце моемъ, увѣренъ, что обратишь на путь добродѣланія, начинающаго съ онаго совращатися, и укрѣпишь въ немъ къ совращенію наклоннаго. Не востревожся, если закоренѣлый въ развратности, посѣдѣлый въ объятіяхъ безпудства, мимо тебя пройдетъ и тебя презритъ. Не тщися воспретить его шествія услажденіемъ твоего разговора.

Сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Не можетъ благодѣтельное жало невинныя добродѣтели, положить на немъ глубокія черты. Конецъ его скользнетъ по поверхности гладко затвердѣлаго порока. Блюди, да о нее остріе твое не притупится. Но не пусти миновати взоровъ твоихъ юношу, опасными лѣпоты прелѣстями облеченнаго, улови его въ свои сѣти. Онъ гордъ, надмѣненъ, порывистъ, наглъ, дерзновененъ, обидящь, уязвляющь кажется. Но сердце его уступитъ твоему впечатленію, и отверзется на воспріятіе благотворнаго твоего примѣра. Анета, я съ тобой не могу разстаться, хотя уже вижу 20-й столбъ отъ тебя. Но что такое за обыкновеніе, о которомъ мнѣ Анета сказывала. Ее хотѣли отдать за 10 лѣтняго ребенка. Кто могъ такой союзъ дозволить, почто не ополчится рука, законы хранящая, на искорененіе толикаго злоупотребленія? Въ христіанскомъ законѣ бракъ есть таинство, въ гражданскомъ соглашеніе или договоръ. Но таинство или договоръ, какой священнослужитель можетъ не равный бракъ благословить, или какой судія можетъ его вписать въ свой дневникъ? Гдѣ нѣтъ соразмѣрности въ лѣтахъ, тамъ и брака быть не можетъ. Сіе запрещаютъ правила есте-

ственности, яко вещь безполезную для человѣка, сіе запрещать долженствовалъ бы законъ гражданскій, яко вредную для общества. Мужъ и жена въ обществѣ суть два гражданина, дѣлающіе договоръ, въ законѣ утвержденный, которымъ обѣщеваются прежде всего на взаимное чувствъ услажденіе. (Да не дерзнетъ здѣсь никто оспорить первѣйшій законъ сожитія, на коемъ основано общество, начало любви непорочнѣйшія, и твердый камень основанія супружескаго согласія). Обѣщеваются жить вмѣстѣ, общее имѣть стѣжаніе, возрощать плоды своея горячности и дабы жить мирно, другъ друга не уязвлять. При неровенствѣ лѣтъ, можно ли сохранить условія сего соглашенія? Если мужъ 10-ти лѣтъ, а жена 25-ти, какъ то бываетъ часто въ крестьянствѣ, или если мужъ 50, а жена 15 или 20 лѣтъ, можетъ ли быть взаимное чувствъ услажденіе? Скажите вы мнѣ мужья-старички, но скажите по совѣсти, стоите ли вы названія мужа, вы можете только возжечь огонь любовной, не въ состояніи оной утушить. И такъ единый изъ первѣйшихъ законовъ природы нарушается. А мудрый законодатель утверждаетъ только естественный законъ, а тѣмъ и положительной бываетъ тверже возрощать

плоды взаимной горячности. Но можетъ ли быть тутъ взаимность, гдѣ съ одной стороны пламя, съ другой не чувствительность. Можетъ ли быть тутъ плодъ, если насажденное древо лишается благодѣтельнаго дождя и питающей росы. А если онъ когда и будетъ, то будетъ онъ тощь, невзраченъ, и скорому подверженъ тлѣнію. Не узвлять другъ друга. Правило предвѣчное, вѣрное. Буде счастливою въ супругахъ симпатіею чувства ихъ равномѣрно услаждаются, то союзъ брачный будетъ благополученъ, малыя домашнія волненія скоро остываютъ при нашествіи веселія. И когда мразъ старости подернетъ чувствительность къ чувственному веселію непроницаемою корою. Тогда на поминовеніе прежднихъ утѣхъ успокоитъ брюзгливою древность лѣтъ. Одно условіе брачнаго договора можетъ и въ неравенствѣ быть исполняемо, Жить вмѣстѣ. Но будетъ ли въ томъ взаимность. Одинъ будетъ начальникъ самовластный, имѣя въ рукахъ силу, другой будетъ слабый подданникъ, велѣнія господина своего исполнять только могущій — вотъ Анета благія мысли тобою, мнѣ внушенныя. Прости, любезная моя Анетушка, поученія твои вѣчно пребудутъ въ сердцѣ моемъ впечатлены и сыны сыновъ моихъ да насладятся въ нихъ.

Хотиловъ.

. . . . . .

. . . . . .

Вышній Волочекъ.

Никогда не проѣзжалъ я сего новаго города, чтобы не посмотрѣть здѣшнихъ шлюзовъ. Первый, которому на мысль пришло уподобиться природѣ въ ея благодѣяніяхъ, и сдѣлать рѣку рукодѣльною, дабы всѣ концы единыя области, въ вящее привести сообщеніе, достоинъ памятника для дальнѣйшаго потомства.

Римляне строили большія дороги, водоводы, коихъ прочности и нынѣ по справедливости удивляются; но о водяныхъ сообщеніяхъ, каковыя есть въ Европѣ, они не имѣли понятія. Дороги, каковыя у Римлянъ бывали, наши не будутъ никогда; препятствуетъ тому наша долгая зима и сильныя морозы, а каналы и безъ обдѣлки не скоро заровняются.

Не мало увѣселительнымъ было для меня зрѣлищемъ, вышневолодскій каналъ, наполненный барками, хлѣбомъ и другимъ товаромъ нагруженными и пріуготовляющимися къ прохожденію сквозь слюзъ, для дальнѣйшаго плаванія до Петербурга. Тутъ видно

было истинное земли изобиліе, и избытки земледѣлателя; тутъ явенъ былъ во всемъ своемъ блѣскѣ, мощный побудитель человѣческихъ дѣяній, корыстолюбіе. Но если при первомъ взглядѣ, разумъ мой усладился видомъ благосостоянія, при раздробленіе мыслей скоро увяло мое радованіе. Ибо вспомянулъ, что въ Россіи многіе земледѣлатели, не для себя работаютъ; и такъ изобиліе земли во многихъ краяхъ Россіи доказываетъ, отягченный жребій ея жителей. Удовольствіе мое перемѣнилося въ равное негодованіе съ тѣмъ, какое ощущаю ходя въ лѣтнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящіе къ намъ избытки Америки, и другія ея произращенія, какъ-то: сахаръ, кофе, краски и другія, неосушившіяся еще отъ пота, слезъ и крови ихъ омывшихъ при ихъ воздѣланіи. Вообрази себѣ, говорилъ мнѣ нѣкогда мой другъ, что кофе налитой въ твоей чашкѣ и сахаръ распущенной въ ономъ лишали покоя тебѣ подобнаго человѣка, что они были причиною, превосходящихъ его силы, трудовъ, причиною его слезъ, стенаній, казни и поруганія; дерзай жестокосердый усладить гортань твою. Видъ прещенія сопутствующій сему изреченію, поколебнулъ меня до внут-

ренности. Рука моя задрожала и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга, питающіеся избытками изобильныхъ краевъ отечества вашего, при великолѣпныхъ пиршествахъ, или на дружескомъ пиру или на единѣ, когда рука ваша вознесетъ первый кусокъ хлѣба, опредѣленный на ваше насыщеніе, остановитеся и помыслите. Не тоже ли я вамъ могу сказать о немъ, что другъ мой говорилъ мнѣ о произведеніяхъ Америки. Не потомъ ли, не слезами ли и стенаніемъ утучнялися нивы, на который оныхъ возросъ. Блаженны, если кусокъ хлѣба вами алкаемый, извлеченъ изъ классовъ родившихся на нивѣ, казенною называемой, или по крайнѣй мѣрѣ, на нивѣ оброкъ помѣщику своему платящій. Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна лежавшаго въ житницѣ дворянской. На немъ почили скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалося проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвѣ своемъ рѣкъ: проклята земля въ дѣлахъ своихъ. Блюдите да не отравлены будете, вожделенною вами пищею. Горькая слеза нищаго тяжко на ней возлегаетъ. Отрините ее отъ устъ вашихъ; поститеся, се истинное и полезное можетъ быть пощеніе.

Повѣствованіе о нѣкоторомъ помѣщикѣ докажетъ, что человѣкъ корысти ради своей забываетъ человѣчество въ подобныхъ ему, и что за примѣромъ жестокосердія, неимѣемъ нужды ходить въ дальныя страны, ни чудесъ искать за тридевять земель; въ нашемъ царствѣ они въ очью совершаются.

Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчію называютъ, щастія, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, напримѣръ во сто или въ двѣсти душъ, опредѣливъ себя, искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ, все возможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіемъ, ни воли ни побужденія не имѣющимъ; и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бою грудою, а въ единственности ничего незначущимъ. Для достиженія своея цѣли, онъ отнялъ у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на

необходимое пропитаніе, даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ, *нѣкто,* всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ имянемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а пообыкновенію Лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на городскомъ дворѣ, употребляя, для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя шти, а въ посты и посные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ.

Таковымъ узникамъ, производилася также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одѣжда. Обувь для зимы, т. е. лапти дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего; а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно у таковыхъ узниковъ небыло ни коровы ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ, господинъ у нихъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.

При таковомъ заведѣніи неудивительно, что земледѣліе въ деревнѣ *Г. Пѣкто,* было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ четвертъ; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ десятъ и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ, онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію, и поступая съ сими равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами, и славится какъ знаменитый земледѣлецъ.

Варваръ! Недостоинъ ты носить имя гражданина. Какая польза Государству, что нѣсколько тысячь четвертей въ годъ, болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, щитаются на равнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирати борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобъ полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? Чтобы одинъ благословлялъ правительство, а не тысящи? Богатство сего кровопійца ему не принадлежитъ. Оно нажито грабежемъ и заслуживаетъ строгаго въ законѣ наказанія. И суть люди, которыя взирая на утучненныя нивы сего палача, ставятъ его въ

примѣръ усовершенствованія въ земледѣліи. И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благѣ общемъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Мѣдное [1]).

«Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ай люли, люли, люли, люли!»... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ пляшутъ.... Уши мои задернулись печалію, и радостный гласъ нахитростнаго веселія, до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся Россійская Имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. не въ состояніи или не хочетъ платить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое или проигранное, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про.... или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими либо случаями, вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется. Публикуется: —

---

[1]) Передъ этимъ пропущены двѣ главы — „Выдропускъ“ и „Торжокъ“.ъ

«Сего... дня по полученіи въ 10 часовъ, по «опредѣленію Уѣзднаго Суда, или Городо-«ваго Магистрата, продоваться будетъ съ «публичнаго торга, отставнаго капитана Г... «недвижимое имѣніе, домъ состоящій въ ... «части, подъ №... и при немъ шесть душъ «мужескаго и женскаго пола; продажа бу-«детъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ «осмотрѣть заблаговременно.»

На дешевое охотниковъ всегда много. Наступилъ день и часъ продажи. Покупщики съѣзжаются. Въ залѣ гдѣ оныя производится, стоятъ неподвижны, на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ 75, опершись на вязовой дубинкѣ жаждетъ угадать, кому судьба его отдастъ въ руки, кто закроетъ его глаза. Съ отцомъ господина своего онъ былъ въ Крымскомъ походѣ, при Фельдмаршалѣ Минихѣ; въ Франкфуртскую баталію, онъ раненаго своего господина, унесъ на плечахъ изъ строю. Возвратясь домой былъ дядькою своего молодаго барина. Во младенчествѣ онъ спасъ его отъ утопленія, бросаясь за нимъ въ рѣку, куда сей упалъ переѣзжая на паромѣ и съ опасностію своей жизни, спасъ его. Въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы, куда посаженъ былъ за долги, въ бытность свою въ гвардіи унтеръ

Офицеромъ.—Старуха 80 лѣтъ, жена его, была кормилицею матери молодаго своего барина; его была нянькою, и имѣла надзираніе за домомъ, до самаго того часа, какъ выведена на сіе торжище. Во все время службы своея ничего у господъ своихъ неутратила, ничѣмъ не покорыстовалась, не когда не лгала, а если и когда имъ досадила, то развѣ своимъ праводушіемъ. Женщина лѣтъ въ 40 вдова, кормилица молодаго своего барина. И до днесь чувствуетъ она еще къ нему нѣкоторую нѣжность. Въ силахъ его льется ея кровь. Она ему вторая мать, и онъ ей болѣе животомъ своимъ обязанъ, нежели природной своей матери. Сія зачала его въ веселіи, о младенчествѣ его нерадѣла. Кормилица и нянька его были воспитанницы. Онѣ съ нимъ разстаются, какъ съ сыномъ.—Молодица 18 лѣтъ дочь ея и внучька стариковъ. Звѣрь лютый, чудовище, извергъ! Посмотри на нее, посмотри на румяныя ея ланиты, на слезы ліющіяся изъ ея прелестныхъ очей. Не ты ли, не возмогши прельщеніемъ и обѣщаніями уловить ея невинности, ни устрашать ея непоколебимости угрозами и казнію, наконецъ употребленъ обманъ, обвѣнчавъ ее за спутника твоихъ мерзостей, и въ видѣ его насла-

дился веселіемъ, котораго она дѣлить съ тобою гнушалася. Она узнала обманъ твой. Вѣнчанной съ нею не коснулся болѣе ея ложа; и ты лишенъ ставъ твоея утѣхи, употребилъ насиліе. Четыре злодѣя исполнители твоея воли, держа руки ея и ноги... но сего не окончаемъ. На челѣ ея скорбь въ глазахъ отчаяніе. Она держитъ младенца, плачевный плодъ обмана или насилія, но живой слѣпокъ прелюбодѣйнаго его отца. Родивъ его позабыла отцево звѣрство, и сердце начало чувствовать къ нему нѣжность. Она боится, чтобы не попасть въ руки ему подобнаго.—Младенецъ... твой сынъ, твоя кровь. Дѣтина лѣтъ 25 вѣнчанный ея мужъ, спутникъ и наперстникъ своего господина. Звѣрство и мщеніе въ ево глазахъ. Раскаевается о своихъ къ господину своему угожденіяхъ. Въ карманѣ его ножъ; онъ его схватилъ крѣпко; мысль его отгадать не трудно.... Безплодное рвѣніе. Достанется другому. Рука господина твоего, носящаяся надъ главою раба непрестанно, согнетъ выю твою на всякое угожденіе. Гладъ, стужа, зной, казнь, все будетъ противъ тебя. Твой разумъ чуждъ благородныхъ мыслей, ты умереть не умѣешь. Ты склонишься и будешь рабъ духомъ, какъ и состояніемъ; а

еслибы восхотѣлъ противиться умрещъ въ оковахъ томною смертію. Судіи между вами нѣтъ. Незахочетъ мучитель твой самъ тебя наказывать, — онъ будетъ твой обвинитель. Отдастъ тебя градскому правосудію. Правосудіе! гдѣ обвиняемый не имѣетъ почти власти оправдаться. Пройдемъ мимо другихъ несчастныхъ выведенныхъ на торжищѣ.

Едва ужасоносный молотъ изпустилъ тупой свой звукъ, и четверо несчастныхъ узнали свою участь. Слезы, рыданіе, стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшія были тронуты. Окаменѣлыя сердца! почто безплодное соболѣзнованіе? О квакеры! если бы мы имѣли вашу душу, мы бы сложилися и купивъ сихъ несчастныхъ, даровали бы имъ свободу. Живъ многія лѣта въ объятіяхъ одинъ другаго, несчастные сіи къ поносной продажѣ, возчувствуютъ тоску разлуки. Но если законъ, иль лучше сказать, обычай варварской, ибо въ законѣ того не написано, дозволяетъ толикое человѣчеству посмѣяніе, какое право имѣете продовать сего младенца? Онъ незаконно рожденный. Законъ его освобождаетъ. Постойте я буду доноситель; я избавлю его. Если бы съ нимъ могъ спасти и другихъ! О счастіе! почто ты такъ обидѣло меня въ твоемъ раздѣлѣ?

Днесь жажду вкусите прелѣстнаго твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть къ богатству. Сердце мое столь было стѣснено, что выскочивъ изъ среды собранія, и отдавъ нещастнымъ послѣднею гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ. — Что тебѣ сдѣлалось? Ты плачешь! Возвратись, сказалъ я ему, не будь свидѣтелемъ страшнаго позорища. Ты проклиналъ нѣкогда обычай, варварской въ продажѣ черныхъ невольниковъ, въ отдаленныхъ селеніяхъ твоего отечества, возвратись, повторилъ, небудь свидѣтелемъ нашего затмѣнія, и да невозвѣстити стыда нашего твоимъ согражданамъ, бѣсѣдуя съ ними о нашихъ правахъ....

Тверь.

Стихотворство у насъ, говорилъ товарищъ мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихотвореніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ уразумѣвъ смѣшное въ польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По несчастію случилося, что Сумароковъ въ то же время былъ; и былъ отмѣнный стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ въ слѣдъ за нимъ, не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, опричъ ямба, какимъ писали сіи оба знаменитые мужа, Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ Іова, или псалмопѣвца дактилями, или если бы Сумароковъ, Семиру или Димитрія написалъ хореями, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опричь ямбовъ, и болѣе бы славы въ осмилѣтнемъ своемъ пріобрѣлъ трудѣ, описавъ взятіе Казани, свойственнымъ Епопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древней треухъ на Вергилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но желалъ бы я,

чтобы Омиръ между нами не въ ямбахъ явился, но въ стихахъ подобныхъ его, ексаметрахъ, и Костровъ хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы епоху въ нашемъ стихосложеніи; ускоривъ шествіе самой Поэзіи цѣлымъ поколѣніемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ, остановили Россійское стихосложеніе. Неутомимый возовикъ Тредьяковскій, не мало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи, глубокій пустили корень. Парнассъ окруженъ Ямбами и рифмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы не задумалъ писать диктилями, тому тотъ часъ Тредьяковскаго приставятъ дядькою и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекспира или Волтера. Тогда и Тредьяковскаго выроютъ изъ порозшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемохидѣ найдутся добрые стихи и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго къ благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо ко краестовію. Слышавъ долгое время единогласное въ стихахъ окончаніе безъ рифмы покажется грубо, негладко и нестройно. Та-

ково оно и будетъ доколѣ Французской языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувство наше, какъ гибкое и малодое древо, можно выростить прямо и криво, по произволенію. Сверхъ же того въ стихотвореніи такъ, какъ и во всѣхъ вѣщахъ можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, принята будетъ безъ прикословія. Но все модное мгновенно, а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Рассинъ, Волтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе, читаны будутъ доколѣ неистребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю я бѣсѣдовать съ вами, о разныхъ стихахъ Россійскому языку свойственныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль или анапестъ, всякъ знаетъ, если не много кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было не излишнѣе, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣнія коротки. Если совѣтъ мой можетъ что либо здѣлать, то я бы сказалъ, что Россійское стихотворство, да и самъ Россійскій языкъ, гораздо обаготились бы, еслибы переводы

стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо бы епетической поэмѣ свойственнѣе было, если бы переводъ Генріады небылъ въ ямбахъ, а ямбы не краесловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрекъ мирной мой товарищь, однимъ духомъ и съ толико поворотливостію языка, что я не успѣлъ ничего ему сказать на возраженіе хотя много кой чего имѣлъ на защищеніе ямбовъ и всѣхъ тѣхъ, которые ими писали.

Я и самъ продолжалъ онъ, заразительному послѣдовалъ примѣру, и сочинялъ стихи ямбами, но то были оды. У меня есть остатокъ одной изъ нихъ, всѣ прочія сгорѣли въ огнѣ; да и оставшеюся таже ожидаетъ участь, какъ и сестеръ ея, постигшая. Въ Москвѣ не хотѣли ее напечатать, по двумъ причинамъ, первая, что смыслъ въ стихахъ не ясенъ, и много стиховъ топорной работы, другая, что предмѣтъ стиховъ несвойственъ нашей землѣ. Я ѣду теперь въ Петербургъ, просить о изданіи ея въ свѣтъ, ласнаяся яко нѣжный отецъ своего дитяти, что ради послѣдней причины, для коей ее въ Москвѣ печатать не хотѣли снисходительно возрятъ на первую.

Я очень тому порадовался и хотѣлъ бы-

ло ему сказать, можетъ быть не пріятное, на его рѣчь, возраженіе, но колокольчикъ возвѣстилъ мнѣ, что въ дорогѣ складнѣе поспѣшать на почтовыхъ клячахъ, нежели карабкаться, на небаса, когда онъ съ норовомъ.

Городня.

Въѣзжая въ сію деревню не стихотворческимъ пѣніемъ, слухъ мой былъ ударяемъ но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставь изъ моей кибитки отпустилъ я ее къ почтовому двору любопытствуя узнать причину, примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50-ти держа за голову 20-ти лѣтняго парня, вопила: Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительской? Поля наши порастутъ травою; мохомъ наша хижина. Я бѣдная престарѣлая мать твоя, скитаться должна по міру.

Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? Кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроетъ мои очи при издыханій? Кто приметъ мое родительское благословѣніе! Кто тѣло предастъ общей нашей матери сырой землѣ. Кто придетъ воспомянуть меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза, не будетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи стояла дѣвка взрослая. Она также вопила. Прости мой другъ сердечный, прости мое красное солнышко. Мнѣ твоей невѣстѣ нареченной, не будетъ больше утѣхи ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою ни мужнею женою, Хотя бы безчеловѣчные наши старосты, дали бы намъ обвѣнчатися; хотя бы, мой милый другъ, хотя бы одну уснулъ ночиньку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. Авось ли Богъ меня помиловалъ, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшеніе.

Парень имъ говорилъ: перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ Государь на службу. На меня палъ жребій. Воля Божія. Кому не умирать тотъ живъ будетъ. Авось либо дослужуся до чи-

на. Не крушися моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку. Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Со всѣмъ другого рода слова, внялъ слухъ мой въ близъ стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ 30-ти, посредственнаго роста, стоящего бодро и весело по окрестъ стоящихъ взирающаго.

Услышалъ Господь Богъ молитву мою, вѣщалъ онъ. Достигли слезы несчастнаго до утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть не можетъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда ботажьемъ наказанъ небуду.

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господскій былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ, онъ отвѣтствовалъ: если бы, государь мой съ одной стороны, поставлена была висилица, а съ другой глубокая рѣка и стоя между двугъ гибелей, неминуемо бы должно было идти на право или на лѣво, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякій другой, избралъ бы бросится въ рѣку, въ надеждѣ, что преплывъ на другой брегъ опасность уже минется,

Ни кто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таковъ мой былъ случай. Хорошо бы и то когда бы тѣмъ и конецъ былъ, но умирать тошною смертію, подъ ботажьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнемъ поруганіи; государь мой, хотя холопей считаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но къ несчастію ихъ горчайшему они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своихъ собратій дворянъ.

И по истинѣ не ожидалъ я сказаннаго отъ одѣтаго въ смурый кафтанъ со бритымъ лбомъ. Но желая удовлетворить моему любопытству, я просилъ его, чтобы онъ увѣдомилъ меня, какъ будучи толь низкаго состоянія, онъ достигъ понятій, не достающихъ не рѣдко въ людяхъ, не свойственно называемыхъ благородными.

Если вы не поскучаете слышать моей повѣсти, то я вамъ скажу, что я родился въ рабствѣ; сынъ дядьки моего бывшаго господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовутъ уже меня Ванькою, ни поноситель-

нымъ именованіемъ, ни позыва не сдѣлаютъ свистомъ. Старый мой баринъ, человѣкъ добросердечный, разумной и добродѣтельной, нерѣдко рыдавшій надъ участью своихъ рабовъ, хотѣлъ за долговременныя заслуги отца моего, отличить и меня, давъ мнѣ воспитаніе на равнѣ съ сыномъ своимъ. Различія между нами почти не было, развѣ только то, что онъ на кафтанѣ носилъ сукно моего потонѣ. Чему учили молодаго боярина, тому учили и меня, наставленіи намъ во всемъ были одинаковы, и безъ хвастовства скажу, что во многомъ я лучше успѣлъ своего молодаго господина.

Ванюша, говорилъ мнѣ старый баринъ, счастіе твое зависитъ во всемъ отъ тебя, ты болѣе къ учености и нравственности имѣешь побужденій, нежели мой сынъ. Онъ по мнѣ будетъ богатъ, и нужды не узнаетъ, а ты съ рожденіемъ съ нею познакомился. И такъ старайся быть достоинъ моего о тебѣ попеченія. На 17-мъ году возраста молодаго моего барина отправленъ былъ онъ и я въ чужіи краи, съ надзирателемъ, коему предписано было, меня почитать сопутникомъ, а не слугою. Отправляя меня старый мой баринъ сказалъ мнѣ: надѣюсь, что ты возвратишься къ утѣшенію моему и своихъ

родителей. — Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства, но внѣ оныхъ ты свободенъ. Возвратяся же въ оное, узъ рожденіемъ твоимъ тебя положенныхъ, ты не обрящешъ. Мы отсутственны были 5 лѣтъ, а возвращались въ Россію; молодой мой баринъ въ радости видѣть своего родителя, а я признаюсь ласкаяся пользоваться сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніемъ. Сердце трепетало вступая опять въ предѣлы моего отечества. И по истинѣ предчувствіе его было не ложно. Въ Ригѣ молодой мой господинъ, получилъ извѣстіе о смерти своего отца. Онъ былъ ею тронутъ, я приведенъ въ отчаяніе. Ибо всѣ мои стараніи пріобрѣсти дружбу и довѣренность молодаго моего барина, всегда были тщетны. Онъ не только меня не любилъ, изъ зависти можетъ быть, тѣснымъ душамъ свойственной, но не навидѣлъ.

Примѣтивъ мое смятеніе, извѣстіемъ о смерти его отца произведенное, онъ мнѣ сказалъ, что сдѣланное мнѣ обѣщаніе не позабудетъ, если я того буду достоинъ. Въ первый разъ, онъ осмѣлился мнѣ сіе сказать, ибо получивъ свободу смертію своего отца, онъ въ Ригѣ же отпустилъ своего надзирателя, заплативъ ему за труды его щедро. Справедливость надлежитъ отдать бывшему мо-

ему господину, что онъ много имѣетъ хорошихъ качествъ, но робость духа и легкомысліе оные помрачаютъ.

Чрезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда, бывшій мой господинъ, влюбился въ изрядную лицемъ дѣвицу, но которая съ красотою тѣлесною, соединяла скареднѣйшую душу, и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надмѣнности своего происхожденія, отличностію почитала только внѣшность, знатность, богатство. Черезъ два мѣсяца она стала супругою моего барина, и моя повѣлительница.—До того времени я нечувствовалъ перемѣны въ моемъ состояніи, жилъ въ домѣ господина моего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ, но я предупреждалъ его иногда желанія, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дому, въ которомъ она опредѣлялося начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первой вечеръ на свадьбѣ и слѣдующій день, въ который я ей представленъ былъ супругомъ ея какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества; но въ вечеру, когда при довольно многолюдномъ собраніи, пришли всѣ къ столу, и сѣ-

ли за первый ужинъ у новобрачныхъ, и я по обыкновенію моему сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа, сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, тобы холопей за оный не сажалъ. Онъ взглянувъ на меня и движемъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, чтобъ я изъ за стола вышелъ; и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, колико чувствительно мнѣ было сіе уничиженіе. Я, скрывъ однакоже изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день не смѣлъ я показаться. Не навѣдываяся обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. Тоже было и въ слѣдующіе дни. Чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа осматривала домъ и разпредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ моимъ бариномъ. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи въ оныхъ, мнѣ въ посмѣяніе, но возвратясь домой мнѣ сказали ея приказъ, что отведенъ уголъ въ нижнемъ этажѣ съ холостыми офиціантами; гдѣ моя постѣля, сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ уже поставлены; все прочее она оста-

вила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ коихъ помѣстила своихъ дѣвокъ.

Что въ душѣ моей происходило сіе удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но дабы не занимать васъ излишнимъ можетъ быть повѣствованіемъ, госпожа моя вступивъ въ управленіе домомъ и находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи, и надѣла на меня ливрѣю. Малѣйшее мнимое опущеніе сея должности, влекло за собою пощечины, батожье, кошки! О, государь мой, лучше бы мнѣ не родится! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрости въ невѣжествѣ, недумавъ никогда, что есмь человѣкъ всѣмъ равный. Давно бы, давно бы избавилъ себя ненавистной мнѣ жизни, если бы не удерживало прещеніе вышняго надъ всѣми судей. Я опредѣлилъ себя сносить жребій мой терпѣливо. И сносилъ не токмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступилъ я своего обѣта, и не отъялъ у себя томныя остатки плачевнаго житія, при случившимся новомъ души уязвленіи.

Племянникъ моей барыни, молодецъ 18-ти

лѣтъ, сержантъ гвардіи, воспитаны во вкусѣ Московскихъ щегольковъ, влюбился въ горнишную дѣвку своей тетушки, и скоро овладѣвъ опытною ея горячностію, сдѣлалъ ея матерью. Сколь онъ нерѣшителенъ былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ семъ происшествіи нѣсколько смутился. Ибо тетушка его, узнавъ о семъ запретила входъ къ себѣ своей горнишной; а племянника побранила слегка. По обыкновенію милосердыхъ господъ, она намѣрилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдавъ ее за конюха за мужъ. Но какъ всѣ они были уже женаты, а беременной для славы дома надобенъ былъ мужъ, то хуже меня изъ всѣхъ служителей не нашла. И о семъ госпожа моя въ присутствіи своего супруга мнѣ возвѣстила, яко отмѣнную мнѣ милость. Не могъ я болѣе терпѣть поруганія.—Безчеловѣческая женщина! во власти твоей состоитъ меня мучить и уязвлять мое тѣло; говорите вы, что законы даютъ вамъ надъ нами сіе право. Я и сему мало вѣрю; но то твердо знаю, что вступать въ бракъ никто принужденъ быть не можетъ. Слова мои произвели въ ней звѣрское молчаніе. Обратясь потомъ къ супругу ея. — Неблагодарный сынъ человѣколюбиваго родителя, за-

былъ ты его завѣщаніе, забылъ и свое изреченіе; но не доводи до отчаянія души твоея благороднѣйшей, страшись! Болѣе сказать я не могъ, ибо по повѣленію госпожи моей, отведенъ былъ въ конюшню, и сѣченъ нещадно кошками. На другой день едва я могъ встать, отъ побоевъ, съ постѣли, и паки приведенъ былъ предъ госпожу мою. Я тебя прощу, говорила она, твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушкѣ, она тебя проситъ, и я любя ее въ самомъ преступленіи, хочу это для нее сдѣлать. Мой отвѣтъ сказалъ я ей, вы слышали вчера, другаго не имѣю. Присовокуплю только то, что просить на васъ буду начальство, въ принужденіи меня къ тому, къ чему не имѣете права. — Ну такъ пора въ солдаты, вскричала моя госпожа... Потерявшій путешественникъ въ страшной пустынѣ свою стезю, меньше обрадуется сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова. — Въ солдаты, повторила она и на другой день то было исполнено. Несмысленая! Мнѣ было то отрада, и какъ скоро мнѣ выбрили лобъ, то я почувствовалъ, что я переродился. Силы мои обновилися. Разумъ и духъ паки начали дѣйствовать. О надежда сладостное несчастному чувствіе пребуди

во мнѣ.—Слеза тяжкая но слеза горести и отчаянія изступила изъ очей его. Я прижалъ его къ сердцу моему. Лице его новымъ озарилось веселіемъ. Не все еще изчезло; ты вооружаешъ душу мою, вѣщалъ онъ мнѣ, противъ скорби, давъ чувствовать мнѣ, что бѣдствіе мое не безконечно...

Отъ сего несчастнаго я подошелъ къ толпѣ, среди которой увидѣлъ трехъ скованныхъ человѣкъ крѣпчайшими желѣзами. Удивленія достойно, сказалъ я самъ себѣ; взирая на сихъ узниковъ, теперь унылы, томны, робки, не токмо не желаютъ быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вмѣстить ихъ въ сіе состояніе, но обыкнувъ въ семъ званіи, становятся бодры, предпріимчивы, гнушаются даже прежняго своего состоянія. Я спросилъ у однаго близь стоящаго, которой по одеждѣ своей, приказнымъ служителемъ быть казался.—Конечно бояся ихъ побѣгу заключили ихъ въ толь тяжкія оковы.—Вы отгадали, они принадлежали одному помѣщику, которому понадобилися деньги на новую карету, и для полученія оной, онъ продалъ ихъ, для отдачи въ рекруты, казеннымъ крестьянамъ.

Я. Мой другъ ты ошибаешься, казенные крестьяне покупать не могутъ своей братіи.

Онъ. Не продажею оно и дѣлается. Господинъ сихъ несчастныхъ, взявъ по договору деньги, отпускаетъ ихъ на волю, они будто по желанію приписываются въ государственные крестьянѣ къ той волости, корая за нихъ платила деньги, а волость по общему приговору отдаетъ ихъ въ солдаты. Ихъ ведутъ теперь съ отпускными, для приписанія въ нашу волость.

Вольные люди, ничего не преступившіе, въ оковахъ, продаются какъ скоты! О законы! Премудрость ваша, что бываетъ только въ вашемъ слогѣ! Не явное ли и вамъ посмѣяніе! — Съ негодованіемъ отошелъ я отъ толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя не много имѣли твердости, утщетили бы удручительные помыслы своихъ тирановъ. Возвратимся... Друзья мои, сказалъ я плѣнникамъ въ отечествѣ своемъ вѣдаете ли вы, что если вы сами не желаете вступать въ воинское званіе, никто къ тому васъ теперь принудить не можетъ. Перестань баринъ шутить надъ горькими людьми. И безъ твоей шутки больно было разставаться одному съ дряхлымъ отцемъ,

другому съ малолѣтними сестрами, третьему съ молодою женою. Мы знаемъ, что господинъ насъ продалъ, для отдачи въ рекруты за тысячу руб. Если вы до сего времени не вѣдали, то вѣдайте, что въ рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могутъ, что вамъ отъ барина дана отпускная; и что васъ покупщики ваши хотятъ приписать въ свою волость, будто по вашей волѣ.—О если такъ баринъ, то спасибо тебѣ; когда насъ поставятъ въ мѣру, то всѣ скажемъ, что мы въ солдаты не хотимъ и что мы вольные люди. Прибавте къ тому, что васъ продалъ вашъ господинъ, не въ указное время, и что отдаютъ васъ насильнымъ образомъ [1]).

Легко себѣ вообразить можно радость распростершую на лицахъ сихъ несчастныхъ. Вспрянувъ отъ своего мѣста, и бодро потрясая свои оковы, казалося, что испытываютъ свои силы какъ бы ихъ свергнуть. Но разговоръ сей ввелъ было меня въ великія хлопоты, отдатчики рекрутскіе вразумѣвъ моей рѣчи, воспаленные гнѣвомъ; прискочивъ ко мнѣ, говорили, баринъ не въ

---

[1]) Во время рекрутскаго набора запрещается въ продажѣ крестьянъ совершать купчія. *Прим.* А. Н. Радищ.

свое мѣшаешся дѣло, отойди пока сухъ; и сопротивляющаго начали меня толкать столь сильно, что я съ поспѣшностію принуждаемъ былъ удалиться отъ сея толпы.

Подходя къ почтовому двору, нашелъ я еще собраніе поселянъ, окружающихъ человѣка въ разодранномъ сюртукѣ, нѣсколько козалося, пьянаго кривляющагося на предстоящихъ, которые, глядя на него, хохотали до слезъ. Что тутъ за чудо, спросилъ я у однаго мальчика, чему вы смѣетеся? А вотъ рекрутъ иноземецъ, по русски не умѣетъ пикнуть. Изъ рѣдкихъ словъ имъ изреченныхъ, узналъ я, что онъ былъ Французъ. Любопытство мое паче возбудилося; я желалъ узнать, какъ иностранецъ могъ отдаваемъ быть въ рекруты крестьянами? Я спросилъ его на сродномъ ему языкѣ. — Мой другъ какими судьбами ты здѣсь находишься?

Французъ. Судьбѣ такъ захотѣлося, гдѣ хорошо, тутъ и жить должно.

Я. Да какъ попался въ рекруты?

Франц. Я люблю воинскую жизнь, мнѣ она уже извѣстна, я самъ захотѣлъ.

Я. Но какъ то случилося, что тебя отдаютъ изъ деревни въ рекруты изъ деревень берутъ въ солдаты обыкновенно однихъ

крестьянъ, и русскихъ; а ты я вижу не мужикъ и не русскій.

Франц. А вотъ какъ. Я въ Парижѣ съ ребячества учился парикмахерству. Выѣхалъ въ Россію съ однимъ господиномъ. Чесалъ ему волосы въ Петербургѣ цѣлой годъ, ему мнѣ заплатить было нечемъ. Я оставивъ его; ненашедъ мѣста, чуть не умеръ съ голоду. По счастію могъ попасть въ матросы на корабль, идущій подъ Россійскимъ флагомъ. Прежде отправленія въ морѣ приведенъ я къ присягѣ, какъ Россійскій подданный, и отправился въ Любекъ. На морѣ часто корабельщикъ билъ меня линькомъ, за то, что былъ лѣнивъ. По неосторожности моей упалъ съ вантовъ на палубу и выломилъ себѣ три пальца, что меня навсегда сдѣлало неспособнымъ управлять гребнемъ. Пріѣхавъ въ Любекъ, попался Прусскимъ наборщикамъ, и служилъ въ разныхъ полкахъ. Нерѣдко за лѣность и пьянство битъ былъ палками. Заколовъ, будучи пьяный, своего товарища, ушелъ изъ Мемеля, гдѣ я находился въ гарнизонѣ. Вспомнилъ, что я обязанъ въ Россіи присягою; и яко вѣрный сынъ отечества отправился въ Ригу съ двумя талерами въ карманѣ. Дорогою питался милостынею. Въ Ригѣ счастіе и ис-

кусство мое мнѣ послужили; выигравъ въ пинкѣ рублей съ 20 и купивъ себѣ за 10 изрядный кафтанъ, отправился лакѣемъ съ Казанскимъ купцомъ въ Казань. Но проѣзжая Москву, встрѣтился на улицѣ съ двумя моими земляками, которые совѣтывали мнѣ оставить хозяина, и искать въ Москвѣ учительскаго мѣста. Я имъ сказалъ, что худо читать умѣю. Но они мнѣ отвѣчали, ты говоришь по Французски, то и того довольно. Хозяинъ мой не видалъ какъ я на улицѣ отъ него удалился, онъ продолжалъ путь свой, а я остался въ Москвѣ. Скоро мнѣ земляки мои нашли учительское мѣсто, за 150 руб. пудъ сахару, пудъ кофею, десять фунтовъ чаю въ годъ, столъ, слуга и карета. Но жить надлежало въ деревнѣ. Тѣмъ лучше. Тамъ цѣлой годъ не знали, что я писать не умѣю. Но какой то сватъ того господина, у котораго я жилъ, открылъ ему мою тайну, и меня свезли въ Москву обратно. Ненашедъ другаго подобнаго сему дурака, не могши отправлять мое ремесло съ изломанными пальцами, и боясь умереть съ голоду, я продалъ себя за 200 руб. Меня записали въ крестьянѣ, и отдаютъ въ рекруты. Надѣюсь говорилъ онъ важнымъ видомъ, что сколь скоро будетъ война, то

дослужуся до Генеральскаго чина; а не будетъ войны, то набью карманъ (коли можно) и увѣнчанъ лаврами, отъѣду на покой въ мое отечество.

Пожалъ я плечами не одинъ разъ, слушавъ сего бродягу, и съ уязвленнымъ сердцемъ легъ въ кибитку, отправился въ путь.

Завидово.

Лошади были уже впряжены въ кибитку, и я приготовлялся къ отъѣзду, какъ вдругъ сдѣлался на улицѣ великій шумъ. Люди начали бѣгать изъ краю въ край по деревнѣ. На улицѣ видѣлъ я воина въ гренадерской шабкѣ, гордо расхаживающаго, и, держа поднятую плеть, кричащаго: Лошадей скорѣе; гдѣ староста? Его Пр-ство будетъ здѣсь черезъ минуту; подай мнѣ старосту.... Снявъ шляпу за сто шаговъ, староста бѣжалъ во всю прыть, на сдѣланной ему позывъ. — Лошадей скорѣя. — Тотъ часъ батюшка; пожалуйте подорожную. — На. Да скорѣя же, а то я тебя.... говорилъ онъ поднявъ плѣть надъ головою дрожащаго старосты. Не доконченная ли рѣчь столь же была выроженія исполнена, какъ у Виргилія въ Енеидѣ, рѣчь Еола къ вѣтрамъ. «Я васъ»... и

сокращенной видомъ плѣти власновелительнаго гранодера, староста, столь же живо ощущалъ мощь десницы грозящаго воина, какъ бунтующіе вѣтры, ощущали надъ собою власть; сильной Еоловой остроги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорилъ, «Его Пр-ству съ честною его фамиліей, потребно 50 лошадей, а у насъ на лице только 30, — другія въ разгонѣ. — Роди старый чертъ. А небудетъ лошадей, то тебя изуродою. — Да гдѣ же ихъ взять, коли взять негдѣ. — Разговорился еще... А вотъ лошади у меня будутъ.... и схватя старика за бороду, началъ его бить по плечамъ плетью, нещадно. — Полно ли съ тебя». Да вотъ три свѣжіе, говорилъ строгій судья ямскаго стана, указывая на вспряженныхъ въ мою повозку. Выпряги ихъ для насъ. — Коли баринъ то ихъ отдастъ. — Какъ бы онъ не отдалъ. У меня и ему тоже достанется. Да кто онъ таковъ?— Невѣсть какой то..... какъ онъ меня величалъ того не знаю.

Между тѣмъ я вышелъ на улицу, воспретилъ храброму предтечи Его Пр-ства исполнить его намѣреніе и, выпрягая изъ повозки моей лошадей, меня заставить ночевать въ почтовой избѣ.

Споръ мой съ Гвардейскимъ полканомъ, прерванъ былъ пріѣздомъ Его Прев.-ства Еще издали слышинъ былъ крикъ повощиковъ и топотъ лошадей, скачущихъ во всю мочь. Частое біеніе копытъ, и зрѣнію уже непримѣтное обращеніе колесъ подымающеюся пылью толико сгустили воздухъ, что колесница Его Прев-ства закрыта была не проницаемымъ облакомъ отъ взоровъ ожидающихъ его аки громовой тучи, ямщиковъ. Донъ Кишотъ конечно нѣчто чудное бы тутъ увидѣлъ: ибо несущееся пыльное облако подъ знатною Его Прев-ства особою, вдругъ остановяся разверзлося, и онъ предсталъ намъ отъ пыли серовидѣнъ,

Отъ пріѣзду моего на почтовой станъ, до того времени какъ лошади впряжены были въ мою повозку, прошло по крайнѣй мѣрѣ цѣлый часъ. Но повозки Его Прев-ства запряжены были не болѣе какъ въ четверть часа... и поскакали они на крылехъ вѣтра. А мои клячи, хотя лучше казались тѣхъ, кои удостоили вести Превосходительную особу, не боясь гранодерскаго кнута, бѣжали посредственною рысью.

Клинъ.

Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміамъ Князь... Поющій сію народную пѣснь, называемою Алексѣемъ Божіимъ Человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сѣдящій у воротъ почтоваго двора, окруженный толпою по большой части ребятъ и юношей. Сребровидная его голова, замкнутые очи, видъ спокойствія въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца предстоять ему съ благоговѣніемъ. Не искусной хотя его напѣвъ, но нѣжностію изрѣченія сопровождаемый, проницалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внемлющихъ, нежели взрощенныхъ во благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внемлютъ кудрявому напѣву Габріели, Маркези, или Тоди. Ни кто изъ предстоящихъ не остался безъ зыбленія внутрь глубокаго, когда Клинскій певѣцъ, дошедъ до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласомъ, изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто на коемъ были его очи, исполнилися иступающихъ отъ бѣдъ души слезъ, и потоки оныхъ пролилися по ланитамъ воспѣвающаго. О природа колико ты властительна! Взирая на плачущаго старца,

жены возрыдали; со устъ юности отлѣтела сопутница ея улыбка; на лицѣ отрочества явились робость, не ложный знакъ болѣзненнаго, но неизвѣстнаго чувствованія, даже мужественный возрастъ, къ жестокости толико привыкшей, видъ воспріялъ важности. О! природа возопилъ я паки....

Сколь сладко не язвительно чувствованіе скорби! Колико сердце оно обнавляетъ, и онаго чувствительность. Я рыдалъ въ слѣдъ за ямскимъ собраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ исторгнутые изъ сердца Вертеромъ. О мой другъ, мой другъ! Почто и ты не зрѣлъ сея картины? Ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія была бы гораздо усладительнѣе.

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денешки и полушки, всѣ куски и крохи хлѣба довольно равнодушно; но всегда сопровождая благодарность свою поклономъ, крестясь и говоря къ подающему. «Дай Богъ тебѣ здоровья». Я нехотѣлъ отъѣхать, не бывъ сопровождаемъ молитвою сего, конечно пріятнаго небу, старца. Желалъ его благословенія, на совершеніе пути и желанія моего.

Казалося мнѣ, да и всегда мечтаю, какъ будто благословеніе чувствительныхъ душъ, облегчаютъ стезю въ шествіи, и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку, толикоже дрожащую отъ боязни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, не успѣлъ онъ изрещи, обыкновеннаго своего благословѣнія подающему, отвлеченъ отъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горьсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, вѣщалъ я самъ себѣ, подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человѣчества, въ моемъ рублѣ ощущаетъ можетъ быть мою гордость. Онъ не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! колико малъ я самъ себѣ козался, колико завидовалъ давшимъ полушку и кроюшку хлѣба пѣвшему старцу!—Не пятакъ ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно какъ и всякое свое слово. Нѣтъ дѣдушка рублевикъ, сказалъ близь стоящій мальчикъ. Почто такая милостыня? Сказалъ слѣпой опуская мѣста своихъ очей и ища казалося мысленно вообразите себѣ то, что въ горьсти его лежало. Почто она не могущему ею поль-

зоваться. Если бы я не лишенъ былъ зрѣнія, сколь бы велика была моя благодарность. Не имѣя въ немъ нужны, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ! если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, умолкъ бы хотя на одни сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но на что онъ мнѣ теперь? невижу куда его и положить; подастъ онъ можетъ быть случай къ преступленію. Полушку не много прибыли украсть, но за рублемъ охотно многіе протянутъ руку. Возми его назадъ добрый господинъ, и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора. О истинна! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь въ укоризну. Возми его назадъ, мнѣ право онъ не надобенъ, да и я уже его не стою. Угодно было Создателю, чтобы еще въ бодрыхъ моихъ лѣтахъ, лишенъ я вождей моихъ. Терпеливо сношу его прещеніе; за грѣхи мои онъ меня посѣтилъ. Я былъ воинъ, на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества; стражался всегда не робко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатіи сраженія, я нещадилъ никогда у ногъ моихъ лежащаго непріятеля, просящему безоруженному помилованія не да-

рилъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего, когда устремлялся на караніе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнія и чувствъ, пролѣтевшимъ мимо очей въ силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О! вы послѣдующіе мнѣ, будьте мужественны, но помните человѣчество. Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничный пирогъ дѣдушка, говорила слѣпому подошедшая женщина лѣтъ 50-ти. Съ какимъ восторгомъ, онъ принялъ его обѣими руками. Вотъ истинное благодѣяніе, вотъ истинная милостыня. 30-ть лѣтъ сряду, ѣмъ я сей пирогъ, по праздникамъ и по воскресеньямъ. Незабыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала во младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, что бы ты до гроба моего меня не забывала? Я друзья мои избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ не рѣдко побой крестьянамъ, отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами, солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ; прибѣжалъ на крикъ мужика и его избавилъ отъ побой, можетъ чего и больше, но впередъ отгады-

вать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи. Вотъ чего не позабываетъ она каждый день и каждой праздникъ. Дѣло мое было не великое но доброе, а доброе пріятно Господу; за нимъ никогда ни что не проподаетъ.

Неужели ты меня, столько предъ всѣми обидилъ старичекъ, сказалъ я ему, и одно мое отвергнешь подаяніе? Неужели моя милостыня, есть милостыня грѣшника. — Да и та бываетъ ему на пользу, если служитъ къ умягченію его ожесточеннаго сердца. Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнію, говорилъ старецъ; невѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ послужить могущаго подаянія; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай что можетъ мнѣ быть полезно.... Холодная у насъ была весна, у мена болѣло горло — платчишка не было чѣмъ повязать шеи Богъ помиловалъ болѣзнь миновалась. Нѣтъ ли старенькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, я его повяжу, онъ мою согрѣетъ шею, горло болѣть перестанетъ; я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно воспоминаніе нищаго. Я снялъ платокъ съ моей

шеи, повязалъ на шею слѣпаго. И разстался съ нимъ.

Возвращаяся чрезъ Клинъ, я уже не нашелъ слѣпаго пѣвца. Онъ за три дни моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой сказывала мнѣ та, которая ему приносила пирогъ по праздникамъ, надѣлъ заболѣвъ передъ смертію на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! Если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ производило слушавъ сіе.

Пешки.

Сколь мнѣ не хотѣлось поспѣшать въ окончаніи моего путешествія, но по пословицѣ голодъ не свой братъ, принудилъ меня зайти въ избу; и доколѣ не доберуся до рагу, фрикасе, паштетовъ и протчаго французскаго кушанья, на отраву изобрѣтеннаго, принудилъ меня пообѣдать старымъ кускомъ жареной говядины, которая со мною ѣхала въ запасѣ. Пообѣдавъ сей разъ, гораздо хуже нежели иногда обѣдаютъ многіе, въ дальнихъ походахъ; я по похвальному общему обыкновенію, налилъ въ чашку приготовленнаго для меня кофію и усладилъ прихотливость мою, плодами пота несчастныхъ Африканскихъ невольниковъ.

Увидѣвъ предо мною сахаръ, мѣсившая квашню хозяйка, подослала ко мнѣ маленькаго мальчика, попросить кусочикъ сего боярскаго кушанья. — Почему боярское? сказалъ я ей, давая ребенку остатокъ моего сахара; неужели и ты его употреблять не можешь? — Потому и боярское, что намъ купить его не начто. Правда что и бурмистръ нашъ, когда ѣздитъ къ Москвѣ, то его покупаетъ, но на наши слезы. — Развѣ ты думаешь, что тотъ, кто употребляетъ сахаръ заставляетъ васъ плакать? — Не всѣ. Не слезы ли ты крестьянъ своихъ пьешь, когда они ѣдятъ такой же хлѣбъ какъ и мы? Говоря сіе показывала она мнѣ составъ своего хлѣба. Онъ состоялъ изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки. Да и то слава Богу, при нынѣшнихъ неурожаяхъ, у многихъ сосѣдей нашихъ и того хуже. Что жъ бояре въ томъ прибыли, что вы ѣдите сахаръ, а мы голодны? Ребята мрутъ, мрутъ и взрослые. Но какъ быть потужишь, потужишь, а дѣлай то, что господинъ велитъ. И начала сажать хлѣбы въ печь.

Сія укоризна, произнесенная не гнѣвомъ или негодованіемъ, но глубокимъ ощущеніемъ душевныя скорби, исполнила сердце

мое грустію. Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно, всю утварь крестьянскія избы. Первый разъ обратилъ сердце къ тому, что до селѣ на немъ скользило. Четыре стѣны до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ сажею, полъ въ щеляхъ на вершокъ по крайнѣй мѣрѣ порозшей грязью: печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро наполняющій избу; окончины въ коихъ натянутой пузырь смеркающійся въ полдень пропускаетъ свѣтъ. горшка два или три, (счастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ, всякой день есть пустыя шти!..) Деревянная чашка, и крушки тарелками называемые; столъ топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней, или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ счастію кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода.

Жестокосердый помѣщикъ посмотри на дѣтей крестьянъ тебѣ подвластныхъ. Они почти наги. Отъ чего? Не ты ли родшихъ

ихъ въ болѣзни и горести, обложилъ всѣхъ полевыхъ работъ, оброкомъ? Не ты ли не сотканное еще полотно опредѣляешь себѣ въ пользу. На что тебѣ смрадное рубище, которое къ нѣгѣ привыкшая твоя рука, подъяти гнушается? Едва послужитъ оно на отираніе служащаго тебѣ скота. Ты собираешь и то, что тебѣ не надобно, не смотря на то, что не прикрытая нагота твоихъ крестьянъ, тебѣ въ обвиненіе будетъ. Если здѣсь нѣтъ на тебя суда; но предъ судіею невѣдующимъ лицепріятія, давшимъ нѣкогда и тебѣ путеводителя благого—совѣсть; но коего развратной твой разсудокъ, давно изгналъ изъ своего жилища, изъ сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездіемъ. Неусыпный сей дѣяній твоихъ стражъ, уловитъ тебя на единѣ, и ты почувствуешь его кары. О! еслибы они были и подвластнымъ тебѣ на пользу... О! если бы человѣкъ входя по часту во внутренность свою, исповѣдалъ бы не укротимому судіи своему,—совѣсти, свои дѣянія. Претворенный въ столпъ неподвижный, громоподобнымъ ея гласомъ, не пускался бы онъ на тайныя злодѣянія; рѣдки бы тогда стали губительствы, опустошеніи... и проч. и проч.

Черная грязь.

Здѣсь я видѣлъ такъ же изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты скоро въ радость притворится опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступать въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ, и властію господина своего, влекутся на казнь, къ олтарю отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства.

Я тебѣ читатель позабылъ сказать, что парнаской судья въ которомъ я въ Твери обѣдалъ въ трактирѣ, мнѣ сдѣлалъ подарокъ. Голова его надъ многимъ чемъ испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешь, суди самъ, а мнѣ скажи на ушко какаво тебѣ покажется. Если читая, тебѣ захочется спать; то сложи книгу, и усни. Береги ее для безсонницы.

Слово о Ломоносовѣ.

Пріятность вечера послѣ жаркаго лѣтняго дня, выгнала меня изъ моей кельи. Стопы

мои направилъ я за Невскій Монастырь, и долго гулялъ въ рощѣ позади его лежащей [1]). Солнце лицо свое уже сокрыло, но легкая завѣса ночи, едва, едва лишъ на синемъ сводѣ была чувствительна [2]). Возвращаяся домой, я шелъ мимо Невскаго кладьбища. Ворота были отверсты. Я вошелъ... На семъ мѣстѣ вѣчнаго молчанія, гдѣ наитвердѣйшее чело поморщится не сомненно, помысливъ, что тутъ долженствуетъ быть конецъ блестящихъ подвиговъ; на мѣстѣ незыбляемаго спокойствія, и равнодушія непоколебимаго, могло ли бы, казалося, совмѣстно быть киченіе, тщеславіе и надмѣнность. Но гробницы великолѣпные? Суть знаки несомненные, человѣческія гордыни; но знаки желанія его жити вѣчно.

Но се ли вѣчность, которыя человѣкъ толико жаждущь?.. Но столпъ воздвигнутый надъ тлѣніемъ твоимъ, сохранитъ память твою, въ дальнѣйшее потомство. Не камень съ изсѣченіемъ имени твоего, пренесетъ славу твою въ будущія столѣтія. Слово твое живущее присно и во вѣки въ твореніяхъ твоихъ, слово Россійскаго племени, тобою

---

[1]) Озерки.
[2]) Іюнь. *Прим. Редакц.*

въ языкѣ нашемъ обновленное, прелѣтитъ въ устахъ народныхъ, за необозримый горизонтъ столѣтій. Пускай стихіи свирѣпствуя сплотенно, разверзнутъ земную хлябь, и поглотятъ великолѣпный сей градъ, откуда громкое твое пѣніе раздавалося во всѣ концы обширныя Россіи; доколѣ слово Россійское, ударять будетъ слухъ, ты живъ будешь и не умрешь. Если умолкнетъ оно, то и слава твоя угаснетъ. Лѣстно, лѣстно такъ умрети. Но если кто умѣетъ изчислить мѣру сего продолженія, если перстъ гаданія, назначитъ предѣлъ твоему имени, то не се ли вѣчность?.. Сіе изрекъ я въ восторгѣ, остоновясь предъ столпомъ надъ тлѣніемъ Ломоносова воздвигнутымъ. — Нѣтъ, не хладный камень сей повѣтствуетъ, что ты жилъ на славу имени Россійскаго, не можетъ онъ сказать, что ты былъ. Творенія твои, да повѣствуютъ намъ о томъ, житіе твое да скажетъ по что ты славенъ.

Гдѣ ты, о! возлюбленный мой! гдѣ ты? Пріиди бесѣдовати со мною о великомъ мужѣ. Пріиди да сплетемъ вѣнецъ насадителю Россійскаго слова. Мы воспоемъ пѣснь заслугъ къ обществу.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ родился въ Холмогорахъ... Рожденный отъ человѣ-

ка, который не могъ дать ему воспитанія, дабы посредствомъ онаго, понятія его изострилося и украсилося полезными и пріятными знаніями; опредѣленный по состоянію своему, препровождать дни свои между людей, коихъ окружность мысленныя области не далѣе ихъ ремесла простирается; сужденный дѣлить время свое, между рыбнымъ промысломъ и стараніемъ получить мзду своего труда; разумъ молодаго Ломоносова, не могъ бы достигнуть той обширности, которую онъ пріобрѣлъ трудясь въ испытаніи природы, ни гласъ ей той сладости, которую онъ имѣлъ отъ обхожденія чистыхъ муззъ. Отъ воспитанія въ родительскомъ домѣ, онъ пріялъ маловажное, но ключь ученія, знаніе читать и писать, а отъ природы любопытство. И се природа твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою въ души наши, стремится къ познанію вещей; а кипящее сердце славолюбіемъ, не можетъ терпѣть путь его стѣсняющихъ. Реветъ оно, клокочетъ, стонетъ и махомъ прерывая узы, лѣтитъ стремглавъ, (нѣтъ преткновенія), къ предлогу своему; забыто все, одинъ предлогъ въ умѣ; имъ дышемъ, имъ живемъ.

Не выпуская изъ очей своихъ вожделеннаго предмѣта, юноша собираетъ познаніе

вещей, въ слабѣйшихъ ручьяхъ протекшаго наукъ источника, до нижайшихъ степеней общества. Чуждый руководства, столь нужнаго, для ускоренія въ познаніяхъ, онъ первую силу разума своего, память, остритъ и украшаетъ тѣмъ, чтобы разсудокъ его острить долженствовало. Сія тѣсная округа свѣдѣній, кои онъ могъ пріобрѣсть на мѣстѣ рожденія своего, не могла усладить жаждущаго духа, но паче возжгла въ юношѣ непреодолимое къ ученію стремленіе. Блаженъ! что въ возрастѣ, когда волненіе страстей изводитъ насъ въ первые изъ нечувствительности, когда приближаемся степени возмужалости, стремленіе его обратилося къ познанію вещей.

Подстрекаемъ науки алябою, Ломоносовъ оставляетъ родительскій домъ; течетъ въ престольный градъ, приходитъ въ обитель иноческихъ муззъ, и вмѣщается въ число юношей посвятившихъ себя ученію свободныхъ наукъ и слову Божію.

Преддверіе учености, есть познаніе языковъ; но представляется яко поле терніемъ насажденное, и яко гора строгимъ каменемъ усѣянная. Глазъ не находитъ тутъ пріятности расположенія стопы путешественника, покойныя гладости на отдохновеніе, ни зеле-

нѣющагося убѣжища утомленному тутъ нѣтъ. Тако учащійся, приступивъ къ неизвѣстному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновеннымъ журчаніемъ исходящаго изъ нея воздуха утомляется, и языкъ новообразно извиваться принужденный, изнемогаетъ. Разумъ тутъ цѣпенѣетъ, разсудокъ безъ дѣйствія ослабѣваетъ, воображеніе теряетъ свое крыліе; единая память бдитъ и острится, и всѣ излучины и отврстія свои, наполняетъ образами не извѣстныхъ доселѣ звуковъ. При ученіи языковъ все отвратительно и тягостно. Если бы не подкрѣпляла надежда, что пріучивъ слухъ свой къ необыкновенности звуковъ, и усвоивъ чуждыя произношенія, не откроются потомъ пріятнѣйшія предметы, то не уповательно восхотѣлъ ли бо кто вступить въ столь строгій путь. Но превзошедъ сіи трудности, коликократко награждается постоянство въ понесенныхъ трудахъ. Новые представляются тогда естества виды, новая цѣпь воображеній. Познаніемъ чуждаго языка становимся мы гражданами тоя области, гдѣ онъ употребляется, собѣсѣдуемъ съ жившими за многія тысячи вѣковъ, усвояемъ ихъ понятія, и всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣ-

ковъ изобрѣтенія и мысли, сочетоваемъ и приводимъ въ единую связь.

Упорное прилѣжаніе въ ученіи языковъ сдѣлало Ломоносова согражданиномъ Аѳинъ и Рима. И се наградилося его постоянство. Яко слѣпецъ отъ чрева матерня свѣта не зрѣвшій, когда искусною глазоврачевателя рукою, возсіяетъ для него величество дневнаго свѣтила; быстрымъ взоромъ протекаетъ онъ, всѣ красоты природы, дивится ея разновидности и простотѣ. Все его плѣняетъ, все поражаетъ. Онъ живѣе обыкшихъ всегда возрѣни очей, чувствуетъ ея изящности, восхищается и приходитъ въ восторгъ. Тако Ломоносовъ получивши свѣдѣніе Латинскаго и Греческаго языковъ, пожиралъ красоты древнихъ витій и стихотворцевъ. Съ ними научался онъ чувствовать изящности природы; съ ними научался познавать всѣ уловки искуства кроющагося всегда въ одушевленныхъ стихотворствомъ видахъ съ ними научался изъявлять чувствія свои, давать тѣло мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были представилъ бы я, какъ постепенно великій мужъ водворялъ въ понятіе свое, понятіи чуждыя, кои преобразовавшись въ душѣ его и разумѣ, въ новомъ видѣ явилися въ его тво-

реніяхъ, или родили совсѣмъ другіе, уму человѣческому до селѣ недовѣдомые. Представилъ бы его ищущаго знанія въ древнихъ рукописяхъ своего училища, и гоняющагося за видомъ ученія, вездѣ гдѣ казалося быть его хранилище. Часто обманутъ бывалъ въ ожиданіи своемъ, но частнымъ чтеніемъ Церковныхъ книгъ, онъ основаніе положилъ къ изящности своего слога; какое чтеніе онъ предлагаетъ всѣмъ желающимъ пріобрѣсти искуство Россійскаго слова.

Скоро любопытство его щедрое получило удовлетвореніе. Онъ ученикъ сталъ славнаго Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблужденія, преподанныя ему въ монашескихъ училищахъ, онъ твердыя и ясныя полагалъ степени къ восхожденію во храмъ любомудрія. Логика научила его разсуждать; математика вѣрныя дѣлать заключеніи и убѣждаться единою очевидностію; метафизика преподала ему гадательныя истинны ведущія часто къ заблужденію: физика и химія, къ коимъ можетъ быть ради изящности силы воображенія прилѣжалъ отлично, ввели его въ жертвенникъ природы и открыли ему ея таинства; металургія и минералогія яко послѣдственницы предъидущихъ, привлекли на себя его вниманіе, и

дѣятельно хотѣлъ Ломоносовъ познать правила въ оныхъ наукахъ руководствующія.

Изобиліе плодовъ и произведеніи понудило людей мѣнять ихъ на таковыя, въ коихъ былъ недостатокъ. Сія произвело торговлю. Великія въ мѣновномъ торгу затрудненія, побудили мыслить о знакахъ всякое богатство и всякое имущество представляющихъ. Изобрѣтены деньги. Злото и сребро яко драгоцѣнѣйшія по совершенству своему металы и доселѣ украшеніемъ служившіе, преображены стали въ знаки всякое стяжаніе представляющіе. И тогда только поистинѣ, тогда возгорѣлась въ сердцѣ человѣческомъ, ненасытная сія и мерзительная страсть къ богатствамъ, которая яко пламень вся пожирающій усиливается получая пищу. Тогда оставивъ первобытную свою простоту, и природное свое упражненіе земледѣліе, человѣкъ предалъ животъ свой свирѣпымъ волнамъ, или призривъ гладъ и зной пустынный, претекалъ чрезъ оныя и невѣдомыя страны, для снисканія богатствъ и сокровищъ. Тогда презрѣвъ свѣтъ солнечный, живый нисходилъ въ могилу, и разторгнувъ нѣдра земныя прорывалъ себѣ нору, подобенъ земному гаду, ищущему въ нощи свою пищу. Тако человѣкъ сокры-

ваясь въ пропостяхъ земныхъ искалъ блестящихъ металовъ, и сокращалъ предѣлы своея жизни на половину, питаяся ядовитымъ дыханіемъ паровъ изъ земли исходящихъ. Но какъ и самая отрава ставъ иногда привычкою, бываетъ необходимою человѣку въ употребленіи, такъ и добываніи металовъ сокращая дни ископателей, не отвергнуто ради своея смертоносности; а паче изысканы способы добывать легчайшимъ образомъ большее число металовъ по возможности.

Сего то хотѣлъ познать Ломоносовъ дѣятельно, и для исполненія своего намѣренія отправился въ Фрейбергъ. Мнѣ мнится, зрю его прошедшаго къ отверстію, чрезъ которое истекаетъ исторгнутый изъ нѣдръ земныхъ металовъ. Пріемлетъ томное свѣтилъ, опредѣленное освѣщать его въ ущелинахъ, куда солнечные лучи досязать не могутъ ни коли. Исполнилъ первый шагъ; что дѣлаешь, вопіетъ ему разсудокъ? Неужели отличила тебя природа своими дарованіями для того только, чтобы ты употреблялъ ихъ на пагубу своея собратіи. Что мыслишь низходя въ сію пропасть? Желаешь ли снискать вящшее искуство извлекати сребро и злато? Или невѣдаешь какое въ мирѣ сотворили они зло?

Или забылъ завоеваніе Америки?.. Но нѣтъ низходи, познай подземныя ухищренія человѣка, и, возвратясь въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа, подать совѣтъ зарыть и заровнять сіи могилы, гдѣ тысящи въ животѣ сущіи погребаются.

Трепещущь нисходитъ въ отверстіе и скоро теряетъ изъ виду живоносное свѣтило. Желалъ бы я послѣдовать ему въ подземномъ его путешествіи, собрать его размышленіи, и представить ихъ въ той связи и тѣмъ порядкомъ, какими они въ разумѣ его возрождаются. Картина его мыслей была бы для насъ увеселительною и учебною.—Проходя первой слой земли, источникъ всякаго прозябенія, подземный путешественникъ, обрѣлъ его несходственнымъ съ послѣдующими; отличающимся отъ другихъ паче всею своею плодоностною силою. Заключалъ, можетъ быть, изъ того, что поверхность сія земная не изъ чего инаго составлена, какъ изъ тлѣнія животныхъ и прозябеній; что плодородіе ея, сила питательная и возобновительная, начало свое имѣетъ въ неразрушимыхъ и первенственныхъ частяхъ всяческаго бытія, которыя не перемѣняя своего существа, перемѣняютъ видъ только свой, изъ сложенія случайнаго рождающійся. Про-

ходя далѣе, подземный путешественникъ зрѣлъ землю всегда расположенную слоями. Въ слояхъ находилъ иногда остатки животныхъ въ моряхъ живущихъ, находилъ остатки растеній и заключать могъ, что слоистое расположеніе земли, начало свое имѣетъ въ наплавномъ положеніи водъ, и что воды переселяяся изъ одного края земнаго шара къ другому, давали землѣ тотъ видъ, какой она въ недрахъ своихъ представляетъ. Сіе единовидное слоевъ расположеніе, теряяся изъ его зрака представляло иногда ему смѣшеніе многихъ разнородныхъ слоевъ. Заключалъ изъ того, что свирѣпая стихія огнь, проникнувъ въ нѣдра земныя и встрѣтивъ противубодрствующую себѣ влагу, ярясь мутила, трясла, валила и метала все что ей упорствовать тщилося своимъ противодѣйствіемъ. Смутивъ и смѣшавъ разнородныя, знойнымъ своимъ дохновеніемъ возбудила въ первобытностяхъ металловъ силу притяжательную и ихъ соединила. Тамъ узрѣлъ Ломоносовъ сіи мертвыя по себѣ сокровища въ природномъ ихъ видѣ, воспомянулъ амбу и бѣдствіе человѣковъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ сіе мрачное обиталищѣ людской ненасытности.

Упражняяся въ познаніи природы онъ не

оставилъ возлюбленнаго своего ученія стихотворства. Еще въ отечествѣ своемъ, случай показалъ ему, что природа назначила его къ величію, что въ обыкновенной стезѣ шествія человѣческаго онъ скитаться не будетъ. Псалтирь, Симіономъ Полоцкимъ въ стихи преложенная, ему открыла о немъ таинство природы, показала что и онъ стихотворецъ. Бѣсѣдуя съ Гораціемъ Виргильемъ и другими древними писателями, онъ давно уже удостовѣрился, что стихотвореніе Россійское, весьма было несродно благогласію и важности языка нашего, читая Немѣцкихъ стихотворцовъ, онъ находилъ, что слогъ ихъ былъ плавнѣе Россійскаго, что стопы въ стихахъ были расположены по свойству языка ихъ. И такъ онъ вознамѣрился сдѣлать опытъ сочиненія новообразными стихами, поставивъ сперва Россійскому стихотворенію правила, на благогласіи нашего языка основанныя. Сіе исполнилъ онъ одою, на побѣду одержанную Россійскими войсками надъ Турками и Татарами и на взятіе Хотина, которую изъ Марбурга онъ прислалъ въ Академію Наукъ. Необыкновенность слога, сила выраженія, изображенія едва не дышущія, изъумили читающихъ сіе новое произведеніе. И сіе

первородное чадо стремящагося воображенія по не преложенному пути, въ доказательство съ другими купно послужило, что когда народъ направленъ единожды къ усовершенствованію, онъ ко славѣ идетъ не одною тропинкою, но многими стезями вдругъ.

Сила воображенія и живое чувствованіе не отвергаютъ розысканія подробностей. Ломоносовъ давая примѣры благогласія, зналъ, что изящность слова основана на правилахъ языку свойственныхъ. Восхотѣлъ ихъ извлечь изъ самаго слога, не забывая однакоже, что обычай первой всегда падаетъ въ сочетаніи словъ примѣръ, и рѣченіи, изъ правила изходящія, обычаемъ становятся правильными. Раздробляя всѣ части рѣчи, и сообразуя ихъ съ употребленіемъ ихъ, Ломоносовъ составилъ свою Граматику. Но недовольствуяся преподавать правила Россійскаго слова, онъ даетъ понятіе о человѣческомъ словѣ вообще, яко благороднѣйшемъ по разумѣ — дарованіи, данномъ человѣку для сообщенія своихъ мыслей. Се сокращеніе общей его граматики. Слово представляетъ мысли, орудіе слова есть голосъ; голосъ измѣняется образованіемъ или выговоромъ; различное измѣненіе голоса изобрѣтаетъ различіе мыслей; и такъ слово есть.

изображеніе нашихъ мыслей, посредствомъ образованія голоса чрезъ органы на то устроенные. Поступая далѣе отъ сего основанія Ломоносовъ опредѣляетъ нераздѣлимые части слова, коихъ изображенія называютъ буквами. Сложеніе не раздѣльныхъ частей слова производитъ склады, кои опричь образовательнаго различія голоса, различаются еще такъ называемыми удареніями, на чемъ основывается стихосложеніе. Сопряженіе складовъ производитъ рѣченія, или знаменательныя части слова. Сіи изображаютъ или вещь, или ея дѣяніе. Изображеніе словестное вещи называется имя, изображенія дѣянія гласомъ. Для изображенія же сношенія вещей между собою и для сокращенія ихъ въ рѣчи, служатъ другія части слова. Но первыя суть необходимы и называться могутъ главными частями слова, Ломоносовъ находитъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ въ себѣ отмѣны. Вещь можетъ находится въ разныхъ, въ разсужденіи другихъ вещей, положеніяхъ. Изображеніе таковыхъ положеній и отношеній именуется падежами. Дѣяніе всякое располагается по времени, оттуда и глаголы расположены по временамъ, для изображенія дѣянія въ какое время оное происходитъ. Наконецъ Ломоносовъ

говоритъ о сложеніи знаменательныхъ частей слова, что производитъ рѣчи.

Предпославъ такое философическое разсужденіе о словѣ вообще, на самомъ естествѣ тѣлеснаго нашего сложенія основанномъ, Ломоносовъ преподаетъ правила Россійскаго слова. И могутъ ли быть они посредственны, когда начертавшій ихъ разумъ, водимъ былъ въ граматическихъ терніяхъ свѣтильникомъ остроумія! Не гнушайся, великій мужъ, сія хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебѣ славу. Заслуги твои о Россійскомъ словѣ суть многообразны, и ты почитаешися въ малопритяжательномъ семъ своемъ трудѣ, яко первымъ основателемъ истинныхъ правилъ языка нашаго, и яко розыскателемъ естественнаго расположенія всяческаго слова. Твоя грамматика есть преддверіе чтенія твоея риторики, а та и другая — руководительницы, для осязанія красотъ изрѣченія твореній твоихъ. Поступая въ преподаваніи правилъ, Ломоносовъ вознамѣрился руководствовать согражданамъ своимъ, въ стезяхъ тернистыхъ Гелликона, показавъ имъ путь къ краснорѣчію, начертывая правила риторики и поэзіи. Но краткость его

жизни допустила его изъ подъятаго труда совершить одну только половину.

Человѣкъ рожденный съ нѣжными чувствами, одаренный сильнымъ воображеніемъ, побуждаемый любочестіемъ исторгается изъ среды народныя.

Восходитъ на лобное мѣсто. Всѣ взоры на него стремяться, всѣ ожидаютъ съ нетерпеніемъ его произреченія. Его же ожидаетъ плесканіе рукъ, или посмѣяніе горшѣе самыя смерти. Какъ можно быть ему посредственнымъ? Таковъ былъ Демосѳенъ таковъ былъ Цицеронъ; таковъ былъ Питъ; таковы нынѣ Буркъ, Фоксъ, Мирабо, и другіе. Правила ихъ рѣчи почерпаемы въ обстоятельствахъ, сладость изрѣченія въ ихъ чувствахъ, сила доводовъ въ ихъ остроуміи. Удивляяся толико отмѣннымъ въ словѣ мужамъ и раздробляя ихъ рѣчи, хладнокровныя критики думали, что можно начертать правила остроумію и воображенію, думали, что путь къ прелѣстямъ проложить можно томными предписаніями. Сіе есть начало риторики. Ломоносовъ слѣдуя, не замѣчая того, своему соображенію исправившемуся бѣседою съ древними писателями, думалъ такъ же, что можетъ сообщить согражданамъ своимъ, жаръ, душу его испол-

нявшій. И хотя онъ тщетный въ семъ предпріялъ трудъ, но примѣры, приводимые имъ для подкрѣпленія и объясненія его правилъ, могутъ несомнѣнно руководствовать, пускающемуся во слѣдъ славы, словесными науками стяжаемой.

Но если тщетный его былъ трудъ въ преподованіи правилъ тому, что болѣе чувствовать должно нежели твердить, Ломоносовъ надѣжнійшія любящимъ Россійское слово оставилъ примѣры въ своихъ твореніяхъ. Въ нихъ сосавшія уста сладости Цицероновы и Демосѳеновы, растворяются на велерѣчіе. Въ нихъ на каждой строкѣ, на каждомъ препинаніи, на каждомъ слогѣ,—почто не могу сказать — при каждой буквѣ, слышенъ стройный и согласный звонъ столь рѣдкаго, столь мало подражаемаго, столь свойственнаго ему благогласія рѣчи. Пріявъ отъ природы право неоцѣненное дѣйствовать на своихъ современниковъ, пріявъ отъ него силу творенія, поверженный въ среду народныя стези, великій мужъ дѣйствуетъ на оную, но и не въ одинаковомъ всегда направленіи. Подобенъ силамъ естественнымъ дѣйствующимъ отъ средоточія, которыя простирая дѣйствіе свое во всѣ точки окружности, дѣятельность свою присно вездѣ

содѣловаютъ. Тако и Ломоносовъ дѣйствуя на согражданъ своихъ разнообразно, разнообразныя отверзалъ общему уму стези на познаніи. Повлекши его за собою въ слѣдъ, разплѣтая запутанный языкъ на велерѣчіе и благогласіе, неоставилъ его при тощемъ, безъ мыслей источникѣ словесности. Воображенію вѣщалъ: лѣти въ безпредѣльность мечтаній и возможности, собери яркіе цвѣты одушевленнаго, и вощдаяся вкусомъ украшей оными самую не осязательность. И се таки гремѣвшая на Олимпическихъ играхъ Пиндарова труба, возграсила

Всехвышняго во слѣдъ псалмопѣвца.

На ней возвѣшилъ Ломоносовъ вѣличіе предвѣчнаго возсѣдающаго на крылѣ вѣтренней, предшествуемаго громомъ и молніею, и въ солнцѣ являя смертнымъ, своею существенностью, жизнь. Умѣряя гласъ трубы Пиндаровой, на ней же онъ воспѣлъ бренность человѣка и близкій предѣлъ его понятій. Въ безднѣ міровъ безпредѣльной, какъ въ морскихъ волнахъ малѣйшая песчинка; какъ во льдѣ нетающемъ николи искра едва блестящая, въ самолютѣйшемъ вихрѣ какъ прахъ тончайшій, — что есть разумъ человѣческій? Но позавидуетъ, немогущій въ слѣдъ тебѣ идти, писатель одъ позавидуетъ прелѣстной

картинѣ народнаго спокойствія и тишины, сей сильной ограды градовъ и селъ, царствъ и царей утѣшенія; позавидуетъ безчисленнымъ красотамъ твоего слова, и, если удастся когда либо достигнутъ непрерывнаго твоего въ стихахъ благогласія, но доселѣ не удалося еще никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своимъ сладкопѣніемъ, пускай потомкамъ нашимъ покажешся ты нестроенъ въ мысляхъ, неизбыточенъ въ существенности твоихъ стиховъ!..... Но воззри: въ пространномъ ристалищѣ, коею конца око не досязаетъ среди толпящейся многочисленности, на возглавіи, впереди всѣхъ, се врата отверзающихъ къ ристалищу, се ты. Прославиться всякъ можетъ подвигами, но ты былъ первый. Родилъ онъ тебя прежде другихъ, родилъ тебя въ вожди, и слава твоя есть слава вождя. Да! вы доселѣ безплодно трудившіеся надъ познаніемъ существенности души и какъ сія дѣйствуетъ на тѣлесность нашу, се трудная вамъ предлежитъ задача на испытаніе. Вѣщайте, какъ душа, дѣйствуетъ на душу, какая есть связь между умами? Если знаемъ какъ тѣло дѣйствуетъ на тѣло прикосновеніемъ, повѣдайте, какъ неосязаемое дѣйствуетъ на неосязаемое, производя вещест-

венность; или какое между безвещественной есть прикосновеніе. Что оно существуетъ, то знаете. Но если вѣдаете, какое дѣйствіе разумъ великаго мужа имѣетъ надъ общимъ разумомъ по вѣдайте еще, что великій мужъ можетъ родить великаго мужа; се вѣнецъ твой побѣдоносный. О, Ломоносовъ, ты произвелъ Сумарокова. Но если дѣйствіе стиховъ Ломоносова, могло размашистой сдѣлать шагъ въ образованіи стихотворческаго понятія его современникомъ, краснорѣчіе его чувствительнаго или явнаго ударенія не сдѣлало. Цвѣты, собранные имъ въ Афинахъ и въ Римѣ и столь удачно въ словахъ его пресажденные, сила выраженія Демосфенова, сладкорѣчіе Цицероново. И кто? онъ же, пресытившися обильнымъ велерѣчіемъ похвальныхъ твоихъ словъ, возгремитъ нетвоимъ хотя слогомъ, но будетъ твой воспитанникъ. Далеко ли время сіе, или близко, блудящій взоръ, скитаяся въ неизвѣстности грядущаго, не находитъ подножія остановиться. Но если мы непосредственнаго отъ витійства Ломоносова ненаходимъ отродія, дѣйствія его благогласія и звонкаго препинанія безстопной рѣчи, было однакоже всеоб-

щее: Если не было ему послѣдователя въ витійствѣ гражданскомъ, но на общій образъ письма оно распространилося. Сравни то, что писано до Ломоносова и то что писано послѣ его, дѣйствіе его прозы будетъ всѣмъ внятно. Но не заблуждаемъ ли мы въ нашемъ заключеніи? За долго до Ломоносова находимъ въ Россіи краснорѣчивыхъ пастырей церкви, которые возвѣщая слово Божіе пастьбѣ своей, ее учили и сами словомъ своимъ славилися. Правда они были; но слогъ ихъ не былъ слогъ Россійской. Они писали какъ можно было писать до нашествія татаръ; до сообщенія Россіянъ съ народами Европейскими. Они писали языкокомъ Славенскимъ. Но ты, зрѣвшій самаго Ломоносова и въ твореніяхъ его поучаяся, можетъ быть, велерѣчію, забвенъ мною не будешъ. Когда Россійское воинство порожая, гордыхъ отомановъ, превысило чаяніе всѣхъ, на подвиги его взирающихъ окомъ равнодушнымъ или завистливымъ, ты, призванный на торжественное благодареніе Богу браней, Богу силъ, о! ты въ восторгѣ души твоей, къ Петру взывавшій надъ гробницею его, да придетъ зрѣти плода своего насажденіи, — возстани, Петръ, возстани» когда очарованное тобою ухо, очаровало по

чредѣ око, когда казалося всѣмъ, что приспѣвый к граду Петрову, воздвигнути его желаешь, силою вышнею одаренный: тогда бы и я вещалъ къ Ломоносову, зри зри и здѣсь твое насажденіе. Но если онъ слову могъ тебя научить..... Въ Платонѣ душа Платона, и да восхититъ и удивитъ насъ, то, чему учило его сердцѣ. Чуждый раболѣбствованія нетонмо въ томъ, что благоговѣніе наше возбуждать можетъ, но даже и въ любленіи нашемъ, мы, отдавая справедливость великому мужу, невозмнимъ быти ему Богомъ всезиждущимъ, не посвятимъ его истуканомъ на поклоненіе обществу, и небудемъ пособниками въ укореніи кого либо, предразсужденія, или ложнаго заключенія. Истина есть высшее для насъ божество, и если бы Онъ восхотѣлъ измѣнить ея образъ являялся не въ ней, лицѣ наше будетъ, отъ него отвращено. Слѣдуя истиннѣ, небудемъ въ Ломоносовѣ искать великаго дѣяписателя, несравнимъ его съ Тацитомъ, Реналемъ, или Робертсономъ; не поставимъ его на степени Марграфа или Ридигера, зане упражнялся въ химіи. Если сія наука была ему любезна, если многія дни житія своего провѣлъ онъ въ изслѣдованіи истинъ естественности, то шествіе его, было шествіе

послѣдователя. Онъ скитался путями проложенными, и въ неизчисленномъ богатствѣ природы, не нашелъ онъ ни малѣйшія былинки, которой бы не зрѣли лучшіе его очи, не соглядалъ онъ ниже грубѣйшія пружины въ вѣщественности, которую бы не обнаружили его предшественники.

Ужели поставимъ его близъ удостоившагося наилѣстнѣйшія надписи, которую человѣкъ близъ изображенія своего зрѣть можетъ? За то ли Ломоносова близь его поставимъ, что преслѣдовалъ електрической силѣ въ ея дѣйствіяхъ, что не отвращенъ былъ отъ изслѣдованія о ней, видя силою ея, учителя своего, пораженнаго смертію. Ломоносовъ умѣлъ производить електрическую силу, умѣлъ отвращать удары грома, но Фланклинъ въ сей наукѣ есть зодчій, а Ломоносовъ рукодѣлъ. Но если Ломоносовъ недостигъ великости въ испытаніяхъ природы, онъ дѣйствія ея великолѣпныя описалъ намъ слогомъ чистымъ и внятнымъ. И хотя мы не находимъ въ твореніяхъ его, до естественныя науки касающихся, изящнаго учителя естественности, найдемъ однакоже учителя въ словѣ и всегда достойный примѣръ на послѣдованіе. И такъ отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя

Ломоносова въ достойную его лучезарность, мы не ищемъ здѣсь вмѣнить ему и то въ достоинство, чего онъ не сдѣлалъ или на что не дѣйствовалъ; разпложая неистовое слово, вождаемся изступленіемъ и пристрастіемъ. Цѣль наша не сія. Мы желаемъ показать что въ отношеніи Россійской словесности, тотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ въ приобрѣтеніи славы, хотя бы онъ войти во храмъ не могъ. Баконъ Верумамскій недостоинъ развѣ напоминовенія, что могъ токмо сказать, какъ можно размножить науки? И мы не почтемъ Ломоносова, для того, что неразумѣлъ правилъ позорищнаго стихотворенія и томился въ Епопеи, что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности, что невсегда проницателенъ въ сужденіяхъ, и что въ одахъ своихъ, вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей. Но внемли: прежде начатія временъ, когда небыло бытію опоры, и все терялося въ вѣчности и неизмѣримости; все источнику силъ возможно было, вся красота вселенныя существовала въ его мысли, но дѣйствія небыло, небыло начала. И се рука всемощная, толкнувъ вещественность въ пространство, дала ей движеніе. Солнце возсіяло, луна пріяла свѣтъ и

тѣлеса крутящіеся горѣ образовалися? Первый махъ въ твореніи всесиленъ былъ; вся чудесность міра, вся его красота суть только слѣдствія. Вотъ какъ понимаю я дѣйствіе великія души надъ душами современниковъ или потомковъ; вотъ какъ понимаю дѣйствіе разума надъ разумомъ. Въ стезѣ Россійской словесности Ломоносовъ есть первый. Бѣги толпа завистливая, се потомство о немъ судитъ, — оно не лицемѣрно.

Ну, любезный читатель я, съ тобою закалякался... Вотъ уже Всесвятское... Если я тебѣ не наскучилъ, то подожди меня у околицы, мы повидаемся на возвратномъ пути. Теперь прости. — Ямщикъ, погоняй! —

Москва! Москва!!...

3

1. Безчелов. обращ. помещиков съ крестьян — 128 (Зайцево).
2. Продажа крестьян съ аукціона. 191 (Мордово).
3. Насильственный бракъ — 231. (Чумай-город).

---

1) Крестьяне раб. на себя в воскрес., а в осн. дни на помещика
2) Мест. и безчелов. обращ. помещ. съ крестьянами
3) Продажа крестьян съ аукціона
4) насильств. бракъ
5) как помещ. травили крест. на барскую собаку
6) Как принуждали жен в работу
7) Как продав. отд. брат. отъ сестр.

Проектъ освобожд. крестьянъ — Порф. 256. (Аксаковъ)
Сатирич. характ. книги — Порф. — 257
Вліяніе отщепенцевъ — Порф. — 259.

Содержаніе книги:

1) Изображеніе грековъ крепостн. эпохи
2) Проектъ освобожденія крестьянъ

Отзывы Екатеринославл. — 13-14

Въ Казанской Комиссіи:

"Имѣли ли спросы какое основаніе, могущее оправдать чувствительно повторяемое нѣкоторыми лицами въ составленіи нашего рода подозрѣніе и страхъ какихъ нарушеній, будущихъ отъ нашихъ членовъ общества?"

"Какъ скоро учрежденіе имѣло на первое для собственнаго разсмотрѣнія отношенія".

Въ вопросѣ Вольному Экономическому Обществу:

"Не имѣли бы полезно если бы предоставить въ собственникамъ, какъ они хотятъ".

Тема Вольно-экономическаго общества:

"Подробнѣе объяснить предметъ сочиненія: Baade de l'Abbé
Вальтеръ
Полиновъ.

"Разсужденіе о крѣпостномъ въ Россіи даръ свободу крестьянамъ".

"Перевести на французскій исторію Сенгера.

ДОРОЖНАЯ БИБЛІОТЕКА

ТАРАНТАСЪ

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

СОЧИНЕНІЕ

Графа В. А. СОЛЛОГУБА

ПРОДАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
И. Л. ГОЗОВА
ВЪ КІЕВѢ и ОДЕССѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1886

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

I.

Встрѣча.

Василій Ивановичъ гулялъ однажды на Тверскомъ бульварѣ.

Василій Ивановичъ — казанскій помѣщикъ лѣтъ пятидесяти, ростомъ небольшой, но такой дородности, что глядѣть на него весело. Лицо у него широкое и красное, глаза маленькіе и сѣрые. Одѣтъ онъ по-помѣщичьи: на головѣ бѣлая пуховая фуражка съ длиннымъ козырькомъ; фракъ синій съ свѣтлыми пуговицами, сшитый еще въ Казани кривымъ портнымъ, котораго вывѣска ужъ 40 лѣтъ провозглашаетъ „недавно пріѣхавшимъ изъ Петербурха“; панталоны гороховаго цвѣта, пріятно колеблющіеся живописными складками около сапогъ. Галстухъ съ огромной пряж-

кой на затылкѣ; на жилетѣ бисерный снурокъ свѣтло-небеснаго цвѣта.

Василій Ивановичъ шелъ себѣ по Тверскому бульвару и довольно лукаво посмѣивался при мысли о всѣхъ удовольствіяхъ, которыми такъ расточительно изобилуетъ Москва. Въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, Англійскій клубъ, Нѣмецкій клубъ, Коммерческій клубъ — и все столы съ картами, къ которымъ можно присѣсть, чтобъ посмотрѣть, ка́къ люди играютъ и большую и малую игру. А тамъ лото, за которымъ сидятъ помѣщики, и бильярдъ съ усатыми игроками и шутливыми маркерами. Чтó за раздолье!... А цыгане-то, а комедіи-то, а медвѣжья травля меделянскими мордашками у Рогожской заставы, а гулянье за городомъ, а театръ-то, театръ, гдѣ пляшутъ такія красавицы и ногами такіе вензеля выдѣлываютъ, что, просто, глазамъ не вѣришь. Тутъ Василій Ивановичъ вспомнилъ про грозную и дородную супругу свою, оставленную за хозяйствомъ въ казанской деревнѣ, и рѣшительно улыбнулся съ видомъ отчаяннаго повѣсы.

Въ это самое время на Тверскомъ бульварѣ гулялъ также Иванъ Васильевичъ. Иванъ Васильевичъ—молодой человѣкъ, только что вернувшійся изъ заграницы. На немъ англійскій макинтошъ безъ таліи; панталоны его сшиты у Шеврёля; палка, на которой онъ упирается, куплена у Вердье. Волосы его обстрижены по вкусу среднихъ вѣковъ, а на подбородкѣ еще видны остатки ужаснѣйшей бороды.

Прежде, когда русскій молодой человѣкъ возвращался изъ Парижа, онъ привозилъ съ собой наружность парикмахера, нѣсколько яркихъ жилетовъ, нѣсколько пошлыхъ остротъ, разныя несносныя ужимки и нестерпимо-рѣшительное хвастовство. Благодаря Бога, все это теперь вывелось. Но теперь другая крайность: теперь молодежь наша прикидывается глубокомысленною, изучаетъ политическую экономію, заботится о русской аристократіи, хлопочетъ о государственномъ благѣ, и — какъ бы вы думали? заграницей дѣлается она русскою, даже черезчуръ русскою, думаетъ только о Россіи, о величіи Россіи, о недостат-

кахъ Россіи, и возвращается на родину съ какимъ-то страннымъ восторгомъ, иногда смѣшнымъ и неумѣстнымъ, но по крайней мѣрѣ извинительнымъ и во всякомъ случаѣ болѣе похвальнымъ, чѣмъ прежнее ничтожество. Достойный представитель юной Россіи, Иванъ Васильевичъ объѣздилъ всю Европу и, вникая въ политическую болтовню перемѣшанныхъ сословій, приглядываясь къ мелкимъ страстямъ, прикрытымъ громкими именами общей пользы, свободы и просвѣщенія, онъ понялъ, какъ велика и прекрасна во многомъ его отчизна, и съ того времени загорѣлась въ немъ жаркая, хотя безсознательная любовь къ родинѣ, и съ того времени онъ началъ гордиться передъ собой и передъ цѣлымъ свѣтомъ тѣмъ, что онъ родился русскимъ человѣкомъ. Независимо, впрочемъ, отъ этого чувства, на подобіе прочихъ нашихъ государственныхъ юношей, привезъ онъ изъ заграницы горячій восторгъ къ парижской оперѣ и нѣжныя воспоминанія о парижскихъ загородныхъ балахъ.

И такъ Иванъ Васильевичъ шелъ по Твер-

скому бульвару, поглядывая съ удивленіемъ на яркіе наряды московскихъ щеголихъ, на фантастическія ливреи ихъ небритыхъ лакеевъ и напѣвая про себя „Nel furor della tempesta“, арію чудесную изъ беллиніевской оперы „Il Pirata“. — „Господи, Боже мой“, думалъ онъ; „какъ жаль, что такъ мало здѣсь движенія и жизни... Nel furor!... То ли дѣло Парижъ... della tempesta. Ахъ, Парижъ! Парижъ! Гдѣ твои гризетки, твои театры и балы Мюзара?.. Nel furor. — Какъ вспомнишь: Лаблашъ, Гризи, Фанни Эльснеръ, а здѣсь только что спрашиваютъ, какой у тебя чинъ. Скажешь: губернскій секретарь—никто на тебя и смотрѣть не хочетъ... della tempesta!“

Въ эту минуту заглядѣлся онъ на странную громаду въ бѣлой фуражкѣ, въ гороховыхъ занавѣскахъ около ногъ, которая катилась къ нему на встрѣчу. Красный, улыбающійся ликъ показался ему знакомымъ. „Ба! да это Василій Иванычъ! подумалъ онъ. Сосѣдъ нашъ по казанской деревнѣ. Деревня у него Мордасы. Триста душъ! Хорошій хозяинъ. Боится жены.

На имянинныхъ обѣдахъ бываетъ нáвеселѣ и поетъ тогда русскія пѣсни, а иногда и приплясываетъ. Онъ вѣрно видѣлъ батюшку".

— Здравствуйте, Василій Иванычъ! учтиво сказалъ, кивая головой, молодой человѣкъ.

Василій Ивановичъ остановился и съ недовѣрчивостью на него поглядѣлъ.

„Ба, ба, ба! заревѣлъ онъ, наконецъ, громовымъ голосомъ. Ба, ба, ба! Ваня, Ванюша, Ваничка!.. Какими судьбами?

И, схвативъ испуганнаго щеголя огромными лапами, Василій Ивановичъ началъ душить его увѣсистыми поцѣлуями, не обращая вниманія на толпу гуляющихъ зѣвакъ.

— Ну, братъ, какимъ же ты чучелой выглядишь! Повернись-ка, пожалуйста... и еще... Вотъ эндакъ. Что это, мода у васъ, что ли? Ни дать, ни взять, куль, куда муку ссыпаютъ, Хорошъ, братъ! Очень хорошъ! Откуда ты?

— Я былъ заграницей.

— Вотъ-съ! А гдѣ, коль смѣю спросить?

— Въ Парижѣ шесть мѣсяцевъ.

— Такъ-съ.

— Въ Германіи, въ Италіи...

— Да, да, да, да... Хорошо... а коли смѣю спросить, много деньжонокъ изволилъ порастрясти?

— Какъ-съ?

— Много ли, братъ, промотыжничалъ?..

— Довольно-съ.

— То-то... а батюшка-то твой, мой сосѣдъ, чтó скажетъ на это? Вѣдь старики-то не очень сговорчивы на дѣтское мотовство... Да и года-то плохіе. Ты, чай, слышалъ, что у батюшки всю гречиху градомъ побило?

— Батюшка писалъ-съ. Я самъ къ нему теперь собираюсь.

— Хорошее дѣло старика утѣшить. А... смѣю спросить, какого чина?

„Такъ и есть!“ подумалъ молодой человѣкъ.

— Двѣнадцатаго класса, отвѣчалъ онъ, запинаясь...

— Гмъ... не важно... а ужъ въ отставкѣ, чай?

— Въ отставкѣ.

— То-то же! Вы, молодые люди, вбили себѣ

въ голову, что надо пренебрегать службой. Умны слишкомъ, изволите видѣть, стали! А теперь, коли смѣю спросить, что́ вы намѣрены дѣлать-сь? ась?...

— Да я бы хотѣлъ, Василій Иванычъ, посмотрѣть на Россію, познакомиться съ ней.

— Какъ-съ?

— Я хотѣлъ бы изучить свою родину...

— Что? что? что?...

— Я намѣренъ изучить свою родину.

— Позвольте, я не понимаю... Вы хотите изучать?...

— Изучать мою родину... изучать Россію.

— А какъ это вы, батюшка, будете изучать Россію?...

— Да въ двухъ видахъ... въ отношеніи ея древности и въ отношеніи ея народности, что́, впрочемъ, тѣсно связано между собой. Разбирая наши памятники, наши повѣрья и преданья, прислушиваясь ко всѣмъ отголоскамъ нашей старины, мнѣ удастся... виноватъ, намъ удастся... мы, товарищи и я... мы дойдемъ до познанія народнаго духа, нрава и требованія

и будемъ знать, изъ какого источника должно возникать наше народное просвѣщеніе, пользуясь примѣромъ Европы, но не принимая его за образецъ.

— По-моему, сказалъ Василій Ивановичъ, я нашелъ тебѣ самое лучшее средство изучать Россію — жениться. Брось пустыя слова, да поѣдемъ-ка, братъ, въ Казань. Чинъ у тебя небольшой, однакожъ офицерскій, имѣніе у васъ дворянское: партію ты легко найдешь. На невѣстъ у насъ, слава Богу, урожай... Женись-ка, право, да ступай жить съ старикомъ. Пора и о немъ подумать. Эхъ, братъ, право-ну! Ты вѣдь думаешь, въ деревнѣ скучно? Ничуть. По утру въ поле, а тамъ закусить, да пообѣдать, да выспаться, а тамъ къ сосѣдямъ... А имянины-то, а псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... а?... Житье, братъ... что твой Парижъ. Да, главное, какъ заведутся у тебя ребятишки, да родится у тебя рожь самъ-восемь, да на гумнѣ столько хлѣба наберется, что не успѣешь молотить, а въ карманѣ столько цѣлковыхъ, что не со-

чтешь—такъ, по-моему, ты славно будешь знать Россію—а?...

— Конечно, сказалъ Иванъ Васильевичъ. Оно бы недурно.

— Знаешь что? Ты въ Казань ѣдешь?

— Въ Казань.

— Когда?

— Да чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Прекрасно! А въ чемъ, коли смѣю спросить?..

— Я еще самъ не знаю.

— У тебя вѣдь нѣтъ экипажа?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Безподобно! Мы поѣдемъ вмѣстѣ.

— Какъ-съ?

— Мы вмѣстѣ поѣдемъ. Я отвезу тебя къ старику... У тебя вѣдь, чай, лишнихъ деньжонокъ нѣтъ?

— Помилуйте... я не понимаю...

— Полно важничать! Говори правду...

— Я точно немного стѣсненъ теперь.

— Ну, ну, ну... вотъ видишь. Давно бы такъ. Я отвезу тебя, а съ отцомъ мы сочтемся...

— Позвольте...

— Что еще?

— Мнѣ совѣстно-съ.

— Вотъ вздоръ какой! Мы, батюшка, люди русскіе. Перестань, братъ, франтить. Со мной безъ церемоніи. По рукамъ, что ли?..

— Я очень буду вамъ обязанъ.

— Ну, и хорошо, и прекрасно! А послушай-ка, знаешь ли, въ чемъ мы поѣдемъ — а?

— Въ каретѣ?

— Нѣтъ.

— Въ коляскѣ?

— Нѣтъ.

— Въ бричкѣ?

— И нѣтъ.

— Въ кибиткѣ!

— Вовсе нѣтъ.

— Такъ въ чемъ же?

Тутъ Василій Ивановичъ лукаво улыбнулся и провозгласилъ торжественно:

— Въ тарантасѣ!

II.

Отъѣздъ.

Нѣсколько дней спустя, на Собачьей площадкѣ, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ происходила необыкновенная суматоха. На дворѣ ямщикъ хлопоталъ около почтовыхъ лошадей; по лѣстницѣ бѣгали и суетились служанки; въ комнатахъ, по полу, валялись чемоданы, ящики, веревки, сѣно и всякая дрянь. Въ мезонинѣ Василій Ивановичъ стоялъ передъ зеркаломъ и приготовлялся къ дорогѣ.

Огромный вязаный шарфъ съ радужными отливами—драгоцѣнный признакъ супружескаго долготерпѣнія — обвязывалъ его мощную шею. На ногахъ натянуты были бѣлыя кеньги, а на туловищѣ мохнатый ергакъ съ шерстью снаружи придавалъ Василью Ивановичу красоту гомерическую. По обѣимъ сторонамъ его почтительно стояли хозяинъ дома съ рукой за пазухой и хозяйка, толстая купчиха, съ пирогомъ, испеченнымъ для дороги, и оба кланялись туч-

ному помѣщику, приговаривая съ разными ужимками:

— Позвольте проводить вашу милость... и пожелать вамъ всякаго благополучія. Просимъ покорнѣйше... покорнѣйше просимъ принять хлѣбъ-соль нашу на дорогу — чѣмъ Богъ послалъ. Просимъ не побрезгать, а кушать на здоровье. Путемъ можетъ пригодиться. Коли Богъ приведетъ вашу милость въ Москву обратно, нижайше просимъ насъ не обидѣть, не проѣзжать мимо нашей фатеры. Мы, признательно сказать, такимъ особамъ оченно, по искренности, ради. Покорнѣйше просимъ.

— Спасибо, хозяинъ, отвѣчалъ благосклонно Василій Ивановичъ; спасибо, хозяюшка. Буду васъ помнить и добромъ поминать. Эй, Сенька! Возьми пирогъ, да уложи хорошенько въ ногахъ—слышишь ли? Авось Богъ приведетъ свидѣться... Смотри, чтобъ не искрошился... Мы жили съ вами дружно... Тебѣ, каналья, все равно.

Василій Ивановичъ положилъ книжникъ въ боковой карманъ вмѣстѣ съ подорожной, ко-

шелекъ въ шаравары, подвязалъ ергакъ кушакомъ и, перекрестившись предъ образомъ, немного посидѣвъ и трижды обнявшись и съ хозяиномъ и съ хозяйкой, вышелъ на дворъ для послѣднихъ путевыхъ приготовленій.

На дворѣ во всей степной красотѣ своей рисовался тарантасъ.

Но что̀ за тарантасъ! Что̀ за удивительное изобрѣтеніе ума человѣческаго!..

Вообразите два̀ длинные шеста, двѣ параллельныя дубины, неизмѣримыя и безконечныя; посреди нихъ какъ будто брошена нечаянно огромная корзина, округленная по бокамъ, какъ исполинскій кубокъ, какъ чаша преждепотопныхъ обѣдовъ; на концахъ дубинъ придѣланы колеса, и все это странное созданіе кажется издали какимъ-то дикимъ порожденіемъ фантастическаго міра. Но что̀ сказать объ искусствѣ, благодаря коему тарантасъ въ нѣсколько минутъ вдругъ исчезъ подъ сундучками, чемоданчиками, ящиками, коробами, коробочками, корзинками, боченками и всякой всячиной всѣхъ родовъ и видовъ? Во-первыхъ, въ выдолблен-

номъ сосудѣ не было сидѣнья: огромная перина ввалилась въ пропасть и сравняла свои верхнія затрапезныя полосы съ краями отвислыхъ боковъ. Потомъ семь пуховыхъ подушекъ въ ситцевыхъ наволочкахъ, нарочно темнаго цвѣта для дорожной грязи, возвысились пирамидой на мягкомъ своемъ основаніи. Въ ногахъ поставленъ въ рогожномъ кулѣ дорожный пирогъ, фляжка съ анисовой водкой, разныя жареныя птицы, завернутыя въ сѣрой бумагѣ, ватрушки, ветчина, бѣлые хлѣбы, калачи и такъ называемый погребецъ, неизбѣжный спутникъ всякаго степнаго помѣщика. Этотъ погребецъ, обитый снаружи тюленьей шкурой, щетиной вверхъ, перетянутый жестяными обручами, заключаетъ въ себѣ цѣлый чайный приборъ — изобрѣтеніе, безъ сомнѣнія, полезное, но вовсе не замысловатой отдѣлки. Откройте его: подъ крышкой подносъ, а на подносѣ передъ вами красуется спящая подъ деревомъ невинная пастушка, борзо очерченная въ трехъ розовыхъ пятнахъ рѣшительнымъ взмахомъ кисти базарнаго живописца. Въ ларцѣ, внутри обклеен-

номъ обойной бумагой, чинно стоитъ чайникъ грязно-бѣлаго цвѣта съ золотымъ ободочкомъ; къ нему сосѣдятся стеклянный графинъ съ чаемъ, другой, подобный ему, съ ромомъ, два стакана, молочникъ и мелкія принадлежности чайнаго удовольствія. Впрочемъ, русскій погребецъ вполнѣ заслуживаетъ наше уваженіе. Онъ одинъ у насъ, среди общихъ перемѣнъ и усовершенствованій, не измѣнилъ своего первообразнаго типа, не увлекся приманками обманчивой красоты, а равнодушно и неприкосновенно прошелъ черезъ всѣ перевороты времени... Вотъ каковъ русскій погребецъ! Кругомъ всего тарантаса нанизаны кульки и картоны. Въ одномъ изъ нихъ чепчикъ и пунцовый тюрбанъ съ Кузнецкаго моста, отъ мадамъ Лебуръ, для супруги Василья Ивановича; въ другихъ дѣтскія книги, куклы и игрушки для дѣтей Василія Ивановича и, сверхъ того; двѣ лампы для дома, нѣсколько посуды для кухни и даже нѣсколько колоніальныхъ провизій для стола Василья Ивановича, все купленное по данному изъ деревни реестру. Наконецъ, сзади три чу-

довищные чемодана, набитые всякимъ хламомъ и перетянутые веревками, возвышаются луксорскимъ обелискомъ на задней части нашей путевой колесницы.

Рыжій ямщикъ началъ съ недовольнымъ видомъ впрягать въ тарантасъ трехъ чахлыхъ лошадей.

Въ эту минуту въѣхалъ на дворъ, на извощикѣ, Иванъ Васильевичъ. Воротникъ макинтоша его былъ поднятъ выше ушей; подъ мышкой былъ у него небольшой чемоданчикъ, а въ рукахъ держалъ онъ шелковый зонтикъ, дорожный мѣшокъ съ стальнымъ замочкомъ и прекрасно переплетенную въ коричневый сафьянъ книгу со стальными стежками и тонко очиненнымъ карандашомъ.

— А, Иванъ Васильичъ! сказалъ Василій Ивановичъ. Пора, батюшка. Да гдѣ же кладь твоя?

— У меня ничего нѣтъ больше съ собой.

— Эва!—Да ты, братъ, эдакъ въ мѣшкѣ-то своемъ замерзнешь. Хорошо, что у меня есть лишній тулупчикъ на заячьемъ мѣху... Да-бишь,

скажи, что̀ подъ тебя подложить, перину или тюфякъ?

— Какъ? съ ужасомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Я у тебя спрашиваю, что̀ ты больше любишь, тюфякъ или перину?

Иванъ Васильевичъ готовъ былъ бѣжать и съ отчаяньемъ поглядывалъ со стороны на сторону. Ему казалось, что вся Европа увидитъ его въ тулупѣ, въ перинѣ и въ тарантасѣ.

— Ну, чтожъ? спросилъ Василій Ивановичъ.

Иванъ Васильевичъ собрался съ духомъ.

— Тюфякъ! сказалъ онъ едва внятно.

— Ну, хорошо. Сенька, подложи ему тюфячокъ, да пошевеливайся, олухъ!

Сенька, въ нагольномъ тулупѣ, принялся снова за свою циклопическую работу.

Василій Ивановичъ продолжалъ съ довольной улыбкой:

— А каковъ тарантасикъ-то? — ась?.. Сущая колыбель! Не опрокинетесь никогда, и чинить нигдѣ не надо, не то, что ваши рессорные экипажи: что шагъ, то починка. А мягко-то,

какъ словно въ кровати. Знай только переваливайся себѣ съ боку на бокъ, завернись потеплѣе, да и спи себѣ хоть всю дорогу.

Иванъ Васильевичъ глядѣлъ довольно грустно на своего спутника, ни мало не убѣждаясь въ возможности предстоящихъ наслажденій. Но дѣлать было ему нечего. Попромотавшись, какъ слѣдуетъ русскому человѣку, заграницей, онъ, если говорить правду, точно не зналъ, ка́къ добраться до отцовской деревни.

И вотъ открывался ему прекрасный случай. Василій Ивановичъ, пріятель отца его, отвозилъ его въ долгъ.

Дорогой же онъ можетъ изучать свою родину. Все бы хорошо. Но эта неблагородная перина, но эти ситцевыя подушки, но этотъ ужасный тарантасъ!..

Иванъ Васильевичъ тяжко вздохнулъ и глухо примолвилъ въ припѣвъ: Nel furor della tempesta... Пора бы ѣхать.

И точно пора. Лошади готовы. Кругомъ тарантаса суетятся хозяева, сидѣльцы и служанки. Всѣ и помогаютъ, и кланяются, и же-

лаютъ счастливой дороги. Василій Ивановичъ, при общемъ пособіи, подталкиваніи и подпихиваніи, вскарабкался наконецъ на свое мѣсто и опустился на перину; за нимъ влѣзъ Иванъ Васильевичъ и утопулъ въ подушкахъ. Сенька сѣлъ подлѣ кучера.

— Ну, готово?

— Готово.

— Ну, смотри же, разбирать дорогу. Подъ гору сдерживать лошадей. Не скакать и не останавливаться, а ѣхать рысью... шагъ, шагъ, шагъ... Сенька! не дремать на козлахъ—слышишь ли, чучело?.. какъ разъ свалишься. Ну, съ Богомъ, въ добрый часъ, въ Архангельской... Пошелъ!..

Тарантасъ пошатнулся и поплелся себѣ, переваливаясь съ бока на бокъ...

— Прощайте, хозяева.

— Прощайте, батюшка Василій Ивановичъ... Просимъ не забывать. Покорнѣйше просимъ.

И хозяева, и сидѣльцы, и служанки, все высыпало за ворота поглазѣть вослѣдъ тарантасу до того времени, пока онъ не скрылся

наконецъ изъ вида. И покатился тарантасъ по Москвѣ бѣлокаменной и ни въ комъ не возбудилъ удивленія. А было чему подивиться, глядя на уродливую колымагу съ подушками, на которой лежалъ мохнатый помѣщикъ, подобно изнѣженному медвѣдю; не малаго удивленія заслуживалъ и торчащій подлѣ него франтикъ въ макинтошѣ и съ недовольной физіономіей, да въ своемъ родѣ не менѣе замѣчателенъ былъ на козлахъ и Сенька въ бараньей шкурѣ, словно дикарь ледовитыхъ пустынь. Все это въ другихъ краяхъ возбудило бы непремѣнно общее любопытство, но въ Москвѣ проходящіе, привыкнувъ къ подобнымъ картинамъ, не обращали на тарантасъ ни малѣйшаго вниманія. Одни лишь уличные мальчишки, дергая другъ друга за кафтаны, говорили между собою мимоходомъ:

— Вишь какой-то ѣдетъ помѣщикъ. Экъ его раздуло!

III.

Начало путевыхъ впечатлѣній.

Когда путешественники выѣхали за заставу, между ними завязался разговоръ.

— Василій Иванычъ!

— Что̀, батюшка?

— Знаете ли, о чемъ я думаю?

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

— Я думаю, что такъ какъ мы собираемся теперь путешествовать...

— Что̀, что̀, батюшка?.. Какое путешествіе?

— Да вѣдь мы теперь путешествуемъ.

— Нѣтъ, Иванъ Васильичъ, совсѣмъ нѣтъ. Мы просто ѣдемъ изъ Москвы въ Мордасы, черезъ Казань.

— Ну, да вѣдь это тоже путешествіе.

— Какое, батюшка, путешествіе. Путешествуютъ тамъ, заграницей, въ Нѣмечинѣ; а мы что̀ за путешественники? Просто дворяне, ѣдемъ себѣ въ деревню.

— Ну, да все равно. Такъ какъ мы отправляемся теперь въ дорогу...

— А, вотъ это, пожалуй.

— То мнѣ кажется, что я могу употребить время... нашего, какъ бы сказать... поѣзда съ пользой.

— А съ какой же, батюшка, пользой? Ума не приложу.

— Извольте видѣть: заграницей теперь мода издавать свои путевыя впечатлѣнія. Тутъ помѣщается всякая всячина: гдѣ ночевалъ, кого видѣлъ, что́ понялъ и что́ угадалъ, наблюденія о нравахъ, о просвѣщеніи, о степени искусствъ, о движеніи торговли, о древностяхъ и о современности, однимъ словомъ, о цѣломъ бытѣ народномъ. Потомъ все это собирается и печатается подъ названіемъ путевыхъ впечатлѣній.

— Вотъ-съ!

— Къ сожалѣнію, эти впечатлѣнія не всегда носятъ отпечатокъ истины и оттого теряютъ свое достоинство. Къ тому же все, что́ можно было сказать о западныхъ государствахъ, пересказано и перепечатано. Заключенія сдѣланы, мнѣнія опредѣлены: наблюдателю негдѣ разгуляться.

— Къ чему же вы, батюшка мой, рѣчь эту ведете?

— Вотъ къ чему. Путевыя впечатлѣнія заграницей никому не нужны, потому что новаго въ нихъ ничего быть не можетъ; но путевыя впечатлѣнія въ Россіи могутъ много явить любопытнаго, въ особенности, если они будутъ руководствоваться одной истиной. Подумайте, какое обильное поле для изысканій: изученіе древнихъ памятниковъ, изученіе нашей прекрасной, нашей великой и святой родины. Вы меня понимаете?..

— Нѣтъ, братъ. Ты все такое мелешь странное...

— Моя надежда, мое желаніе, моя цѣль, продолжалъ, воспламеняясь, Иванъ Васильевичъ,—сдѣлаться хоть чѣмъ нибудь полезнымъ для моихъ соотечественниковъ. Вотъ для чего, Василій Иванычъ, я хочу записывать все, что̀ буду видѣть; буду записывать, не мудрствуя лукаво, а придерживаясь только правды, одной правды. Со мной дорожная чернильница и толстая тетрадь бумаги, прибавилъ онъ торже-

ственно, указывая на величественную книгу, которая покоилась у него на колѣняхъ.—Эта книга должна прославить меня въ цѣлой Россіи. Это книга моихъ путевыхъ впечатлѣній. Друзья мои будутъ читать ее, и дай Богъ, чтобъ она внушила имъ желаніе вникнуть глубже въ тѣ предметы, которые я могу обозначить только мимоходомъ.

— А чтожъ вы думаете писать въ ней? спросилъ Василій Ивановичъ.

— Все, что̀ встрѣтится намъ дорогой истинно любопытнаго, истинно достойнаго вниманія; все, что̀ я могу почерпнуть о̀ русскомъ народѣ и о его преданіяхъ, о русскомъ мужикѣ и о русскомъ бояринѣ, которыхъ я люблю душевно, точно такъ, какъ я душевно ненавижу чиновника и то уродливое безъименное сословіе, которое возникло у насъ отъ грязнаго притязанія на какое-то жалкое, непонятное просвѣщеніе.

— А отчего же это, батюшка, ненавидите вы чиновниковъ? спросилъ Василій Ивановичъ.

— Это не значитъ, что я ненавижу людей,

служащихъ совѣстливо и благородно, напротивъ, я ихъ уважаю отъ души; но я ненавижу тотъ жалкій типъ грубой необразованности, который встрѣчается и между дворянами, и между мѣщанами, и между купцами и который я называю потому вовсе неточнымъ именемъ чиновника.

— Отчего же, батюшка?

— Потому что тѣ, которыхъ я такъ называю, за неимѣніемъ прочнаго основанія, придаютъ себѣ только наружность просвѣщенія, а въ самомъ дѣлѣ гораздо невѣжественнѣе самаго простаго мужика, котораго природа еще не испорчена; потому что въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, ни нрава, ни обычая; потому что они своей трактирной образованностью, своимъ самодовольнымъ невѣжествомъ, своимъ грязнымъ щегольствомъ не только останавливаютъ развитіе истиннаго просвѣщенія, но нерѣдко направляютъ его во вредную сторону. Это созданіе уродливое, приросшее къ народной почвѣ, но совершенно чуждое народной жизни. Взгляните на него: куда дѣвались благородныя черты

нашего народа? Онъ дуренъ собой, онъ грязенъ, онъ пьетъ запоемъ, а не въ праздники, какъ мужикъ; онъ-то беретъ взятки, онъ-то старается всѣхъ притѣснять и въ то же время дуется и гордится предъ простымъ народомъ тѣмъ, что онъ играетъ на бильярдѣ и ходитъ во фракѣ. Подобное племя — племя испорченное, переродившееся отъ прекраснаго начала. Посмотрите-ка на русскаго мужика: что̀ можетъ быть его красивѣе и живописнѣе? Но, по предосудительному равнодушію, у насъ въ высшемъ кругу мало о немъ заботятся, или смотрятъ на него какъ на дикаря Алеутскихъ острововъ, а въ немъ-то и таится зародышъ русскаго богатырскаго духа, начало нашего отечественнаго величія.

— Хитрые бываютъ бестіи! замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Хитрые, но потому-то и умные, способные къ подражательству, къ усвоенію новаго и, слѣдовательно, къ образованію. Въ другихъ краяхъ крестьянинъ, что̀ ему ни показывай, все себѣ будетъ землю пахать; а у насъ: вамъ

только приказать стоитъ—и онъ сдѣлается музыкантомъ, мастеровымъ, механикомъ, живописцемъ, управителемъ—чѣмъ угодно.

— Чтò правда, то правда, сказалъ Василій Ивановичъ.

— И къ тому-жъ, продолжалъ Иванъ Васильевичъ, въ какомъ народѣ найдете вы такое инстинктивное понятіе о своихъ обязанностяхъ, такую готовность помочь ближнему, такую веселость, такое радушіе, такое смиреніе и такую силу?

— Лихой народъ, нечего сказать! замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— А мы гнушаемся его, мы смотримъ на него съ пренебреженіемъ, какъ на оброчную статью; и не только мы ничего не дѣлаемъ для его умственнаго усовершенствованія, но мы всячески стараемся его портить.

— Какъ это? спросилъ Василій Ивановичъ.

— Вотъ какъ. Гнуснымъ устройствомъ дворни. Дворовый ничто иное, какъ первый шагъ къ чиновнику. Дворовый обритъ, ходитъ въ длиннополомъ сюртукѣ домашняго сукна. Дво-

ровый служитъ потѣхой праздной лѣни и привыкаетъ къ тунеядству и разврату; дворовый же пьянствуетъ и воруетъ, и важничаетъ и презираетъ мужика, который за него трудится и платитъ за него подушныя. Потомъ, при благополучныхъ обстоятельствахъ, дворовый вступаетъ въ конторщики, въ вольноотпущенные, въ приказные; приказный презираетъ и двороваго, и мужика, и учится уже крючкотворству, и потихоньку отъ исправника подбираетъ себѣ куръ да гривенники. У него сюртукъ нанковый, волосы примазанные. Онъ обучается уже воровству систематическому. Потомъ приказный спускается на ступень ниже, дѣлается писцомъ, повытчикомъ, секретаремъ и наконецъ настоящимъ чиновникомъ. Тогда сфера его увеличивается; тогда получаетъ онъ другое бытіе: презираетъ и мужика, и двороваго, и приказнаго, потому что они, изволите видѣть, люди необразованные. Онъ имѣетъ уже высшія потребности и потому крадетъ уже ассигнаціями. Ему вѣдь надо пить донское, курить табакъ Жукова, играть въ банчикъ, ѣздить въ тарантасѣ, вы-

писывать для жены чепцы съ серебряными колосьями и шелковыя платья. Для этого онъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, вступаетъ на свое мѣсто, какъ купецъ вступаетъ въ лавку, и торгуетъ своимъ вліяніемъ, какъ товаромъ. Попадется иной, другой... Ничто ему, говорятъ собратья: бери, да умѣй.

— Не всѣ же таковы, замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Разумѣется, не всѣ, но исключенія не измѣняютъ правила.

— И къ тому-жъ, прибавилъ Василій Ивановичъ, губернскіе чиновники избираются у насъ большею частью дворянствомъ.

— То-то и грустно!—сказалъ Иванъ Васильевичъ. То, что въ другихъ краяхъ предметъ домогательства народнаго, у насъ представляется само собой. Мы не должны, мы не можемъ смѣть жаловаться на правительство, которое предоставило намъ самимъ выборъ своихъ уполномоченныхъ для внутренняго распоряженія нашими дѣлами. Грѣха таить нечего. Во всемъ виноваты мы, мы, дворяне, мы, помѣщики, ко-

торые шутимъ и смѣемся надъ тѣмъ, что̀ должно было бы быть предметомъ глубокихъ размышленій. Въ каждой губерніи есть и теперь люди образованные, которые, при содѣйствіи законовъ, могли бы дать благодѣтельное направленіе цѣлой области; но всѣ они почти бѣгаютъ отъ выборовъ, какъ отъ чумы, предоставляя ихъ кознямъ и разсчетамъ мелкихъ сплетниковъ и губернскихъ крикуновъ. Большіе же владѣтели, гуляя на Невскомъ проспектѣ, или загулявшись заграницей, почти никогда не заглядываютъ въ свои помѣстья. Выборы для нихъ—каррикатура. Исправникъ, засѣдатель — каррикатуры, прекрасно выставленныя въ „Ревизорѣ". И они тѣшатся надъ ихъ лысинами, надъ ихъ брюхами, не думая, что они ввѣряютъ имъ не только свое настоящее благоденствіе и благоденствіе своихъ крестьянъ, но — что̀ страшно вымолвить—и будущую свою судьбу. Да! Еслибъ мы не приняли этого жалкаго направленія, еслибъ мы не были такъ непростительно легкомысленны, какъ хорошо было бы призваніе русскаго дворянства, которому предназначено было

идти впереди и указывать цѣлому народу на путь истиннаго просвѣщенія. Повторяю: виноваты мы сами, мы, помѣщики, мы, дворяне. Русскіе бояре могли бы много принести пользы отечеству; а что̀ они сдѣлали?..

— Попромотались, голубчики, замѣтилъ основательно Василій Ивановичъ.

— Да, продолжалъ Иванъ Васильевичъ, попромотались на праздники, на театры, на любовницъ, на всякую дрянь. Всѣ старинныя имена наши исчезаютъ; гербы нашихъ княжескихъ домовъ развалились въ прахъ, потому что не на что ихъ возстановить, и русское дворянство зажиточное, радушное, хлѣбосольное, отдало родовыя свои вотчины оборотливымъ купцамъ, которые въ роскошныхъ палатахъ подѣлали фабрики. Гдѣ же наша аристократія?.. Василій Иванычъ, что̀ думаете вы о нашихъ аристократахъ?

— Я думаю, сказалъ Василій Ивановичъ, что намъ на станціи не будетъ лошадей.

IV.

Станція.

Къ несчастію, предвѣщаніе Василія Ивановича дѣйствительно оправдалось.

Тарантасъ остановился у низенькой избушки, передъ которой четырехугольный пестрый столбъ означалъ жилище станціоннаго смотрителя. На дворѣ было ужъ темно. Тусклый фонарь едва-едва освѣщалъ наружную лѣстницу, дрожащую подъ навѣсомъ. За избушкой тянулся трехсторонній сарай, крытый соломой, изъ котораго выглядывали лошади, коровы, свиньи и цыплята. Посреди мягкаго и влажнаго двора стоялъ полуразвалившійся четырехугольный бревенчатый колодезь. У самаго подъѣзда толпились, прибѣжавъ съ разныхъ сторонъ, безобразные нищіе, безногіе, нѣмые, слѣпые, съ высохшими руками, съ отвратительными ранами, въ лохмотьяхъ, съ всклокоченными бородами. Тутъ были и пьяныя старухи, и блѣдныя женщины, и дѣти въ однѣхъ рубашонкахъ, вынувшія руки

изъ рукавовъ и скрестившія ихъ на груди отъ холода. Грустно было слышать ихъ притворный, выученный голосъ среди мычанья, моленья и взаимной брани уродливой толпы, которая, толкая другъ друга, съ жадностью бросилась къ тарантасу, выказывая раны и протягивая руки.

Между тѣмъ, пока наши путники, утомленные отъ перваго перевала, выпутывались изъ перинъ и подушекъ, смотритель, въ изношенномъ зеленомъ мундирномъ сюртукѣ, вышелъ на крыльцо и посмотрѣлъ на пріѣзжихъ подъ руку.

— Тарантасъ, сказалъ онъ довольно презрительно. — Тройка — подождать могутъ... Да отвяжитесь вы, анаѳемы! закричалъ онъ нищимъ.

Какъ стая испуганныхъ собакъ, безобразная толпа разбѣжалась во всѣ стороны, и пріѣзжіе вошли въ избу на станцію. Смотритель привѣтствовалъ ихъ весьма хладнокровно.

— Какъ вамъ угодно, а лошадей у меня нѣтъ. Такой разгонъ, что не дай Богъ!

— Какъ лошадей нѣтъ! закричалъ Иванъ Васильевичъ.

— Извольте сами въ книгѣ посмотрѣть. По штату всего девять троекъ. Утромъ проѣхала надворная совѣтница, взяла шесть лошадей, да тяжелая почта — три тройки, да полковникъ одинъ по казенной надобности — четыре лошади.

— Такъ все-таки у васъ остается восемь лошадей, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, извольте въ книгѣ посмотрѣть.

— Да куда-жъ дѣвались восемь-то лошадей?

— Курьерскія лошади точно есть, да дать-то ихъ я не смѣю: неравно курьеръ поѣдетъ — сами подумайте.

— Да мы будемъ жаловаться.

— Извольте, батюшка, жаловаться. Вотъ вамъ и книга: извольте записаться, а лошадей у меня нѣтъ.

— Между Москвой и Владиміромъ, замѣтилъ Василій Ивановичъ, никогда ни на одной станціи нѣтъ лошадей *), когда бы ни прі-

*) Въ настоящее время это обвиненіе вовсе не справедливо.

ѣхалъ: видно, разгонъ такой большой. Никакъ я здѣсь тринадцатый разъ проѣзжаю, а все та же исторія—что̀ ты станешь дѣлать?

— Можно вольныхъ нанять, сказалъ болѣе благосклоннымъ голосомъ смотритель.

— Вольныхъ! заревѣлъ Василій Ивановичъ.— Знаю я этихъ архибестій, Іуды, канальи, по полтинѣ съ лошади за версту дерутъ. Три дня здѣсь проживу, а не найму вольныхъ.

— Извѣстное дѣло-съ, замѣтилъ смотритель, дешево не везутъ. Воля ихняя; впрочемъ, и кормы теперь дорогіе.

— Мошенники! сказалъ Василій Ивановичъ.

— Намедни, продолжалъ, улыбнувшись, смотритель, одинъ генералъ съигралъ съ ними славную штуку. У меня, какъ нарочно, два фельдъегеря проѣхало, да почта, да проѣзжающіе, все такіе знатные, словомъ, ни одной лошади на конюшнѣ. Вотъ вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ деньщикъ, высокій такой, съ усищами... „Пожалуйте-де къ генералу“. Я только что успѣлъ застегнуть сюртукъ, выбѣжалъ въ сѣни, слышу, генералъ кричитъ: „лошадей!“ Бѣда

такая. Нечего дѣлать. Подошелъ къ коляскѣ. „Извините, молъ, ваше превосходительство, всѣ лошади въ разгонѣ“.—„Врешь ты, каналья! закричалъ онъ. Я тебя въ солдаты отдамъ. Знаешь ли ты, съ кѣмъ ты говоришь? — а? развѣ ты не видишь, кто ѣдетъ? — а?“ — „Вижу-молъ, ваше превосходительство, радъ бы, ей-Богу, стараться, да чѣмъ же я виноватъ?... Долго ли бѣднаго человѣка погубить“. Я туда, сюда... нѣтъ лошадей... Къ счастью, тутъ Ерёмка косой, да Андрюха лысый — народъ, знаете, такой озорный, имъ все нипочемъ — подошли себѣ къ коляскѣ и спрашиваютъ: не прикажете ли вольныхъ запречь? „Что̀ возьмете?“ спрашиваетъ генералъ... Андрюха-то и говоритъ: „двѣ бѣленькихъ, пятьдесятъ рублевъ на ассигнаціи“, а станція-то всего 16 верстъ.

„Ну, закладывайте!“ закричалъ генералъ. „Да живѣе только, растакія-то канальи!“ Обрадовались мои ямщики; лихая, знаешь, работа, по первому вишь запросу, духомъ впрягли коней, да и покатили на славу.. Пыль стол-

бомъ, а народъ-то завидуетъ: экое людямъ счастье!... Вотъ-съ, поутру какъ вернулись они на станцію, я и поздравляю ихъ съ деньгами. Вижу, что-то они почесываются. „Какія деньги, баетъ Андрюха: вишь, генералъ-то разсчиталъ ихъ по пяти копѣекъ за версту, да еще на водку ничего не далъ. Каковъ проказникъ!...

— Ха, ха, ха! заревѣлъ Василій Ивановичъ. Вотъ молодецъ! вотъ люблю! Пора ихъ, воровъ, проучить.

Иванъ Васильевичъ грустно занялся разсматриваніемъ жилья станціоннаго смотрителя.

На стѣнахъ комнаты, въ особенности на печкѣ, замѣтны еще кое-гдѣ сомнительные слѣды бѣлой краски, стыдливо скрывавшейся подъ тройнымъ слоемъ копоти и грязи. У дверей привѣшена бѣлая расписанная кукушка съ гирями и ходячимъ маятникомъ. Въ лѣвомъ углу кіотъ съ образами, а подъ нимъ длинная лавка около продолговатаго стола. На стѣнѣ росписаніе почтоваго начальства и нѣсколько лубочныхъ картинъ, изображающихъ

нравственно-аллегорическіе предметы. Между оконъ красуются изображенія Малекъ-Аделя на разъяренномъ конѣ, возвращеніе блуднаго сына, портретъ графа Платова и жалостный ликъ Женевьевы Брабантской, немного загаженный мухами. Собственное отдѣленіе смотрителя находится на правой сторонѣ. Тутъ сосредоточиваются всѣ его наклонности и привычки. Подлѣ кровати, покрытой заслуженной байкой, горделиво возвышается на трехъ ножкахъ, безъ замкóвъ и ручекъ, лучшее украшеніе комнаты—комодъ настоящаго краснаго дерева, покрытый пылью и разными бездѣлками. Но чтó за бездѣлки? Тутъ и половина очковъ, и щипцы, и сальные огарки, и баночки безъ помады, и гребеночка, и стеклянный лебедь съ духами и странной пробкой, и модныя испачканныя картинки, и бутылка съ дреймадерой, и сигарочный ящикъ безъ сигаръ, и гвозди, и тавлинка, и счеты, и цѣлое собраніе разныхъ головныхъ уборовъ. Вопервыхъ, зеленая фуражка, присвоенная казенному значенію смотрителя; потомъ шляпа черная съ

бѣлыми пятнами, которую смотритель надѣваетъ, когда онъ дѣлается свѣтскимъ человѣкомъ и отправляется съ визитомъ къ цѣловальнику или къ просвирнѣ; потомъ шляпа бѣлая съ черными пятнами, которая придаетъ ему особую обворожительность, когда онъ повѣсничаетъ и волочится за сельскими красавицами; потомъ два истертые зимніе картуза и наконецъ ермолка первобытно бархатная съ висящей полукистьей. Къ комоду придвинута пирамидочка, украшенная тремя чубуками съ перышками и кисетомъ, нѣкогда вышитымъ по канвѣ.

Иванъ Васильевичъ все осмотрѣлъ внимательно и ему стало еще грустнѣе. О чемъ онъ думалъ—Богъ его знаетъ.

Между тѣмъ комната наполнилась проѣзжающими. Вошелъ учитель Тобольской гимназіи съ женой своей, хорошенькой англичанкой, на которой онъ только что женился и которую онъ везъ на парѣ изъ Москвы въ Тобольскъ. Вошелъ студентъ, въ шинели, перевязанный шарфомъ, съ трубкой и собакой. Ввалился веселый маіоръ, который, сбросивъ

медвѣжью шубу, раскланялся со всѣми поочередно, спросилъ у каждаго, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить, откуда онъ, куда и зачѣмъ, острилъ надъ смотрителемъ, любезничалъ съ ямщикомъ, просящимъ у порога на водку, и очень понравился Василью Ивановичу.

Отъ смотрителя былъ всѣмъ одинъ отвѣтъ: „лошади теперь въ разгонѣ; какъ со станціи вернутся, задержки отъ меня не будетъ“.

Дѣлать было нечего. Василій Ивановичъ, какъ человѣкъ бывалый и распорядительный, не терялъ времени. Ужъ кипящій самоваръ бурлилъ въ кругу стакановъ и чайныхъ орудій. По сдѣланному приглашенію, бесѣда столпилась около стола, лица оживились, одежды распахнулись и чай — благовонный чай, отрада русскаго человѣка во всѣхъ случаяхъ его жизни — началъ переходить изъ рукъ въ руки, въ чашкахъ, блюдечкахъ и стаканахъ. Знакомство мало-по-малу устроилось. Бранили сперва дорогу, потомъ жаловались на недостатокъ въ лошадяхъ, потомъ перешли къ постороннимъ предметамъ. Студентъ разсказы-

валъ о дупеляхъ и заячьей травлѣ; маіоръ говорилъ ужъ всѣмъ „ты“, сообщилъ всему обществу, что онъ выходитъ въ отставку, что у него столько-то денегъ, что онъ хотѣлъ жениться, но что ему отказали, что онъ недоволенъ своею жизнію; словомъ, безъ всякаго на то вопроса со стороны слушателей, онъ повѣдалъ всю исторію свою отъ колыбели до настоящей минуты, съ примѣсью шуточекъ и прибаутокъ. Василій Ивановичъ смѣялся и трепалъ маіора по плечу, приговаривая: „военная косточка“. Иванъ Васильевичъ разспрашивалъ тобольскаго учителя про Сибирь. Одна только англичанка молчала и выразительно поглядывала на мужа. Вдругъ на дворѣ послышался шумъ. Чайное общество стало прислушиваться. Сперва подъѣхалъ къ станціи какой-то грузный экипажъ; на дворѣ сдѣлалась суматоха, послышался колокольчикъ, топотъ лошадей, и черезъ нѣсколько минутъ стукъ колесъ возвѣстилъ отъѣздъ проѣзжающаго.

— Что это такое? спросилъ Василій Ивановичъ у вошедшаго смотрителя.

— Проѣхалъ-съ тайный совѣтникъ.

Всѣ присутствующіе взглянули другъ на друга съ грустнымъ негодованіемъ.

— Гдѣ же взяли лошадей?

— Вамъ, господа, отвѣчалъ, пожимая плечами и нѣсколько смутившись, смотритель, угодно было чай кушать, а тайный совѣтникъ, господа... тайный совѣтникъ... ну, ужъ сами изволите знать.

V.

Гостинница.

Между Москвою и Владиміромъ, какъ извѣстно опытнымъ путешественникамъ, нѣтъ ни единой гостинницы, въ которой можно было бы покойно оплакивать недостатокъ въ лошадяхъ. Однѣ только каморки смотрителей, ограждающихъ себя отъ побоевъ лестными правами 14-го класса, предлагаютъ свои скамьи для грустныхъ размышленій обманутаго ожиданія. Василій Ивановичъ успѣлъ по нѣсколько разъ

въ день вынимать погребецъ свой изъ тарантаса и упиваться чаемъ. Иванъ Васильевичъ успѣлъ вдоволь надуматься о судьбахъ Россіи и наглядѣться на красоту мужиковъ, которые, сказать правду, ужъ ему начали надоѣдать. Въ книгу записывать было нечего. Вездѣ тотъ же досадный, прозаическій припѣвъ: „лошади всѣ въ разгонѣ“. Иванъ Васильевичъ взглядывалъ на Василья Ивановича. Василій Ивановичъ взглядывалъ на Ивана Васильевича и оба садились дремать другъ передъ другомъ, по нѣсколько часовъ сряду.

Къ тому же, между двумя станціями съ ними случилось поразительное несчастіе. Въ минуту сладкаго усыпленія, когда, утомившись отъ толчковъ тарантаса о деревянную мостовую, Василій Ивановичъ звучно отдыхалъ отъ житейской суеты, Иванъ Васильевичъ воображалъ себя въ Итальянской оперѣ, а Сенька качался, какъ маятникъ, на козлахъ, два чемодана и нѣсколько коробовъ отрѣзаны отъ тарантаса искусными мошенниками. Горе Василія Ивановича было истинное. Между прочими ве-

щами пропали чепчикъ и пунцовый тюрбанъ, отъ мадамъ Лебуръ съ Кузнецкаго моста, а чепчикъ и тюрбанъ, какъ извѣстно, были назначены для самой барыни, для Авдотьи Петровны.

Пріѣхавъ на станцію, онъ бросился къ смотрителю съ жалобой и просьбой о помощи. Смотритель отвѣчалъ ему въ утѣшеніе: „Будьте совершенно спокойны: вещи ваши пропали. Это ужъ не въ первый разъ: вы тутъ въ двѣнадцати верстахъ проѣзжали черезъ деревню, которая тѣмъ извѣстна: все шалуны живутъ“.

— Какіе шалуны? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Извѣстно-съ. На большой дорогѣ шалятъ ночью. Коли заснете, какъ разъ задній чемоданъ отрѣжутъ.

— Да это разбой!

— Нѣтъ, не разбой, а шалости.

— Хороши шалости! уныло говорилъ Василій Ивановичъ, отправляясь снова въ путь.— А что̀ скажетъ Авдотья Петровна?

— Хоть бы отдохнуть гдѣ нибудь въ поря-

дочномъ трактирѣ, продолжалъ не менѣе плачевно Иванъ Васильевичъ: меня такъ растрясло, что всѣ кости такъ и ломитъ. Вѣдь мы ужъ третій день какъ выѣхали, Василій Иванычъ.

— Четвертый день.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да; за-то, братъ, на почтовыхъ ѣдемъ. Вольнымъ мошенникамъ поживы отъ насъ не было.

— Поскорѣе бы пріѣхать намъ во Владиміръ: Владиміромъ могу я прекрасно начать свои путевыя впечатлѣнія. Владиміръ древній городъ; въ немъ должно все дышать древней Русью. Въ немъ-то отыскать вѣрно всего лучше источникъ нашего народнаго православнаго быта. Я вамъ ужъ говорилъ, Василій Иванычъ, что я... и не я одинъ, а насъ много, мы хотимъ выпутаться изъ гнуснаго просвѣщенія Запада и выдумать своебытное просвѣщеніе Востока.

— Это у васъ въ книгѣ? спросилъ Василій Ивановичъ.

— Нѣтъ, въ книгѣ у меня еще ничего нѣтъ. Посудите сами: можно ли было что̀ писать? Дорога, избы, смотрители — все это такъ неинтересно, такъ прозаически скучно. Право, записывать было нечего, даже еслибъ и всю спину не ломало. Да вотъ мы доѣдемъ до Владиміра...

— И пообѣдаемъ, замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Столица древней Руси.

— Порядочный трактиръ.

— Золотыя ворота.

— Только дорого дерутъ.

— Ну, пошелъ же, кучеръ.

— Эхъ, баринъ, видишь, какъ стараюсь; вишь, дорогу какъ исковеркало. Ну, сивенькая... Ну, ну... вывези, матушка!... Уважь господъ... ну!.. ну!..

Наконецъ, вдали показался Владиміръ съ куполами и колокольнями, вѣрнымъ признакомъ русскаго города.

Сердце Ивана Васильевича забилось. Василій Ивановичъ улыбнулся.

— Въ гостинницу! закричалъ онъ.

Ямщикъ пріосанился.

— Ну, сивенькая... теперь недалечко, эхъ-ма!

И ямщикъ ударилъ по чахлымъ клячамъ, которыя, по необъяснимому вдохновенію, свойственному только русскимъ почтовымъ лошадямъ, вдругъ вздернули морды и понеслись какъ вихрь. Тарантасъ прыгалъ по кочкамъ и рытвинамъ, подбрасывая улыбавшихся сѣдоковъ. Ямщикъ, подобравъ возжи въ лѣвую руку и махая кнутомъ правой, покрикивалъ только, стоя на своемъ мѣстѣ; казалось, что онъ весь забылся на быстромъ скаку и летѣлъ себѣ напропалую, не слушая ни Василья Ивановича, ни собственнаго опасенія испортить лошадей. Такова ужъ ѣзда русскаго народа.

Наконецъ, показались вѣтряныя мельницы, потянулись заборы, появились сперва избы, потомъ небольшіе деревянные домики, потомъ каменные домы. Путники въѣхали во Владиміръ. Тарантасъ остановился у большаго дома, на главной улицѣ...

— Гостиница, сказалъ ямщикъ и бросилъ возжи.

Блѣдный половой, въ запачканной бѣлой рубашкѣ и запачканномъ передникѣ, встрѣтилъ пріѣзжихъ съ разными поклонами и трактирными привѣтствіями и потомъ проводилъ ихъ по грязной деревянной лѣстницѣ въ большую комнату, тоже довольно нечистую, но съ большими зеркалами, въ рамахъ краснаго дерева и съ расписаннымъ потолкомъ. Кругомъ стѣнъ стояли чинно стулья и передъ оборваннымъ диваномъ возвышался столъ, покрытый пожелтѣвшею скатертью.

— Что есть у васъ? спросилъ Иванъ Васильевичъ у половаго.

— Все есть, отвѣчалъ надменно половой.

— Постели есть?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Иванъ Васильевичъ нахмурился.

— А что есть обѣдать?

— Все есть.

— Какъ все?

— Щи-съ, супъ-съ. Биштексъ можно сдѣ-

лать. Да вотъ на столѣ записочка, прибавилъ половой, гордо подавая сѣрый лоскутокъ бумаги.

Иванъ Васильевичъ принялся читать:

обѣтъ!

1. Супъ.—Липотажъ.
2. Говядина.—Телятина съ циндроновъ.
3. Рыба—раки.
4. Соусъ—Патиша.
5. Жаркое. Курица съ рысью.
6. Хлѣбенное. Желе сапельсиномъ.

— Ну, давай скорѣе! закричалъ Василій Ивановичъ.

Тутъ половой принялся за разныя распоряженія. Сперва снялъ онъ со стола скатерть, а на мѣсто ея принесъ другую, точно также нечистую; потомъ онъ принесъ два прибора; потомъ принесъ онъ солонку; потомъ, черезъ полчаса, когда проголодавшіеся путники ужъ брались за ложки, явился съ графиномъ съ уксусомъ.

На всѣ нетерпѣливыя требованія Василья

Ивановича, отвѣчалъ онъ хладнокровно: „сейчасъ...“ и сейчасъ продолжался ровно полтора часа. „Сейчасъ“—великое слово на Руси.

Наконецъ, явилась вожделѣнная миска со щами. Василій Ивановичъ открылъ огромную пасть и началъ упитываться. Иванъ Васильевичъ вытащилъ изъ тарелки разныя несвойственныя щамъ вещества, какъ-то: волосы, щепки и тому подобное, и принялся со вздохомъ за свой обѣдъ. Василій Ивановичъ казался доволенъ и молча ѣлъ за троихъ.

Но Иванъ Васильевичъ, несмотря на свой голодъ, едва могъ прикасаться къ предлагаемымъ яствамъ.

На соусъ патиша и курицу съ рысью взглянулъ онъ съ истиннымъ ужасомъ.

— Есть у васъ вино? спросилъ онъ у половаго.

— Какъ не быть-съ? Всѣ вина есть: шампанское, полушампанское, дри-мадера, лафиты есть. Первѣйшія вина.

— Дай лафиту, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

Половой пропалъ на полчаса и наконецъ возвратился съ бутылкой краснаго уксуса, который онъ торжественно поставилъ передъ молодымъ человѣкомъ.

— Теперь, сказалъ Василій Ивановичъ, пора на боковую. Сенька! закричалъ онъ.

Вошелъ Сенька.

— Ты обѣдалъ, Сенька?

— Похлебалъ, сударь, селянки.

— Ну, приготовь-ка мнѣ спать. Разставь стулья, да принеси мнѣ перину, да подушки, да халатъ. Видишь, Иванъ Васильевичъ, что хорошо все съ собой имѣть. А ты какъ ляжешь?

— Да я попрошу, чтобъ мнѣ принесли сѣна, сказалъ Иванъ Васильевичъ. — Сѣно есть у васъ? спросилъ онъ у половаго.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, достань, братецъ, я тебѣ дамъ на водку.

— Извольте-съ, достать можно.

Началось приготовленіе походной спальни Василья Ивановича. Половина тарантаса пе-

решла въ трактирную комнату. Перина уложилась среди сдвинутыхъ стульевъ. Василій Ивановичъ разоблачился до самой легкой одежды и тихо склонился на свое пуховое ложе.

Черезъ нѣсколько времени, половой возвратился, задыхаясь, съ цѣлымъ возомъ сѣна, который онъ повергъ въ углу комнаты. Иванъ Васильевичъ началъ грустно приготовляться къ ночлегу. Сперва положилъ онъ бережно на окно дѣвственную книгу путевыхъ впечатлѣній, вмѣстѣ съ часами и бумажникомъ; потомъ растянулъ онъ свой макинтошъ на сѣно и бросился на него съ отчаяніемъ. О, ужасъ! Подъ нимъ раздался пискъ, и изъ клочковъ сухой травы вдругъ выпрыгнула разъяренная кошка, вѣроятно заспавшаяся въ сѣнномъ сараѣ. Съ сердитымъ фырканьемъ царапнула она раза два испуганнаго юношу, потомъ вдругъ отскочила въ сторону и, перепрыгнувъ черезъ стулья и черезъ Василья Ивановича, проскользнула въ полуотворенную дверь.

— Батюшки свѣты!.. что̀ тамъ такое? кричалъ Василій Ивановичъ.

— Я легъ на кошку, отвѣчалъ жалобно Иванъ Васильевичъ.

Василій Ивановичъ засмѣялся.

— За-то у тебя, братъ, въ кровати не будетъ мышей. Желаю покойной ночи.

Мышей точно не было, но появились животныя другаго рода, которыя заставили нашихъ путниковъ съ безпокойствомъ ворочаться со стороны на сторону.

Оба молчали и старались заснуть.

Въ комнатѣ было темно и маятникъ стѣнныхъ часовъ уныло стукалъ среди ночного безмолвія. Прошло полчаса.

— Василій Иванычъ!

— Что̀, батюшка?

— Вы спите?

— Нѣтъ, не спится что-то съ дороги.

— Василій Ивановичъ!

— Что̀, батюшка?

— Знаете ли, о чемъ я думаю?

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

— Я думаю, какая для меня въ томъ польза, что здѣсь потолокъ исписанъ разными цвѣ-

точками, персиками и амурами, а на стѣнахъ большія уродливыя зеркала, въ которыхъ никогда никому глядѣться не хотѣлось. Гостиница, кажется, для пріѣзжающихъ, а о пріѣзжающихъ никто не заботится. Не лучше ли бы, напримѣръ, имѣть просто чистую комнату базъ малѣйшей претензіи на грязное щегольство, но гдѣ была бы теплая кровать съ хорошимъ бѣльемъ и безъ таракановъ; не лучше ли бы было имѣть здоровый, чистый, хотя нехитрый русскій столъ, чѣмъ подавать соусы патиша, подчивать полушампанскимъ и укладывать людей на сѣно, да еще съ кошками?

— Правда ваша, сказалъ Василій Ивановичъ. По-моему, хорошій постоялый дворъ лучше всѣхъ этихъ трактировъ на нѣмецкій манеръ.

Иванъ Васильевичъ продолжалъ:

— Я говорилъ и вѣчно говорить буду одно: я ничего ненавижу болѣе полуобразованности. Всѣ жалкія и грязныя каррикатуры несвойственнаго намъ быта не только противны для меня, но даже отвратительны, какъ уродливая смѣсь мишуры съ грязью.

— Эва! замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Гостиницы, продолжалъ Иванъ Васильевичъ, больше значатъ въ народномъ быту, чѣмъ вы думаете: онѣ выражаютъ общія требованія, общія привычки; онѣ способствуютъ движенію и взаимнымъ сношеніямъ различныхъ сословій. Вотъ этому можно бы поучиться на Западѣ. Тамъ сперва думаютъ объ удобствѣ, о чистотѣ, а украшеніе и потолки послѣднее дѣло... Василій Ивановичъ!

— Что̀, батюшка?

— Знаете ли, о чемъ я думаю?

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

— Я хотѣлъ бы устроить русскую гостиницу по своему вкусу.

— Что-жъ, батюшка, зачѣмъ дѣло стало̀?

— Это такъ... предположеніе, Василій Ивановичъ... но я увѣренъ, что гостиница моя была бы хороша, потому что я старался бы соединить съ первобытнымъ характеромъ русскаго жилья всѣ потребности уюта и мелочной опрятности, безъ которыхъ просвѣщенный человѣкъ теперь жить не можетъ. Во-первыхъ, всѣ эти

испитые, ободранные, пьяные половые—жалкое отродіе дворовыхъ, будутъ изгнаны безъ милосердія и замѣнятся услужливыми парнями, на хорошемъ жалованьѣ и подъ строгимъ надзоромъ. Внутри комнатъ стѣны будутъ у меня дубовыя, лакированныя, съ рѣзными украшеніями. На полу будутъ персидскіе ковры, а кругомъ стѣнъ мягкіе диваны... Да, очень не худо, знаете, вотъ этакъ противъ кровати устроить большой восточный диванъ, продолжалъ Иванъ Васильевичъ, переваливаясь съ безпокойствомъ на колючемъ сѣнѣ.—Я очень люблю мягкіе диваны. Вообще, я думаю, что устройство комнатъ нашихъ предковъ имѣло много сходства съ устройствомъ комнатъ на Востокѣ... Какъ вы объ этомъ думаете?...

— Василій Иванычъ! Василій Иванычъ! а?.. Что?... Какъ?... Спитъ, заключилъ съ досадой Иванъ Васильевичъ: ему хорошо на перинѣ, а мнѣ, пока моя гостиница не будетъ готова, все-таки должно проваляться всю ночь на сѣнѣ!

VI.

Губернскій городъ.

Рано утромъ, когда Василій Ивановичъ потрясалъ еще стѣны своимъ богатырскимъ храпомъ, Иванъ Васильевичъ отправился отыскивать древнюю Русъ. Ревностный отчизнолюбецъ, онъ желалъ, какъ читатель ужъ знаетъ, отодвинуть снова свою родину въ до-петровскую старину и начертать ей новый путь для народнаго преобразованія. Ему это казалось совершенно возможнымъ, во-первыхъ, потому, что нѣсколько пріятелей его были одинаковаго съ нимъ мнѣнія; во-вторыхъ, потому, что онъ Россіи не зналъ вовсе. И такъ, рано утромъ, съ любимой мыслью въ головѣ, отправился онъ бродить по Владиміру. Прежде всего онъ отправился въ книжную лавку и, полагая, что и у насъ, какъ-за границей, ученость продается задешево, потребовалъ указателя городскихъ древностей и достопримѣчательностей. На такое требованіе книгопродавецъ предложилъ

ему новый переводъ „Монфермельской молочницы“, сочиненіе Поль де-Кока, важнѣйшую, по его словамъ, книгу, а если неугодно, такъ „Пещеру разбойниковъ“, „Кровавое привидѣніе“ и прочіе ужасы новѣйшей русской словесности.

Неудовлетворенный такимъ замѣномъ, Иванъ Васильевичъ потребовалъ по крайней мѣрѣ „Виды губернскаго города“. На это книгопродавецъ отвѣчалъ, что виды у него точно есть, и что онъ ихъ дешево уступитъ, и что ими останутся довольны, но только они изображаютъ не Владиміръ, а Царьградъ. Иванъ Васильевичъ пожалъ плечами и вышелъ изъ лавки. Книжный торговецъ преслѣдовалъ его до улицы, предлагая поперемѣнно новыя парижскія каррикатуры съ русскимъ переводомъ, „Правила въ игру преферансъ“, „Новѣйшій лечебникъ“ и „Ключъ къ таинствамъ природы“.

Бѣдный Иванъ Васильевичъ пошелъ осматривать городъ безъ руководства и невольно изумился своему глубокому невѣжеству. Даромъ, что онъ читалъ нѣкогда исторію, но

онъ ничего твердаго и опредѣлительнаго удержать изъ нея не могъ. Въ головѣ его былъ какой-то туманный хаосъ: имена безъ образовъ, образы безъ цвѣта. Онъ припомнилъ и Мономаха, и Всеволода, и Боголюбскаго, и Александра Невскаго, и удѣльное время, и набѣги татаръ, но припомнилъ, какъ школьникъ твердитъ свой урокъ: ка̀къ они тутъ жили? что́ тутъ дѣлалось? — кто можетъ это теперь разсказать? Иванъ Васильевичъ осмотрѣлъ Золотыя ворота съ бѣлыми стѣнами и зеленой крышкой, постоялъ у нихъ, поглядѣлъ на нихъ, потомъ опять постоялъ, да поглядѣлъ и пошелъ далѣе. Золотыя Ворота ему ничего не сказали. Потомъ онъ пошелъ въ церкви, сперва къ Дмитріевской, гдѣ подивился необъяснимымъ іероглифамъ, потомъ въ соборъ, помолился усердно, поклонился праху князей... но могилы остались для него закрыты и нѣмы. Онъ вышелъ изъ собора съ тяжелою думою, съ тяжкимъ сомнѣніемъ.... На площади толпился народъ, расхаживали господа въ круглыхъ шляпахъ, дамы съ зонтиками; въ гости-

номъ дворѣ, набитомъ галантерейной дрянью, крикливые сидѣльцы вцѣплялись въ проходящихъ, изъ огромнаго зданія присутственныхъ мѣстъ выглядывали чиновники съ перьями за ушами; въ каждомъ окнѣ было по два, по три чиновника, и Ивану Васильевичу показалось, что всѣ они его дразнятъ... Онъ понялъ тогда, или началъ понимать, что сдѣланное сдѣлано, что его никакою силою передѣлать нельзя; онъ понялъ, что старина наша не помѣщается въ книжонкѣ, не продается за двугривенный, а должна пріобрѣтаться неусыпнымъ изученіемъ цѣлой жизни. И иначе быть не можетъ. Тамъ, гдѣ такъ мало слѣдовъ и памятниковъ, тамъ, въ особенности, гдѣ нравы измѣняются и отрѣзываютъ исторію на двѣ половины, прошедшее не составляетъ народныхъ воспоминаній, а служитъ лишь загадкой для ученыхъ. Такая грустная истина останавливала Ивана Васильевича въ самомъ началѣ великаго подвига. Онъ рѣшился выкинуть изъ книги путевыхъ впечатлѣній статью о древностяхъ и пошелъ разсѣяться на городской

бульваръ. Мѣстоположеніе этого бульвара прекрасно: на высокой горѣ, надъ самой Клязьмой; вдали разстилается равнина, сливаясь съ небосклономъ. Иванъ Васильевичъ сѣлъ на скамейку и началъ задумчиво глядѣть въ даль, неопредѣленную и туманную, какъ судьба народовъ. Онъ долго думалъ и не замѣчалъ, что какой-то господинъ, отвернувшись къ нему спиной, сидѣлъ съ нимъ на одной скамейкѣ и тоже размышлялъ, насвистывая какой-то итальянскій мотивъ.

„Ба! да это изъ „Нормы“, подумалъ Иванъ Васильевичъ и обернулся.

Оба вскрикнули въ одно время.

— Федя!

— Ваня!

— Какимъ образомъ!

— Какими судьбами!

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

— Да; кажется, съ самаго пансіона.

— Да, да... лѣть шесть.

— Нѣтъ, братъ, восемь лѣтъ. Время-то какъ идетъ! Ты какъ здѣсь?...

— Проѣздомъ; а ты...

— А я живу...

— Въ губернскомъ городѣ!

— Да; что̀ дѣлать!

— Эхъ! Да какъ ты постарѣлъ!

— А ты, братъ, такъ перемѣнился, что еслибъ не голосъ, такъ просто узнать нельзя. Откуда взялись бакенбарды?

— А, право, мы хорошо живали въ пансіонѣ.

— Веселое было время.

— Помнишь ли Ивана Лукича, инспектора, и Сидорку, разнощика, и угловаго кондитера?

— А помнишь, какъ мы въ потьмахъ забросали Ивана Лукича картофелемъ и какъ мы у учителя ариѳметики парикъ сожгли?... Правду сказать, ты лѣниво учился.

— А ты никогда урока не зналъ.

— Что̀, ты играешь еще на флейтѣ?

— Бросилъ. А ты все еще пишешь стихи?

— Давно пересталъ... Скажи-ка... что̀-жъ ты теперь подѣлываешь?

— Я былъ четыре года заграницей.

— Счастливый человѣкъ! Я чай, скучно было возвращаться?

— Совсѣмъ нѣтъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія.

— Право?

— Мнѣ совѣстно было шататься по бѣлому свѣту, не знавъ собственнаго отечества.

— Какъ, неужели ты своего отечества не знаешь?

— Не знаю, а хочу знать, хочу учиться.

— Ахъ, братецъ, возьми меня въ учители, я это только и знаю.

— Безъ шутокъ: я хочу поѣздить да посмотрѣть...

— На что же?

— Да на все: на людей и на предметы... во-первыхъ, я хочу видѣть всѣ губернскіе города.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Чтобъ видѣть ихъ жизнь, ихъ различіе.

— Да между ними нѣтъ различія.

— Какъ?

— У насъ всѣ губернскіе города похожи другъ на друга. Посмотри на одинъ—всѣ будешь знать.

— Быть не можетъ!

— Могу тебя увѣрить. Вездѣ одна большая улица, одинъ главный магазинъ, гдѣ собираются помѣщики и покупаютъ шелковыя матеріи для женъ и шампанское для себя; потомъ присутственныя мѣста, дворянское собраніе, аптека, рѣка, площадь, гостиный дворъ, два или три фонаря, будки и губернаторскій домъ.

— Однакожъ, общества непохожи другъ на друга.

— Напротивъ, общества еще болѣе похожи, чѣмъ зданія.

— Какъ это?

— А вотъ какъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ есть губернаторъ. Не всѣ губернаторы одинаковы: передъ инымъ бѣгаютъ квартальные, суетятся секретари, кланяются купцы и мѣщане, а дворяне дуются съ нѣкоторымъ страхомъ. Куда онъ ни явится, является шампанское, вино, любимое въ губерніяхъ, и всѣ

пьютъ съ поклонами за многолѣтіе отца губерніи... Губернаторы вообще люди образованные и иногда нѣсколько надменные. Они любятъ давать обѣды и благосклонно играютъ въ вистъ съ откупщиками и богатыми помѣщиками.

— Это дѣло обыкновенное, замѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

— Постой! Кромѣ губернатора, почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть и губернаторша. Губернаторша — лицо довольно странное. Она обыкновенно образована столичной жизнью и избалована губернскимъ низкопоклонствомъ. Въ первое время она привѣтлива и учтива; потомъ ей надоѣдаютъ безпрерывныя сплетни; она привыкаетъ къ угожденіямъ и начинаетъ ихъ требовать. Тогда она окружаетъ себя голодными дворянками, ссорится съ вице-губернаторшей, хвастаетъ Петербургомъ, презрительно относится о своемъ губернскомъ кругѣ и наконецъ навлекаетъ на себя общее негодованіе до самаго дня ея отъѣзда, въ каковой день все забывается, все прощается и ее провожаютъ со слезами.

— Да два лица не составляютъ города, прервалъ Иванъ Васильевичъ.

— Постой, постой! Въ каждомъ губернскомъ городѣ есть еще много лицъ: вице-губернаторъ съ супругой, разные предсѣдатели съ супругами и несчетное число служащихъ по разнымъ вѣдомствамъ. Жены ссорятся между собой на словахъ, а мужья на бумагѣ. Предсѣдатели, большею частью люди старые и занятые, съ большими крестами на шеѣ, высовываются изъ присутствія только въ табельные дни для поздравленія начальства. Прокуроръ почти всегда человѣкъ холостой и завидный женихъ. Жандармскій штабъ-офицеръ—добрый малый. Дворянскій предводитель—охотникъ до собакъ. Кромѣ служащихъ, въ каждомъ городѣ живутъ и помѣщики, обыкновенно скупые или промотавшіеся. Они постигли великую тайну, что какъ карты созданы для человѣка, такъ и человѣкъ созданъ для картъ. А потому съ утра до вечера, а иногда и съ вечера до утра, козыряютъ они себѣ въ пички да въ бубандрясы, безъ малѣйшей усталости. Разумѣется, что

и служащіе отъ нихъ не отстаютъ. Ты играешь въ вистъ?

— Нѣтъ.

— Въ преферансъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ тебѣ и безпокоиться не нужно; ты въ губерніи пропадешь. Да, можетъ быть, ты жениться хочешь?

— Сохрани Богъ!

— Такъ и не заглядывай къ намъ: тебя насильно женятъ. У насъ барышень вдоволь. Всѣ онѣ, по природному внушенію, поютъ варламовскіе романсы и цѣлой шеренгой расхаживаютъ по столовымъ, гдѣ толкуютъ о московскомъ дворянскомъ собраніи. Почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть вдова съ двумя дочерьми, принужденная прозябать въ провинціи послѣ мнимой блистательной жизни въ Петербургѣ. Прочія дамы обыкновенно надъ ней смѣются, но не менѣе того стараются попасть въ ея партію, потому что въ губерніяхъ однѣ барышни не играютъ въ карты, да и тѣ, правду сказать, играютъ въ дурачки на орѣхи. Нѣ-

сколько офицеровъ въ отпуску, нѣсколько тунеядцевъ безъ состоянія и цѣли, губернскій острякъ, сочиняющій на всѣхъ стишки да прозванія, одинъ старый докторъ, двое молодыхъ, архитекторъ, землемѣръ и иностранный купецъ заключаютъ городское общество.

— Ну, а образъ жизни? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Образъ жизни довольно скучный. Размѣнъ церемонныхъ визитовъ. Сплетни, карты, карты, сплетни... Иногда встрѣчаешь доброе, радушное семейство, но чаще наталкиваешься на каррикатурныя ужимки, будто бы подражающія какому-то небывалому большому свѣту. Общихъ удовольствій почти нѣтъ. Зимой назначаются балы въ собраніи, но, по какому-то странному жеманству, на эти балы мало ѣздятъ, потому что никто не хочетъ пріѣхать первымъ. Bon genre сидитъ дома и играетъ въ карты. Вообще, я замѣтилъ, что когда пріѣдешь нечаянно въ губернскій городъ, то это всегда какъ-то случается наканунѣ, а еще чаще на другой день послѣ какого нибудь замѣчательнаго собы-

тія. Тебя всегда встрѣчаютъ восклицаніями: „Какъ жаль, что васъ тогда-то не было, или что васъ тогда-то не будетъ!“ Теперь губернаторъ поѣхалъ ревизовать уѣзды; помѣщики разъѣхались по деревнямъ и въ городѣ никого нѣтъ. Не всякому дано попасть въ благополучныя минуты шумнаго съѣзда. Такія памятныя эпохи бываютъ только во время выборовъ и сдачи рекрутъ, во время сбора полковъ, а иногда въ урожайные годы и во время святокъ. Самые пріятные губернскіе города, въ особенности по мнѣнію барышень, тѣ, въ которыхъ военный постой. Гдѣ офицеры, тамъ музыка, ученья, танцы, свадьбы, любовныя интриги, словомъ, такое раздолье, что чудо!

— Все это хорошо; только одного я не понимаю, сказалъ Иванъ Васильевичъ: зачѣмъ же ты здѣсь живешь?

— Зачѣмъ?.. Ахъ, братецъ, моя исторія простая и глупая исторія.

— Разскажи, пожалуйста.

— Тебѣ почти всѣ наши дворяне разскажутъ почти то же, что и я... Сперва богатство,

потомъ бѣдность; сперва столичная жизнь, потомъ хорошо, когда и въ губернскомъ городѣ жить можешь.

— Да отчего же это?

— Оттого, что мы почти всѣ легкомысленны до сумасбродства; оттого, что мы съ самаго дѣтства всѣ заражены одною болѣзнью...

— Право? Да какъ же называется эта болѣзнь?

— Она называется просто: „жизнь сверхъ состоянія“.

VII.

Простая и глупая исторія.

— Когда мы съ тобою разстались въ пансіонѣ, гдѣ, между прочимъ, мы учились оба довольно дурно, я поѣхалъ въ Петербургъ, разумѣется, съ тѣмъ, чтобъ служить. Жить въ Петербургѣ и не служить—все равно, что быть въ водѣ и не плавать. Весь Петербургъ кажется огромнымъ департаментомъ, и даже строенія его глядятъ министрами, директорами, столоначальни-

ками, съ форменными стѣнами, съ вицъ-мундирными окнами. Кажется, что самыя петербургскія улицы раздѣляются, по табели о рангахъ, на благородныя, высокоблагородныя и превосходительныя—право, такъ. Когда я пріѣхалъ, я былъ убѣжденъ, что, только я покажусь, всѣ обратятъ на меня вниманіе и что въ короткое время я сдѣлаю блистательную карьеру. Ты помнишь, что въ пансіонѣ я писалъ плохіе стихи, слѣдовательно, думалъ, что отлично буду составлять дѣловыя бумаги. Но вообрази мое удивленіе: при первомъ моемъ опытѣ, я написалъ такой вздоръ, что столоначальникъ мой разсмѣялся и приказалъ мнѣ лишь перебѣлять отношенія... И не только министръ, не только директоръ не поощряли моей неопытности, но даже начальникъ отдѣленія не говорилъ со мной никогда ни слова, и блистательныя мои дарованія остались рѣшительно въ тѣни. Я утѣшался мыслью, что зависть сослуживцевъ заграждаетъ мое повышеніе, а съ другой стороны убѣдился, что на службѣ каждый думаетъ только о себѣ. Служба, братецъ—

лѣстница. По этой лѣстницѣ ползаютъ и шагаютъ, карабкаются и прыгаютъ люди зеленаго цвѣта, то толкая другъ друга, то срываясь отъ неосторожности, то зацѣпясь за фалды надежнаго эквилибриста; немногіе идутъ твердо и безъ помощи. Немногіе думаютъ объ общей пользѣ, но каждый думаетъ о своей. Каждый помышляетъ какъ бы схватить крестикъ, чтобъ поважничать передъ собратьями, да какъ бы набить карманъ потуже. Не думай, впрочемъ, чтобъ петербургскіе чиновники брали взятки— сохрани Богъ! Не смѣшивай петербургскихъ чиновниковъ съ губернскими. Взятки, братецъ, дѣло подлое, опасное и притомъ не совсѣмъ прибыльное. Но мало ли есть проселочныхъ дорогъ къ той же цѣли. Займы, аферы, акціи, облигаціи, спекуляціи... Этимъ способомъ, при нѣкоторомъ служебномъ вліяніи, при удачной смѣтливости въ дѣлахъ, состоянія точно также наживаются. Честь спасена, а деньги въ карманѣ.

— Что же дальше?

— Обманувшись въ моемъ честолюбіи, я рѣ-

шился блеснуть въ свѣтѣ. Но и въ свѣтѣ со мной было то же. Я думалъ, что я богатъ, а вышло, что я бѣденъ. Я думалъ, что я всѣхъ удивлю своимъ экипажемъ, своимъ родомъ жизни, а вышло, что все мое достояніе было почти нищенское въ сравненіи съ другими. Я принужденъ былъ, по глупому самолюбію, подражать чужой роскоши, а вовсе не соображаться съ моими средствами. Это общій петербургскій порокъ. Жизнь въ Петербургѣ какъ фейерверкъ: много блеска, много дыма, а потомъ ничего. Каждый лѣзетъ въ петлю, чтобъ перещеголять сосѣда передъ людьми; всѣ тянутся одинъ за другимъ; сословія за сословіями, бѣдные за богатыми. Кто небогатъ, тотъ придаетъ себѣ наружность богатства и тѣмъ разоряется въ конецъ; кто богатъ, тотъ ужъ пускается въ такую роскошь, строитъ такіе дворцы, что поневолѣ разоряется тоже. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что наши дворяне ищутъ нищеты. У насъ дворянская роскошь придумала множество такихъ требованій, которыя сдѣлались необходимыми, какъ хлѣбъ и вода; на-

примѣръ, толпу слугъ, лакеевъ въ ливреяхъ, толстаго дворецкаго, буфетчиковъ и прочей сволочи, отъ 20 до 40 человѣкъ, большія квартиры съ гостиными, столовыми, кабинетами, экипажами въ четыре лошади, ложи, наряды, карты, словомъ, можно сказать, что въ Петербургѣ роскошь составляетъ первую жизненную потребность. Тамъ сперва думаютъ о ненужномъ, а ужъ потомъ о необходимомъ. Зато и каждый день дворянскія имѣнія продаются съ молотка. А еслибъ ты зналъ, какія страсти возбуждаются отъ несоразмѣрности состоянія съ издержками, какія отъ того ужасныя сцены разыгрываются каждый день въ семействахъ, какія гибельныя бываютъ оттого послѣдствія, сколько людей потеряли отъ безумнаго угара и спокойствіе своей совѣсти, и собственное уваженіе, и помрачили честь свою навсегда! Столичная жизнь, какъ потокъ, все уноситъ, все увлекаетъ съ собой, не давъ и опомниться. Но мы ужъ такъ созданы. Прежде всего мы ищемъ разсѣянія и удовольствія, и нѣтъ у насъ, братецъ, ни твердыхъ правилъ, ни вы-

сокой цѣли въ жизни. Во-первыхъ, мы дурно воспитаны; во-вторыхъ, мы слабы передъ искушеніемъ; и хотя мы видимъ передъ собой страшные примѣры, но сами не исправляемся. Тутъ есть о чемъ призадуматься... Да, впрочемъ, ты самъ русскій дворянинъ, слѣдовательно не разсказывать же мнѣ тебѣ, какъ люди проматываются. Можетъ быть, въ совершенномъ нашемъ незнаніи разсчета есть какая-то славянская удаль, какое-то отдаленное условіе нашей широкой, размашистой природы. Какъ бы то ни было, петербургская роскошь дошла до пошлой глупости и никто не смѣетъ подать примѣръ разсудка и ума. Ростовщики обогащаются, мода владычествуетъ, измѣняя каждый день свои прихоти, и всѣ покоряются безусловно модѣ и приносятъ ей въ дань все до послѣдней копѣйки. Зато нѣтъ ни у кого семейныхъ воспоминаній. Ни въ одномъ домѣ не найдешь ты дѣдовскихъ слѣдовъ: ни фамильной утвари, ни признаковъ уваженія къ предкамъ: все поглощается на удовлетвореніе модныхъ затѣй... И повѣришь ли, прекрасный Пе-

тербургъ кажется городомъ, взятымъ на прокатъ. Что́ касается до меня, я дѣлалъ, какъ товарищи, то есть, дѣлалъ долги и проживалъ вдвое противъ получаемыхъ доходовъ. Впрочемъ, это еще не удивительно: у меня были пріятели, которые ровно ничего не получали, а проживали втрое больше меня. Какъ они дѣлали—до сихъ поръ не понимаю. Я былъ вездѣ принятъ, волочился за модными дамами, слушалъ ихъ вздоръ, отвѣчалъ тѣмъ же, и всюду и всячески старался веселиться. Но, сказать тебѣ правду, среди насильственнаго вѣчнаго разсѣянія, я былъ совершенно несчастливъ. Подобно многимъ нашимъ молодымъ людямъ, я чего-то хотѣлъ, чѣмъ-то былъ недоволенъ; я жаждалъ какой-то невозможной дѣятельности; словомъ, чувствовалъ себя безполезнымъ, лишнимъ и укорялъ другихъ въ своемъ ничтожествѣ. Такою черною немочью страдаютъ у насъ многіе. Тогда я вздумалъ жениться.

— Какъ, ты женатъ? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Женатъ! отвѣчалъ, вздохнувъ, его собе-

сѣдникъ, но все равно что холостой. Опять простая и глупая исторія.

— Въ Петербургѣ прекрасныя дѣвушки. Взглянуть на нихъ — заглядѣнье. Волосы ихъ такъ гладко причесаны, таліи у нихъ такія пышныя, а танцуютъ онѣ такъ мило и такъ много, что нельзя въ нихъ не влюбиться. Я и влюбился. Вальсомъ началась моя любовь, мазуркой рѣшилась моя свадьба. Невѣста моя была дочь богатаго человѣка, который давалъ удивительные обѣды и каждый вечеръ игралъ въ вистъ, въ такъ называемую большую партію. Я готовился быть счастливымъ. Но въ Петербургѣ, братецъ, свадьба—половина банкрутства. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, я думаю, обыкновенія, приступая къ счастію, заблаговременно его испортить и, готовясь къ покою, заранѣе уничтожить возможность быть спокойнымъ. Въ Петербургѣ же—такой обычай, такой законъ. Какъ бы ни глупъ былъ общій примѣръ, надо слѣдовать общему примѣру. У насъ для всего созданы условныя правила, необходимыя, какъ визиты и шляпочные покло-

ны. Такимъ образомъ, и женихъ обязывается къ самому смѣшному мотовству, какое бы ни было его состояніе, и тутъ-то пожива славянскому размаху. Во-первыхъ, жениху предстоятъ непремѣнные подарки. Портретъ, писанный Соколовымъ, браслетъ пышный, браслетъ чувствительный, турецкая шаль, бриллiантовыя украшенія и несмѣтное число всякой блестящей дряни изъ англійскаго магазина. Потомъ женихъ обязанъ отдѣлать зáново чужой домъ, обставить комнаты растеніями, взятыми на прокатъ, завести щегольскіе экипажи съ крáсивыми лошадьми и сверкающими сбруями. Онъ одѣваетъ двухъ огромныхъ лакеевъ въ ливреи съ гербовыми позументами, заготовляетъ сервизы, бронзы, фарфоры, готовится давать обѣды и, только женившись, замѣчаетъ, что именно-то обѣдать и нечѣмъ. Отецъ невѣсты съ своей стороны отдѣлываетъ на славу спальню, какъ бы давая примѣръ жениху въ сумасбродствѣ, какъ бы заботясь гораздо болѣе о пышномъ убранствѣ нанятыхъ стѣнъ, чѣмъ о счастіи и спокойствіи своей дочери. Сверхъ того, онъ на-

полняетъ множество шкаповъ и сундуковъ разнымъ тряпьемъ и хламомъ, которое, подъ названіемъ приданаго, истребляетъ цѣлый капиталъ, и наконецъ, на другой день послѣ свадьбы, даритъ новобрачнаго своимъ полнымъ довѣріемъ. Онъ признается съ полной откровенностью, что петербургская жизнь дорога до чрезвычайности; что поваръ его разоряетъ, что въ вистъ играетъ онъ несчастливо и, въ заключеніе, объявляетъ, что надо ожидать его смерти для полученія обѣщанныхъ доходовъ. Немного сконфуженный такимъ страннымъ ожиданіемъ и такой пріятной новостью, зять, съ своей стороны, сознается въ плачевномъ положеніи своихъ дѣлъ и потомъ, черезъ нѣсколько дней, ссорится навѣкъ съ новымъ своимъ семействомъ...

— Такъ и со мной было. Я хотѣлъ уѣхать въ деревню; жена не захотѣла: она не такъ была воспитана; она привыкла и по Невскому гулять, и на балы, и въ театръ ѣздить. Нечего было дѣлать. Тутъ, братецъ, началась для меня настоящая каторга. Въ жизни сверхъ со-

стоянія бываютъ ужасныя минуты. Иногда жена, разряженная, любезничаетъ въ ложѣ съ франтами, а дома дровъ нѣтъ; иногда гости назвались къ обѣду, а поваръ не ставитъ болѣе въ долгъ провизіи и грубитъ тебѣ еще вдобавокъ, и ты не смѣешь его выгнать, потому что ты ему кругомъ задолжалъ. Страшно сказать, братецъ, а въ настоящемъ модномъ петербургскомъ образѣ жизни не только нельзя сохранить своего достоинства, но едва ли можно остаться въ строгомъ смыслѣ слова честнымъ человѣкомъ. Прежде всего, и во что бы ни стало, нужны деньги, а деньги употребляются на вздоръ. Вечеромъ ты танцуешь, а утромъ у тебя толпятся такъ называемые гости кабинетные, лихоимцы, аферисты, заимодавцы. Ты закладываешь, продаешь, занимаешь; ты даешь векселя и росписки; ты отдаешь и бриллiанты, и серебро, и турецкую шаль, и лошадей своихъ; ты проклинаешь жизнь, ты близокъ къ отчаянію. Есть минуты, гдѣ ты готовъ застрѣлиться. И со всѣмъ тѣмъ ты затянутъ, раздушенъ, завитъ; ты кланяешься и шаркаешь, и отдаешь

визиты, и къ тому же можешь быть увѣренъ, что никто рѣшительно тебя не любитъ и всѣ надъ тобой смѣются.

Такъ пробился я два года. Но тогда замѣтилъ я, что въ свѣтѣ на меня начали глядѣть съ какимъ-то презрительнымъ и обиднымъ сожалѣніемъ. Мнѣ меньше кланялись; меня забывали въ приглашеніяхъ; меня въ мазуркѣ перестали выбирать и мало-по-малу всѣ мои друзья начали отдаляться отъ меня, передавая другъ другу несовсѣмъ имъ непріятную вѣсть о моемъ разореніи. „Самъ виноватъ“, говорили они: „зачѣмъ лѣзетъ онъ за другими? Зачѣмъ живетъ онъ съ нами?“ И даже люди, которыхъ я любилъ отъ души, какъ братьевъ, отворотились ко мнѣ спиной, когда узнали, что не могутъ ни объиграть меня, ни пообѣдать хорошенько на мой счетъ, и не только не видалъ я отъ нихъ ни одного знака участія, но узналъ еще, что они разглашаютъ мое бѣдствіе съ какой-то странной жадностью и нахально острятъ надъ моимъ злополучіемъ. Это было всего для меня досаднѣе. Я возненавидѣлъ

Петербургъ и рѣшился уѣхать. Я продалъ все, что̀ имѣлъ, расплатился съ кѣмъ могъ, привелъ дѣла свои въ возможный порядокъ и въ одно прекрасное утро отправился съ женою въ Москву на жительство.

— Ты жилъ въ Москвѣ? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Жилъ, братецъ. Опять то же самое; опять продолженіе простой и глупой исторіи! Жена моя хотѣла жить если не въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. О деревнѣ мнѣ и думать не позволялось. Вотъ и поселился я въ Москвѣ. Я люблю Москву бѣлокаменную, съ вѣковымъ Кремлемъ, съ славнымъ и роднымъ воспоминаніемъ на каждомъ шагу. Москва — сердце Россіи, и это сердце бьется благороднымъ чувствомъ ко всему отечественному. Въ низшемъ слоѣ московскаго населенія господствуетъ прямодушіе; въ высшемъ—блестятъ нѣсколько даровитыхъ, благонамѣренныхъ умовъ, одушевленныхъ любовью къ полезнымъ занятіямъ, стремленіемъ къ прекрасной народной цѣли. Но это узналъ я послѣ. Я попалъ въ какой-то особый

кругъ, составляющій въ огромномъ городѣ нѣчто въ родѣ маленькаго досаднаго городка. Этотъ городокъ, братецъ, городокъ отставной, отечество усовъ и венгерокъ, пріютъ недовольныхъ всякаго рода; вертепъ самыхъ странныхъ разбоевъ, горнило самыхъ странныхъ разсказовъ. Въ немъ живутъ отставленные и отставные, сердитые, обманутые честолюбіемъ, вообще все люди лѣнивые и недоброжелательные. Оттого и господствуетъ между ними духъ праздности и празднословія, и недаромъ называютъ этотъ городъ старухой. Ему прежде всего надо болтать, болтать во что́ бы ни стало. Онъ разскажетъ вамъ, что сѣрый волкъ гуляетъ по Кузнецкому мосту и заглядываетъ во всѣ лавки; онъ повѣдаетъ вамъ на-ухо, что турецкій султанъ усыновилъ французскаго короля; онъ выдумаетъ особую политику, особую Европу — было бы о чемъ поболтать. Но это зло еще небольшое: праздность породила гнуснѣйшія дѣла. Разскажу тебѣ свой дебютъ въ бѣлокаменной. Меня тотчасъ же по пріѣздѣ повезли въ одно пріятное общество. Это общество нѣчто

въ родѣ министерства праздношатающихся, камеры тунеядцевъ. При моемъ появленіи, всѣ присутствующіе начали искоса на меня поглядывать, какъ-бы на дикаго звѣря, и начали между собою шептаться. Потомъ какой-то господинъ, съ большимъ бѣлокурымъ хохломъ, подошелъ ко мнѣ и началъ со мною знакомиться, говоря, что онъ очень знавалъ батюшку, служилъ съ дядюшкой и даже немного помнитъ самого дѣдушку. „По этому праву", продолжалъ онъ, „позвольте дать мнѣ вамъ совѣтъ. Видите ли вы тамъ господина съ большими черными усами? — Берегитесь его... онъ предложитъ вамъ играть съ собой и объиграетъ васъ навѣрное..." Я поблагодарилъ пріятеля моего семейства и пошелъ въ другія комнаты. Вообрази мое удивленіе! За мной бѣжитъ господинъ съ черными усами и начинаетъ со мною разговоръ.

— Вы давно знакомы съ этимъ бѣлокурымъ хохломъ?

— Нѣтъ, сейчасъ познакомился.

— Ну, такъ берегитесь его: онъ хочетъ васъ

объиграть. Я почелъ долгомъ васъ предупредить, потому что ваша тетушка была всегда очень ко мнѣ милостива, да и къ тому же мы, кажется, нѣсколько съ-родни.

„Что̀-жъ это такое?“ подумалъ я и съ любопытствомъ началъ прислушиваться къ разговорамъ. Но тутъ я наслышался такихъ словъ, такихъ откровенныхъ признаній, такихъ странныхъ наклонностей, что волосы у меня стали дыбомъ. Иные вольнодумничали вполголоса и низко кланялись полиціймейстеру; другіе разсказывали съ чувствомъ и восторгомъ о рубцахъ и кулебякахъ, третьи хвастали сильнымъ пьянствомъ; одинъ господинъ разсказалъ даже весьма забавно, какъ его однажды побили; наконецъ, нѣкоторые разговаривали вслухъ о такихъ удивительныхъ московскихъ тайнахъ, которыхъ и самъ Сю не рѣшился бы напечатать. Говорили тоже о собакахъ и о женщинахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что о собакахъ относились съ уваженіемъ. Старики играли въ вистъ и громко бранились между собой, послѣ чего, по окончаніи партіи, ходили они обнюхивать ужинъ

и потомъ уѣзжали домой. Наконецъ, въ адской комнатѣ отчаянные игроки, съ блѣдными лицами и впалыми щеками, играли въ тысячную игру. Кругомъ столовъ толпились любопытные съ безсмысленной жадностью на лицѣ и подлымъ восторгомъ къ слѣпому счастью. Кипы ассигнацій валялись по зеленому полю, и страшная тишина прерывалась только роковымъ приговоромъ проигрыша. И что́ тутъ проигрывалось, не говоря ужъ о деньгахъ! Были тутъ и молчаливые люди, которые сидѣли въ углу и пожимали плечами; были многіе другіе, которые, привыкнувъ къ подобному образу жизни и прислушавшись къ страннымъ рѣчамъ, по силѣ привычки, уже ничего не находили въ нихъ предосудительнаго, а скорѣе нѣчто удалое и молодеческое. Такимъ образомъ они братствуютъ съ людьми, которыхъ, при настоящей оцѣнкѣ совѣсти, они не велѣли бы пускать и въ лакейскую. Это объясняется просто. Пороки петербургскіе происходятъ отъ напряженной дѣятельности, отъ желанія выказаться, отъ тщеславія и честолюбія. Пороки москов-

скіе происходятъ отъ отсутствія дѣятельности, отъ недостатка живой цѣли въ жизни, отъ скуки и тяжелой барской лѣни. Впрочемъ, это относится, разумѣется, не ко всему обществу, а къ малой части того общества, которое наиболѣе заставляетъ говорить о себѣ. Вездѣ есть хорошіе и умные люди... только они обыкновенно удаляются отъ шума и съ трудомъ заводятъ новыя знакомства, тогда какъ городская сволочь тотчасъ бросается въ глаза и завлекаетъ въ разныя глупости такихъ безхарактерныхъ простяковъ, каковъ я, напримѣръ. Мало-по-малу я началъ привыкать къ странностямъ круга, въ который я попалъ, познакомился со всѣми и оттого сталъ ко всѣмъ благосклоннѣе. Грѣха таить нечего, я пересталъ ужасаться откровенныхъ разсказовъ, постигъ философію стерляжьей ухи и растегаевъ, отклонился отъ людей образованныхъ и радушныхъ, которыхъ такъ много въ Москвѣ, но остался въ кругу извѣстной шайки, такъ что, наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, сѣлъ я играть по маленькой съ бѣлокурымъ хох-

ломъ и съ черными усами. Само собою разумѣется, что они объиграли меня на чистоту и сдѣлались тотчасъ со мной весьма фамильярны, трепали меня по плечу, называли меня братцомъ, скотиной, фефелой, словомъ, оказывали мнѣ самые милые знаки дружбы. Это было досадно... Когда я вздумалъ ихъ остановить, они разсердились и начали ужъ ругаться. Хохолъ назвалъ меня шпіономъ, а усы вздумали поносить поведеніе жены моей самымъ мерзкимъ образомъ. Ты знаешь, я человѣкъ горячій. Правой рукой вцѣпился я въ хохолъ, а лѣвой въ усы, и началась настоящая драка. Насъ розняли; мы положили, какъ водится, стрѣляться на другой день въ Марьиной рощѣ, и я съ отчаяніемъ поѣхалъ домой. И что же, братецъ? Я вдругъ понялъ, что люблю жену и что еслибъ она и я были иначе воспитаны, то могли бы быть очень счастливы; души наши были неиспорченныя, но испорчены были наши привычки; словомъ, недостатокъ твердыхъ правилъ, необходимость свѣтскаго развлеченія ввергали насъ въ ужасную пропасть. Жена моя недурна со-

бой, петербургская дама. Ее приняли въ Москвѣ съ восторгомъ и завистью, превозносили въ глаза и терзали заочно. Впрочемъ, это вездѣ такъ дѣлается. Она не думала остерегаться. Какъ-то протанцовала она нѣсколько мазурокъ сряду съ однимъ офицеромъ. Двѣ, три барыни перемигнулись, два, три шалуна съострили на ея счетъ, и вотъ — пылинка раздулась горой. На другой день, на Тверской разсказывали, что жена моя явно живетъ съ любовникомъ; на Дмитріевкѣ — что у ней два любовника; на Арбатѣ — что у ней три любовника. Черезъ недѣлю, вѣсть эта дошла и до Замоскворѣчья и до Красныхъ воротъ, но тамъ уже любовники жены моей расплодились до числа баснословнаго. Московскія барыни возили съ собою поддѣльныя письма, разсказывали съ чувствомъ и негодованіемъ совершенно невозможные случаи, притомъ каждая придумывала какое нибудь слово. Слово дѣлалось при повтореніи анекдотомъ, анекдотъ — романомъ, и московская чудовищная сплетня принялась широко и размашисто разгуливать по

матушкѣ - бѣлокаменной на счетъ жены моей. Когда пріѣхалъ я къ себѣ, послѣ гадкой драки, мы объяснились съ женой. Она плакала и жаловалась на гнусныя сплетни; я также плакалъ, ибо чувствовалъ, что всему виноватъ, что промоталъ все до копѣйки и что мы остаемся нищими. Странно: въ эту минуту мы съ женой помирились, все другъ другу простили, другъ друга поняли и полюбили, но жить намъ вмѣстѣ не было никакой возможности. Вдругъ стучатся въ двери. Это что? Квартальный и жандармы. Меня велѣно взять сейчасъ и отправить во Владиміръ. У воротъ стояла телега. Посадили меня, грѣшнаго, и повезли. Жена уѣхала къ отцу, въ Петербургъ, а я живу здѣсь, братецъ, подъ присмотромъ полиціи, гуляю на бульварѣ, смотрю на виды и вотъ тебѣ конецъ моей простой и глупой исторіи. Да пойдемъ-ка ко мнѣ выкурить трубочку.

— Нельзя, братецъ: меня дожидается старикъ мой; и то, я думаю, ужъ сердится.

— Зайди хоть на минутку. Дай съ товарищемъ душу отвести.

— Нельзя, право... Проводи-ка лучше меня къ трактиру. Старикъ, право, сердится.

И въ самомъ дѣлѣ, у трактира Василій Ивановичъ сидѣлъ уже въ экипажѣ и ворчалъ что-то про молодыхъ людей. Иванъ Васильевичъ мигомъ вскочилъ на свое мѣсто, и тарантасъ медленно спустился съ горы и отправился снова въ туманную даль.

VIII.

Цыгане.

Иванъ Васильевичъ сидѣлъ въ уголкѣ комнаты постоялаго двора и грустно о чемъ-то размышлялъ. Книга путевыхъ впечатлѣній лежала передъ нимъ въ неприкосновенной бѣлизнѣ.

„Въ самомъ дѣлѣ“, думалъ онъ, „отчего въ жизни ожиданія наши и желанія, и надежды никогда не сбываются? Загадываешь одно, а выходитъ противное и даже не противное, а что-то совершенно другое, неожиданное. Въ

воображеніи все обрисовывается въ яркихъ, пріятныхъ и рѣзкихъ краскахъ, а на дѣлѣ все сливается въ какой-то мутный хаосъ скучной дѣйствительности. Вотъ, напримѣръ, долго желалъ я погулять на Западѣ, подышать воздухомъ Юга, поглядѣть на мудрыхъ людей нашего вѣка, взглянуть поближе на европейское просвѣщеніе, на современную славу, на все, чѣмъ шумятъ и хвастаютъ люди. И вотъ пошатался по Европѣ, видѣлъ много трактировъ и пароходовъ, и желѣзныхъ дорогъ, осмотрѣлъ многія скучныя коллекціи и нигдѣ не находилъ тѣхъ живыхъ впечатлѣній, которыхъ надѣялся. Въ Германіи удивила меня глупость ученыхъ; въ Италіи страдалъ я отъ холода; во Франціи опротивѣла мнѣ безнравственность и нечистота. Вездѣ нашелъ я подлую алчность къ деньгамъ, грубое самодовольствіе, всѣ признаки испорченности и смѣшныя притязанія на совершенство. И поневолѣ полюбилъ я тогда Россію и рѣшился посвятить остатокъ дней на познаніе своей родины. И похвально бы, кажется, и нетрудно...

„Только теперь вотъ вопросъ: какъ ее узнаешь? Хватился я сперва за древности — древностей нѣтъ; думалъ изучить губернскія общества — губернскихъ обществъ нѣтъ; всѣ они, какъ говорятъ, форменныя. Столичная жизнь — жизнь не русская, а перенявшая у Европы и мелочное образованіе, и крупные пороки. Гдѣ же искать Россію? Можетъ быть, въ простомъ народѣ, въ простомъ вседневномъ быту русской жизни? Но вотъ я ѣду четвертый день, и слушаю и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь и, хоть что хочешь дѣлай, ничего отмѣтить и записать не могу. Окрестность мертвая; земли, земли, земли столько, что глаза устаютъ смотрѣть; дорога скверная... по дорогѣ идутъ обозы... мужики ругаются—вотъ и все... а тамъ: то смотритель пьянъ, то тараканы по стѣнѣ ползаютъ, то щи сальными свѣчами пахнутъ... Ну, можно ли порядочному человѣку заниматься подобною дрянью?.. И всего безотраднѣе то, что на всемъ огромномъ пространствѣ господствуетъ какое-то ужасное однообразіе, которое утомляетъ до чрезвычайности и отдох-

нуть не даетъ... Нѣтъ ничего новаго, ничего неожиданнаго; все то же, да то же... и завтра будетъ какъ нынче. Здѣсь станція, тамъ опять та же станція, а тамъ еще та же станція; здѣсь староста, который проситъ на водку, а тамъ опять до безконечности все старосты, которые просятъ на водку... что же я стану писать? Теперь я понимаю Василья Ивановича: онъ въ самомъ дѣлѣ былъ правъ, когда увѣрялъ, что мы не путешествуемъ и что въ Россіи путешествовать невозможно. Мы просто ѣдемъ въ Мордасы. Пропали мои впечатлѣнія!"

Тутъ Иванъ Васильевичъ остановился. Въ комнату вошелъ хозяинъ постоялаго двора, красивый, высокій парень, обстриженный въ кружокъ, съ голубыми глазами, съ русой бородкой, въ синемъ армякѣ, перетянутый краснымъ кушакомъ. Иванъ Васильевичъ невольно имъ залюбовался, порадовался въ душѣ красотѣ русскаго народа и немедленно вступилъ въ любознательный разговоръ.

— Скажи-ка мнѣ, пріятель... здѣсь уѣздный городъ?

— Такъ точно-съ.

— А что здѣсь любопытнаго?

— Да чему, батюшка, быть любопытному? Кажись, ничего нѣтъ.

— Древнихъ строеній нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ... Да бишь... былъ точно деревянный острогъ, нѣча сказать, никуда не годился... да и тотъ въ прошедшемъ году сгорѣлъ.

— Давно, видно, былъ построенъ.

— Нѣтъ-съ, не такъ давно, а лѣсомъ мошенникъ подрядчикъ надулъ совсѣмъ. Хорошо, что и сгорѣлъ... право-съ.

Иванъ Васильевичъ взглянулъ на хозяина съ отчаяньемъ.

— А много здѣсь живущихъ?

— Нашей братьи, мѣщанъ, довольно-съ, а то служащіе только.

— Городничій?

— Да-съ, извѣстное дѣло: городничій, судья, исправникъ и прочіе — весь комплектъ.

— А какъ они время проводятъ?

— Въ присутствіе ходятъ, пуншты пьютъ,

картишками тѣшатся... Да бишь... спохватился улыбнувшись, хозяинъ: теперь у насъ за городомъ цыганскій таборъ, такъ вотъ они повадились въ таборъ таскаться. Словно московскіе баря, али купецкіе сынки. Такой куражъ, что чудо! Судья на скрипкѣ играетъ. Артамонъ Иванычъ, засѣдатель, отхватываетъ въ присядку; ну и хмѣльнаго-то тутъ не занимать стать... Гуляютъ-себѣ, да и только. Эвтакая знать, нація.

— Цыгане, цыгане! воскликнулъ съ радостью Иванъ Васильевичъ, вскочивъ съ своего стула. Цыгане, Василій Иванычъ, цыгане!.. Первая глава для моихъ впечатлѣній. Цыгане — народъ дикій, необузданный, кочующій, которому душно въ городѣ, который въ лѣсъ хочетъ, въ таборъ свой, въ поле, въ степь, на просторъ. Ему свобода первое благо, первая потребность. Свобода—вся жизнь его... Какъ они сюда попали?

— Задержаны, батюшка, по приказанію начальства. Баютъ, будто секретарь просилъ съ нихъ по золотому съ кибитки для про-

пуска. Видно, шататься не велѣно. Они, съ-дури, что ли, или точно денегъ у нихъ не было, не дали; ну, и сидятъ тепере, голубчики, не прогнѣвайся, шестой мѣсяцъ никакъ, подъ карауломъ.

Восторгъ Ивана Васильевича немножко утихъ, однако, онъ приготовилъ свою книгу и началъ чинить карандашъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался тяжелый шорохъ и улыбающійся ликъ Василья Ивановича показался въ дверяхъ.

— Цыгане, сказалъ онъ. Га, га, цыганочки. Вишь какіе проказники! точно на ярмаркѣ или въ Москвѣ... Цыганъ себѣ, изволите видѣть, завели — вотъ чтò!... А есть ли хорошенькія? прибавилъ онъ, прищуривая лѣвый глазъ и улыбаясь значительно.

— Всякія есть, отвѣчалъ хозяинъ:—есть и хорошія. Стешка есть такая лихая, чудо-баба, какъ выпьетъ... Стряпчій, чтò ни получитъ по мѣсту, такъ къ ней и несетъ. Совсѣмъ, говорятъ, издерживается. Ну, вотъ Матреша есть, исправничья, Наташка есть, голосистая и недо-

трога такая. Судья, баютъ, тысячи сулилъ. „Не надо, говоритъ, мнѣ вашихъ тысячъ“— вотъ какая-съ! А голосъ, какъ у соловья. Нечего сказать, знатно поютъ... Ну, да если хотите, сами услышать можете. Они всегò въ полверстѣ отсюда... Коль вашимъ милостямъ угодно, я проводить могу.

Иванъ Васильевичъ взглянулъ на Василья Ивановича.

Василій Ивановичъ взглянулъ на Ивана Васильевича.

— Пойдемъ, сказалъ Василій Ивановичъ.

— Пойдемъ, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

Они отправились.

Посреди дороги Иванъ Васильевичъ остановился.

— Однако, сказалъ онъ, надѣюсь, мы никого изъ этихъ чиновниковъ тамъ не застанемъ?

— Никого, отвѣчалъ проводникъ: теперь присутствіе.

— Ну, такъ пойдемъ.

У самой опушки лѣса, около большого поля,

цыганскій таборъ рисовался въ живописномъ безпорядкѣ. Телѣги съ протянутыми къ деревьямъ холстами въ видѣ шатровъ, привязанныя лошади, смуглые ребятишки на перинахъ, дымящіеся костры, безобразныя старухи въ оборванныхъ мантіяхъ, коричневыя лица, всклокоченные волосы—все рѣзко обозначалось въ этой странной и дикой картинѣ. Иванъ Васильевичъ былъ очень доволенъ, и хотя онъ и долженъ былъ зажать носъ отъ цыганскаго запаха, однако заманчивость неожиданнаго приключенія и надежда, наконецъ, начать книгу свою располагали духъ его къ самой пріятной снисходительности.

Василій Ивановичъ пыхтѣлъ и торопился.

— Эй, вы, черномазыя! закричалъ проводникъ. — Вылѣзайте-ка, черти, живѣй! Вишь, господа къ вамъ пожаловали.

Весь таборъ зашевелился. Старухи бѣгали между телѣгъ и сзывали молодыхъ. Молодыя поспѣшно наряжались за холстами, ребятишки прыгали, мужчины низко кланялись и настраивали гитары. „Живѣе, живѣе, бабы, господа

дожидаются!“ кричалъ атаманъ. И вотъ изъ-подъ навѣсовъ хлынула толпа цыганокъ, запачканныхъ, растрепанныхъ, въ ситцевыхъ грязныхъ платьяхъ, въ оборванныхъ розовыхъ передникахъ.

Иванъ Васильевичъ остолбенѣлъ. Какъ, и у цыганъ водворились жалкія европейскія моды! Какъ, и они не съумѣли удержать своей первобытной физіономіи? Погибли Хитаны, Эсмеральды, Преціозы! Преціоза одѣта щеголихой Смоленскаго рынка; Эсмеральда въ пѣгомъ газовомъ платьѣ, украденномъ на Басманной. Но этого мало. Цыганки перемигнулись и вдругъ, съ разными ужимками, затянули въ общемъ жалобномъ пискѣ не кочевую цыганскую пѣснь, а русскій водевильный романсъ. Гдѣ же тутъ своебытность и народность? Гдѣ найдешь ихъ въ Европѣ, когда и цыгане даже ихъ утратили?

Книга путевыхъ впечатлѣній выпала изъ рукъ Ивана Васильевича.

Зато Василій Ивановичъ былъ въ восхищеніи. Онъ шевелилъ плечами, притопывалъ

ногой, даже подтягивалъ довольно хриплымъ голосомъ и утопалъ въ удовольствіи. Цыганки окружали его со всѣхъ сторонъ. Тѣ, которыя не пѣли, называли его красавцемъ, солнышкомъ, гадали ему на ладони и сулили несмѣтныя богатства. Пьяная Стешка плясала, разводя руками. Матрена кричала, какъ будто ее рѣжутъ, и вотъ всѣ вдругъ захлопали въ ладоши и начали провозглашать многія лѣта Василію Ивановичу. И Василій Ивановичъ улыбался и, забывъ про Авдотью Петровну, сыпалъ двугривенными и четвертаками въ жадную толпу.

— Вотъ такъ, вотъ такъ! говорилъ онъ, лихо! Ну, теперь... „Эй, вы, уланы“... или, знаешь, вотъ что: „Ты не повѣришь, ты не повѣришь“. Хорошо!... Ну-ка, плясовую... Вотъ такъ! хорошо! славно!... Молодцы!... Лихо! Ну, потѣшили... Ай-да спасибо!... Иванъ Васильичъ, а, Иванъ Васильичъ! Чтó ты стоишь, какъ будто восемь въ сюрахъ проигралъ... Взгляни-ка направо... видишь ли въ красномъ платкѣ? Какъ бишь ее... Наташа, что ли?... Какова? а?...

Ивану Васильевичу сдѣлалось сперва досадно, а потомъ грустно. Онъ взглянулъ на Наташу.

Наташа, несмотря на свой уродливый нарядъ, была точно хороша собой. Большіе черные глаза сверкали какъ молнія; смуглыя черты были нѣжны и правильны и бѣлые, какъ сахаръ, зубы рѣзко отдѣлялись на малиновыхъ устахъ.

Иванъ Васильевичъ вынулъ изъ галстуха золотую булавочку и подошелъ къ красавицѣ.

— Наташа, сказалъ онъ, ты родилась цыганкой, оставайся цыганкой, не носи глупыхъ передниковъ, не презирай своего народа, не пой русскихъ романсовъ. Пой свои родныя пѣсни и, въ память обо мнѣ, возьми мою булавку.

Цыганка живо приколола булавку къ платку, взглянула на молодаго человѣка полувесело, полузадумчиво и сказала ему вполголоса:

— Я люблю наши пѣсни, я стану носить твою булавку. Я тебя не забуду.

Иванъ Васильевичъ отошелъ въ сторону и, не знаю почему, ему стало еще грустнѣе. Такъ прошло нѣсколько минутъ!

— А каково поютъ? спросилъ за нимъ голосъ.

Иванъ Васильевичъ обернулся. За нимъ стоялъ ихъ проводникъ и лукаво на него поглядывалъ.

— Не правда ли, что хорошо поютъ? Барину, никакъ, нравится, продолжалъ онъ, указывая на Василья Ивановича, умильно стоящаго среди цыганокъ, которыя снова хлопали въ ладоши, припѣвая многія лѣта Василью Ивановичу.

— Поютъ хорошо.

Ивану Васильевичу не хотѣлось ни говорить, ни оставаться. Онъ съ трудомъ оттащилъ Василья Ивановича, который, при дикихъ восклицаніяхъ, на-силу рѣшился покинуть своихъ смуглыхъ обольстительницъ и, въ заключеніе, бросилъ имъ съ восторгомъ красную ассигнацію.

Наконецъ, оба отправились молча къ станціонному двору.

— Недурно поютъ, продолжалъ неугомонный проводникъ... Жаль только, что, бѣдняж-

ки, сидятъ подъ карауломъ. Ну, да, впрочемъ, сидѣть на чистомъ воздухѣ, въ лѣсу... не то, что̀ сидѣть, какъ я, напримѣръ, сидѣлъ, хоть бы сказать, въ острогѣ...

IX.

Перстень.

— Ты сидѣлъ въ острогѣ? съ любопытствомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Сидѣлъ, баринъ, неча грѣха таить, безвинно сидѣлъ.

— А за что?

Рослый дѣтина провелъ рукой по русой бородкѣ, поправилъ усъ и улыбнулся. Голубые глаза его оживились огнемъ понятливости и веселья.

— За частниху, сказалъ онъ.

— Какъ за частниху? подхватилъ Василій Ивановичъ, смѣясь всѣмъ туловищемъ: за жену частнаго пристава? Статочное ли это дѣло? Да ты, братъ, я вижу, балагуръ. Потѣшь-

ка, братъ, разскажи, какъ это у васъ было. Дай послушать твои проказы.

— Изволь, баринъ, разскажу, пожалуй... Изволишь ты видѣть: у меня свой постоялый дворъ для проѣзжающихъ, и сарай есть, и сѣно держимъ. Милости просимъ кому угодно: самоваръ всегда готовъ, а настойка такая, я вамъ доложу, что только облизывайся. Это, знаешь, ужъ такъ, для угощенія, по разницѣ продавать не велѣно... ну, да кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? Добрые люди, дай Богъ имъ здоровья, меня не забываютъ: такъ ко мнѣ на дворъ и заворачиваютъ. А внизу, изволишь ты видѣть, баринъ, у меня лавка со всякой всячиной для крестьянскаго обихода. Тутъ и крупа всякая, и рукавицы, и кушаки, и хомуты, и бичевье, и черносливъ—словомъ, что надо.

„Года два, что ли, тому прислали намъ изъ города новаго частнаго. Собой такой маленькій, круглый, словно бочка, не больно молодой, да и, сказать-то надо правду, крѣпко испивалъ. „Что“, говоримъ мы, ребята: „вѣдь

дряннаго намъ частнаго прислали". Ну, а что же ты тутъ станешь дѣлать? Даромъ, что дрянной, а все-таки частный! Дѣлать нéчего, пошли къ нему на поклонъ; кто взялъ фунтъ чаю, кто голову сахару, кто другого товара изъ лавки. Нельзя же и не поздравить съ пріѣздомъ. Вотъ, пришли мы, купечество да мѣщанство, кто въ мундирахъ, кто въ новомъ платьѣ, какъ водится, съ хлѣбомъ, съ солью, и стоимъ себѣ у стѣнки. А частный-то павлиномъ расхаживаетъ себѣ въ халатѣ, да только гостинцы подбираетъ. Какъ теперь помню, вотъ Ѳедька Сидоринъ толкаетъ меня въ бокъ: „Смотри, говоритъ, въ двери никакъ частниха выглядываетъ. О, да какая быстроглазая!" А отчего бы не посмотрѣть въ самомъ дѣлѣ? Ну, ужъ частниха, сказать правду, маковъ цвѣтъ! Собой такая румяная, а глаза, что уголья, такъ и искрятся. Подстрекнулъ меня нелегкій, заглядѣлся на красотку! Чай, она замѣтила, хлопнула дверью — и была такова.

„Вотъ, съ того времени — грѣха таить нечего—нашла на меня дурь несказанная: не

сплю, не ѣмъ, свѣтъ постылъ... Только и думаешь, какъ бы забраться къ частному. Бѣжишь, бывало: „ваше благородіе, сосѣднія свиньи покоя не даютъ: прикажите хозяину держать ихъ на привязи“; то, молъ, „десятскіе, ваше благородіе, дерутся и требуютъ, чтобъ ихъ водкой поили даромъ; говорятъ, что они люди казенные... Что прикажете съ ними дѣлать?“ То, молъ, „ваше благородіе, въ пожарномъ струментѣ колесо сломано: на какія суммы прикажете починить?“ Мало ли чего передумалъ. Да еще такъ приноровишь, когда знаешь, что частный лежитъ замертво. Стучишь себѣ, стучишь. Марья Петровна и выйдетъ въ кацавеечкѣ. — Кого вамъ угодно? — „А что, его благородіе дома-съ?“—Нездоровъ-съ, голова болитъ, прилегъ маленько.— „Гм! дѣло извѣстное... Ничего-съ. Ужо-тка зайду. Доложите, что Иванъ Петровъ Ѳаддеевъ приходилъ по своему дѣлу“.

„Вотъ-съ, недолго спустя, Марья Петровна начала ужъ прогуливаться мимо моей лавки и заговаривать.—Что это, Иванъ Петровъ, какъ

холодно нынче?—„Видно, сударыня, морозило ночью.“ Или: „Каково торгуется, Иванъ Петровъ?“ — Ничего-съ, изрядно, не можемъ жаловаться.

„Наконецъ, и самъ частный началъ ко мнѣ похаживать въ лавку. Прійдетъ, бывало, и отдувается:—Что это, братецъ, я озябъ что-то. Нѣтъ ли водки, хоть бы согрѣться немного?—„Какъ не быть, ваше благородіе! Извольте кушать на здоровье“. А водка точно знатная... Я ему рюмочку, другую, третью. Частный мой такъ нагрѣется, что еле до дома дойдетъ. Такъ по этакой-то-съ оказіи я и сталъ ему задушевнымъ пріятелемъ. Только и слышу, бывало: — Иванъ Петровъ, зайди закусить; Иванъ Петровъ, вечеркомъ ко мнѣ милости просимъ; пройдемся по пуншту.—Съ утра до вечера все, бывало, зоветъ къ себѣ. А мнѣ то-то и надо. Частный за ворота... а я въ дверь... словомъ...

Тутъ разсказчикъ улыбнулся и остановился опять.

„Словомъ... Ну, да что тутъ много тол-

ковать! Прошелъ мѣсяцъ, другой. Сижу я въ своей лавкѣ и торгую по обычаю. Вижу я, идетъ частный и отдувается. Я вскричалъ Сенькѣ: „подай анисовой, частный идетъ“. Вошелъ частный.

— Здравствуйте, Иванъ Петровъ.

— Здравія желаю, ваше благородіе.

— Что это, братецъ, я озябъ что-то. Нѣтъ ли чѣмъ погрѣться?

— Какъ не быть!—Вотъ я взялъ-было рюмку и подношу ему съ поклономъ: прошу-молъ кушать на здоровье. А онъ какъ надуется вдругъ, весь красный, и глаза сдѣлались у него словно оловянныя ложки. Господи Боже, что это съ нимъ? Смотритъ мнѣ на руку и стоитъ какъ вкопанный. Я самъ взглянулъ на руку... Ахти, грѣхъ какой! Кольцо-то я забылъ снять.

„А надо тебѣ, баринъ, сказать, что частниха подарила мнѣ колечко червоннаго золота съ голубымъ цвѣточкомъ и просила носить на память, только не показывать мужу.

„Какъ только ушелъ онъ, я и смекнулъ, что дѣло-то плохо; да давай Богъ ноги, за-

дами, черезъ заборы, прямо къ частнихѣ. „Бѣда, Марья Петровна, бѣда, возьмите вашъ перстень“.

„Не успѣлъ я вернуться, а меня ужъ схватили троѐ десятскихъ за шиворотъ да и тащатъ въ острогъ. „Помилуйте, я купеческій племянникъ, не смѣете меня трогать“. Ничуть не бывало, связали руки да и посадили въ острогъ, въ темную, и наручники надѣли. Воръ, дескать.

„Не больно весело, баринъ, сидѣть въ острогѣ. Духота такая, что не вытерпишь. На рукахъ желѣзы. Хочешь руки поднять — нельзя; хочешь лечь — негдѣ; хочешь ѣсть — вода тебѣ, да хлѣбъ. Не приведи Богъ попасть въ острогъ!

„Вотъ, разнеслась молва по городу, что Иванъ Петровъ Ѳаддеевъ укралъ у частнаго перстень червоннаго золота. Меня, дай Богъ здоровья, добрые люди любили. Пошли просить городничаго, чтобъ онъ самъ при себѣ сдѣлалъ слѣдствіе. Городничій нашъ, добрый такой, служилъ въ Мушкетерскомъ полку поручи-

комъ, самъ отправился къ частному и взялъ съ собой секретаря правленія и стряпчаго. А съ горя частный такъ назюзился, что лыка не вязалъ. Послали за мной. Привели меня съ инвалидами, какъ преступника. Стыдно было передъ народомъ, а дѣлать нечего.

— На тебя показываетъ частный приставъ, говоритъ мнѣ городничій, что ты укралъ у него въ домѣ женино кольцо, червоннаго золота, съ голубыми камешками.—„Я не кралъ никогда ничего, ваше высокоблагородіе, говорю я. Была ли когда молва въ народѣ, что Иванъ Петровъ Ѳаддеевъ мошенникъ и воръ?“

„А частный такъ и мычитъ: „Воръ, воръ, я вамъ говорю воръ. Еще вчера видѣлъ я у Марьи Петровны на правой рукѣ это кольцо. Да извольте сами спросить“. Частный позвалъ жену и привелъ ее къ городничему. „Вотъ, говоритъ: хоть убейте... убей меня громомъ, еще вчера на этомъ пальцѣ было... Фу-ты пропасть!.. Какъ же оно здѣсь опять очутилось?..

— Какое кольцо? спросила Марья Петровна. У меня никакого кольца не крали. Вотъ

сердоликовое, вотъ съ супирчикомъ, вотъ золотое, червоннаго золота съ голубыми цвѣточками. Стыдно тебѣ, говорила она мужу, пить до того, что изъ ума выживаешь!

„Частный разинулъ ротъ, одурѣлъ совсѣмъ, а городничій, стряпчій и секретарь перемигнулись и смекнули дѣло. Да какъ прыснутъ разомъ, начнутъ, голубчики, хохотать... животы себѣ надорвали...

„Меня тутъ же и отпустили домой.

„Такъ все и кончилось. Городничій сказалъ только:—А тебѣ, братецъ, урокъ: не носить перстеньковъ, да не ухаживать за барынями, а взять себѣ въ домъ хорошую хозяйку, которая смотрѣла бы у тебя за всѣмъ.— „Слушаю-съ“, отвѣчалъ я, да и давай Богъ ноги домой. А радость-то какая! Сенька, Сидоръ, всѣ сосѣди, всѣ православные пировали у меня до утра.

„На другой день частный и частниха выѣхали изъ города; а я въ первый мясоѣдъ взялъ себѣ жену у сосѣда Сидора, и вотъ третій годъ, прибавилъ Ѳаддеевъ, живемъ-себѣ... слава Богу... нечего сказать... ладно...“

X.

Нѣчто о словесности.

Путники ѣдутъ по большой дорогѣ. Дорога песчаная. Тарантасъ тянется шагомъ.

— Признаюсь, сказалъ, зѣвая и потягиваясь, Василій Ивановичъ, скучненько немного, и виды по сторонамъ очень незамысловаты...

— Налѣво гладко...

— Направо гладко...

— Вездѣ одно и то же. Хоть бы придумать чѣмъ нибудь позаняться.

— Чтеніемъ, напримѣръ, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Пожалуй, хоть бы и чтеніемъ. Я очень люблю иногда, какъ дѣлать нечего, книжечки читать. Очень, иногда, забавныя исторіи пишутъ. Да кстати, коли смѣю спросить, вы, можетъ быть, сами сочиняете?..

— Нѣтъ-съ.

— И хорошо, братъ, дѣлаешь. Дворянину

неприлично идти въ писаки. И потомъ прибавилъ, вздохнувъ значительно, Василій Ивановичъ: не всякому данъ talent...тъ.

— Для нынѣшней словесности ненужно таланта, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Не всякому дано дарованье.

— Ненужно дарованія!

Василій Ивановичъ взглянулъ на Ивана Васильевича.

Иванъ Васильевичъ взглянулъ на Василья Ивановича.

— Да, продолжалъ Иванъ Васильевичъ: теперь ненужно дарованья; нужна одна смышленость. Теперь словесность—ремесло, какъ ремесло сапожника или токаря. Писатели не что иное, какъ литературныхъ дѣлъ мастера, и скоро подѣлаютъ они себѣ вывѣски, какъ въ кондитерскихъ и булочныхъ.

— Ну, ужъ позволь, прервалъ Василій Ивановичъ: это ты ужъ просто, кажется, аллегорію говоришь.

— Нѣтъ, я говорю правду. Неужели вы не знаете, какіе жалкіе и мелкіе разсчеты скры-

ваются подъ громкими названіями? Вы еще вѣрите, когда вамъ говорятъ, что словесность— выраженіе народнаго духа и бытія; вы вѣруете въ высокое ея призваніе научать людей, исправлять пороки и направлять душу къ чистымъ наслажденіямъ. Все вѣдь это вздоръ. Словесность есть одинъ изъ тысячи способовъ добывать себѣ деньги, и всѣ прекрасныя чувства, всѣ глубокія мысли, которыми напо л - нены теперь книги, можно исчислить на ассигнаціи и серебро. Уничтожьте продажу книгъ— и словесность исчезнетъ. Въ наше продажное время поэзія разлагается на акціи и восторгъ берется на откупъ. Скоро заведутъ сочинительскія фабрики и готовыя мысли и чувства будутъ продаваться по таксѣ, смотря по достоинству, какъ продаются теперь у портныхъ фраки и панталоны.

— Въ прошедшемъ году, замѣтилъ Василій Ивановичъ, я купилъ себѣ на Кузнецкомъ мосту фланелевый сюртукъ. Какъ бы вы думали? Никуда не годился: французъ-мошенникъ обманулъ.

— Такъ обманываютъ васъ тѣ, которыхъ вы читаете съ удовольствіемъ, какъ добрый и честный человѣкъ. Вы съ довѣрчивостью покупаете кафтанъ, а кафтанъ вашъ сшитъ изъ тряпокъ, и то на живую нитку. Теперешніе портные, или литераторы, славно себѣ набили руку для выкройки. У нихъ все въ дѣло идетъ: и политика, и религія, и нравственность, и юридическіе вопросы, и философскія задачи, а паче всего любовныя похожденія всѣхъ возможныхъ родовъ. Взгляните на современную европейскую литературу; взгляните въ балаганныя кулисы: вамъ, право, станетъ тошно. Передъ вами все нарумянено, раскрашено, фальшиво; всюду мишура и фольга, всюду жадное стремленіе обобрать публику. Но публика не поддается, а проходитъ себѣ своимъ путемъ передъ словесностью, какъ передъ нищимъ, и лишь изрѣдка бросаетъ ей залежалую гривну. Въ самомъ дѣлѣ, Европа до того строга и опытна, что уже не можетъ болѣе играть добросовѣстно въ литературу. Въ Европѣ чистыя чувства задушены пороками и разсчетомъ. Въ

ней нѣтъ болѣе тѣхъ дѣвственныхъ призывовъ, которые необходимы для вліянія дѣвственныхъ и неподдѣльныхъ впечатлѣній. Кое-гдѣ встрѣтятся еще, можетъ быть, нѣсколько людей, одушевленныхъ благороднымъ огнемъ, но они не воскресятъ погибшаго, изъ лохмотьевъ не сдѣлать имъ порфиры. Вотъ почему въ странѣ, еще во многомъ дѣвственной, въ странѣ, еще неутратившей вполнѣ святыни своей — первобытной народности, въ странѣ могучей и доблестной, какъ Россія, должны быть свои родники, чистые, свѣтлые, несмѣшанные съ грязью испорченныхъ народностей.

— Такъ-съ, сказалъ Василій Ивановичъ, который слушалъ довольно небрежно и ничего не понималъ. Вы любите нашу русскую литературу?

— Сохрани меня Богъ! съ живостью прервалъ его товарищъ. Я не говорилъ такой глупости. И къ тому же, о какой литературѣ вы говорите? Ихъ двѣ у насъ.

— Какъ двѣ?

— Да! Одна даровитая, но усталая, которая

показывается въ люди рѣдко, смиренно, иногда съ улыбкой на лицѣ, а всего чаще съ тяжкою грустью на сердцѣ; другая наша литература, напротивъ, кричитъ на всѣхъ перекресткахъ, чтобъ только ее приняли за настоящую русскую литературу и не узнали про настоящую. Эта литература приводитъ мнѣ всегда на память крикливыхъ сидѣльцевъ Апраксина двора, которые чуть не хватаютъ прохожихъ за горло, чтобъ сбыть имъ свой гнилой товаръ. Признаюсь, я не видалъ ничего смѣшнѣе, удивительнѣе, уродливѣе и отвратительнѣе этой подложной литературы.

— Отчего это?

— Оттого, что въ самомъ дѣлѣ литературы тутъ нѣтъ, а одно только названіе. Оттого, что наши даровитые писатели всегда удалялись и теперь удаляются отъ ея прикосновенія, опасаясь быть замѣшанными въ ея странную дѣятельность; оттого, что она, теперь въ особенности, не что иное, какъ жалкій наростъ на народной почвѣ; оттого, что у нея нѣтъ ни цѣли, ни смысла. Впрочемъ, если хотите,

у насъ есть многое множество такихъ литературъ: нѣсколько петербургскихъ, нѣсколько московскихъ, нѣсколько губернскихъ, и въ каждой литературѣ есть нѣсколько партій, которыя въ муравьиныхъ кучкахъ двигаются и хлопочутъ и суетятся какъ „Лиллипуты“ Юлливера. Ревностные члены разрозненнаго тѣла, они угощаютъ святую Русь стишками на манеръ Ла-Мартина, драмами на фасонъ Шиллера, повѣстями—жалкими пародіями заграничныхъ, и безъ того каррикатурныхъ, повѣстей, и, наконецъ, той чудовищной неблагопріятностью, которую называютъ, съ позволенія сказать, журнальной критикой... Но все это, слава Богу, не русское. Русскій никогда не узнаетъ своего роднаго генія въ жалкомъ фиглярѣ, который коверкается и пляшетъ передъ нимъ въ лохмотьяхъ и, повѣрьте, на толкучемъ рынкѣ собирателей чужого ума русскій человѣкъ не отзовется ни на одинъ голосъ, ему незнакомый и непонятный. Ему не то надо; ему давай родные звуки, родныя картины, чтобъ забилось сердце его, чтобъ засвѣтлѣло въ его душѣ.

Ему говори языкомъ его о любимыхъ его повѣрьяхъ, о мудрыхъ и простыхъ обычаяхъ его края, о живыхъ его потребностяхъ... Но—увы! повѣрья наши и обычаи исчезаютъ. Все, что̀ живетъ еще въ памяти народной, все, что̀ могло бы быть основой словесности народной, теряется съ каждымъ днемъ съ перемѣной нашихъ нравовъ. Русскій геній вздыхаетъ, задыхаясь отъ всего, что̀ на него накидали. Бѣдный ребенокъ, онъ хотѣлъ только подрости да пріосаниться, чтобъ молвить слово твердое посвоему, чтобъ гаркнуть на всю вселенную, понашему, по-нашенски, во всю богатырскую грудь; а мы на него навьючили французскій парикъ да нѣмецкій кафтанъ, да опутали его въ ободранныя ткани театральнаго гардероба— и не видимъ мы, не хотимъ видѣть, что бѣдный мальчикъ чахнетъ и плачетъ неутѣшно. Но что̀ дѣлать? спросите вы. Отвѣчать не трудно. Освободить ребенка, бросить въ печку театральный хламъ и обратиться снова къ естественнымъ, къ роднымъ началамъ. Просвѣщеніе отдалило насъ отъ народа; черезъ просвѣ-

щеніе обратимся снова къ нему. Кто знаетъ быть можетъ, въ простой избѣ таится зародышъ будущаго нашего величія, потому что еще въ одной избѣ, и то гдѣ нибудь въ захолустьѣ, хранится наша первоначальная, нетронутая народность.

Люди совѣстливые! Не ищите родныхъ вдохновеній въ петербургскихъ залахъ, гдѣ танцуютъ и говорятъ по-французски. Повѣрьте, вы найдете ихъ скорѣе въ бѣдной хатѣ, заваленной снѣгомъ, на теплой лежанкѣ, гдѣ слѣпой старикъ повѣдаетъ вамъ нараспѣвъ чудныя преданія, полныя огня и душевной молодости. Спѣшите вслушиваться въ разсказы старика, потому что завтра старикъ умретъ съ своими напѣвами на устахъ—и никто, никто не повторитъ ихъ болѣе за нимъ.

Многое уже погибло такимъ образомъ невозвратно. Многое пропадаетъ съ каждымъ днемъ. Старина наша исчезаетъ и уноситъ народность съ собой. А чтожъ получаемъ мы въ замѣнъ?—Не свѣжую пищу, не румяные плоды, а душевную ветошь, тлѣющую падаль. Скажите

же, не лучше ли намъ бросить въ окно литературную дрянь и приняться съ терпѣніемъ подбирать все наше первобытное, слово къ слову, гдѣ бы оно ни было, не брезгая, какъ модная графиня, простотою крестьянской, а дорожа, какъ русскій, всѣмъ, что̀ остается въ насъ русскаго. Познаніемъ старины нашей дойдемъ мы до познанія нашего языка, нашего народнаго духа, нашего народнаго требованія. И тогда будетъ у насъ словесность своебытная, выраженіе не переимчивой, вялой бездарности, а полезнаго, трудолюбиваго успѣха, предметъ народной гордости, народнаго наслажденія, народнаго усовершенствованія... Я немного разгорячился, продолжалъ Иванъ Васильевичъ, но не правъ ли я?.. Признайтесь, вы, кажется, размышляете?..

Василій Ивановичъ не отвѣчалъ ни слова. Краснорѣчивая выходка Ивана Васильевича, какъ вообще все, что̀ касалось до русской литературы, произвела на него обычное свое дѣйствіе: онъ спалъ сномъ праведнаго.

XI.

Русскій баринъ.

Погода была пасмурная. Не то дождь, не то туманъ облекали мертвую окрестность влажною пеленой. Впереди вилась дорога темнокоричневой лентой. На одинокой верстѣ сидѣла галка. По обѣимъ сторонамъ тянулись изрытыя поля, да кое-гдѣ мелкій ельникъ. Казалось, что даже природѣ было скучно.

Василій Ивановичъ, завернувшись въ халатъ, ергакъ и шушунъ, лежалъ навзничъ, стараясь силой воли одолѣть толчки тарантаса и заснуть наперекоръ мостовой. Подлѣ него, на корточкахъ, сидѣлъ Иванъ Васильевичъ, въ тулупчикѣ на заячьемъ мѣху, заимствованномъ по необходимости у товарища. Съ неудовольствіемъ поглядывалъ онъ то на сѣрое небо, то на сѣрую даль, и тихо насвистывалъ „Nel furor della tempesta“—арію, которую, какъ извѣстно, онъ въ особенности жаловалъ. Никогда время не идетъ такъ медленно, какъ въ дорогѣ, въ

особенности на Руси, гдѣ, сказать правду, мало для взора развлеченья, но за то много безпокойства для боковъ. Напрасно Иванъ Васильевичъ старался отыскать малѣйшій предметъ для впечатлѣнія: все кругомъ безлюдно и безжизненно. Прошелъ имъ на встрѣчу одинъ только мужикъ съ лаптями на спинѣ, да снялъ имъ шапку изъ учтивости, да двѣ клячи съ завязанными передними ногами привѣтствовали около плетня поѣздъ ихъ довольно странными прыжками. Иванъ Васильевичъ схватилъ было ужъ свою книгу и хотѣлъ было бросить ее съ негодованіемъ въ большую лужу, въ которой тарантасъ едва не остался, какъ вдругъ онъ разинулъ ротъ, вытаращилъ глаза и протянулъ руку. Вдали показался какой-то странный комъ, какъ черное пятно на коричневомъ грунтѣ. Иванъ Васильевичъ встрепенулся.

— Василій Иванычъ, Василій Иванычъ!

— А?.. Что, батюшка?..

— Вы спите?..

— Да, чорта съ-два, будешь тутъ спать!

— Взгляните-ка на дорогу.

— Чего я тамъ не видалъ?

— Никакъ кто-то ѣдетъ.

— Купцы, вѣрно, на ярмарку.

— Нѣтъ; это, кажется, карета.

— Что, что?.. А, да въ самомъ дѣлѣ... Ужъ не губернаторъ ли?

Тутъ Василій Ивановичъ поправилъ немного безпорядокъ своего дорожнаго костюма, изъ лежачаго положенія съ трудомъ перешелъ въ сидячее, поправилъ козырекъ картуза, очутившійся на лѣвомъ ухѣ, и, поднявъ ладонь надъ глазами, слегка приподнялся надъ пуховикомъ.

— А, да и въ самомъ дѣлѣ карета, да и стоитъ еще. Вѣрно изломалось что нибудь: рессора опустилась; шина лопнула. Въ этихъ рессорныхъ экипажахъ что шагъ, то починка. То ли дѣло, знаешь, хорошій тарантасъ: не изломается, не опрокинется, только дорога бы хорошая, такъ даже и не тряско.

Между тѣмъ они подвигались къ предмету ихъ любопытства. Въ самомъ дѣлѣ, посреди дороги стояла карета, и даже карета щегольская, дорожный дормезъ. Ни сзади, ни спереди

не было видно чемодановъ, перевязанныхъ веревками, ни коробовъ, ни кульковъ, употребляемыхъ православными путешественниками. Карета, исключая грязныхъ прысковъ, была устроена какъ для гулянья. Изъ окна выглядывалъ господинъ въ очкахъ и турецкой ермолкѣ и ругалъ своихъ людей самыми скверными словами, какъ будто они были виноваты, что въ англійской каретѣ лопнула рессора.

— Эй, вы! закричалъ онъ довольно неучтиво подъѣзжающему тарантасу. Помогите, пожалуйста.

— Стой! закричалъ Василій Ивановичъ.

Иванъ Васильевичъ ахнулъ.

— Князь!.. Какъ это вы здѣсь... въ Россіи?

Князь съ недовѣрчивостью взглянулъ на нежданнаго знакомца и спросилъ сквозь дымъ сигарки:

— А вы какъ меня знаете?

Иванъ Васильевичъ поспѣшно сбросилъ тулупчикъ на заячьемъ мѣху, выскочилъ изъ тарантаса и подбѣжалъ къ дверцамъ кареты.

— Здравствуйте, князь! Вы меня не узнаете:

я Иванъ Васильевичъ... Мы съ вами видѣлись прошлаго года въ Парижѣ.

— Ахъ, это вы! Que diable! Какой чортъ думалъ васъ здѣсь встрѣтить?

— Да вы то сами какъ сюда заѣхали? Я думалъ, что вы всегда живете за границей.

— Грѣшный человѣкъ! Я душой русскій, но не могу жить въ родинѣ. Понимаете, кто привыкъ къ цивилизаціи, къ жизни интеллектуальной, тотъ безъ нихъ жить не можетъ.—Эй, вы, скоты! прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ слугамъ. Возьмите ихъ кучера, да дѣлайте скоро. Чего вы, канальи, смотрѣли? Я пятьсотъ палокъ вамъ, канальи. Выдрать прикажу, чтобъ помнили. Русскій народъ! Cara patria! продолжалъ онъ презрительно, обращаясь къ Ивану Васильевичу: — другого языка не понимаютъ. Безъ палки ни на шагъ. Мои люди остались за границей, а со мной болваны, знаете, которые еще батюшкѣ служили.

— Куда же вы ѣдете? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Ахъ, не спрашивайте, пожалуйста! Та-

кая тоска, что ужасъ. Въ деревню ѣду. Нечего дѣлать. Бурмистръ оброка не высылаетъ; чортъ ихъ знаетъ, что пишутъ! Неурожай у нихъ тамъ какой-то, деревня какая-то сгорѣла. А мнѣ что за дѣло? Я человѣкъ европейскій, я не мѣшаюсь въ дѣла своихъ крестьянъ; пускай живутъ какъ хотятъ, только чтобъ деньги доставляли акуратно. Я ихъ насквозь знаю. Такіе мошенники, что ужасти! Они думаютъ, что я заграницей, такъ они могутъ меня обманывать. Да я знаю, какъ надо поступать. Сыновей бурмистра въ рекруты, неплательщиковъ въ рабочій домъ, возьму весь доходъ на годъ впередъ, да на зиму въ Римъ... Ну, а вы что́ подѣлываете?..

— Да я такъ-съ... Хотѣлъ было путешествовать.

— Какъ! по Россіи?

— Да-съ.

— Ахъ, это оригинальная идея! Какъ бишь это говорится? Охота пуще, пуще чего-то...

— Пуще неволи...

— Да́, да́, пуще невольно. Чтожъ вы хотите здѣсь видѣть?

— То, чего не увидишь заграницей.

— Право! Желаю вамъ удовольствія и успѣха. По-моему, умирать за родину, только жить заграницей.

— Разумѣется! сказалъ Иванъ Васильевичъ. Заграницей жить веселѣе.

— То есть не вездѣ. Въ Германіи, напримѣръ, жить зимой несносно: философы, ученые, музыканты, педанты на каждомъ шагу. Парижъ—такъ; Парижъ на всѣ вкусы. Лѣтомъ Баденъ, зимой Парижъ, иногда Италія—вотъ жизнь, такъ жизнь! Вы помните маленькую герцогиню бенвильскую?

— Какъ же.

— Она теперь съ нашимъ русскимъ, съ Сережей.

— Право? Каковы наши молодцы!

— А про нашихъ барынь и говорить нечего. Такъ весело живутъ, что страхъ. Помните вы?..

Тутъ князь началъ что-то довольно тихо говорить на ухо Ивана Васильевича. Иванъ Васильевичъ прерывалъ только съ удивленіемъ:

— Какъ, и она?..

Князь улыбался и продолжалъ себѣ шопотомъ:

— И она; да и какъ еще... да то-то и то-то, да съ тѣмъ-то и съ тѣмъ-то... да вотъ еще... каковы наши дамы?.. а?..

— Ну; а вы что, князь? спросилъ наконецъ Иванъ Васильевичъ.

— Да я все тотъ же. Скучаю. Жениться поздно, остепениться рано. Для службы старъ, для дѣла не гожусь. Люблю жить спокойно. Правду сказать, радости мало, ну, а кое-какъ время убиваю... Скажите, пожалуйста, что это за странная фигура сидитъ съ вами въ вашей бричкѣ?

— Въ тарантасѣ? сказалъ, запинаясь, Иванъ Васильевичъ.

— А, эта штука называется тарантасомъ? Та-ран-тасъ—такъ ли?

— Да?

— Тарантасъ. Буду помнить... Ну, а кто ѣдетъ съ вами?

— Это Василій Иванычъ, помѣщикъ казанскій. Онъ неуклюжъ немного... и оригиналъ

большой, но человѣкъ не глупый и разсудительный.

— Право, я этакой странной фигуры давно не видывалъ.—Ну, починили, что ли?

— Починили, ваше сіятельство!

— Ну, прощайте, любезный, надѣюсь съ вами еще видѣться въ Парижѣ... Не забудьте: Rue de Rivoli, bis 17. Недѣли черезъ двѣ я надѣюсь перебраться изъ Россіи... Откровенно говорить, я совершенно отвыкъ отъ здѣшнихъ нравовъ... Ну, пошелъ! закричалъ онъ, высунувшись въ окно. А ты, Степанъ, хорошенько ямщика въ спину—слышишь ли? Въ спину его, каналью, чтобъ гналъ онъ клячъ, пока не издохнутъ.

Грозный кулакъ Степана поднялся надъ ямщикомъ и карета помчалась стрѣлой, закидавъ грязью и тарантасъ, и нашихъ путниковъ.

— Батюшка, спрашивалъ Василій Ивановичъ, пока Иванъ Васильевичъ снова карабкался на свое сѣдалище: — скажи-ка, изъ милости, кто это такой?..

— Знакомый мой парижскій.

— Французъ?

— Нѣтъ, русскій. Только въ Россіи жить онъ не можетъ: не по его нраву; отвыкъ совсѣмъ.

— Изволите видѣть! Куда же онъ ѣдетъ?

— Въ деревню, собирать недоимки.

— А гдѣ его деревня?

— Въ Саратовѣ.

— Помилуй, братецъ, да тамъ третій годъ ничего не родится.

— Ему какое дѣло? Онъ слышать о томъ не хочетъ.

— Вотъ какъ-съ! Ну, а какъ оберетъ онъ крестьянъ своихъ, такъ тотчасъ и за границу?

— Тотчасъ.

— На житье?..

— На житье....

— Поросенокъ! промолвилъ вдругъ краснорѣчиво Василій Ивановичъ и снова повалился на свой пуховикъ.

И снова потянулась мертвая окрестность; снова сырой туманъ облекъ путниковъ, и снова стали мелькать одинокія версты въ безбрежной пустынѣ.

Прошелъ часъ-другой. Путники, казалось, о чемъ-то думали. Вдругъ Василій Ивановичъ прервалъ молчаніе довольно страннымъ монологомъ:

— А въ самомъ дѣлѣ, чортъ знаетъ, что это за народъ русскіе дворяне... Много, изволишь ты видѣть, денегъ завелось, такъ надо съ нѣмцами протранжирить, чтобъ русскому человѣку невзначай чего нибудь не досталось. Ужъ точно будто въ Россіи и жить нельзя, что всѣ они вонъ такъ и лѣзутъ. Видно, курьезъ тамъ большой, то есть такой курьезъ, какого мы и представить не можемъ. Скажи-ка, братецъ, что, заграницей люди такъ же ходятъ на ногахъ, какъ и мы, дурни?

— Совершенно такъ.

— Шутишь. Такъ-таки и ходятъ, и женятся, и умираютъ тоже?

— И умираютъ.

— Что̀ ты говоришь! По крайней мѣрѣ, тамъ нищихъ нѣтъ, притѣсненій нѣтъ, голода не бываетъ?

— Все есть.

— Статочное ли дѣло! Ну, скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ что̀ же ты видѣлъ такого особенно замѣчательнаго заграницей?

— Россію, отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ.

— Вотъ-те на! Такъ, кажется, и не сто̀ило безпокоиться ѣздить такъ далеко?

— Напротивъ. Россію понять и оцѣнить можно, только посмотрѣвъ на другія страны.

— Объясни, батюшка.

— Объяснить не трудно. Вы знаете, что истина обнаруживается только посредствомъ сравненій; слѣдовательно, только посредствомъ сравненій можемъ мы оцѣнить преимущества и недостатки нашей родины, и, кромѣ того, чужой примѣръ можетъ указать намъ на то, чего мы должны остерегаться и что̀ должны мы перенять.

— Что же бы перенять, по-твоему?

— Къ сожалѣнію, многое. Во-первыхъ, чувство гражданственности, гражданской обязанности, котораго у насъ нѣтъ. Мы привыкли сваливать все на правительство, забывая, что ему нужны орудія. Мы служимъ не по убѣж-

денію, не по долгу, а для выгодъ тщеславія; и хотя мы любимъ свою родину, но любимъ ее какъ-то молодо, неразсудительно горячо. Общее благо у насъ—пустое имя, котораго мы даже не понимаемъ. Съ чувствомъ гражданственности получимъ мы стремленіе къ вещественному и умственному усовершенствованію, поймемъ всю святость прочнаго воспитанія, всю высокую пользу наукъ и художествъ, все, что̀ улучшаетъ и облагороживаетъ человѣка. Германія передастъ намъ свою семейственность, Франція — свою пытливость въ наукахъ, Англія — свои торговыя познанія и чувство государственныхъ обязанностей, Италія даже перенесетъ на морозную нашу почву свои божественныя искусства.

— Вотъ какъ! сказалъ Василій Ивановичъ. А чего же намъ остерегаться?

— Того, что губитъ Европу... духа самонадѣянности, кичливости и гордости; духа сомнѣнія и невѣрія, съ которыми движеніе впередъ дѣлается невозможнымъ; духа раздора и безпокойства, который все уничтожаетъ. Остере-

жемся надменности германской, англійскаго эгоизма, французскаго разврата и итальянской лѣни — и передъ нами откроется такой путь, какой никакому народу не открывался. Взгляните на неизмѣримое пространство нашей земли, на единство ея образованія, на гигантское ея построеніе—и на душѣ вашей станетъ страшно... И потомъ взгляните на народъ, населяющій эту землю, народъ правдивый, веселый, умный, духа непоколебимаго и силы исполинской — и вамъ станетъ легко на душѣ, и вы порадуетесь судьбѣ великой земли. Но лучшій залогъ, лучшій признакъ настоящаго и будущаго величія Россіи, это—могучее ея смиреніе. У насъ нѣтъ, какъ заграницей, ни пустыхъ возгласовъ, ни вздорнаго шума изъ пустяковъ, потому что мы другъ передъ другомъ не должны надуваться, чтобъ придать себѣ важности. Въ насъ спокойствіе и сознаніе силы, оттого мы не только иногда кажемся равнодушными къ родинѣ, но какъ будто совѣстимся передъ Европой и хотимъ извиниться въ своихъ преимуществахъ. Только не трогайте святой Руси, не

то всѣ встанемъ безъ крика; и незванныхъ гостей одними шапками закидаемъ.

— Да, да, да, сказалъ Василій Ивановичъ. Такъ по-твоему замѣчательно заграницей...

— Прошедшее.

— А въ Россіи?

— Будущее.

— Да, да... Ну... Хорошо. Только правду тебѣ сказать... не понимаю я, какъ вашу братью пускаютъ шататься по свѣту... Набираетесь такихъ мыслей и говорите такіе экивоки, что сразу даже и не поймешь.

— Э, Василій Иванычъ! Путешествія вреда никому не приносятъ. Умный видитъ и становится умнѣе и тѣмъ уже приноситъ пользу. А дураковъ и въ Россіи ненужно... много и безъ путешествующихъ останется.

Разговаривая такимъ образомъ, они, хоть медленно, но все-таки подвигались. Ночь прошла кое-какъ въ сопровожденіи толчковъ и прерываемаго засыпанія, и на другой день рано развилась передъ ними чудесная панорама въѣзда въ Нижній-Новгородъ.

XII.

Печорскій монастырь.

Если когда нибудь прійдется вамъ быть въ Нижнемъ-Новгородѣ, сходите поклониться Печорскому Монастырю. Вы его отъ души полюбите.

Уже подходя къ нему, вы почувствуете, что въ душѣ вашей становится свѣтло и безмятежно.

Сперва все бытіе ваше какъ будто расширится и существованіе ваше станетъ вамъ яснѣе отъ одного взгляда на роскошную картину приволжскаго берега. Налѣво, у ногъ вашихъ, подъ ужасною крутизною, вы увидите широкую рѣку-матушку, любимую народомъ, прославленную русскими повѣрьями; гордо играетъ она и блещетъ серебряной чешуей и плавно и величественно тянется въ сизую даль. Направо, на скатѣ горы громоздятся дружною кучей между кустовъ и деревьевъ живописныя

хаты, а надъ ними, на обрывѣ, вдавшемся въ рѣку, вы видите бѣлую ленту монастырской ограды, изъ среды которой возвышаются куполы церквей и келіи иноковъ.

Обогните гору, спускайтесь по широкой дорогѣ къ монастырскимъ воротамъ и отряхните всѣ ваши мелочныя страсти, всѣ ваши мірскія помышленія: вы въ монастырской оградѣ.

Вокругъ васъ печально тянутся длинныя строенія. Посреди двора двѣ старинныя церкви соединяются крытыми наружными переходами. Здѣсь, въ этихъ церквахъ, безмолвныхъ свидѣтеляхъ нашей забытой старины, подъ тяжелыми ихъ сводами и рѣзными иконостасами, много было вылито и слезъ, и молитвъ отъ набѣговъ татаръ, отъ вторженій поляковъ, о славѣ и многолѣтіи князей нижегородскихъ.

Ступени церквей ужъ заросли травой. Кругомъ, между густымъ кустарникомъ, бѣлѣютъ памятники и уныло наклоняются на землю надгробные кресты. Здѣсь все дико и мрачно; здѣсь порогъ суеты человѣческой; здѣсь все тихо, все молчитъ, все мертво и лишь изрѣдка

монахъ, въ черной рясѣ, мелькаетъ тѣнью между могилъ.

Скромный домикъ архимандрита примыкаетъ къ обители всей братіи. Домикъ простъ и нероскошенъ, но изъ оконъ его, съ ветхаго его балкона открывается самая роскошная картина, пестрѣютъ вдали всѣ богатства Россіи.

Съ одной стороны, на гористомъ берегу возвышается древній кремль и чешуйчатыя колокольни высоко обозначаются на голубомъ небѣ, и весь городъ наклоняется и тянется къ приволжскому скату; съ другой, луговой стороны, взоръ объемлетъ необозримое пространство, усѣянное селами и орошенное могучими теченіями Оки и Волги, которыя смѣшиваютъ свои разноцвѣтныя воды у самаго подножія города и, смѣшиваясь, образуютъ мысъ, на которомъ кипитъ и бушуетъ всему міру извѣстная ярмарка; на этомъ мѣстѣ Азія сталкивается съ Европой, Востокъ съ Западомъ; тутъ рѣшается благоденствіе народовъ; тутъ ключъ нашихъ русскихъ сокровищъ; тутъ пестрѣютъ всѣ племена, раздаются всѣ нарѣчія

и тысячи лавокъ завалены товарами и сотни тысячъ покупателей тѣснятся въ рядахъ, балаганахъ и временныхъ гостиницахъ. Тутъ все населеніе толпится около одного кумира — кумира торговли. Повсюду разбитыя палатки, привязанныя обозныя телеги, дымящіеся самовары, персидскіе, армянскіе, турецкіе кафтаны, перемѣшанные съ европейскими нарядами, повсюду ящики, бочки, кули, повсюду товаръ какой бы онъ ни былъ: и брильянты, и сало, и книги, и деготь, и все, чѣмъ только ни торгуетъ человѣкъ. Но этого мало: вода не уступаетъ землѣ. Ока и Волга тянутся одна съ другой, какъ два огромныя войска, сверкая другъ передъ другомъ безчисленнымъ множествомъ флаговъ и мачтъ. Тутъ суда всѣхъ именованій, со всѣхъ концовъ Россіи, съ издѣліями далекаго Китая, съ собственнымъ обильнымъ хлѣбомъ, съ полнымъ грузомъ, ожидающія только размѣна, чтобъ снова идти или въ Каспійское Море, или въ ненасытный Петербургъ.

Какая картина и какая противоположность!

Внизу жизнь во всемъ разгулѣ страстей, наверху спокойствіе келіи; тамъ перемѣнчивость, опасенія, страхъ, буйство и страсти; здѣсь безмятежная совѣсть и слово прощенія на устахъ. И каждое утро, и каждый вечеръ надъ шумнымъ торжищемъ вселенной мирный пастырь тихо творитъ молитву и невольно думаетъ и задумывается о ничтожествѣ земной суеты.

А ночью, когда небо усѣяно звѣздами, когда въ Волгѣ отражается мѣсяцъ и кое-гдѣ мелькаетъ на берегу забытый огонекъ, а вдали звонко раздается заунывная пѣсня бурлака, какъ хорошо на этомъ мѣстѣ, какая душевная прохлада навѣвается тогда свыше, какое тихое, свѣтлое счастіе наполняетъ тогда цѣлое бытіе! Повѣрьте мнѣ: если вамъ прійдется быть въ Нижнемъ-Новгородѣ, сходите поклониться Печорскому монастырю.

Къ тому же, войдя въ него, вы какъ-то невольно переноситесь въ другое время, къ другимъ обычаямъ, къ другой жизни. Передъ вами воскресаетъ какой-то странный остовъ погибшей старины. Вамъ показываютъ древнюю риз-

ницу, древнюю утварь, древніе синодики. Вы стоите посреди полуобрушившихся строеній; вы живете прошедшей жизнью, и рѣдкіе остатки нашего народнаго искусства какъ бы печально упрекаютъ насъ въ нашемъ непростительномъ нерадѣніи.

И да не покажутся странными эти слова! Искусства существовали у нашихъ предковъ, и если не въ наружномъ развитіи, то по крайней мѣрѣ въ художественной понятливости и въ художественномъ направленіи. Наши пѣсни, образа, изукрашенныя рукописи служатъ тому доказательствомъ. Но зодчество оставило значительнѣйшіе слѣды, и въ такомъ обиліи, въ такомъ совершенствѣ, что теперешнія наши зданія, утративъ оригинальность, характеръ и красоту, чуждыя русскому духу и требованію, кажутся совершенно ничтожными и неумѣстными. Но тутъ рождается вопросъ: возможно ли народное зодчество и какъ отыскать его начала, какъ создать его правила? Оно возможно только посредствомъ изученія и разложенія оставшихся памятниковъ. И какъ бы это

ни показалось страннымъ, но ужъ съ перваго взгляда находимъ мы два важныя указанія въ двухъ зданіяхъ, менѣе прочихъ утратившихъ свой первобытный образъ: въ церквахъ и избахъ. И въ самомъ дѣлѣ, изба и церковь не могутъ ли сдѣлаться основаніемъ русскаго искусства, такъ какъ народность и вѣра служатъ основаніемъ русскаго величія?

Изучая зданія сіи не въ цѣломъ, а въ подробностяхъ, мы находимъ почти цѣлую исторію нашей родины: наличники, карнизы, перила, крыши, окна — все отдѣльно принадлежитъ къ извѣстной эпохѣ, къ особому случаю. И тутъ, какъ во всемъ, Европа сталкивается у насъ съ Азіей, и восточныя арабески нерѣдко сплетаются съ итальянскими украшеніями. Замѣчательно тоже, что наружность нашихъ храмовъ приняла форму азіатскихъ минаретовъ, вѣроятно, по вторженіи татаръ; но внутренность ихъ осталась чисто византійская: не служитъ ли это символомъ того, что если враги и поработили нашъ край, то сила ихъ была только наружная, а что въ глубинѣ

сердца своего святая Русь никогда не измѣняла своему закону и никогда не измѣнитъ своему призванію? Вообще, можно сказать, что въ нашей народной архитектурѣ господствуютъ три начала: начало византійское или греческое, перенесенное вмѣстѣ съ вѣрою, во времена Владиміра; начало татарское или испорченное арабское, водворенное съ татарами, и, наконецъ, начало временъ возрожденія, заимствованное у Запада въ царствованіе Іоанна Грознаго? Изученіе этихъ началъ и взаимной ихъ соотвѣтственности могло бы служить основой для нашихъ зодчихъ. Имъ предстояла бы, кажется, великая и прекрасная задача, посредствомъ мелкихъ украшеній, отдѣльныхъ частей, уцѣлѣвшихъ подробностей, словомъ, посредствомъ всѣхъ указаній, разбросанныхъ по Россіи, возсоздать исчезающее искусство, отнюдь не уничтожая освященную вѣками связь трехъ различныхъ началъ, но изучивъ только каждое начало въ настоящемъ его источникѣ. И отчего бы, кажется, не придать снова нашимъ строеніямъ тотъ чудный, оригиналь-

ный видъ, который такъ изумлялъ путешественниковъ? Зачѣмъ уничтожать тѣ странныя, фантастическія формы, тѣ чешуйчатыя крыши, тѣ фаянсовыя наличники и подоконники, тѣ изразцовые карнизы, замѣняющіе на Сѣверѣ камень и мраморъ, которые такъ живописны для взора и придаютъ каждому зданію такой неожиданный и своебытный видъ? Пусть зодчество водворитъ на Руси народное искусство, а за нимъ послѣдуютъ и живопись, и ваяніе, и музыка. Первыя увѣковѣчатъ нашу жизнь и нашу славу, а послѣдняя будетъ шевелить и возвышать душу близкими сердцу звуками и новыми узами прикуетъ насъ къ нашей родинѣ.

Но обратимся снова къ Печорскому монастырю. Его исторія проста. Прежде онъ былъ богатъ, теперь онъ бѣденъ; прежде къ нему было приписано 8000 душъ и онъ имѣлъ много вкладчиковъ, которые всѣ записаны въ синодикахъ съ тѣмъ, чтобъ въ память ихъ творимы были молитвы; теперь вотчины отошли въ другое владѣніе; щедрые вкладчики исчезли. Однѣ

лишь молитвы остались неизмѣнными, какъ прежде.

Самый древній монастырскій синодикъ ведется съ царствованія Іоанна Грознаго и заключаетъ въ себѣ именные списки многихъ владѣтельныхъ и боярскихъ домовъ, перемѣшанныхъ съ скромными подаяніями объ упокоѣ душъ подъячихъ Приказной избы, судовыхъ ярыжекъ, посадскихъ дьяковъ и простыхъ крестьянъ. Странно видѣть эту огромную книгу смерти, гдѣ вся мертвая старина вытягивается передъ нами бозконечной панихидой. Тутъ поименованы князья кіевскіе, владимірскіе, московскіе, нижегородскіе; тутъ исчислены епископы и архимандриты, изъ которыхъ однихъ монастырскихъ 35; тутъ встрѣчаются имена русскаго боярства, роды Годуновыхъ, Рѣпниныхъ, Бѣльскихъ, Воротынскихъ и многихъ другихъ; родъ Стольника-Ромодановскаго; родъ гостя Василія Шустова, родъ мурзъ мордовскихъ, какой-то князь Симеонъ убіенный, родъ боярина и дворецкаго князя Алексѣя Михайловича Львова и многіе, мно-

гіе другіе, которые исчезли навсегда, оставивъ лишь одно имя на пожелтѣвшихъ листкахъ синодика. И въ этихъ нѣмыхъ названіяхъ скрываются, можетъ быть, тайны, затерянныя навѣкъ, высокія мысли, прекрасныя дѣла, твердыя чувства, и много счастья, и много надеждъ, и много обмановъ, цѣлыя важныя событія, быть можетъ, цѣлая исчезнувшая лѣтопись, цѣлый міръ, погибшій навсегда.

Въ кормовомъ синодикѣ хранятся описи вкладовъ и между ними поражаютъ васъ слѣдующія слова:

„Царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ написать „въ синодикѣ князей и боляръ и прочихъ опальныхъ людей по своей государственной грамотѣ. А далъ по нихъ на поминокъ ихъ „800 рублей, а панихиду архимандриту служить соборомъ. Въ 1620-мъ году, по убіенномъ архимандритѣ Іовѣ дано вкладами деньгами 70 рублей и рухлядина 123 рубля 13 „алтынъ 4 деньги. Въ 1625 году, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ въ „монастырскую казну къ архимандриту Мака-

„рію 30 рублей на поминовеніе царицы Маріи „Володимеровны. И въ память такихъ дней „(гласитъ синодикъ) ставить на братію кормы „большіе, съ калачами съ рыбою и съ медомъ“.

Такъ стоитъ Печорскій монастырь съ XIV-го столѣтія, съ царствованія великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, не вмѣшиваясь въ дѣла мірскія, но лишь тщательно записывая въ свои лѣтописи тлѣнія имена грѣшныхъ, за которыхъ онъ молится. Въ исторіи извѣстно только, что, во время нашествія татаръ, обитель была опустошена, а въ 1596 году она вдругъ спустилась по скату горы на 50 саженъ. Такое необычное событіе было признано цѣлою Россіей за горестное предзнаменованіе. Но царская щедрость царя Михаила Ѳеодоровича прочно возстановила монастырь на новомъ основаніи. До сихъ поръ видна еще часовня, уцѣлѣвшая на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояла цѣлая обитель. Еще извѣстно, что когда Россія изнывала подъ игомъ поляковъ, печорскій архимандритъ Ѳеодосій былъ посланъ съ чиновными и избранными людьми въ Пурецкую

волость, къ князю Пожарскому, склонилъ его принять начальство надъ войскомъ и тѣмъ спасъ Россію отъ тяготѣвшаго надъ нею ярма.

Съ того времени Печорскій монастырь забытъ въ русской исторіи; съ того времени мірскія волненія не переступали болѣе за его благочестивую ограду; и тихо, и грустно стоитъ онъ надъ Нижнимъ, прислушиваясь печально къ неумолкаемому шуму кипящаго базара. Онъ все видѣлъ на своемъ вѣку: и междоусобія, и татарскіе набѣги, и польскія сабли, и боярскую спѣсь, и царское величіе; онъ видѣлъ древнюю Русь; онъ видитъ Русь настоящую и попрежнему тихо сзываетъ онъ православныхъ къ молитвѣ, попрежнему мѣрно и заунывно звонитъ въ свои колокола.

Повѣрьте мнѣ: если вы будете въ Нижнемъ-Новгородѣ, сходите помолиться въ Печорскій монастырь.

XIII.

Помѣщикъ.

Тарантасъ медленно катился по казанской дорогѣ.

Иванъ Васильевичъ презрительно поглядывалъ на Василья Ивановича и мысленно бранилъ его самымъ неприличнымъ образомъ.

„О, дубина, дубина! говорилъ онъ про себя: самоваръ безтолковый, подъяческая природа, ты самъ не что иное, какъ тарантасъ—уродливое созданіе, начиненное дрянными предразсудками, какъ тарантасъ начиненъ перинами; какъ тарантасъ, ты не видалъ ничего лучше степи, ничего далѣе Москвы. Лучъ просвѣщенія не пробьетъ твоей толстой шкуры. Для тебя искусство сосредоточивается въ вѣтряной мельницѣ, наука—въ молотильной машинѣ, а поэзія—въ ботвиньѣ да въ кулебякѣ. Дѣла тебѣ нѣтъ до стремленія вѣка, до современныхъ европейскихъ задачъ. Были бы лишь у

тебя щи, да баня, да погребецъ, да тарантасъ, да плѣсень твоя деревенская. Дубина ты, Василій Ивановичъ! И бѣдныя мои путевыя впечатлѣнія погибаютъ отъ тебя; я просилъ тебя остаться въ Нижнемъ, дать мнѣ время все обѣгать, все осмотрѣть, все описать—куда! „Ярмарка (говорилъ ты) еще не началась; монастырей и церквей и въ Москвѣ много: тамъ бы успѣлъ насмотрѣться, а теперь, батюшка, не прогнѣвайся, некогда: Авдотья Петровна дожидается. Мужички давно встрѣчу заготовляютъ. Жнитво на дворѣ. Староста Сидоръ хоть и толковый мужикъ, на него положиться бы и можно, да вдругъ запьетъ, мошенникъ; русскій человѣкъ не можетъ быть безъ присмотра. Авдотья Петровна хозяйство, правда, понимаетъ, ну, да иной разъ, извѣстно, надо и прикрикнуть, и по зубамъ съѣздить, а для женщины все-таки это дѣло деликатное“—словомъ, садись, Иванъ Васильичъ. Ступай, не останавливаясь. Тарантасъ-то чужой, да и везутъ-то тебя въ долгъ“.

При такомъ грустномъ воспоминаніи Иванъ Васильевичъ почелъ нужнымъ вступить съ Ва-

сильемъ Ивановичемъ въ дипломатическій разговоръ:

— Василій Иванычъ!

— Что, батюшка?

— Знаете ли, о чемъ я думаю?

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

— Я думаю, что вы славный хозяинъ.

— И, батюшка, какой хозяинъ! Два года хлѣба не молотилъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, Василій Иванычъ, не легко сдѣлаться хорошимъ хозяиномъ?

— Да поживи-ка лѣтъ тридцать въ деревнѣ, авось сдѣлаешься, коли есть способность, а не то, не прогнѣвайся.

— Спасибо за совѣтъ.

— Изволишь видѣть, сударь ты мой, я тебѣ скажу правду такую, какую никакой нѣмецъ не пойметъ. Дай русскому мужику выборъ между хорошимъ управляющимъ и дурнымъ помѣщикомъ: знаешь ли кого онъ выберетъ?

— Разумѣется, хорошаго управляющаго.

— То то, что нѣтъ. Онъ выберетъ дурного помѣщика. „Блажной маленько“, скажетъ онъ,

„да свой, батюшка; онъ отецъ нашъ, а мы дѣти его“.—Понимай ихъ, какъ знаешь.

— Да, сказалъ Иванъ Васильевичъ, между крестьянами и дворянствомъ существуетъ у насъ какая-то высокая, тайная, святая связь, что-то родственное, необъяснимое и непонятное всякому другому народу. Этотъ, странный для нашихъ временъ, отголосокъ патріархальной жизни непохожъ на жалкое отношеніе слабаго къ сильному, удрученнаго къ притѣснителю; напротивъ, это отношеніе, которое выражается свободно, отъ души, съ чувствомъ покорности, а не боязни, съ невольнымъ сознаніемъ обязанности, уже давно священной, съ полною увѣренностью на защиту и покровительство.

— Да, да, да, прервалъ Василій Ивановичъ.—Ты понимаешь, что въ хозяйствѣ ты съ наемщикомъ ничего путнаго не сдѣлаешь. Русскій мужикъ долженъ тебя видѣть и знать, что онъ для тебя работаетъ, и что ты видишь его, и тогда онъ будетъ работать весело, охотно, успѣшно. Послѣ де-Бога и великаго государя законъ велитъ служить барину. На чужихъ ра-

ботать обидно, да и не приходится вовсе, а на барина самъ Богъ велитъ. Они для тебя, ты для нихъ—вотъ самый русскій обычай и лучшее хозяйство.

— А правила для управленія, Василій Иванычъ?

— Да какія, братъ, правила? Привычка, сноровка, да Божья воля. Не суйся за хитростями, а смотри, чтобъ мужикъ былъ исправенъ, да не допускай нищихъ; заведи подворную опись, не для переплета, а для дѣла—понимаешь ли? Да и смотри въ оба, чтобъ у мужика было полное имущество, полный, такъ сказать, комплектъ.

— Что-жъ это такое?

— Вотъ что. У исправнаго мужика должна быть всегда въ наличности хорошая крытая изба съ сараемъ, двѣ лошади, одна корова, десять овецъ, одна свинья, десять куръ, двѣ телеги, двое саней, одна соха, одна борона, одна коса, два серпа, одна колода, двѣ кадушки, одинъ боченокъ, одно рѣшето, одно сито. Кромѣ того, если у него нѣтъ особой промыш-

ленности, то онъ въ яровомъ и въ озимомъ полѣ долженъ имѣть по двѣ засѣянныя десятины и выгонъ для скота. Изволишь ты видѣть: есть все это у мужика—мужикъ исправенъ. Есть у него лошадка лишняя, да кла́ди двѣ хлѣба въ запасѣ — мужикъ богатъ. Нѣтъ у него чего нибудь изъ этого—мужикъ нищій. Простая, кажется, механика. Первое мое правило, Иванъ Васильичъ, чтобъ у мужика все было въ исправности. Пала у него лошадь — на́ тебѣ лошадь: заплатишь помаленьку. Нѣтъ у него коровы—возьми корову: деньги не пропадутъ. Главное дѣло—не запускать: недолго такъ разстроить имѣніе, что и поправить потомъ будетъ не въ силу.

— Если можешь и съумѣешь, что бы тебѣ ни говорили мужики, заведи для нихъ общественную запашку и мірской капиталъ. Изъ этихъ денегъ плати за нихъ подушныя и вообще исполняй самъ отъ себя казенныя повинности, дорожныя, подводныя, разумѣется, что только возможно. Даже при сдачѣ рекрутъ бери издержки на себя. Мужикъ отвѣчаетъ тебѣ, а ты

за него и за себя отвѣчаешь правительству и даешь ему примѣръ повиновенія и исполненія своей обязанности.

— А мірскія дѣла, раскладки, приговоры? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Мірскія дѣла предоставь, братецъ, міру. Знаешь ли, что у насъ на Руси ведется въ волостяхъ съизстари такой порядокъ, какой ни нѣмецъ, ни французъ, какъ они себѣ ни ломай голову, не выдумаютъ. Посмотри, какъ они ровно и справедливо каждый годъ мѣняютъ между собой участки земли; послушай, какъ они рѣшаютъ тяжбы и ссоры; вникни, братъ, хорошенько, какъ они иногда умно притворяются и какъ иногда мудро говорятъ.

— Я думаю, замѣтилъ Иванъ Васильевичъ, что мірскія сходки должны быть отдаленнымъ преданіемъ прежнихъ вѣчевыхъ сходбищъ.

— Не знаю, батюшка, это ужъ не мое дѣло. Мое дѣло, чтобъ мужикъ былъ сытъ и здоровъ, безъ баловства только. Плати оброкъ исправно, на барщину выходи какъ слѣдуетъ. Поработалъ три дня—и поклонился; ступай куда хо-

чешь, а дѣло свое исполни. Чай, за три дни работы и за вашей-то за границей нѣтъ такихъ угодій для крестьянина — а?..

— Конечно, замѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

— То-то же. Нѣмцы да французы жалѣютъ о нашемъ мужикѣ: „мученикъ-де!“ говорятъ, а глядишь, мученикъ-то здоровѣе и сытѣе и довольнѣе многихъ другихъ. А у нихъ, слыхалъ я, мужикъ-то ужъ точно труженикъ; за все плати: и за воду, и за землю, и за домъ, и за прудъ, и за воздухъ, за что только можно содрать. Плати акуратно; голодъ, пожаръ—все равно плати, каналья! Ты вольный человѣкъ; не то, вытолкаютъ по шеямъ, умирай съ дѣтьми, гдѣ знаешь... намъ дѣла нѣтъ. Ужъ эти мнѣ французы! прибавилъ Василій Ивановичъ. Все кричатъ, что у насъ безчеловѣчно поступаютъ. А у нихъ-то каково? Добро бы придумали что нибудь путное, а то чортъ знаетъ что за дичь городятъ. У русскаго человѣка уши вянутъ; ну, а признайся, тебѣ, чай, нравится?..

— Почему же? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Да ты, братецъ, вѣдь либералъ. Всѣ вы, молодые люди, либералы. Все не по-вашему. И то не такъ, и это не такъ; а спросишь, наставьте, добрые люди — такъ и станете втупикъ.

— У васъ много дворовыхъ? прервалъ поспѣшно Иванъ Васильевичъ.

— Грѣшный, братъ, человѣкъ. Много этихъ окаянныхъ расплодилось. Для прислуги, знаешь, надо; ну, да и Авдотьѣ Петровнѣ нельзя ужъ чѣмъ и не потѣшиться. Полотно дома, знаешь, ткутъ; ковры прекрасные; право, можно похвастать. Намедни послалъ я еще коврикъ домашней работы исправнику въ подарокъ — знатный коврикъ, знаешь, съ ландшафтомъ, и охотникъ съ ружьемъ въ птицу стрѣляетъ. Повѣришь ли? Исправникъ говоритъ, что это первый въ уѣздѣ. Ну, Авдотья Петровна и рада. Ей, знаешь, и пріятно: дѣло бабье.

— А фабрикъ у васъ нѣтъ? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— И слава Богу! Сохрани тебя Создатель отъ фабрикъ съ хозяйственнымъ устройствомъ.

У насъ теперь между помѣщиками вошла въ моду страсть строить фабрики на домашній манеръ. Разсчетъ-то, кажется, прекрасный: свой мужикъ долженъ нарубить и приготовить лѣсъ, потомъ долженъ строить, потомъ долженъ работать на фабрикѣ, подвозить дрова, чинить и дѣлать машины и потомъ на своихъ лошадяхъ развозить по городамъ товаръ. Все свой мужикъ. Ничего, кажется, не стоитъ, потому что, изволишь видѣть, *своими;* а на повѣрку что выходитъ?.. Вся эта лишняя работа на столько же отнимаетъ земледѣльческой работы, которая, кажется, все-таки самая важная. Хорошіе мужики дѣлаются пьяными мастеровыми; дѣти ихъ становятся голодными дворовыми, ободранными, пьяными, неблагодарными бестіями, которыхъ кормишь, чортъ знаетъ за что, и которые всѣмъ недовольны и первые буяны въ селѣ. Лошади крестьянскія перепадаютъ, силы крестьянъ истощатся; заведется распутство, а къ тому обманывать и обкрадывать тебя такъ будутъ, что любо, какъ ты ни остерегайся, и въ имѣніи пойдетъ все вверхъ дномъ, такая катавасія, та-

кой конфузъ, что своихъ не найдешь. Вотъ тебѣ и фабрика! Нѣтъ, по моему, если мѣсто у тебя по коммуникаціямъ и выгодное для фабрики, есть у тебя изобиліе лѣса, вода безъ употребленія, а главное дѣло—чистый, свободный капиталъ, независимый отъ имѣнія, недоставшійся посредствомъ залога,—такъ тогда съ Богомъ заводи фабрику, но заводи ее на коммерческой ногѣ, какъ бы въ самой Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту. Ты ужъ фабрикантъ, а не помѣщикъ. Не смѣшивай этихъ двухъ дѣлъ. Не требуй отъ мужика ни прута лишняго, ни лишняго шага, да помни крѣпко, братецъ, что тамъ, гдѣ заведется фабрика на домашній манеръ, мужики нищіе, да, слѣдовательно, и помѣщикъ-то самъ недалеко отъ того же.

— Я думаю, спросилъ Иванъ Васильевичъ, что конторская отчетность должна быть очень затруднительна.

— Ничуть не бывало. У меня этимъ дѣломъ завѣдываетъ жена, Авдотья Петровна. Сперва дѣлается разводка на треку впередъ. Потомъ въ полевомъ журналѣ записывается,

что въ треку исполнено. Для ужина и замолота особая тетрадь, да двѣ приходорасходныя книги: одна для хлѣба, другая для денегъ. Вотъ тебѣ и вся наша мудрость!

— А есть ли у васъ госпиталь и прочія врачебныя средства? Заводите ли вы пріюты для крестьянскихъ дѣтей во время полевыхъ работъ? Учредили ли вы ланкастерскую школу взаимнаго обученія?

— Эге, ге, ге, братъ, чего захотѣлъ! У меня Авдотья Петровна сама лечитъ больныхъ простыми средствами. Иногда и помогаетъ... А учитъ читать у насъ, кого угодно, пономарь. Два мальчика сами напросились. Такіе, право, бойкіе, а другіе не охотники... Отцы, говорятъ, грамотѣ не знали, къ чему-жъ и намъ знать?

— Ну, а что-жъ вы дѣлаете въ голодные годы? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Да Богъ милуетъ: давно не было бѣды, да и запасы у меня въ порядкѣ. Ссуды ни у кого, слава Богу, родясь не просилъ. Пятнадцать лѣтъ, никакъ, тому назадъ, хозяйство-то еще, знаешь, было слабенькое, ужъ точно была

невзгода. Озимь еще съ осени червь поѣлъ. Весной Богъ не далъ дождя. Словомъ, ни колоса, ни зерна, ровно ничего. Запасовъ не было. Что̀ станешь тутъ дѣлать? Пришли ко мнѣ мужики и плачутся. „Бѣда, батюшка Василій Иванычъ! Ни себя, ни дѣтей кормить нѐчѣмъ. Знать, послѣдній часъ пришелъ“.— Ну, говорю я, ребятушки, что̀-жъ тутъ дѣлать? У меня, слава Богу, есть зерно въ амбарѣ. Могъ бы, правда, по 30 рублей за четверть спустить, да Богъ не пошлетъ благословенія на такое дѣло. Берите, пока хватитъ. Авось прокормимся какъ нибудь...“ Слава Богу, всѣмъ достало.

— Да это прекрасно! воскликнулъ Иванъ Васильевичъ.

— Что-жъ тутъ хорошаго? Не умирать же имъ, впрямь, съ голода. Да этого мало. Кругомъ меня помѣщики все богатые, знатные, знаешь, такіе, живутъ себѣ заграницей — гдѣ имъ подумать о мужикѣ. Знаешь ли, до чего доходило? Цѣлое село выйдетъ на большую дорогу обстановить проѣзжаго...

— Какъ, грабятъ? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Нѣтъ, братъ, не грабятъ, а станутъ мужики на колѣни: самъ, батюшка, видишь, не дай умирать, а за душу Богъ молитъ. И ко мнѣ пришли, и я имъ все отдалъ, что̀ осталось послѣ моихъ собственныхъ, отдалъ, разумѣется, въ займы.

— И никогда не получили обратно?

— Знаешь же ты русскаго мужика! Все получилъ, до зерна. Правда, цѣна-то была ужъ другая... Ну, да на сердцѣ зато было весело...

— Такъ васъ любятъ? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Самъ увидишь, какъ домой пріѣдемъ. Весь народъ сбѣжится. „Батюшка-де Василій Иванычъ пріѣхалъ...“ Старый и малый, всѣ высыпятъ на господскій дворъ, кто съ гусемъ, кто съ медомъ, кто съ чѣмъ попало.—„Здравствуйте-де, батюшка Василій Иванычъ. Что-де ты такъ долго къ намъ не жаловалъ? А мы такъ о твоей милости стосковались“.—„Здо-

рово, православные! Чай, поминали меня?“— „Какъ, батюшка, не поминать. Ты сына моего отъ рекрутчины спасъ; ты, батюшка, корову мнѣ далъ; ты, батюшка, дочь мою крестилъ... Дай Богъ тебѣ, батюшка, здравствовать“.

Глаза Василья Ивановича засверкали; Иванъ Васильевичъ взглянулъ на него съ почтеніемъ... и самъ тарантасъ показался ему едва ли не лучше самаго щегольскаго іохимскаго дормеза.

XIV.

Купцы.

На другой день, около вечера тарантасъ въѣхалъ въ небольшой, но весьма странный городокъ. Весь городокъ заключался въ одной только улицѣ, по обѣимъ сторонамъ которой маленькіе сѣро-бревенчатые домики учтиво кланялись проѣзжающимъ. Въ окнахъ большая часть стеколъ были выбиты и замѣнены ма-

сляной бумагой, изъ-за которой кое-гдѣ высовывались истертые вицъ-мундиры, рыжія бороды, да подбитые чайники.

— Уѣздный городъ? спросилъ, потягиваясь, Иванъ Васильевичъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ ямщикъ: заштатный...

Между тѣмъ, въ движеніи тарантаса происходило что-то совершенно необычайное. Твердая его поступь вдругъ стала робка и нерѣшительна, какъ будто бы онъ сдѣлалъ какую нибудь глупость. Неужели онъ, который никогда не чинится, никогда не опрокидывается, онъ, краса и радость безбрежной степи, осрамился на самой срединѣ дороги и, какъ тщедушный рессорный экипажъ, долженъ подлежать починкѣ въ городской кузницѣ? Печально и робко остановился онъ у станціоннаго двора. Сенька слѣзъ съ козелъ, обошелъ около него кругомъ, посмотрѣлъ подъ него, пощупалъ дрогу, пошатнулъ спицы, потомъ покачалъ головой и, снявъ картузъ, обратился къ Василью Ивановичу съ неожиданной рѣчью:

— Какъ прикажете, сударь, а эвдакъ онъ двухъ верстъ не пройдетъ. Весь разсыплется.

— Что̀? спросилъ съ гнѣвомъ и ужасомъ Василій Ивановичъ.

Еслибъ Василью Ивановичу доложили, что староста его пьянъ безъ просыпа, что Авдотья Петровна обкушалась и нездорова, его бы огорчили подобныя извѣстія, но все-таки не такъ, какъ измѣна надежнаго, любимаго тарантаса.

— Что̀? повторилъ онъ съ замѣтнымъ волненіемъ. Что̀?.. сломался?..

— Да по мнѣ все равно-съ, продолжалъ съ жестокостью Сенька.—Какъ будетъ-съ угодно-съ. Сами извольте-съ взглянуть. Въ переднемъ колесѣ шина лопнула... А вотъ-съ въ заднемъ три спицы выпали, да и весь-то еле держится. А впрочемъ-съ... какъ прикажете-съ. По мнѣ-съ все равно.

— Что же, чинить надобно? жалобно спросилъ Василій Ивановичъ.

— Да какъ прикажете-съ. А извѣстно-съ, надобно чинить.

— Да въ Москвѣ изъ каретнаго ряда подмастерье давно ли осматривалъ?

— Не могу знать-съ... Какъ будетъ-съ угодно. А эвдакъ-съ, сами изволите видѣть, эвдакъ не дойдетъ-съ до станціи. Добро бы еще одна хоть спица выпала, такъ все бы легче: можно бы проѣхать еще станцію, а, можетъ, и двѣ бы станціи... а то сами изволите видѣть... Да и колеса такія непрочныя... лѣсъ-то гнилой совсѣмъ... А впрочемъ, по мнѣ все р...

— Ну, молчи ужъ, дуракъ! сердито закричалъ Василій Ивановичъ.—Полно зѣвать-то попустому... Маршъ за кузнецомъ, да живо! Слышишь ли?

Сенька помчался на кузницу, а пріѣзжіе грустно вошли на станцію. Смотритель былъ пьянъ и спалъ, поручивъ заботы управленія безграмотному старостѣ. Смотрительша была въ гостяхъ у супруги цаловальника.

Съ полчаса дожидались кузнеца. Наконецъ явился кузнецъ, съ черной бородой, съ черной рожей и чернымъ фартукомъ. За починку

запросилъ онъ сперва 50 рублей на ассигнаціи, потомъ, послѣ долгихъ преній, помирился на трехъ цѣлковыхъ..и покатилъ колеса на кузницу.

Староста засвѣтилъ въ чуланѣ лучину, значительно поворочалъ подорожную между пальцами и, наконецъ, сказалъ съ важностью:

— Лошади подъ экипажъ-съ готовы, какъ только ваша милость прикажете закладывать.

— Вотъ тебѣ и лошади! заревѣлъ съ досадой Василій Ивановичъ. Вотъ тебѣ, наконецъ и лошади появились, когда ѣхать-то именно не въ чемъ. Да чортъ ли намъ въ твоихъ лошадяхъ!.. Иванъ Васильевичъ!..

— Что̀ прикажете-съ?

— Да не напиться ли намъ съ горя чайку? Эй, борода! слышь ты: прикажи-ка самоваръ поставить. Чай, есть у васъ самоваръ?..

— Самоваръ-то есть, какъ не быть самовару! Да поставить некому: смотритель нездоровъ, хозяйка ихняя въ гостяхъ, да и ключи съ собой унесла. А вотъ недалечко здѣсь хар-

чевня. Тамъ все получить можете. Коли угодно, вашу милость туда проводятъ...

— Что-жъ, пойдемъ, сказалъ Василій Ивановичъ.

— Пойдемте, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Эй ты! закричалъ староста. Сидорка, лысый чортъ! Проводи господъ къ харчевнѣ.

Они отправились. Харчевня, какъ всѣ харчевни, большая изба, крытая когда-то тёсомъ, съ большими воротами и сараемъ. У воротъ кибитка съ вздернутыми вверхъ оглоблями. Лѣстница ветхая и кривая. Наверху ходячимъ подсвѣчникомъ половой съ сальнымъ огаркомъ въ рукѣ. Вправо буфетная, расписанная еще съ незапамятныхъ временъ въ видѣ боскета, который еще кое-гдѣ высовываетъ фантастическія растенія изъ-подъ копоти и отпавшей штукатурки. Въ буфетѣ красуются за стекломъ стаканы, чайники, графины, три серебряныя ложки и множество оловянныхъ. У буфета суетятся два, три мальчика, обстриженные въ кружокъ, въ ситцевыхъ рубашкахъ и съ пожелтѣвшими салфетками на плечѣ. За буфет-

ной небольшая комната, выкрашенная охрой и украшенная тремя столами, съ пѣгими скатертями. Наконецъ, сквозь распахнувшуюся дверь выглядываетъ желтоватый бильярдъ, по которому важно гуляетъ курица.

Въ комнатѣ, выкрашенной охрой, около одного изъ столиковъ сидѣли три купца: рыжій, черный и сѣдой. Мѣдный самоваръ дымился между ихъ бородъ, и каждый изъ нихъ, облитый тройнымъ пòтомъ, вооруженный кипящимъ блюдечкомъ, прихлебывалъ, прикрякивалъ, поглаживалъ бороду и снова принимался за работу.

— Ну, а мукà какова? спрашивалъ рыжій.

— Ничего-съ, отвѣчалъ сѣдой; нынѣшній годъ съ рукъ сошла акуратно — грѣшно жаловаться. Вотъ-съ въ прошломъ году, такъ могу сказать — не приведи Богъ! Семь рублевъ съ куля терпѣли.

— Ге, ге, ге! замѣтилъ рыжій.

— Что-жъ, прибавилъ черный, не все барышъ. У хлѣба не безъ крохъ. Выгружать, видно, много приходилось?

— Да на одной Волгѣ раза три, что ли! Такія мели подѣлались, что не дай Господи. А партія-то, признательно сказать, закуплена была у насъ значительная.

— Коноводная? спросилъ рыжій.

— Никакъ нѣтъ. Тихвинка, да три подчалки. Ну, а ужъ перегрузка — извѣстное дѣло, кожу дерутъ, мошенники, Бога не боятся. Что̀ станешь съ нимъ дѣлать?

— Кто-жъ отъ барыша бѣгаетъ? замѣтилъ рыжій.

— Вѣстимо! прибавилъ черный.

— Та-акъ-съ! добавилъ сѣдой.

Рыжій продолжалъ:

— А я такъ въ прошедшемъ году сдѣлалъ оборотецъ. Куплено было, изволите видѣть, у меня у татаръ около Самары нѣсколько муки первѣйшаго, могу сказать, сорта, да кулей пятьсотъ, что ли, взято у помѣщика, самой этакой, признательно сказать, мизеристой. Помѣщикъ-то никакъ въ карты проигрался, такъ и пришлась-то она, поистинѣ, больно сходно. Гляжу я — мучишка-то дрянь, ну, словно мя-

кина, даромъ съ рукъ не сойдетъ. „Что-жъ, говорю я, тутъ думать“: взялъ да и перемѣшалъ ее съ хорошей, да и спустилъ всю въ Рыбнѣ откупщику за первый, изволите видѣть, сортъ.

— Что-жъ, коммерческое дѣло, сказалъ черный.

— Оборотецъ извѣстный, докончилъ сѣдой.

Между тѣмъ Василій Ивановичъ и Иванъ Васильевичъ распорядились тоже около одного столика, потребовали себѣ чаю и съ любопытствомъ начали прислушиваться къ разговору трехъ купцовъ.

Вошелъ четвертый, въ синемъ изношенномъ армякѣ и остановился въ дверяхъ. Сперва перекрестился онъ три раза передъ угольнымъ образомъ, а потомъ, тряхнувъ головой, почтительно поклонился сѣдому.

— Сидору Авдеичу наше почтеніе.

— А, здорово, Потапычъ! Просимъ покорно выкушать парочку съ нами.

— Много доволенъ, Сидоръ Авдеичъ. Все ли по-добру, по-здорову?

— Слава Богу.

— И хозяюшка, и дѣтушки?

— Слава Богу!

— Ну, слава тебѣ, Господи! Въ Рыбну, что ли, изволите.

— Въ Рыбну. Да присядь-ка, Потапычъ.

— Не извольте безпокоиться, и постоять можемъ.

— А чашечку?..

— Много доволенъ.

— Одну хоть чашечку.

— Благодарю покорно. Дома пилъ.

— Эй, братъ, чашечку!

— Ей-Богу, дома пилъ.

— Полно. Выпей-ка въ прикусочку на здоровье.

— Не могу, право.

Сѣдой протянулъ Потапычу чашечку, а Потапычъ, поблагодаривъ, выпилъ чашечку духомъ, послѣ чего поставилъ ее бережно на столъ вверхъ дномъ на блюдечко и поблагодарилъ снова.

— Ну, вотъ энтакъ-то ладно! Спасибо, Потапычъ. Ну-тка еще чашечку.

— Нѣтъ, ужъ ей-ей не въ моготу. Много доволенъ за ласку и угощеніе. Чувствительно благодаренъ. Да я-съ, Сидоръ Авдеичъ, къ вашей милости съ просьбой.

— Передать что ли по торговлѣ въ Рыбнѣ?

— Такъ точно-съ. Трифону Лукичу. Покорнѣйше просимъ...

— Много, что ли?

— Тысячъ съ пятокъ.

— Пожалуй, братъ.

Тутъ Потапычъ вынулъ изъ-за пазухи до невѣроятія грязный лоскутокъ бумаги, въ которомъ завернуты были деньги, и, поклонившись, почтительно подалъ ихъ сѣдому.

Сѣдой развернулъ испачканный свертокъ, внимательно пересчиталъ ассигнаціи и золотые и потомъ сказалъ:

— Пять тысячъ двѣсти семьнадцать рублевъ съ полтиною — такъ ли?

— Такъ точно.

— Хорошо, братъ. Будетъ доставлено.

Сѣдой поднялъ полу своего армяка, всунулъ довольно небрежно свертокъ въ боковой кар-

манъ своихъ шараваръ и занялся посторонним разговоромъ.

— Каково торгуется, Потапычъ?

— По маленьку-съ — къ чему Бога гнѣвить?

— Ты, вѣдь, помнится, саломъ промышляешь?

— Чѣмъ попало-съ: и сало, и поташъ продаемъ. Дѣло наше маленькое. Капиталъ небольшой, да и весь-то въ оборотѣ. А, впрочемъ, жаловаться не можемъ.

— Ну-ка, Потапычъ, теперь еще чашечку.

— Нѣтъ-съ, ужъ, право, средствія нѣтъ. Чувствительно доволенъ. Никакъ не могу.

Не смотря на упорное отнѣкиванье, Потапычъ снова выпилъ чашечку въ прикусочку, потомъ, поблагодаривъ снова, почтительно раскланялся съ сѣдымъ, чернымъ и рыжимъ, каждому поочередно пожелалъ тѣлеснаго здравія, хорошаго пути, всякаго благополучія и, наконецъ, исчезъ въ дверяхъ.

Вся эта сцена возбудила въ сильной степени любопытство Ивана Васильевича.

— Позвольте спросить, сказалъ онъ, при-

сосѣдиваясь къ купцамъ: онъ вамъ родственникъ, вѣрно?

— Кто-съ?

— Да вотъ этотъ, что̀ сейчасъ вышелъ, Потапычъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я его, признательно-то сказать, почти что и не знаю вовсе. Онъ, долженъ быть, мѣщанинъ здѣшній.

— Такъ вы дѣла съ нимъ ведете по перепискѣ?

Сѣдой улыбнулся.

— Да онъ, чаю, и грамотѣ не знаетъ; а дѣловъ у меня съ нимъ не бываетъ. Обороты наши будутъ-съ поважнѣе ихнихъ, прибавилъ сѣдой съ лукавымъ самодовольствіемъ.

— Такъ отчего же онъ не посылаетъ своихъ денегъ по почтѣ?

— Да извѣстно-съ, чтобъ не платить за пересылку.

— А какъ же онъ не потребовалъ отъ васъ росписки?

Черный и рыжій засмѣялись, а сѣдой взбѣсился не на шутку.

— Росписку, закричалъ онъ, росписку! Да еслибъ онъ отъ меня потребовалъ росписку, я бы ему его же деньгами рожу раскроилъ. Слава Богу, никакъ ужъ пятый десятокъ торгую, а энтакого еще со мной срама не бывало.

— Изволите видѣть-съ, милостивый государь — не имѣю удовольствія знать, какъ васъ чествовать — сказалъ рыжій: вѣдь-съ это только между дворянами такая заведенція, что росписки, да векселя. У насъ, въ торговомъ дѣлѣ, такой-съ, этакъ-съ сказать, политики не употребляется вовсе. Одного слова достаточно. Канцеляріями-то, изволите видѣть, заниматься некогда. Оно хорошо для господъ служащихъ, а нашему брату несподручно приходится. Вотъ-съ, примѣромъ будь сказано, продолжалъ онъ, указывая на сѣдаго: они торгуютъ, можетъ статься, на милліонъ рублевъ серебромъ въ годъ, а весь разсчетъ на какихъ нибудь лоскуткахъ, да и то такъ только, для памяти.

— Да это непонятно, прервалъ Иванъ Васильевичъ.

— Гдѣ-жъ вамъ и понять? Дѣло коммер-

ческое, безъ плана и фасада. Мы съ дѣтства попривыкаемъ. Сперва, изволите видѣть, въ прикащикахъ, либо въ сидѣльцахъ даже, а ужъ послѣ и сами-съ вступаемъ въ капиталъ. Тутъ уже, признательно сказать, дремать некогда. Фабрику завелъ — сиди на фабрикѣ. Лавку открылъ — не пропускай хорошаго покупателя. Дѣло коли на сторонѣ есть выгодное — запрягай кибитку, не жалѣй костей, никому не ввѣряйся: самъ лучше увидишь, по простому своему разуму. Признательно сказать, работа не легкая. Самъ у себя батракъ. Да и притомъ еще частехонько изъянъ терпишь. Ну, а неровенъ часъ, иногда и благословитъ Господь и дрянной товаръ пойдетъ втридорогò. А ужъ признательно-то сказать, объ прихотяхъ да турусахъ думать и не приходится. Вотъ-съ, примѣромъ буде сказано, кафтанъ-то, чтò на мнѣ, никакъ ужъ одиннадцатый годъ сшитъ, а въ кафтанѣ-то тысячъ сотня съ хвостикомъ; да вотъ-съ у нихъ не меньше будетъ, а вотъ-съ у нихъ такъ и побольше.

— И вы не боитесь, чтобъ васъ ограбили? съ удивленіемъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Ничего, батюшка: Богъ милостивъ. Кибитка у насъ, изволите видѣть, дрянная. Да и народъ здѣсь, слава Богу, не такой озорной. Ну, бичевку, постромку какую нибудь и украдетъ, пожалуй, а развѣ ужъ злодѣй какой нибудь посягнетъ на такія дѣньги. Вотъ-съ, мы никакъ пятнадцатый годъ по этой дорогѣ ѣздимъ: слава Богу, ни отъ кого обиды не видали.

— Знаете-съ, подхватилъ сѣдой, вотъ-съ когда плохо: когда нашъ братъ зазнается, да въ знать полѣзетъ, да начнетъ стыдиться своего званія, да бороду обрѣетъ, да по нѣмецкому начнетъ копыпаться. Дочерей выдастъ за князей, сыновей запишетъ въ дворяне: тогда купецъ онъ не купецъ, баринъ не баринъ. Одѣтъ, кажется, знатнымъ человѣкомъ, а все отдаетъ сивухой. Тогда и дѣлишки поразстроятся, и распутство начнется, гульба, пьянство... Бога не станетъ бояться, а ужъ тамъ и кредитъ лопнетъ, и не только безъ росписки,

да и по векселю гроша ему никто между нами не повѣритъ. Коли нѣтъ души, на чемъ хочешь пиши — ей-Богу, такъ-съ.

Иванъ Васильевичъ призадумался нѣсколько минутъ. Занимаясь заграницей судьбами Россіи, онъ, разумѣется, не забылъ торговли, этого важнаго двигателя народнаго благоденствія. Только, за неимѣніемъ свѣдѣній, онъ составилъ себѣ о русскомъ торговомъ направленіи какое-то утопическое понятіе, не совсѣмъ сходное съ дѣйствительностью, не совсѣмъ сообразное съ возможностью. И тутъ, какъ всегда, въ порывѣ безпокойнаго воображенія, онъ иногда приближался къ истинѣ, иногда увлекался черезчуръ за истину, а иногда, отъ незнанія и необдуманности, давалъ рѣшительные промахи. Обо всѣхъ предметахъ объяснялся онъ сгоряча, но поверхностно, потому что не имѣлъ терпѣнія ничего изучить глубоко.

— Позвольте, сказалъ онъ съ обыкновенною горячностью, вымолвить нѣсколько словъ. Мнѣ кажется, что у насъ, въ Россіи, много людей покупающихъ и продающихъ, но что

настоящей систематической торговли у насъ нѣтъ. Для торговли нужна наука, нужно стеченіе образованныхъ людей, строгіе математическіе разсчеты, а не одно удалое авось. Вы наживаете милліоны, потому что обращаете потребителя въ жертву, противъ котораго всѣ обманы позволительны, и потомъ откладываете копѣйку къ копѣйкѣ, отказывая себѣ не только въ удовольствіяхъ, но даже въ удобствахъ жизни. У васъ только одна выгода настоящей минуты въ глазахъ, и притомъ каждый думаетъ только о себѣ отдѣльно, опасаясь товарищей и не заботясь объ общей пользѣ. Вы только одно имѣете въ виду: какъ бы купить подешевле и продать подороже. Въ частной жизни вы пяти копѣекъ не возьмете у незнакомаго, а въ торговомъ дѣлѣ вы немилосердно обкрадываете родного брата. Честность у васъ раздвоивается на два понятія: въ первомъ обманъ у васъ называется обманомъ, во второмъ — барышомъ. Такимъ образомъ, торговля дѣлается нерѣдко грабительствомъ, а не размѣномъ. Масса потребителей страждетъ от-

того, и слѣдовательно цѣлый край бѣднѣетъ въ пользу корыстолюбивыхъ незаконныхъ взятокъ.

— Помилуйте! воскликнулъ рыжій. Мы не приказные, примѣромъ сказать.

— Хуже. Ихъ взятки добровольныя, а ваши насильственныя. Еще вы хвастаете, что обогащаетесь своимъ трудомъ, своими боками, въ скверныхъ кибиткахъ, въ дырявыхъ кафтанахъ. Да вѣдь при вашемъ состояніи эта крайность не лучше крайности тѣхъ изъ вашихъ собратій, которые гуляютъ съ цыганами, или, чего добраго, получивъ классъ, воображаютъ себя дворянами. Вы хвастаете невѣжествомъ, потому что смѣшиваете развратъ съ просвѣщеніемъ. Вы гнушаетесь просвѣщенія, потому что видите его въ кургузомъ платьѣ, въ нѣмецкихъ мебеляхъ и бронзахъ, въ шампанскомъ, которое попиваютъ ваши сынки, словомъ, въ глупой наружности, въ жалкихъ привычкахъ. Повѣрьте, это не просвѣщеніе, не образованіе. Просвѣщеніе не обрѣетъ вамъ бороды, не перемѣнитъ вашего кафтана: ему дѣла

нѣтъ до того; просвѣщеніе покажетъ вамъ, что обманъ, какъ бы онъ ни былъ выгоденъ, все-таки обманъ; оно наставитъ васъ въ наукахъ, для васъ необходимыхъ, дастъ вамъ познаніе мѣстъ и мѣстныхъ требованій, опытность въ исчисленіяхъ, въ мореплаваніи, въ оборотахъ, основанныхъ не на мирномъ разбоѣ, а на вѣрныхъ условленныхъ разсчетахъ, приносящихъ всѣмъ пользу. Просвѣщеніе приведетъ въ твердыя правила то прекрасное чувство довѣрія, которое и безъ того между вами господствуетъ въ частной жизни. Тогда вы не будете прятаться другъ отъ друга, какъ теперь въ своихъ дѣлахъ, а, напротивъ, плотно свяжетесь между собой и посредствомъ совмѣстнаго обращенія вашихъ капиталовъ вы не только обогатитесь сами, но и возвеличите свое отечество. Большія выгоды добываются только большими средствами, совокупленіемъ силъ; а сколько у насъ неисчислимыхъ источниковъ богатства, которые остаются неприкосновенными отъ недостатка двигателей! Призваніе русскаго купечества, призваніе ваше — раско-

пать руды народнаго богатства, разлить жизнь и силу по всѣмъ жиламъ государства, заботиться о вещественномъ благоденствіи края такъ, какъ дворянство должно заботиться о его нравственномъ усовершенствованіи. Соедините ваши усилія въ прекрасномъ дѣлѣ и не сомнѣвайтесь въ успѣхѣ. Чѣмъ Россія хуже Англіи? А у англійскаго купечества сотни милліоновъ людей во владѣніи, не говоря о сокровищахъ. Поймите только свое призваніе, освѣтитесь лучомъ просвѣщенія — и неоспоримая ваша любовь къ отчизнѣ доведетъ васъ до духа единства и общности и тогда, повѣрьте мнѣ, не только вся Россія, весь міръ будетъ въ вашихъ рукахъ.

При этомъ краснорѣчивомъ заключеніи, рыжій и черный вытаращили глаза: ни тотъ, ни другой не понимали, разумѣется, ни слова.

Сѣдой, казалось, о чемъ-то размышлялъ.

— Вы, можетъ быть, отвѣчалъ онъ послѣ долгаго молчанія, кое-что, признательно сказать, и справедливое тутъ говорите, хошь и больно грозное. Да изволите видѣть, люди-то

мы неграмотные: дѣловъ всѣхъ разсудить не въ состоянiи. Какъ разъ подвернутся французы, да аферисты, заведутъ компанiи, а тамъ, глядишь — и поклонился капиталу. Чего добраго, въ несостоятельные попадешь. Нѣтъ ужъ, батюшка, по старому-то оно не такъ складно да ладно. Нашъ порядокъ съизстари такъ ведется. Отцы наши такъ дѣлали и не промотались, слава Богу, и капиталъ намъ оставили. Да вотъ-съ, и мы потрудились на своемъ вѣку и тоже, слава Богу, не промотали отцовскаго благословенiя, да и дѣтей своихъ надѣлили. А дѣти пущай дѣлаютъ какъ знаютъ, ихняя будетъ воля... Да не прикажете ли, сударь, чашечку?..

— Нѣтъ, спасибо.

— Одну хоть чашечку?

— Право, не могу...

— Со сливочками...

XV.

Нѣчто о Васильѣ Ивановичѣ.

Давно пора, кажется, познакомить поближе читателя съ героями тарантаса. Читатель вообще человѣкъ любопытный, охотникъ до анекдотовъ. Онъ ни во что не ставитъ мысль, породившую разсказъ, чувство, его одушевляющее. Онъ ищетъ въ книгѣ не поученій, а новыхъ знакомыхъ, новыхъ лицъ, похожихъ на того барина или на ту барыню, съ которыми онъ ведетъ шляпочное знакомство. Кромѣ того, читатель любитъ пламенныя описанія, хитрую завязку, наказанный порокъ, торжествующую любовь, словомъ, сильныя впечатлѣнія. Читатель вообще въ этомъ немного похожъ на Ивана Васильевича.

Сочинитель сего замѣчательнаго странствованія, грѣха таить нѣчего, думалъ было угодить своему балованному судьѣ, разсказавъ ему какую нибудь пеструю небывальщину. Къ не-

счастію, это было невозможно. Скучная правда рѣшительно воспротивилась жгучимъ страстямъ Василья Ивановича и перепутаннымъ похожденіямъ Ивана Васильевича по казанской дорогѣ. Сочинителю остается только сдѣлать одно въ угоду читателю: представить ему съ должнымъ почтеніемъ двѣ мелкія, но по возможности подробныя біографіи двухъ главныхъ лицъ сего разсказа.

Начинается съ Василья Ивановича.

Василій Ивановичъ родился въ Казанской губерніи, въ деревнѣ Мордасахъ, въ которой родился и жилъ его отецъ, въ которой и ему было суждено и жить и умереть. Родился онъ въ восьмидесятыхъ годахъ и мирно развился подъ сѣнью отеческаго крова. Ребенку было привольно рости. Бѣгалъ онъ весело по господскому двору, погоняя кнутикомъ трехъ мальчишекъ, изображавшихъ тройку лошадей, и постегивая весьма порядочно пристяжныхъ, когда онѣ недостаточно закидывали головы на сторону. Любилъ онъ также тѣшить вѣчный свой досугъ чуркомъ, бабками, свайкой и городка-

ми, но главное основаніе системы его воспитанія заключалось въ голубятнѣ. Василій Ивановичъ провелъ лучшія минуты своего дѣтства на голубятнѣ, сманивалъ и ловилъ крестьянскихъ чистыхъ голубей и пріобрѣлъ весьма обширныя свѣдѣнія касательно козырныхъ и турмановъ.

Отецъ Василья Ивановича, Иванъ Ѳедотовичъ, имѣлъ какъ-то несчастье испортить себѣ въ молодости желудокъ. Такъ какъ по близости доктора не обрѣталось, то какой-то сосѣдъ присовѣтовалъ ему прибѣгнуть, для поправленія здоровья, къ постоянному употребленію травничка. Иванъ Ѳедотовичъ до того пристрастился къ своему способу леченія, до того усиливалъ пріемы, что скоро пріобрѣлъ въ околодкѣ весьма недиковинную славу человѣка пьющаго запоемъ. Современемъ, барскій запой сдѣлался постояннымъ, такъ что каждый день утромъ, акуратно въ десять часовъ, Иванъ Ѳедотовичъ съ хозяйской точностью былъ ужъ немножко взволнованъ, а въ одиннадцать совершенно пьянъ. А какъ пьяному человѣку

скучно одному, то Иванъ Ѳедотовичъ окружилъ себя дурами и дураками, которые и услаждали его досуги. Торговалъ онъ, правда, себѣ и карлу, но карла пришелся слишкомъ дорого и былъ тогда-жъ отправленъ въ Петербургъ, къ какому-то вельможѣ. Надлежало, слѣдовательно, довольствоваться взрослыми глупцами и уродами, которыхъ одѣвали въ затрапезныя платья съ красными фигурами и заплатами на спинѣ, съ рогами, хвостами и прочими смѣшными украшеніями. Иногда морили ихъ голодомъ для смѣха, били по носу и по щекамъ, травили собаками, кидали въ воду и вообще употребляли на всевозможныя забавы. Въ такихъ удовольствіяхъ проходилъ цѣлый день; а когда Иванъ Ѳедотовичъ ложился почивать, пьяная старуха должна была разсказывать ему сказки; оборванные казачки щекотали ему легонько пятки и обгоняли кругомъ его мухъ. Дураки должны были ссориться въ уголку и отнюдь не спать или утомляться, потому что кучеръ вдругъ прогонялъ дремоту и оживлялъ ихъ бесѣду звонкимъ прикосновеніемъ арапника.

Мать Василья Ивановича, Арина Аникимовна, имѣла тоже свою дуру, но ужъ больше для приличія и, такъ сказать, для штата. Она была женщина серьезная и скупая, не любила заниматься пустяками. Она сама смотрѣла за работами, знала кого выдрать и кому водки поднести, присутствовала при молотьбѣ, свидѣтельствовала на мельницѣ закормы, надсматривала ткацкую, мужчинъ приказывала наказывать при себѣ, а женщинъ иногда и сама трепала за косу. Само собой разумѣется, что кругомъ нея образовалась цѣлая куча разностепенной дворни, приживалокъ, наушницъ, кумушекъ, нянекъ, дѣвокъ, которыя, какъ водится, цѣловали у Василья Ивановича ручку, кормили его тайкомъ медомъ, поили бражкой и угождали ему всячески, въ ожиданіи будущихъ благъ.

Василій Ивановичъ былъ и безъ того пухлый ребенокъ, рѣдко вымытый, никогда нечесаный, жадный, своевольный, безъ присмотра и наблюденія. Онъ росъ себѣ по однимъ простымъ законамъ природы, какъ ростетъ капу-

ста или горохъ. Никто не заботился о его нравственномъ направленіи, о его умственномъ и душевномъ развитіи. Никто не объяснялъ ему прекрасныхъ символовъ вѣры, никто не говорилъ ему, что одного наружнаго благочестія недостаточно и что каждый человѣкъ долженъ созидать невидимый храмъ въ душѣ своей, долженъ прославлять Всевышняго не одними словами, а чувствами и жизнью.

На одиннадцатомъ году Василій Ивановичъ началъ курсъ своего ученья, подъ руководствомъ приходскаго дьячка, и складывалъ съ большимъ отвращеніемъ года два сряду всякому памятныя буки азъ—ба, вѣди азъ—ва. Послѣ чего онъ началъ и писать, но о каллиграфіи и правописаніи не было упомянуто вовсе, такъ что и понынѣ Василій Ивановичъ такія иногда мудреныя чертитъ кавыки, такія иногда подъ перомъ его рождаются дикія слова, что глазамъ не вѣрится. Потомъ учили его катихизису по вопросамъ и отвѣтамъ и ариѳметикѣ по тому же способу. Но тутъ всѣ усилія остались, кажется, тщетны, потому что

наука ему рѣшительно не далась. Впрочемъ, къ совершенному оправданію родителей его, надо сказать, что они взяли для воспитанія сына и домашняго учителя. Оный учитель былъ малороссіянинъ, кажется, отставной унтеръ-офицеръ, именемъ Вухтичъ. Получалъ онъ жалованья шестьдесятъ рублей въ годъ, да отсыпной муки по два пуда въ мѣсяцъ, да изношенное платье съ барскаго плеча и нѣчто изъ обуви. Кромѣ того, такъ какъ платья было немного, потому что Иванъ Ѳедотовичъ вѣчно ходилъ въ халатѣ, то Вухтичу было еще предоставлено въ утѣшеніе держать свою корову на господскомъ кормѣ. Василій Ивановичъ мало оказывалъ почтенія учителю, ѣздилъ верхомъ на спинѣ его, дразнилъ его языкомъ и нерѣдко швырялъ ему книгой прямо въ носъ. Если-жъ терпѣливый Вухтичъ и выйдетъ, бывало, наконецъ изъ терпѣнія и схватится за линейку, Василій Ивановичъ кувыркомъ побѣжитъ жаловаться тятенькѣ, что учитель его такой, сякой, бьетъ-де его палкой и бранитъ дурными словами. Тятенька съ-цьяна раскричится на

Вухтича: „Ахъ, ты, сѣдой этакой песъ, я тебя кормлю и одѣваю, а ты у меня въ дому шумѣть задумалъ! Вотъ я тебя... смотри, по шеямъ велю выпроводить. Не давать коровѣ его сѣна!..“ А кумушки и приживалки окружатъ Василья Ивановича и начнутъ его утѣшать: „ненаглядное ты наше красное солнышко, свѣтъ наша радость, баринъ вы нашъ, позвольте ручку поцаловать... Не слушайтесь, ягода, золотой вы нашъ, хохла поганаго: онъ мужикъ, нашъ братъ... гдѣ ему знать, какъ съ знатными господами обиходъ имѣть...“

„Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ“, думалъ Вухтичъ, „не ходить же по міру“. Заключеніемъ всего этого было то, что Вухтичъ женился на дворовой дѣвкѣ, получилъ въ награжденіе двѣ десятины земли, и воспитаніе Василья Ивановича было окончено.

Однакожъ, надо сказать правду, Василій Ивановичъ имѣлъ отъ природы сердце доброе, нравъ тихій и миролюбивый. Доказательствомъ тому служитъ то, что даже и воспитаніе его не испортило. Я говорю „воспитаніе“, за неимѣ-

ніемъ слова, выражающаго понятіе совершенно противоположное воспитанію. И странно, какъ подумаешь... Почти всѣ наши дѣды учились на мѣдныя деньги, воспитывались какъ нибудь, наудачу, то есть не воспитывались вовсе, а росли себѣ по волѣ Божіей. И дѣды наши были точно люди неграмотные; рѣдкій умѣлъ правильно подписывать свое имя, и несмотря на то, они всѣ почти были люди съ твердыми правилами, съ сильною волею и крѣпко хранили, не по логическому убѣжденію, а по какому-то странному внушенію, любовь ко всѣмъ нашимъ отечественнымъ постановленіямъ. Теперь старинная грубость исчезаетъ, замѣняясь духомъ колебанія и сомнѣнія. Жалкій успѣхъ, но, можетъ быть, необходимый, чтобъ надежнѣе и вѣрнѣе дойти до истины.

Когда Василью Ивановичу наступилъ шестнадцатый годъ, онъ отправился въ Казань на службу... Тогда недавно только образовались новые штаты по указу о губернскихъ учрежденіяхъ. Василій Ивановичъ служилъ нѣсколько времени въ канцеляріи намѣстника, но, какъ

еще понынѣ говорится въ губерніяхъ: для одной только pour le proforme. Въ самомъ дѣлѣ, не оставаться же столбовому дворянину, хоть и безграмотному, недорослемъ. Къ военной службѣ Василій Ивановичъ имѣлъ мало наклонности, тогда какъ совершенная праздность вполнѣ согласовалась съ его способностями и привычками. Въ то же время вкусилъ онъ удовольствія свѣтской жизни и сталъ удивительно отличаться на балахъ. Никто ловче его не прохаживался въ матрадурѣ, монимаскѣ, курантѣ или Данилѣ Куперѣ. Иногда въ небольшомъ кругу отхватывалъ онъ, по просьбѣ дамъ, и казачка, что̀ всегда сопровождалось громкими изъявленіями удовольствія. Подобный случай рѣшилъ даже участь его навсегда. Какъ-то, на имянинахъ у прокурора, просили его пройдти любимый обществомъ танецъ вмѣстѣ съ молодой дочерью отставнаго секундъ-маіора Крючкина. Дѣвушка долго жеманилась, но, какъ водится, по долгимъ убѣжденіямъ согласилась. Скромно опустивъ очи, зардѣвшись какъ маковъ цвѣтъ, она такъ мило подбоченилась, такъ

легко начала попрыгивать и влѣво, и вправо, что сердце Василья Ивановича вздрогнуло и ноги едва не отказались. Но вдругъ онъ оправился, и съ такимъ неистовымъ вдохновеніемъ пустился въ присядку, такія началъ выдѣлывать ногами штуки, что комната потряслась отъ рукоплесканій и нѣкоторые подгулявшіе собесѣдники начали даже притопывать и припѣвать, улыбаясь другъ передъ другомъ.

Василій Ивановичъ, задыхаясь, подошелъ къ пристыженной отъ общаго восторга красавицѣ.

— Ахъ! сказалъ онъ. Лихо изволите...

Молодая дѣвушка еще болѣе зардѣлась.

— Помилуйте съ... отвѣчала она шопотомъ.

Эти слова и этотъ вечеръ остались навсегда памятны и для Василья Ивановича, и для Авдотьи Петровны.

Василій Ивановичъ влюбился не на шутку, влюбилась ли также Авдотья Петровна — неизвѣстно и, вѣроятно, останется вѣчной тайной. Впослѣдствіи, когда, ужъ сдѣлавшись счастливымъ супругомъ, и разспрашивалъ ее про то Василій Ивановичъ, она только улыбалась,

приговаривая: „ну, перестань же, балагуръ ты этакой...“

Послѣ памятнаго казачка, всѣ прелести супружеской жизни, всѣ очарованія Авдотьи Петровны неотлучно преслѣдовали Василья Ивановича самыми заманчивыми картинами. Въ душу его вкралась нѣжная мысль и, наконецъ, до того имъ овладѣла, что онъ превозмогъ страхъ и робость и отправился въ Мордасы испросить родительское благословеніе. Однако же попытка ему не удалась. Отецъ отвѣчалъ ему коротко и ясно: „Вишь, щенокъ, что затѣялъ. Еще на губахъ молоко не обсохло, а ужъ о бабѣ думаетъ. Послать сюда Матрёшку!“

Явилась Матрёшка, босоногая, въ затрапезномъ роброндѣ, въ газовомъ испачканномъ тюкѣ, съ перьями и цвѣтами. Съ отвратительными улыбками начала она присѣдать и говорить разныя исковерканныя французскія слова, съ примѣсью нѣкоторыхъ ужъ черезчуръ русскихъ.

„Вотъ тебѣ невѣста!“ сказалъ Иванъ Ѳедотовичъ. Послѣ чего выпилъ онъ стаканъ трав-

ничку и на длинныхъ дрогахъ отправился въ поле.

Отъ матери Василій Ивановичъ получилъ почти то же привѣтствіе. Воля мужа была ей закономъ. „Даромъ, что пьяница“, думала она, „а все-таки мужъ“. Такъ думали встарину.

Василій Ивановичъ возвратился, повѣся носъ, въ Казань.

Теперь читатель въ полномъ правѣ ожидать сильнаго анекдота, несчастной любви, тайнаго брака, можетъ быть, похищенія и какого нибудь проклятія. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не случилось. Встарину дѣти раболѣпно повиновались родителямъ, да, къ тому же, Авдотья Петровна была дѣвушка умница, по тогдашнимъ понятіямъ, дѣвушка воспитанная, рукодѣльница, то есть никуда не выходила, кромѣ какъ въ церковь, а сидѣла цѣлый день съ дѣвками, плела кружева, низала бисеромъ и слушала подблюдныя пѣсни. О томъ ужъ и не упоминается, что секундъ - маіоръ Крючкинъ, съ своей стороны, преисправно бы отдубасилъ заслуженною тросточкой всякаго незаконнаго

покусителя на сердце и покой единственной дочери.

Положеніе Василья Ивановича было самое горемычное. Онъ не имѣлъ даже утѣшенія сдѣлаться пьяницей, не чувствуя наслѣдственной наклонности къ горячимъ напиткамъ. Нрава былъ онъ не буйнаго; онъ не роптал противъ судьбы, а грустилъ и смирялся въ простотѣ душевной. Ходилъ онъ только частехонько ко всенощной, украдкой поглядывалъ на свою красавицу, вздыхалъ, пыхтѣлъ, разнѣживался и возвращался домой. Однакожъ, ни одна порочная мысль не заронилась въ его непорочной душѣ; ни разу не подумалъ онъ даже о возможности ослушаться родительскаго приказанія, или внушить предмету любви своей незаконное чувство.

Такъ протянулись мрачно три года. Новый случай вдругъ перемѣнилъ жизнь Василья Ивановича. Однажды получилъ онъ странное письмо церковнаго слога и почерка. Письмо было отъ сельскаго священника и увѣдомляло Василья Ивановича, что Иванъ Ѳедотовичъ при

смерти боленъ. Василій Ивановичъ въ ту же минуту послалъ за лошадьми и поскакалъ въ Мордасы. Жалкую перемѣну, печальную картину нашелъ онъ въ отцовскомъ жилищѣ: приживалки и кумушки ревѣли по разнымъ комнатамъ; дураки вдругъ сдѣлались разумными и сбросили уродливые наряды. Умирающій, жертва необузданной наклонности, лежалъ уже на смертномъ одрѣ и жалобно стоналъ и тихо каялся. Святая таинственность страшнаго предсмертнаго часа разбудила, наконецъ, голосъ совѣсти и направляла душу къ настоящей стезѣ, отъ которой невѣжество, тунеядство, привычка и примѣръ отклоняли грѣшника въ теченіе цѣлой его жизни. „Вася“, говорилъ онъ, „Вася, во мнѣ горитъ что-то... Мнѣ душно, мнѣ больно, Вася... Виноватъ я передъ тобой! Прости меня, Вася, не проклинай моей памяти. Не воспиталъ я тебя, какъ долженъ былъ Богу и государю... Будутъ у тебя дѣти, Вася, воспитывай ихъ въ страхѣ Божіемъ, обучай наукамъ, служить заставь... Тяжкій мой грѣхъ... Не позволяй, Вася, дѣтямъ ругаться надъ

людьми бѣдными и слабыми; не обращай братьевъ твоихъ въ позорище, не тяни изъ нихъ крови христіанской... все припомнится въ послѣднюю минуту. Вѣрь мнѣ, Вася, тяжело умирать съ нечистой совѣстью. Душно мнѣ, Вася... Вася, Вася, прости меня!..“ И Вася, стоя на колѣняхъ, тихо рыдалъ у изголовья умирающаго, и священникъ творилъ молитву надъ ложемъ страданія, среди оцѣпенѣвшей дворни. Долго продолжалась борьба жизни съ смертью, долго мучился и томился больной, наконецъ, онъ умеръ. Домъ наполнился крикомъ и стенаніемъ. Все селеніе провожало покойника до послѣдней его обители. Приживалки и кумушки вопили страшными голосами, приговаривая затверженныя рѣчи: „Батюшка, кормилецъ, Иванъ ты нашъ Ѳедотычъ, на кого ты насъ покинулъ?... Какъ будетъ намъ жить безъ тебя?... Кто будетъ поить, кормить насъ, круглыхъ сиротъ, кто хлѣбъ доставать? Вѣкъ намъ надъ тобой плакаться, вѣкъ не утѣшиться... Пропала наша головушка!...“ Все это сопровождалось визгомъ и притворнымъ, весьма

отвратительнымъ изступленіемъ... Но при послѣднемъ прощаньи, на многихъ лицахъ изобразилось истинное горе. Любовь мужика къ барину, любовь врожденная и почти неизъяснимая, пробудилась во всей силѣ. По многимъ крестьянскимъ бородамъ покатились крупныя слезы и, по едва понятному чувству великодушнаго самоотверженія, даже бѣдные дураки, вѣчно осмѣянные, вѣчно мучимые покойникомъ, неутѣшно плакали надъ свѣжей его могилой.

Прошелъ годъ грустнаго траура. Во все время освященнаго обычаемъ срока, Василій Ивановичъ, сдѣлавшись полнымъ хозяиномъ имѣнія, ни разу не поспѣлъ и подумать о милыхъ сердцу замыслахъ. Но годъ прошелъ, прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, Василій Ивановичъ, несмотря на душевную скуку, становился удивительно толстъ. „Пора бы тебѣ, батюшка Василій Иванычъ“, говаривали ему нерѣдко старые мужики, „и хозяюшкой обзавестись. Полно тебѣ бобылемъ-то маяться“.— „Что же, Васинька, въ самомъ дѣлѣ“, сказала однажды Арина Аникимовна: „я стара стано-

влюсь; а что за хозяйство безъ хозяйки!“ Василій Ивановичъ только того и ожидалъ. Выкатили изъ сарая тарантасъ, помолились, позавтракали, да и отправились въ Казань. Авдотья Петровна все еще была въ дѣвушкахъ, даромъ, что въ женихахъ не было недостатка. По пріѣздѣ въ Казань, сейчасъ же послали за свахой. Явилась болтливая сваха съ повязаннымъ на головѣ платкомъ. Нѣсколько дней сряду таскалась сваха изъ дома Василья Ивановича къ дому Авдотьи Петровны и обратно, носила съ собой рядную, т. е. подробные списки о приданомъ, образами, натурой, деньгами, тряпками и т. д. Арина Аникимовна на все дѣлала собственноручныя замѣчанія, чего мало, чего ненадо и чего достаточно. Наконецъ, былъ назначенъ день для свиданія молодыхъ людей. При этомъ памятномъ свиданіи Василій Ивановичъ и Авдотья Петровна поочередно краснѣли и блѣднѣли, не говоря ни слова. За то сваха неумолчно и премило шутила, злодѣйски запуская разные намеки и обиняки насчетъ пристыженной четы. Секундъ-

маіоръ смѣялся отъ души и весьма развязно разговаривалъ съ Ариной Аникимовной о цѣнѣ хлѣба, объ ожидаемомъ умолотѣ, о враждебномъ озими червячкѣ и о прочихъ принадлежностяхъ сельской политики. Спустя нѣсколько дней, молодыхъ людей благословили, отслужили въ соборѣ молебенъ и начали готовиться къ свадьбѣ. Въ старые годы, приготовленія къ свадьбѣ не сопровождались, какъ нынче, совершеннымъ разореніемъ: не заказывали сверкающихъ каретъ, въ которыхъ ѣздить не прійдется, не выписывали шляпокъ изъ Парижа, а давали чистыя деньги, деревни незаложенныя. Наканунѣ дня, назначеннаго для брака, притащился къ дому Василія Ивановича огромный рыдванъ, изъ котораго вынесли сперва Божьяго милосердія нѣсколько образовъ въ окладахъ, потомъ начали таскать розовыя перины, подушки, сундуки съ бѣльемъ, издавна ужъ къ свадьбѣ заготовленнымъ, самоваръ, серебро и нѣсколько платьевъ съ прегадкими кружевами. Оныя кружева плела себѣ нѣсколько лѣтъ сряду съ дѣвушками сама Авдотья

Петровна на приданое, и вѣрно не разъ задумывалась она надъ работой, невольно одолѣваемая сладкимъ страхомъ при мысли о своей туманной дѣвичьей судьбѣ. Арина Аникимовна все пересчитала и приняла собственноручно, потомъ подписала рядную и подарила свахѣ московской шелковой довольно легонькой матеріи на платье. Свадьбу праздновали со всевозможной пышностью. Обрядъ совершалъ соборный протоіерей. Посаженымъ отцомъ у молодой былъ самъ намѣстникъ. Въ цѣломъ городѣ только и было рѣчей, что о пышномъ ужинѣ, который задалъ на славу Василій Ивановичъ. Выпито было семь бутылокъ шампанскаго и военная музыка играла за столомъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ торжественнаго дня, Василій Ивановичъ, поблагодаривъ всѣхъ и каждаго, раскланявшись и распростившись съ цѣлымъ городомъ, посадилъ молодую свою супругу въ новый тарантасъ и отправился въ деревню. На границѣ помѣстья всѣ мужики, стоя на колѣняхъ, ожидали молодыхъ съ хлѣбомъ и солью. Русскіе крестьяне не кричатъ

виватовъ, не выходятъ изъ себя отъ восторга, но тихо и трогательно выражаютъ свою преданность; и жалокъ тотъ, кто видитъ въ нихъ только лукавыхъ, безсловесныхъ рабовъ и не вѣруетъ въ ихъ искренность. Какъ бы то ни было, съ того времени, какъ Василій Ивановичъ женился, каждый его мужикъ радовался, какъ будто бы женился самъ. „Вотъ и хозяйка у насъ", говорили они. „Вотъ не одни мы, слава Богу! Много имъ лѣтъ здравствовать". И старый и малый отправились бѣгомъ въ церковь, чтобъ выслушать молебенъ, чтобъ разсмотрѣть хорошенько молодую. Старый священникъ, со слезами на глазахъ, вынесъ изъ алтаря крестъ, къ которому приложились новобрачные. На всѣхъ устахъ шевелилась молитва, на всѣхъ лицахъ сіяла радость, радость неподдѣльная. И все это было просто, безъ приготовленія, безъ громкихъ изъявленій, безъ глупыхъ рѣчей. Василій Ивановичъ ввелъ свою хозяйку въ сѣренькій помѣщичій домикъ. Арина Аникимовна благословила ихъ образомъ у порога—и Василій Ивановичъ зажилъ новой жизнью.

И надо ему отдать справедливость: онъ хотя не уничтожилъ вовсе существовавшій при отцѣ порядокъ, но по крайней мѣрѣ измѣнилъ его во многомъ: шутовъ отослалъ въ столярную, кучера посадилъ на козлы, а самъ выпивалъ не болѣе двухъ рюмокъ травничку въ день: одну передъ обѣдомъ, другую передъ ужиномъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобъ онъ вооружался правилами грозной нравственности и барабанилъ громкими словами—совсѣмъ нѣтъ. То, что занимало и тѣшило Ивана Ѳедотовича, не казалось ему отвратительнымъ, а только не занимало и не тѣшило его вовсе. Онъ понималъ, что можно быть пьяницей, только самъ напиваться не любилъ. Онъ понималъ, что можно забавляться дураками, только самъ не находилъ въ нихъ ничего смѣшнаго, словомъ, онъ сдѣлался добрымъ человѣкомъ не по убѣжденію, а такъ себѣ, потому что иначе было бы ему какъ-то неловко и непріятно. Съ одной стороны, онъ помнилъ живо послѣднее, страшное поученіе умиравшаго отца, а съ другой стороны, просвѣщеніе, которое незамѣтнымъ

образомъ распространяется повсюду, заглядывая въ села и деревни, не миновало Мордасъ и стало исподоволь подкрадываться къ Василью Ивановичу, заговаривая съ нимъ не европейскими пустыми изрѣченіями, а понятнымъ ему языкомъ. Такимъ образомъ понялъ онъ, что собственное его благосостояніе зависитъ отъ благосостоянія его крестьянъ, и тогда занялся всѣми силами добрымъ дѣломъ, и безъ того милымъ его мягкосердому свойству. Онъ началъ, правда, управлять по русской методѣ, по опыту старожиловъ, безъ агрономическихъ фокусовъ, безъ филантропическихъ усовершенствованій, но помѣщикъ понималъ мужика, мужикъ понималъ помѣщика, и оба стремились, безъ насильственныхъ толчковъ, а правильно и постепенно къ цѣли усовершенствованія. Василій Ивановичъ былъ человѣколюбивъ и правосуденъ. Крестьяне стали обожать его уже не по долгу, имъ привычному, но изъ святой благодарности. У Василья Ивановича родились дѣти. Онъ началъ ихъ воспитывать не хитро, но ужъ не такъ, какъ самъ былъ воспитанъ.

Для нихъ выписанъ былъ студентъ изъ семинаріи, который обучалъ ихъ и исторіи, и географіи, и многому, о чемъ Василій Ивановичъ и понятія не имѣлъ. Старшій сынъ, по наступленіи одиннадцати лѣтъ, былъ отправленъ сперва въ губернскую гимназію, а потомъ въ московскій университетъ. Василій Ивановичъ понималъ, самъ не зная почему, что въ хорошемъ воспитаніи таится не только нравственный зародышъ жизни каждаго человѣка, но и тайное начало благоденствія и жизни всякаго государства.

Со всѣмъ тѣмъ Василій Ивановичъ былъ изъ числа самыхъ прозаическихъ помѣщиковъ. Старые сосѣди говорили о немъ, что онъ продувная шельма, а молодые—что онъ пошлый дуракъ. Въ самомъ же дѣлѣ, онъ просто и понынѣ, что̀ называется, человѣкъ стараго покроя. На дворянскихъ сходбищахъ, куда онъ является только въ необыкновенные случаи, говоритъ онъ весьма неостроумно, но говоритъ дѣльно, согласно понятію большинства. Предлагали ему служить по выборамъ, но онъ от-

клонилъ подобное предложеніе, во-первыхъ, какъ говорилъ онъ, по поводу физики черезчуръ неповоротливой, а во-вторыхъ, потому, что въ низшихъ должностяхъ боялся отвѣтственности, а высшихъ не почиталъ себя достойнымъ. Живетъ онъ себѣ лѣтъ тридцать въ деревнѣ почти безотлучно, толстѣетъ съ каждымъ годомъ, чрезвычайно любитъ ѣздить на рыбную ловлю, гдѣ онъ можетъ лежать на берегу, пока рыбаки забрасываютъ неводъ на его счастье, или на счастье всѣхъ дѣтей его, поочередно. Кушаетъ онъ удивительно много и охотно, и Авдотья Петровна каждый день придумываетъ ему какой нибудь сюрпризъ: то кулебяку съ вязигой, то окорокъ на славу, то рыбу огромной величины, на каковой случай сзываются и нѣсколько сосѣдей. „Василій Ивановичъ проситъ-де откушать рыбки, что̀ поймалъ у него рыбакъ“, и сосѣди восхищаются рыбкой, мѣряютъ ее, сравниваютъ съ другими извѣстными рыбами, и Василій Ивановичъ улыбается и очень доволенъ и собой, и рыбкой, и жизнью. Послѣ обѣда ѣдятъ варенье общей ло-

жечкой, выпиваютъ иногда по рюмкѣ наливочки, потомъ ложатся отдохнуть, потомъ ѣздятъ на длинныхъ дрогахъ посмотрѣть на озими или на яровинку, потомъ снова ложатся спать уже на цѣлую ночь. Въ карты Василій Ивановичъ не играетъ. Утромъ повѣряетъ онъ работы, дѣлаетъ разводку, ѣздитъ на мельницу или на молотильню, но ходить пѣшкомъ не любитъ и рѣшается на такой подвигъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ: во время крестнаго хода, напримѣръ, или когда плотину прорветъ.

Арина Аникимовна давно уже скончалась въ поздней старости. За нѣсколько лѣтъ до смерти, она ослѣпла и тихо сошла въ могилу, гдѣ схоронили ее рядомъ съ Иваномъ Ѳедотовичемъ.

Авдотья Петровна давно уже сдѣлалась толстой и довольно крикливой барыней. Впрочемъ, она любитъ и уважаетъ Василья Ивановича, хотя не съ прежнею безусловною покорностью. Она тоже имѣетъ вѣсъ и голосъ въ управленіи и хозяйствѣ, и, чтобъ высказать всю истину, надо сознаться, что Василій Ивановичъ ея не-

много даже побаивается. Ей вполнѣ предоставлены, для пріятнаго разсѣянія, всѣ заботы о скотномъ дворѣ, птичникѣ и рукодѣльной промышленности дворовыхъ женщинъ. Авдотья Петровна любитъ гадать въ карты, слушать сплетни дворовыхъ старухъ и пріобрѣла въ околодкѣ не малую славу особымъ искусствомъ, съ которымъ она солитъ огурцы, перекладывая ихъ какими-то листьями.

Впрочемъ, ни она, ни мирный ея супругъ ни одного раза, въ теченіе тридцатилѣтняго супружества, не пожалѣли о своемъ выборѣ, ни одного раза супружеская ихъ вѣрность не нарушалась и ни одна непріязненная мысль, ни одно ядовитое слово ни разу не коснулись ихъ непрерывнаго согласія.

Такъ текла, такъ течетъ безстрастная, тихая жизнь толстаго помѣщика. Въ продолженіе тридцатилѣтняго пребыванія въ деревнѣ, раза два былъ онъ въ Москвѣ, разъ пять въ губернскомъ городѣ, да каждый годъ, около Иванова дня, отправляется онъ на ближнюю ярмарку.

Вотъ все, что можно было, въ угоду чита-

телю, почерпнуть изъ біографіи Василья Ивановича.

XVI.

Нѣчто о Иванѣ Васильевичѣ.

Тридцать лѣтъ послѣ рожденія Василья Ивановича въ сосѣдней деревнѣ родился Иванъ Васильевичъ.

Мать Ивана Васильевича была московская княжна, княжна, впрочемъ, не древняго русскаго рода, а какого-то страннаго именованія и, какъ кажется, недавняго восточнаго происхожденія. Какъ бы то ни было, она была княжна отъ ногъ до головы и процвѣтала въ Москвѣ въ ту блаженную эпоху, когда всѣ молодыя дѣвушки, а въ особенности княжны, узнали впервые на Руси всю прелесть французскихъ романовъ, обычаевъ и модъ. Читателю, вѣроятно, извѣстно, что было время, когда наши дамы стыдились говорить по-русски и коверкали нашъ языкъ самымъ немилосерднымъ образомъ, чего, не въ укоръ будь имъ сказано, еще и по-

нынѣ замѣтны нѣкоторые слѣды. Тогда у насъ францоманія владѣла всѣмъ нашимъ первостепеннымъ дворянствомъ, которое, слѣдуя всегдашней тайной слабости, вздумало было тѣмъ отдѣлиться отъ второстепеннаго. Но, по принятому правилу, второстепенное сейчасъ же послѣдовало за первостепеннымъ, чтобъ попасть подъ тотъ же разрядъ, а за нимъ и прочія степени. Неизвѣстно, къ какой собственно изъ этихъ послѣдующихъ степеней принадлежала княжна, но такъ какъ никто не оспаривалъ ея сіятельности, то она и приписывала себя къ высшему слою общества, а вслѣдствіе того носила до невѣроятія короткія таліи, причесывалась по-гречески, читала Грандиссона, аббата Превó, madame Ricoboni, madame Radcliff, madame Cottin, madame Souza, madame Staël, madame Genlis и объяснялась не иначе, какъ на французскомъ языкѣ съ нянькой Сидоровной и буфетчикомъ Карпомъ. Сидоровна плакала, что ребенка ея сглазили и испортили; буфетчикъ Карпъ отвѣчалъ на все: „слушаю-съ!“ а старая княгиня, утопая вмѣстѣ съ моськой въ не-

подвижной дородности, твердила наизусть французскій лексиконъ и радовалась, что Богъ наградилъ ее такою воспитанной княжною. Впрочемъ, вліяніе на насъ Франціи въ то время было весьма понятно. Наполеонъ потрясалъ съ боку на бокъ всю Европу, и Россія, охотница до всякой удали, дивилась со стороны чудному человѣку. Но когда дѣло дошло до насъ, всѣ наши французы говорили по-русски. Чувство народности, чувство народной любви къ государю и отечеству — это основное, не искореняемое начало русской жизни, вдругъ сбросило личину, и цѣлый край поднялся безъ шума, грознымъ исполиномъ. Врага встрѣтили съ мечомъ и огнемъ и пожаръ Москвы освѣтилъ настоящимъ свѣтомъ русскія чувства. Въ эту памятную годину всякій жертвовалъ, чѣмъ могъ: кто жизнью, кто дѣтьми, кто достояніемъ, и никому не пришло въ голову просить себѣ за то возмездія или награды, чему мы видѣли потомъ столько примѣровъ въ прославленной нами Франціи.

Княжна и княгиня отправились въ Казань,

въ огромномъ рыдванѣ, уложивъ въ него большую часть своей движимости. Все остальное сгорѣло въ Москвѣ вмѣстѣ съ домомъ.

Французовъ прогнали, но княгиня разсудила, что возвращаться ей на пепелище, заводить новый барскій домъ, съ штофными гостиными и загаженной передней — затруднительно и утомительно, по случаю ея тучности и преклонныхъ лѣтъ. Вслѣдствіе сего поселилась она въ Казани, къ великому неудовольствію княжны. Княжна важничала, брезгала провинціальнымъ обществомъ и неуклюжими молодыми людьми. Разумѣется, такой образъ мыслей навлекъ на нее общее негодованіе; губернскіе остряки распустили на ея счетъ самые забавные анекдоты; барыни относились о ней крайне недоброжелательно, хотя и подражали раболѣпно ея нарядамъ. Княжна скучала и, что хуже, старѣлась. Оставаться старой дѣвушкой, хоть и княжной, какъ ни притворяйся, никогда не покажется утѣшительнымъ. Бросившіеся было къ ней женихи, распознавъ, что у ней шесть или семь братьевъ, и что приданое ея заключается

во французскомъ языкѣ, вдругъ почувствовали къ ней отвращеніе и быстро скрылись въ разсыпную. Наконецъ, отъискался какой-то безсловесный помѣщикъ изъ числа колпаковъ, который, ослѣпленный княжескимъ сіяніемъ, предложилъ княжнѣ руку и деревню. Княжна приняла деревню, а по необходимости и руку, въ добавокъ. Помѣщикъ не былъ похожъ, какъ представить можно, на Малекъ-Аделя или на Eugène de Rothelin, не былъ похожъ даже на лютаго тирана, а скорѣе на сурка: ѣлъ, спалъ да рыскалъ цѣлый день по полю.

Отъ этого брака родился Иванъ Васильевичъ.

Разумѣется, положено было воспитать его на славу, чтобъ сынъ отнюдь не былъ олухомъ, какъ батюшка; и какъ только началъ онъ подростать, сейчасъ же принялись отыскивать французскаго гувернера. Всѣмъ извѣстно, что французы долго мстили намъ за свою неудачу, оставивъ за собою несмѣтное количество фельдфебелей, фельдшеровъ, сапожниковъ, которые, подъ предлогомъ воспитанія, испортили на Руси едва ли не цѣлое поколѣніе. Эту жалкую са-

ранчу не слѣдуетъ, однако, сравнивать съ эмигрантами, которые все-таки были получше, пообразованнѣе, хотя немногимъ и они отплатили за русское гостепріимство, укрывавшее ихъ отъ ужасовъ французскаго возмущенія.

Къ счастью Ивана Васильевича, наставникъ его, monsieur Leprince, не былъ изъ числа самыхъ площадныхъ азбучныхъ ремесленниковъ. Онъ принадлежалъ къ какой-то политической партіи и, какъ разсказывалъ, былъ жертвою важныхъ переворотовъ, лишившихъ его значительнаго состоянія, не объясняя, впрочемъ, никому, что состояніе его заключалось въ табачной лавочкѣ. Онъ былъ даже не совершенно безъ образованія, но, разумѣется, какъ французъ, съ образованіемъ одностороннимъ и хвастливымъ; онъ ничего не понималъ и не признавалъ внѣ Франціи, и всѣ открытія, всѣ усовершенствованія, всѣ успѣхи приписывалъ своевольно французамъ. Такой образъ мыслей, разумѣется, можетъ быть весьма похваленъ для природнаго парижанина, но, кажется, вовсе ненуженъ для казанскаго уроженца. Кромѣ

того, monsieur Leprince былъ весьма любезенъ съ дамами, писалъ довольно гладкіе стишки съ остротой или съ мадригаломъ при концѣ, говорилъ про все то, чего не зналъ, весьма бѣгло и красиво, любилъ иногда съ важностью замолвить глубокомысленное словечко о судьбахъ человѣчества и съ гордой откровенностью безпрестанно твердилъ, что онъ сдѣлался наставникомъ только по необходимости, но что онъ вовсе не рожденъ для подобнаго назначенія.

Мать Ивана Васильевича чрезвычайно радовалась такой прекрасной находкѣ. Злые языки даже распускали въ уѣздѣ на ея счетъ довольно неотрадные для супруга ея слухи. Впрочемъ, слухи эти были, можетъ быть, ни что иное, какъ клевета.

На тринадцатомъ году Иванъ Васильевичъ зналъ, что Расинъ первый поэтъ въ мірѣ, а Вольтеръ такая тьма мудрости, что страшно подумать. Онъ зналъ, что былъ вѣкъ, озарившій цѣлый свѣтъ своей могучей литературой — вѣкъ Людовика XIV-го; что послѣ этого вѣка

былъ еще другой вѣкъ, вѣкъ Людовика XV, немного послабѣе, но тоже изумительный. Иванъ Васильевичъ зналъ наперечетъ всѣхъ писакъ того времени. Надо отдать ему справедливость, что онъ нерѣдко зѣвалъ, читая ихъ образцовыя сочиненія, но monsieur Leprince, подсмѣиваясь надъ тупой его природой, предсказывалъ ему, что впослѣдствіи онъ постигнетъ, можетъ быть, недоступныя ему красоты. Сверхъ того, Иванъ Васильевичъ обучался латинскому языку по ломондовской грамматикѣ, хотя довольно неудачно; кое-что запомнилъ изъ „Всеобщей Исторіи“ аббата Миллота, пѣлъ беранжеровскія пѣсни и описывалъ довольно правильно на французскомъ языкѣ восходъ солнца. О неизвѣстныхъ же ему предметахъ monsieur Leprince относился весьма легко, давая чувствовать, что онъ ихъ хотя и изучалъ до-нельзя, но что они не заслуживаютъ никакого вниманія.

Иванъ Васильевичъ былъ мальчикъ совершенно славянской природы, то есть лѣнивый, но бойкій. Воображеніемъ и смѣлостью часто замѣ-

нялись у него добросовѣстный трудъ и утомительное вниманіе. Ученикъ скоро истощилъ ученый запасъ учителя; но учитель, какъ истый французъ, никакъ не понималъ своего невѣжества и продолжалъ себѣ преподавать и растягивать всякій вздоръ подъ прикрытіемъ громкихъ названій. „Поймите сперва хорошенько Корнелія Непота“, говорилъ онъ своему питомцу, „а тамъ мы пріймемся за Горація“. Но, къ сожалѣнію, monsieur Leprince самъ Горація-то не понималъ, отчего и Иванъ Васильевичъ остался на всю жизнь свою при Корнеліи Непотѣ. Года два или три сидѣлъ Иванъ Васильевичъ на французскомъ синтаксисѣ, изучая и забывая поочередно всѣ своевольные обороты болтливаго языка. Потомъ нѣсколько лѣтъ сряду изучалъ онъ французскую реторику, составлялъ разныя фигуры, тропы, амплификаціи, витіеватые обороты рѣчей и т. п. „Узнайте сперва хорошенько реторику“, говорилъ monsieur Leprince, „а тамъ дойдемъ мы и до философіи“. Но реторика длилась до безконечности и по извѣстнымъ причинамъ до

философіи никогда не дошли. Еще забылъ я сказать, что Иванъ Васильевичъ зналъ наизусть генеалогію всѣхъ французскихъ королей, названія многихъ африканскихъ и американскихъ мысовъ и городовъ, терялся въ дробяхъ, какъ въ омутѣ, и довольно нахально началъ судить, по примѣру наставника, о многихъ книгахъ и о всѣхъ наукахъ, руководствуясь одними заглавіями. Мать Ивана Васильевича, урожденная княжна, утопала въ восторгѣ, когда сынокъ приносилъ ей въ праздничный день поздравительное сочиненіе, наполненное реторическими тропами или, чего добраго, иногда и вколоченное въ стихосложный размѣръ. Monsieur Leprince, въ уваженіе такихъ заслугъ, былъ почти хозяиномъ дома, приказывалъ и распоряжался во всѣ стороны, держалъ своихъ лошадей, частехонько, для разсѣянія, ходилъ на прядильную фабрику, толстѣлъ, наживался и наконецъ началъ торговать изъ-подъ руки хлѣбомъ. Послѣ чего, набивъ карманы, раскланялся онъ на всѣ четыре стороны и уѣхалъ во Францію разска-

зывать про насъ всякія небылицы и печатать брошюры о тайнахъ русской политики и о личныхъ достоинствахъ нашихъ государственныхъ людей.

Никто, однако, не разсудилъ, что Ивану Васильевичу не засѣдать въ камерѣ депутатовъ, не быть республиканцемъ или роялистомъ, не гулять вѣкъ на Итальянскомъ бульварѣ, а что суждено ему служить въ министерствѣ юстиціи или финансовъ; что Божіею волею придется ему имѣть во владѣніи триста душъ безграмотныхъ крестьянъ, которые всю надежду свою будутъ полагать на него и о которыхъ онъ, вѣроятно, ни разу не подумаетъ, разумѣется, исключая тѣ случаи, когда понадобится получать съ нихъ доходъ. Ивану Васильевичу все разсказали и объяснили, кромѣ того, что у него было подъ носомъ. Онъ видѣлъ господскій домъ довольно гадкій, избы довольно гнилыя, церковь довольно ветхую, но никто не объяснилъ ему, какъ начались, какъ образовались, какъ дошли до настоящаго положенія этотъ домъ, эти избы, эта церковь. Русская

исторія, русская жизнь, русскій законъ остались для него какимъ-то варварскимъ баснословіемъ, и, благодаря безтолковому направленію, русскій ребенокъ выросъ французикомъ въ степной деревнѣ, въ самомъ русскомъ захолустьѣ. Въ уѣздѣ выставляли вздорнаго парня за настоящее чудо и счастливая его мать въ наслажденіяхъ, доставляемыхъ сыномъ, забывала даже скуку, доставляемую отцомъ.

Нельзя, впрочемъ, слишкомъ строго укорять ее въ слабости, почти общей всему нашему дворянскому сословію. И теперь, когда въ высшемъ нашемъ кругу, среди столькихъ русскихъ именъ, встрѣчаешь такъ мало русскихъ сердцемъ и въ особенности такъ мало русскихъ умовъ, невольно подумаешь о полученномъ воспитаніи и, вмѣсто гнѣва въ душѣ, рождается сожалѣніе.

Въ одно печальное утро мать Ивана Васильевича скончалась и сурокъ нашелся въ самомъ затруднительномъ недоумѣніи. Куда дѣвать сына? Такъ какъ малому не исполнилось еще пятнадцати лѣтъ, то на службу отдавать

его было еще рано, а выписывать новаго француза — слишкомъ поздно. По общему совѣщанію съ сосѣдями, рѣшили отправить Ивана Васильевича въ какой-то частный петербургскій пансіонъ. Такъ и сдѣлано. Пансіонъ отличался удивительной чистотой и порядкомъ. Полы были налощены воскомъ, на лавкахъ не замѣчалось ни одного чернильнаго пятна, а на лекціяхъ преподавалось несмѣтное множество различныхъ наукъ. Къ несчастью, между учащимися невѣжество и нерадѣніе не почитаются за порокъ, напротивъ, въ нихъ полагается что-то молодеческое, доказывающее самостоятельность возмужалаго возраста. Увлеченный ребяческимъ тщеславіемъ, Иванъ Васильевичъ сдѣлался совершеннымъ молодцомъ: затягивался во всѣхъ уголкахъ вакштафомъ до тошноты, пилъ водку, бѣгалъ по кондитерскимъ, хвасталъ какимъ-то мнимымъ пьянствомъ, занимался театральной хроникой, а на лекціяхъ училъ какіе нибудь грязные или вольнодумные стихи. Словомъ, въ пансіонѣ набрался онъ какого-то страннаго, непокорнаго духа, обижался зва-

ніемъ школьника, учителей называлъ ослами, ругался надъ всякою святыней и съ лихорадочнымъ удовольствіемъ читалъ тѣ мерзкіе романы и поэмы, которыхъ и назвать даже нельзя. Такимъ образомъ сдѣлался онъ дряннымъ повѣсой, смѣшнымъ и гадкимъ невѣждой, и даже тотъ скудный запасъ мелкихъ познаній, который сообщилъ ему monsieur Leprince, исчезъ въ туманѣ школьнаго молодечества.

Такъ погубилъ онъ самые лучшіе, самые свѣжіе годы жизни, когда душа еще такъ воспріимчива, такъ горячо и ясно удерживаетъ всякое впечатлѣніе. Наступила пора выпуска и экзамена. Экзаменъ заключался въ тридцати или сорока предметахъ, не говоря объ изящныхъ искусствахъ и гимнастическихъ упражненіяхъ. Иванъ Васильевичъ относился, разумѣется, весьма презрительно объ ожидаемомъ испытаніи и, какъ говорится на пансіонскомъ языкѣ, провалился съ перваго слова. Такой развязки и надо было ожидать. Однако, Ивану Васильевичу было неимовѣрно досадно и даже немного стыдно и другихъ, и самого себя. Онъ

былъ изъ числа тѣхъ людей, которые хотятъ все знать, не учась ничему. Ему невыносимо обидно было глядѣть на двухъ или трехъ трудолюбивыхъ молодыхъ людей, надъ которыми весь классъ всегда смѣялся, которые никогда не были молодцами и которые вдругъ сдѣлались предметомъ невольнаго уваженія не только наставниковъ, но даже и самыхъ буйныхъ, самыхъ отчаянныхъ товарищей. Иванъ Васильевичъ опомнился и крѣпко призадумался. Не начать ли снова съ азбуки? Не приняться ли наконецъ за дѣло? Онъ чувствовалъ, что одаренъ понятливостью и памятью; предметы ясно обрисовывались въ его воображеніи, даже самыя отвлеченныя мысли, при напряженіи, могли отчетливо вкореняться въ его умѣ. Наконецъ, онъ даже къ своей досадѣ почувствовалъ, что не рожденъ для безсмысленнаго разврата, а что въ немъ таится что-то живое, благородное, просящееся на свѣтъ, требующее дѣятельности, возвышающее душу. Еслибъ онъ послѣдовалъ внутреннему голосу, еслибъ онъ принялся самъ себя перевоспитывать, то могъ бы

еще сдѣлаться человѣкомъ полезнымъ и во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ по твердости и настойчивости. Но какъ начать учиться, когда нѣкоторые товарищи уже титулярные совѣтники и веселятся въ большомъ свѣтѣ? Давайте Ивану Васильевичу и службу, и свѣтъ. Онъ опредѣлился въ какое-то министерство и, горестно оплакивая свою школьную дурь, началъ служить горячо и старательно. Недостатокъ въ надлежащихъ для службы свѣдѣніяхъ замѣнялъ онъ смѣтливостью и остроуміемъ. Его употребляли въ канцеляріи и въ откомандировкахъ, и онъ былъ усерденъ къ службѣ, какъ будто желая загладить вину жалкаго своего затмѣнія. Въ его усердіи даже было слишкомъ много рвенія, потому что онъ не могъ бы сохранить его постоянно въ одинакой силѣ. Многое дѣлалъ онъ даже совершенно ненужное и лишнее, отъ него вовсе нетребуемое. Словомъ, онъ черезчуръ завлекся службой и черезъ нѣсколько времени служба ему надоѣла. Ему показалось, что его заслугамъ не отдаютъ должной справедливости, что его не отличаютъ достаточно,

а обходятъ въ представленіяхъ; что ему слѣдовало уже быть какимъ нибудь важнымъ лицомъ. Рвеніе заколебалось и невѣжество, неприкрытое осторожностью, начало проглядывать. Трудолюбивые товарищи по пансіону, о которыхъ уже было помянуто, въ скоромъ времени его обогнали, потому что и на службѣ, какъ въ ученьѣ, были они основательны и послѣдовательны. Иванъ Васильевичъ началъ было сердиться, но вскорѣ позабылъ и гнѣвъ свой, потому что вдругъ пересталъ думать о службѣ; и не мудрено... онъ былъ влюбленъ. Влюбился онъ по уши въ какую-то барыню, которая отличалась томнымъ взоромъ и страстною рѣчью. Сперва размѣнялись они неясными признаніями, потомъ размѣнялись колечками, наконецъ и взаимными клятвами любить вѣчно другъ друга. Иванъ Васильевичъ нѣсколько времени носился въ бурномъ небѣ страстныхъ мечтаній, но это, впрочемъ, не продолжалось долго. Страсть, его увлекавшая, доходила сразу до послѣднихъ границъ, а отъ самой силы своей скоро обезсилѣвала. Но вдругъ онъ за-

мѣтилъ, что красавица его томно заглядывается на какого-то гусара — и закипѣлъ ревностью. Мщеніе, злоба, кровь забунтовали въ головѣ его. Къ счастью, сама красавица предупредила всѣ трагическія послѣдствія, выйдя замужъ за такого богатаго урода, что и сердиться на него было невозможно. Для развлеченія, Иванъ Васильевичъ съ неистовствомъ окунулся въ свѣтскія удовольствія, но въ этихъ удовольствіяхъ онъ не нашелъ даже и тѣни того, чего искалъ. Скука, бездѣйствіе, обманутое самолюбіе, какая-то свинцовая усталость давили его грудь. Онъ началъ проклинать безцвѣтность петербургской жизни, не понимая, что эту безцвѣтность носитъ въ себѣ. Иногда пламенными урывками увлекался онъ въ отрадный міръ поэзіи, читалъ и Данте, и Шиллера, и Байрона, и Шекспира, и сильной рукой отдергивалъ завѣсу, отдѣлявшую его отъ прекраснаго міра, такъ долго скрытаго его очамъ. Иногда углублялся онъ въ какую нибудь заманчивую для него науку, но все это было случайно, нетвердо, лихорадочно. Открытая книга падала со

стола, написанный листъ не перевертывался. И теперь, какъ прежде, онъ принимался за все сгоряча, но горячность скоро проходила; онъ утомлялся и искалъ минутнаго разсѣянія, глупой забавы. Онъ понялъ тогда, что образованіе не заключается въ словахъ и числахъ, не во множествѣ и подробностяхъ ученыхъ предметовъ, а въ способности заниматься полезно, въ строгой критикѣ жизни, въ строгомъ и терпѣливомъ исполненіи всякаго начатаго дѣла. Онъ сдѣлался истинно-жалкимъ человѣкомъ не оттого, чтобъ положеніе его было несчастливое, но оттого, что онъ ни въ чемъ не могъ принимать долго участія, оттого, что онъ самъ собою былъ недоволенъ, оттого, что онъ усталъ самъ отъ самого себя. Тогда началъ онъ догадываться, что есть какое-то высокое, прекрасное назначеніе въ наукѣ, которая подавляетъ ко дну души сомнѣніе, безвѣріе, страсти, томящія боренія, неизбѣжныя съ человѣческой природой. Безъ благодѣтельной науки, всѣ эти враждебныя начала выплываютъ на душевную поверхность

и жгутъ и бунтуютъ, и губятъ беззащитную жизнь.

Въ такомъ безотрадномъ положеніи Иванъ Васильевичъ утѣшался, однакожъ, отрадною надеждой отправиться заграницу, воображая, что въ чужихъ краяхъ онъ легко пріобрѣтетъ познанія, которыя не съумѣлъ пріобрѣсти въ отечествѣ. Вообще, слово „заграницу“ имѣетъ между нашей молодежью какое-то странное значеніе. Оно точно какъ бы является ключомъ всѣхъ житейскихъ благъ. Больной спѣшитъ заграницу, воображая, что у прусской заставы вдругъ сдѣлается здоровымъ. Живописецъ просится заграницу, въ ожиданіи, что какъ онъ только влѣзетъ на Monte Pincio, такъ и будетъ Рафаэлемъ. Невѣжа, пролѣнившійся цѣлый вѣкъ дома и пристыженный наконецъ своимъ незнаніемъ, беретъ мѣсто въ дилижансѣ и думаетъ, что потерянное время, вѣчная праздность, умственныя потемки больше ничего не значатъ: онъ ѣдетъ заграницу!

Иванъ Васильевичъ отправился въ Берлинъ съ рекомендательными письмами ко всѣмъ

знаменитостямъ Берлинскаго университета. Первое его впечатлѣніе заграницей было самое неудовлетворительное, хотя онъ самъ не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, чего ожидалъ. Люди какъ люди. Домы какъ домы. Улицы какъ улицы. И къ тому же люди поскучнѣе нашихъ, домы похуже нашихъ, улицы поуже нашихъ. Знаменитости, предъ которыми онъ готовился благоговѣть, произвели на него почти то же самое впечатлѣніе, какъ кассиръ его министерства или излеровскій маркеръ. У одной знаменитости былъ носъ толстый, у другой бородавка на щекѣ. Иванъ Васильевичъ побѣжалъ на лекціи, но тутъ замѣтилъ онъ съ прискорбіемъ, что въ немъ нѣтъ тѣхъ первоначальныхъ свѣдѣній, безъ которыхъ всѣ послѣдующія не имѣютъ опоры. Къ тому же, онъ плохо зналъ по-нѣмецки и хотя и толковалъ о Гегелѣ и Шеллингѣ, но не понималъ ихъ вовсе и убѣдился, бѣдный, что ему или начинать съ гимназіи, или вѣкъ простоятъ передъ каѳедрой, какъ оглашенный у двери храма. Въ Германіи объ-

яснилась ему тайна воспитанія. Онъ видѣлъ, какъ здѣсь каждый человѣкъ, отъ мужика до принца, вращается въ своемъ кругу терпѣливо и систематически, не заносясь слишкомъ высоко, не падая слишкомъ низко. Онъ видѣлъ, какъ каждый человѣкъ выбираетъ себѣ въ жизни дорогу и идетъ себѣ постоянно по этой дорогѣ, не заглядываясь на стороны, не теряя ни разу изъ вида своей цѣли. О, какъ проклялъ онъ тогда своего француза-наставника, который именно цѣли-то и не далъ его бытію! Онъ чувствовалъ, что въ духовной жизни его не было связи, что онъ былъ ни что иное, какъ отъ всего отчужденный ребенокъ, который, для пустой игрушки, вдругъ переходитъ отъ равнодушія къ восторгу, отъ восторга къ отчаянію. Ему показалось, что онъ отверженъ мыслящей и дѣйствующей семьей человѣчества; что вѣчно суждено ему блуждать одному, забытому, осмѣянному, въ туманномъ, непроницаемомъ мракѣ. Чтобъ утѣшиться хоть немного, началъ онъ колко смѣяться надъ нѣмцами, надъ скучной и порядливой ихъ жизнью, надъ

вѣчными вязаньями ихъ женъ, надъ ихъ пивомъ, клубами и обществами стрѣлковъ. Но недолго, впрочемъ, жилъ онъ съ нѣмцами и отправился въ Парижъ. Парижъ тѣмъ хорошъ, что разсѣетъ какую угодно хандру. Иванъ Васильевичъ вполнѣ увлекся этой вѣчно бѣгущей толпой, которая постоянно спѣшитъ за чѣмъ-то и куда-то, никогда ничего не достигая. Онъ видѣлъ передъ собой собственную исторію въ огромномъ размѣрѣ: вѣчный шумъ, вѣчную борьбу, вѣчное движеніе, звонкія рѣчи, громкіе возгласы, безмѣрное хвастовство, желаніе выказаться и стать передъ другими, а на днѣ этой кипящей жизни—тяжелую скуку и холодный эгоизмъ.

Долго шатался Иванъ Васильевичъ по всѣмъ представленіямъ парижскихъ игрищъ, начиная съ обѣихъ камеръ. Однако онъ не полюбилъ Парижа. Онъ былъ еще слишкомъ молодъ. Вопреки судьбѣ, душа его просила чего нибудь повыше, поотраднѣе, и поѣздка въ Италію осталась, можетъ быть, самой свѣтлой точкой, самымъ лучшимъ воспоминаніемъ его жизни.

Тогда развилось въ немъ дотолѣ неизвѣстное ему чувство изящнаго. И не одна поэтическая чувственность искусства, какъ очаровательная красавица, обнажила передъ нимъ всѣ свои красоты. Въ Италіи искусство имѣетъ какую-то чудную, духовную сторону, которую нельзя выразить, но которая проникаетъ все бытіе. Въ Италіи, въ одной Италіи можно стоять цѣлые часы передъ зданіемъ, передъ изваяніемъ, передъ картиной. Душа оживляется безжизненнымъ предметомъ и какъ будто роднится съ нимъ, какъ будто входитъ съ нимъ въ какое-то таинственное духовное сношеніе. Только въ Римѣ Иванъ Васильевичъ былъ совершенно спокоенъ духомъ. Ему бы совѣстно было и подумать о такой ничтожной пылинкѣ, какъ онъ самъ, передъ колоссальнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ геніями искусства, надъ трупомъ человѣческаго честолюбія. Въ первое время Иванъ Васильевичъ даже на улицахъ говорилъ вполголоса, какъ бы передъ покойникомъ. Да и кто можетъ хладнокровно глядѣть на Аполлона, на Колизей или на

площадь св. Петра? Кто можетъ не задумавшись взглянуть на странную связь язычества съ христіанствомъ, вѣры съ искусствомъ? Въ Италіи каждая церковь — роскошная галлерея, и лучшія произведенія геніальныхъ художниковъ смиренно тѣснятся у алтарей.

Чудная, незабвенная Италія! Пускай говорятъ, что ты упала, что ты погибла, что ты схоронена — не вѣрь коварнымъ словамъ: ты все еще живешь прежней жизнью, дышешь прежнимъ огнемъ. Ты все-таки царица міра и народы стекаются къ тебѣ на поклонъ. И столько у тебя сокровищъ! Природа и люди, порожденные подъ твоимъ небомъ, одарили тебя такъ щедро, что ты одной своей милостыней обогатила всю Европу. Процвѣтай же, Италія, не такъ уже, какъ рѣзвая, полная молодости красавица, но какъ пышная вдовица, которая вблизи видѣла и суетность жизни, и смерть, и съ горькой улыбкой смотритъ на людей, не требуя ничего отъ настоящаго, а свято углубляясь въ одномъ постоянномъ воспоминаніи минувшаго благополучія.

Между тѣмъ, Иванъ Васильевичъ замѣчалъ, что куда бы онъ ни показывался, въ какую землю бы онъ ни пріѣзжалъ, на него смотрятъ съ какимъ-то недоброжелательнымъ, завистливымъ вниманіемъ. Сперва приписывалъ онъ это личнымъ своимъ достоинствамъ, но потомъ догадался, что Россія занимаетъ невольно всѣ умы, и что на него такъ странно смотрятъ единственно потому, что онъ русскій. Иногда за табль-д'отомъ дѣлали ему самые ребяческіе вопросы: скоро ли Россія завладѣетъ всѣмъ свѣтомъ? Правда ли, что въ будущемъ году Цареградъ назначенъ русской столицей? Всѣ газеты, которыя попадались ему въ руки, были наполнены соображеніями о русской политикѣ. Въ Германіи панславизмъ занималъ всѣ умы. Каждый день выходили изъ печати глупѣйшія насчетъ Россіи брошюры и книги, написанныя съ какой-то лакейской досадой и ровно ничего недоказывающія, кромѣ бездарности писателей и опасеній Европы. Мало-по-малу заграничная жизнь заставила Ивана Васильевича невольно задуматься о своей родинѣ. Думая о

ней, онъ началъ ею гордиться, а потомъ началъ ее и любить. Словомъ, то, что на родинѣ не было внушено ему при воспитаніи, мало-помалу вкралось въ его душу на чужбинѣ. Онъ началъ припоминать все видѣнное и незамѣченное имъ въ деревнѣ, въ поѣздкахъ по губерніямъ, во время откомандировокъ по службѣ. Онъ хотя и чувствовалъ, что всѣ эти данныя не составляютъ общаго мнѣнія, общаго цѣлаго, но нѣкоторыя черты удержалъ онъ довольно вѣрно, а остальныя дополнилъ своимъ воображеніемъ. Такъ составилъ онъ себѣ особыя понятія о чиновникахъ, о русской торговлѣ, о нашемъ образованіи, о нашей словесности. Тогда рѣшился онъ изучить свою родину основательно; и такъ какъ онъ принимался за все съ восторгомъ, то и отчизнолюбіе въ немъ загорѣлось бурнымъ пламенемъ. Къ тому же, онъ радовался, что осмыслилъ свое бытіе, что нашелъ себѣ наконецъ цѣль въ жизни, цѣль благородную, цѣль прекрасную, обѣщающую ему привлекательное занятіе, полезныя наблюденія. Съ такими чувствами возвратился онъ изъ заграницы.

Читателю уже извѣстно, какъ онъ встрѣтился съ Василіемъ Ивановичемъ на Тверскомъ бульварѣ, какъ онъ уложился съ нимъ вмѣстѣ въ тарантасъ, какъ вооружился книгой для своихъ путевыхъ впечатлѣній и очинилъ перо.

Но что будетъ изъ этого? Что напишетъ онъ? Что откроетъ? Что скажетъ намъ?

Кажется, ничего. И тутъ, какъ во всѣ прочіе случаи жизни, Иванъ Васильевичъ не выдержитъ характера. Сперва онъ погорячится, а потомъ обезсилитъ при первомъ препятствіи. Непріученный къ упорному труду, онъ встрѣтитъ невозможность тамъ, гдѣ только затрудненіе—и благія его начинанія останутся вѣчно безъ конца.

И не онъ одинъ; много у насъ молодыхъ людей, которые страдаютъ одинакой съ нимъ болѣзнью. Много у насъ молодыхъ людей, которые изнываютъ подъ бременемъ своей немощи и чувствуютъ, что жизнь ихъ навѣкъ испорчена отъ порочнаго, недостаточнаго, половиннаго образованія. Правда, они тѣшатъ свое самолюбіе личиной поддѣльнаго разочарованія, жизненной

усталости, обманутыхъ надеждъ. А въ самомъ дѣлѣ они только ничтожны и ничтожны вполовину, а потому не могутъ не чувствовать своего ничтожества. И въ нихъ таится, можетъ быть, наклонность къ дѣятельности, любовь къ прекрасному и къ истинѣ, но они не пріобрѣли силы осуществить внутренняго своего стремленія. Въ нихъ есть чувство, но нѣтъ воли. Въ нихъ страсть кипитъ, но разсудокъ вѣчно недоволенъ. Многіе, для разсѣянія, погружаются въ омутъ бурныхъ наслажденій, иные дѣлаются раснутными, другіе картежниками, третьи жертвуютъ жизнью своею для вздора, нѣкоторые воображаютъ, что они вольнодумцы, либералы, потихоньку бранятъ правительство, проклинаютъ обстоятельства, будто бы имъ враждебныя. Но и съ другими обстоятельствами они были бы тѣ же, потому что зло въ самомъ основаніи, въ самомъ корнѣ ихъ тщедушнаго прозябанія. Жалкое поколѣніе! Бѣдная молодость! Плодъ, испорченный еще во цвѣтѣ! Но такъ суждено свыше. Въ каждомъ усовершенствованіи, въ каждомъ преобразованіи должны быть

жертвы. А они попали среди борьбы прошедшаго съ настоящимъ, мрака со свѣтомъ. Они исчезнутъ безъ слѣда, безъ сожалѣнія о непонятыхъ страданіяхъ; но ихъ страданія должны служить примѣромъ. На мрачномъ небосклонѣ стариннаго невѣжества давно мелькнула уже лучезарная точка и съ каждымъ днемъ ростетъ она и все становится ярче и ярче. Будутъ люди, которые обожгутся незнакомымъ имъ огнемъ; другіе, ослѣпленные сіяніемъ, останутся въ недоумѣніи между свѣтомъ и тьмой или попадутъ на ошибочную дорогу. Но свѣтильникъ все приближается ближе и ближе, и настанетъ день, когда мракъ исчезнетъ совершенно и земля озарится благодѣтельнымъ свѣтомъ.

XVII.

Сельскій праздникъ.

Между тѣмъ, Иванъ Васильевичъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Впечатлѣній рѣшительно нигдѣ не оказывалось. Одни бока его

были подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія. Напрасно посматривалъ онъ старательно изъ тарантаса на обѣ стороны — все сливалось для него въ какую-то мутную, однообразную картину. Впрочемъ, его винить слишкомъ нельзя. Вообще, предметы опредѣляются въ умѣ вовсе не такъ, какъ въ дѣйствительности, а какъ-то выпуклѣе, ярче, живописнѣе. Къ тому же, есть такіе люди, которые долго будутъ любоваться какой нибудь литографіей и никогда не замѣтятъ въ природѣ того, что она изображаетъ. Мужикъ масляными красками, напримѣръ, или просто нарисованный перомъ, заставитъ ихъ долго стоять передъ собой и даже принесетъ имъ немалое удовольствіе, но мужикъ настоящій, нечесанный и немытый, въ лаптяхъ и тулупѣ, никогда не остановитъ ихъ вниманія, потому что такихъ мужиковъ такъ много, что ихъ вовсе и не замѣчаешь.

Какъ бы то ни было, Иванъ Васильевичъ былъ въ самомъ печальномъ расположеніи духа. Нетронутая книга путевыхъ впечатлѣній валялась подъ ногами, около погребца. Изученіе Рос-

сіи въ отношеніи ея древности и народности рѣшительно не подвигалось. Дѣло, кажется, стало не за многимъ. Иванъ Васильевичъ догадывался, что одного хорошаго намѣренія для совершенія великаго подвига было недостаточно. По Россіи не развѣшены вывѣски, по которымъ можно было бы прочитать всю жизнь ея, все, что́ было, что́ есть и что̀ будетъ. Одной поѣздки въ Мордасы для подобнаго изученія какъ-то мало. Нужно еще кое-что другое; нужны еще вѣчная настойчивость, вѣчный терпѣливый трудъ съ самаго младенчества, въ теченіе цѣлой жизни. А этого, кажется, не мало. Надо было вникать въ самую глубину всякаго предмета, потому что изъ гладкой наружной поверхности ничего не извлекалось. Надо было отыскать, какъ ключа загадки, тайнаго, иногда высокаго смысла всякаго прозаическаго проявленія, попадавшагося на каждомъ шагу. Но, какъ извѣстно, Иванъ Васильевичъ былъ человѣкъ слабаго свойства. По мѣрѣ того, какъ онъ встрѣчалъ затрудненія, онъ не старался ихъ одолѣвать, а измѣнялъ свои предпріятія. Такимъ

образомъ, мало-по-малу отказывался онъ, какъ мы видѣли, отъ прекрасныхъ изученій, отъ важныхъ открытій, къ которымъ, для блага человѣчества, готовился съ такимъ жаромъ. Однако, хотя онъ и потерялъ во многомъ надежду, но все еще надѣялся вникнуть въ душу русскаго человѣка. „Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, мы суетимся и хлопочемъ о Россіи, а именно того-то мы и не знаемъ, что̀ такое русскій человѣкъ, настоящій русскій человѣкъ, безъ примѣси иноплеменнаго вліянія? Какою живетъ онъ духовной жизнью? Чего ждетъ онъ, чего желаетъ, къ чему стремится? Чистое природное начало до того заглушено въ насъ настоящимъ нашимъ бытомъ, что мы не можемъ отдѣлить основныхъ понятій отъ накопившихся. Опредѣлить это начало, отыскать эти родныя понятія — вотъ будетъ славное дѣло! Мы много говоримъ о народности; но что̀ такое народность, въ чемъ заключается она, гдѣ составныя ея части? Вотъ тебѣ, Иванъ Васильичъ, работа: отыщи, опредѣли, наставь. Россія скажетъ тебѣ спасибо...“

И, какъ бы нарочно, тарантасъ въѣхалъ въ большое прекрасное селеніе, а Василій Ивановичъ объявилъ, что онъ до того усталъ, лежа въ тарантасѣ, что имѣетъ намѣреніе отдохнуть у смотрителя и полежать маленько на лежанкѣ.

Длинное, безконечное селеніе красовалось въ самомъ торжественномъ для него видѣ. Передъ высокими, украшенными рѣзьбой избами сидѣли на лавкахъ мужики и бабы, щелкая орѣхи. Праздничные наряды пестрѣли издали яркими цвѣтами. У моста, пересѣкающаго главный порядокъ надвое, небольшой домикъ гражданской архитектуры означалъ, торчащею надъ дверью елкой, многимъ милый кабачокъ. Вправо, цѣлая гурьба молодицъ въ красныхъ и синихъ сарафанахъ, съ снѣжно-бѣлыми рукавами, смотрѣли, какъ двѣ босыя дѣвчонки скакали на доскѣ. Около нихъ два парня, въ красныхъ рубашкахъ, въ откинутыхъ на распашку армякахъ, казалось, не обращали вниманія на выразительныя насмѣшки стоящихъ недалеко товарищей. Нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ насви-

стывали сквозь зубы пѣсенку; другіе, ставъ около колодца въ кружокъ, усердно побрякивали тяжелой свайкой въ желѣзное кольцо. Посреди улицы толпа ребятишекъ окружала небольшую запряженную клячею телегу, у которой веселый разносчикъ предлагалъ, съ примѣсью поговорокъ и прибаутокъ, пряники, стручки, крендели и всякій товаръ. За мостомъ серебряный шпицъ и зеленый куполъ церкви высоко возвышались надъ избами, рѣзко отдѣляясь на сѣромъ грунтѣ пасмурнаго неба.

— Эва! сказалъ Василій Ивановичъ смотрителю.—Что̀ это у васъ? Храмовой праздникъ?

— Такъ точно, отвѣчалъ смотритель.

— Съ праздникомъ, батюшка, продолжалъ Василій Ивановичъ.

— Покорнѣйше благодаримъ.

— А что̀ бы, мой отецъ, нельзя ли самоварчикъ поставить?

— Самоваръ готовъ-съ, сударь. Насъ удостоили гости по сосѣдству посѣщеніемъ. Кума даже изъ города съ зятемъ пріѣхала... Къ празднику, изволите видѣть, пожаловали. Ну,

извѣстное дѣло, какъ не угостить дорогихъ гостей? Никакъ пятый самоваръ ставимъ.

— Доброе дѣло, доброе дѣло! замѣтилъ Василій Ивановичъ; послѣ чего выпилъ съ чувствомъ три стакана чаю, ощутилъ пріятную теплоту и не съ малымъ трудомъ вскарабкался на лежанку, по которой Сенька заблаговременно раскинулъ нѣсколько подушекъ. Черезъ нѣсколько минутъ Василій Ивановичъ объявилъ присутствующимъ, что уже изволитъ почивать, а Иванъ Васильевичъ отправился на село немного пошататься, да кстати поискать и народности.

Все населеніе было на ногахъ, толпясь живописными кучками около строеній. У кабака двѣ православныя бородки цѣловались съ сердечными изліяніями и съ такими неистовыми клятвами во взаимной дружбѣ, что страшно было слушать. Рыжій мужичокъ, со штофомъ въ одной рукѣ и съ свѣтлозеленымъ стаканчикомъ въ другой, угощалъ, шатаясь, товарищей, неотвязчиво преслѣдуя ихъ своими предложеніями, оскорбляясь отказами, кланяясь въ

поясъ и не думая вовсе, что за одинъ разъ пропиваетъ плоды годового труда.

Крикливая, раскраснѣвшаяся баба толкала одурѣвшаго мужа къ дому, проливая горькія слезы, ругая его пьяницей, упрекая его въ томъ, что онъ пускаетъ по міру ее, горемычную, и дѣтей-сиротъ, а между тѣмъ была также совершенно пьяна.

Иванъ Васильевичъ поспѣшно отвернулся отъ этой гнусной для деликатнаго человѣка картины и побрелъ-себѣ къ молодицамъ—полюбоваться красотой нашихъ сѣверныхъ женщинъ. Надо замѣтить, что при этомъ онъ поправилъ немного безпорядокъ своего костюма, оттянулъ книзу пальто, застегнулся и пріосанился... Слѣдуя тайной слабости неизлѣчимаго свѣтскаго тщеславія, Иванъ Васильевичъ, хотя безъ особаго въ томъ сознанія, былъ увѣренъ, что нежданное его появленіе въ пестрой молодой толпѣ сдѣлаетъ сильный эффектъ.

Однако, онъ ошибся.

Здоровая, румяная дѣвка указала на него довольно нахально, обращаясь къ подругамъ:

— Вишь, какой облизанный нѣмецъ идетъ!

Молодицы засмѣялись, а парень въ красной рубашкѣ вмѣшался въ разговоръ:

— Эка зубастая Матрёха! Смотри, рыло разобью!

Матрёха улыбнулась.

— Вишь, больно напужалъ... Озорникъ этакой! Я и сама такъ тресну, что сдачи не попросишь.

Иванъ Васильевичъ не почелъ нужнымъ вслушиваться въ дальнѣйшій разговоръ и, немного обиженный презрительнымъ названіемъ нѣмца, снова принялся за странствованіе. Сперва перешелъ онъ черезъ мостъ, потомъ очутился на небольшой заросшей травой площадкѣ, обогнулъ небольшой прудъ, у котораго ворчали утки съ утятами, и, наконецъ, очутился близъ церкви. Тутъ онъ успокоился духомъ и мысли его приняли другое направленіе. Около церкви возвышалась каменная ограда, за которой, въ густой травѣ, наклонялось нѣсколько крашеныхъ темно-красныхъ деревянныхъ крестовъ. При видѣ этихъ простыхъ озна-

менованій мелькнувшей простой жизни, душа смиряется въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи. И точно: сельскія кладбища производятъ совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ городскія. При видѣ послѣднихъ, невольно рождается какое-то тяжелое, мучительное чувство; при видѣ первыхъ, на сердцѣ становится безмятежно и ясно. Чѣмъ болѣе жизнь приближается къ природѣ, тѣмъ менѣе смерть кажется ужасною; напротивъ, она является мирнымъ преобразованіемъ, за многое вознаграждающимъ, а не безотраднымъ лишеніемъ, не сокрушительнымъ разрывомъ со всѣми надеждами, со всѣми заботами, съ цѣлымъ бытіемъ человѣка.

У церковной ограды пробирался пономарь, съ узелкомъ въ рукѣ, а издали шелъ священникъ въ длинной шелковой рясѣ, въ широкой шляпѣ, съ высокой тростью въ рукѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, крестьяне вставали, снимали шапки и почтительно кланялись своему пастырю. Иные цѣловали у него руку, другіе подводили дѣтей къ благословенію. Одинъ только блѣдный, изнуренный мужикъ, съ чер-

ной бородкой и впалыми глазами, не снялъ шапки и грубо отвернулся.

Это Ивану Васильевичу показалось страннымъ. Онъ остановился передъ дюжимъ хозяиномъ, нянчившимъ на рукахъ у воротъ своихъ годового ребенка.

— Скажи-ка, братъ, отчего вотъ этотъ черный не снимаетъ шапки передъ священникомъ?

Мужикъ прикрылъ сперва ребенка тулупомъ, а потомъ отвѣчалъ довольно небрежно:

— По старой вѣрѣ.

Новая мысль блеснула молніей въ головѣ Ивана Васильевича.

„Вотъ впечатлѣніе! Вотъ задача! подумалъ онъ: опредѣлить вліяніе ересей на нашъ народъ, отыскать ихъ начало, развитіе и цѣль“.

— Много у васъ раскольниковъ? спросилъ онъ поспѣшно.

— Чего?..

— Много ли у васъ раскольниковъ?

— Раскольниковъ... Нѣтъ, немного...

— А сколько ихъ будетъ?

— Сколько... Кто ихъ тамъ знаетъ, сколько ихъ будетъ?

— А скажи-ка, братъ, въ чемъ состоитъ ихъ ученье?

— Чего?..

— Въ чемъ состоятъ ихъ обряды?

— Обряды? Да по старымъ книгамъ.

— Да чѣмъ же они отличаются отъ васъ?

— Чего?..

— Чѣмъ они отъ васъ отличаются?

— Отличаются... да никакъ по старой вѣрѣ.

— Знаю; да вѣдь у нихъ есть свое служеніе, свои скиты, свои священники?

— Извѣстно, по старой вѣрѣ.

— Какой они секты?

— Чего?..

— Какой они ереси?

— Чего?..

— Что̀ они: безпоповщины, духоборцы?..

— Духоборцы... Нѣтъ, кажись, не духоборцы, а такъ, въ церковь только не ходятъ... По старой вѣрѣ, должно быть.

— Однако, любопытно было бы знать, про-

должалъ, разсуждая вслухъ, Иванъ Васильевичъ, — исповѣданіе ихъ различествуетъ съ нашимъ въ одной формѣ или въ сущности? Отпаденіе ихъ отъ насъ гражданское или церковное?

— По старой вѣрѣ, заключилъ мужикъ, послѣ чего хладнокровно повернулся къ Ивану Васильевичу спиной и исчезъ съ сынкомъ въ калиткѣ.

Иванъ Васильевичъ пошелъ задумчиво далѣе.

Хотя крестьянскія объясненія относительно раскольниковъ были нѣсколько неясны и даже неудовлетворительны, однако все-таки было о чемъ призадуматься. Иванъ Васильевичъ шелъ и думалъ... Вдругъ громкій хохотъ прервалъ его размышленія посреди самаго занимательнаго ихъ развитія. Озадаченный неожиданнымъ шумомъ, Иванъ Васильевичъ поднялъ голову, потерялъ нить глубокихъ идей и невольно остановился. У воротъ постоялаго двора цѣлая толпа народа окружила какого-то разсказчика въ короткомъ, некрытомъ полушубкѣ, въ военной фуражкѣ, безъ бороды, но съ большими

сѣдыми усами, доходящими по бакенбардамъ до ушей. На полушубкѣ съ лѣваго бока висѣли двѣ медали на полинялыхъ лентахъ, но и по одной твердой осанкѣ, по однимъ рѣшительнымъ движеніямъ разсказчика нетрудно было узнать въ немъ стараго отставного солдата.

— Экой служивый! говорилъ кто-то въ толпѣ. — Ай-да служба, прости Господи! Вездѣ побывалъ, всего насмотрѣлся.

— Да, подхватилъ разсказчикъ, немного, какъ казалось, подгулявшій на веселомъ храмовомъ праздникѣ, не вашему брату чета. Не сидѣлъ съ бабами вѣкъ за печью. И молотилъ горохъ, да покрупнѣе вашего. Слава Богу, и хранцуза видѣлъ, и подъ турку ходилъ.

— Ой ли! И подъ турку ходилъ?

— Ходилъ, ей-Богу, ходилъ, въ двадцать-восьмомъ году ходилъ. Да еще какъ задали нехристу на калачи, такъ просто ой-ой-ой!..

— Да отчего же, дядя, война-то у насъ была съ туркой?

— Отчего? Извѣстное дѣло отчего! Турец-

кой салтанъ, это, по ихъ нѣмецкому языку вишь, государь такой значитъ, прислалъ къ нашему царю грамоту: я хочу-де, чтобъ ты посторонился, а то мѣста не даешь. Да изволька еще окрестить всѣхъ твоихъ православныхъ въ нашу языческую поганую вѣру.

— Ахъ, онъ безбожникъ! воскликнулъ въ толпѣ старичокъ.

— Вѣстимо, что безбожникъ, да еще какой: безъ всякой субординаціи. Прислалъ послѣ такого озорного: къ вашему, молъ, императорскому величеству отъ турецкаго салтана присланъ — да и только. Да еще разсказывали ребята, что принесъ-то онъ съ собой горсть маку. „А сколько, говоритъ, зеренъ, столько у насъ полковъ, такъ не прикажете ли, чтобъ было по нашему?“

— Ну, а что же нашъ царь? спросилъ въ толпѣ рослый парень.

— Да нашъ царь, слава Богу, себѣ на умѣ. Послалъ въ отвѣтъ горсть зернистаго перцу. Маленько хоть поменьше и будетъ, да попробуй-ка раскусить.

Мужики весело разсмѣялись.

— Вотъ эндакъ-то ладно, ей-Богу, лихо... Чтожъ, небось присмирѣлъ татаринъ?

— Какой чортъ, присмирѣлъ! Попутала его нелегкая. Видно, что въ башкѣ-то амуниція не въ порядкѣ. Не принялъ дѣла разсудкомъ. Вишь, безтолковый какой: ему говорятъ, кажется, по-русски, а онъ еще ломается! Да гдѣ ему съ своимъ поджарымъ народомъ идти, такъ сказать, на какой нибудь гренадерскій батальонъ! Намъ-то, правда, вволю и потѣшиться не пришлось. Налетитъ, бывало, какой нибудь побойчѣе, вотъ и думаешь, дай-ка для смѣха съ нимъ поиграть маленько, да и щелкнешь въ него пальцемъ — анъ смотришь, онъ, собака-то, ужъ и лежитъ.

— Чай, вѣдь они далеко отсюда? спросилъ кто-то.

— Да подальше твоего огорода. Шли-то мы, шли, никакъ три мѣсяца... переваламъ-то и счетъ потеряли. Да и земли такія, правда, дрянныя проходили — ни на что не похоже. Все горы, да горы. Такая жалость, право.

Знать, не любитъ ихъ Богъ за поганую вѣру, то есть, какъ бы сказать, нѣтъ даже мѣстечка, чтобъ выровняться полку какъ слѣдуетъ. Бѣдовая сторона! И достать-то нечего. Ей-Богу, лавки простой нѣтъ. Говорили господа, что климатъ-де какой-то хорошъ. А какой чортъ хорошъ! Иголка четыре копѣйки.

— Куда-жъ вы дошли? спросилъ старичокъ.

— Да чортъ ихъ тамъ знаетъ, какія они заламываютъ тамъ прозвища! Пришли мы на Кавказѣ въ какую-то... нелегкая ихъ тамъ знаетъ!.. Аварію. Помнится мнѣ, въ четырнадцатомъ году, какъ на Парижъ шли, такъ тоже эту Аварію проходили. Вишь какимъ клиномъ ее вытянуло. Ну, а изъ Аваріи такъ и въ самую туретчину пришли. Я еще былъ въ хлѣбопёкахъ.

— Чай, всего натерпѣлся? снова спросилъ старичокъ. И вздремнуть-то на полатяхъ не частенько приходилось.

— Какія тутъ, борода, полати! Ночлегъ-то подъ чистымъ небомъ. Придешь на мѣсто; командиръ скомандуетъ на покой, ну, и распо-

лагайся какъ знаешь. Легъ на брюхо, спиной прикрылся, да и спи-себѣ до барабана. Да эвто бы ничего—солдатъ здоровый человѣкъ, а то квасу достать негдѣ—энтакой поганый народъ!

Сказавъ эти слова, старый служивый плюнулъ и махнулъ рукой. Нѣсколько времени всѣ присутствующіе, исполненные негодованія, стояли молча. Наконецъ, высокій парень снова вступилъ въ любознательные разспросы.

— А скажи-ка, дядя, какъ же тебя ранили?

— Эва невидальщина какая! Плевое, ей-Богу, плевое дѣло. Знать и поранить-то порядкомъ не съумѣли. Всего-то немного колѣно зашибло.

— Да какъ же это было?

— Какъ было? Да вотъ какъ было: подъ крѣпостью, что ли?.. и мудреное такое названіе, что сразу не выговоришь. Мы стояли, примѣромъ сказать, верстахъ въ десяти. Вдругъ слышимъ—палятъ. Эва, никакъ городъ-то хотятъ брать штурмомъ! Забили тревогу. Командиръ говоритъ: „Ребята, тутъ не слѣдъ дре-

мать, а своихъ выручать, да себя показать". Бѣжали никакъ верстъ восемь или девять безъ оглядки. Запыхались ребята. Шутка ли? Подбѣжали вплоть къ городу. Ну, разумѣется, дали отдохнуть маленько. Поднесли по чаркѣ. Помнится, разсмѣшилъ еще меня тутъ Тарасенковъ сѣдой—старый хрычъ, еще при Суворовѣ служилъ, а послѣ и въ Барбоны попалъ. „Эхъ, говоритъ, досадно... а я только что разбѣжался". Уморилъ, старый дьяволъ!..

— Какъ перевели духъ, генералъ спрашиваетъ: „Что, ребята, можно взять энту крѣпость?" А крѣпость-то торчитъ энтакимъ чортомъ, хоть тресни, подступить негдѣ...

— Нѣтъ, ваше превосходительство, больно сильна, не одолѣешь.

— Ну, а какъ прикажутъ?

— Ну, прикажутъ, такъ поневолѣ возьмешь.

— „Ну, такъ Господи благослови! Полѣзайте, ребята... Да повеселѣе. Пѣсенники впередъ, маршъ!" А съ крѣпости-то палятъ изъ пушекъ, изъ ружей, во что́ попало, трескъ такой, что ахти мнѣ!.. Да нѣтъ, братъ, врешь. Не слы-

халъ, что ли, команды? Пріймемъ-ка дружнѣе. Ура, ребята! да и только. Не помню какъ влѣзли, а вотъ-таки влѣзли, и пушки отняли, и знамена забрали, и крѣпость взяли. Многихъ, правда, не досчитались. Ну, да царствіе имъ небесное, хорошей покончили смертью. Около вечерень, что ли, фельдеберь мнѣ говоритъ: „Что, братъ, не худо бы тебѣ къ Карлу Иванычу, доктору, сходить: никакъ тебя порядкомъ оцарапало“. Ба, да и въ самомъ дѣлѣ; а я и не замѣтилъ вовсе. Что-жъ, нечего дѣлать: отвели въ лазаретъ... Да плевое дѣло, и костыля ненадо. А только та бѣда, что маршировать не сподручно... Ну, да ужъ видно отслужилъ свой вѣкъ. Пора и съ мужичками покалякать... Эва! небось, въ самомъ дѣлѣ закалякался... Счастливо оставаться, господа... Я къ сотскому званъ на пиво.

Тутъ старый служака опустилъ руки по швамъ и, повернувшись, по старой привычкѣ, налѣво кругомъ, согласно правиламъ дисциплины, отправился себѣ, немного прихрамывая, вдоль главнаго порядка въ сопровожденіи то

отстававшихъ, то забѣгавшихъ передъ нимъ мальчишекъ. Плотная толпа слушателей начала медленно расходиться, потряхивая головами и мѣняясь задушевными восклицаніями.

— Эка, старый пёсъ!... Вишь ты каковъ! Ай-да служба!.. Не даромъ хлѣбъ ѣлъ... Эва... эвтакій, право.

Иванъ Васильевичъ пустился снова въ путь.

Кое-гдѣ раздавались пѣсни, полупечальныя, полувеселыя, выражающія то широкое чувство, то тонкую, ядовитую насмѣшку. Кое-гдѣ мальчишки швыряли ему подъ ноги бабки, и потомъ, остановившись передъ нимъ, долго смотрѣли на него съ удивленіемъ. Дряхлые, согнутые старики, съ серебристыми бородами, шли осторожно около строеній, поддерживаемые почтительными внуками; молодые парни снимали передъ ними шапки. Молодыя женщины заботливо усаживали ихъ на скамейки. У сотскаго шелъ рѣшительно пиръ горой. Не только изба, но и сѣни, и даже дворъ были наполнены гостями. Пироги, лепешки, сушеныя рыбы и разное мясо, въ числѣ котораго поросенокъ

игралъ не послѣднюю роль, устилали роскошною кучей наскоро сколоченные столы. Огромныя ведра, наполненныя брагой и пивомъ, манили охотниковъ хмѣльнымъ, искусительнымъ запахомъ. Нѣсколько пьяныхъ собесѣдниковъ были ужъ уложены на полатяхъ. Хозяйка то-и-дѣло что кланялась дорогимъ гостямъ, прося не побрезгать скромнымъ угощеніемъ, чѣмъ Богъ послалъ. Хозяинъ то-и-дѣло что наполнялъ ковши и понукалъ хозяйку больше кланяться и старательнѣе угощать. Оба готовы были отдать для праздника не только сбереженное ими, но и то, что̀ они могли получить въ будущемъ времени, только чтобъ гости были довольны, только чтобъ разгулялись почтенные, да сказали бы потомъ: „ай да сотскій!“

Иванъ Васильевичъ шелъ въ грустномъ недоумѣніи. „Странный народъ“, разсуждалъ онъ: „непостижимый народъ! Въ немъ столько противорѣчій, столько оттѣнковъ, что его въ цѣлую жизнь не разгадаешь. И къ тому-жъ, народъ не есть народность. Отдѣльныя касты сами по себѣ не составляютъ общаго духа,

общаго требованія: для этого нужно общее сліяніе въ одномъ чувствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ всѣ народныя сословія тайно братствуютъ между собою, но во внѣшней жизни это братство такъ рѣдко проявляется у насъ, что иногда думаешь, точно ли существуетъ оно въ самомъ дѣлѣ. Гдѣ-жъ искать народности?

Въ эту минуту лихая тройка стрѣлой пронеслась мимо Ивана Васильевича. Ямщикъ, весело помахивая кнутомъ, кричалъ „пади!“ стоя на облучкѣ и подмигивая улыбавшимся ему изъ-подъ оконъ красавицамъ. Въ телегѣ сидѣлъ какой-то старенькій господинъ, въ сѣрой шинели съ краснымъ воротникомъ и въ форменной фуражкѣ. Иванъ Васильевичъ поднялъ голову. „Засѣдатель, сказалъ онъ невольно, чиновникъ!“ Но засѣдатель былъ ужъ далеко. Телега промчалась. Одинъ колокольчикъ долго заливался вдали звонкою трелью, то утихалъ, то становился звонче, и долго отдавался въ сердцѣ Ивана Васильевича какимъ-то страннымъ, звонкимъ чувствомъ грустной удали, заунывной отваги.

Иванъ Васильевичъ возвратился на станціонный дворъ съ самымъ неожиданнымъ и дикимъ заключеніемъ:

„О, чиновники! сказалъ онъ, вздохнувъ и обращаясь къ себѣ самому: о, чиновники! Ужъ, не вы ли, по привычкѣ къ воровству, украли у насъ народность?“

XVIII.

Чиновники.

На другой день, утромъ тарантасъ подъѣхалъ къ бѣдной избушкѣ станціоннаго смотрителя.

Василій Ивановичъ тяжело ухнулъ и началъ выкарабкиваться съ помощью Сеньки.

— А что̀ бы чайку, сказалъ онъ: чайку бы выпить. Согрѣться маленько—а?...

Смѣтливый Сенька бросился къ погребцу. Иванъ Васильевичъ выпрыгнулъ въ то же время изъ тарантаса и хотѣлъ вбѣжать въ избу, какъ вдругъ онъ съ внезапнымъ ужасомъ отскочилъ на три шага назадъ. На

встрѣчу къ нему подходилъ *чиновникъ*—чиновникъ, какъ слѣдуетъ быть чиновнику, во всей формѣ, во всемъ жалкомъ своемъ величіи, въ старой треугольной шляпѣ, въ старомъ изношенномъ мундирѣ съ золотымъ кантикомъ по черному бархатному воротнику, съ огромной бумагой, торчащей между пуговицъ мундира. Онъ медленно переступалъ отъ старости и какой-то привычной робости. Маленькое его личико съежилось въ маленькія морщины. Онъ кланялся и, какъ казалось, не удивлялся неблагосклонному испугу Ивана Васильевича, а все подходилъ къ нему ближе и ближе и, наконецъ, смиреннымъ старенькимъ голоскомъ вымолвилъ нѣсколько словъ:

— Прошу извиненія-съ. Покорнѣйше прошу-съ не взыскать... Смѣю спросить... не извѣстно ли вамъ, не изволите ли знать... скоро ли ихъ превосходительство намѣрены сюда пожаловать?

— Не знаю, грубо отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ и отвернулся съ досадой.

— Какъ, воскликнулъ Василій Ивановичъ:

его превосходительство, господинъ губернаторъ изволитъ объѣзжать губернію?

— Такъ точно-съ. На той недѣлѣ получено предписанье.

— А вы исправникъ? спросилъ Василій Ивановичъ.

— Никакъ нѣтъ-съ...

Чиновникъ обратился къ Василію Ивановичу и поклонился ему почтительно:

— Исправляющій-съ должность.

— Здѣсь граница уѣзда?...

— Такъ точно.

Василій Ивановичъ, какъ коренной русскій человѣкъ, очень любилъ новыя знакомства, не для того, впрочемъ, чтобъ извлекать изъ ихъ бесѣды какую нибудь пользу, а такъ, чтобъ только поболтать о всякомъ вздорѣ, да посмотрѣть на новаго человѣка.

— Не угодно ли откушать съ нами чайку? сказалъ онъ привѣтливо, не обращая вниманія на кислую физіономію своего спутника.

Чиновникъ еще разъ поклонился Василью Ивановичу, потомъ поклонился Ивану Василье-

— А выгоды есть? спросилъ Василій Ивановичъ.

— Какія, батюшка, выгоды! Есть, таить нечего, да много ли ихъ? То куль овса, то муки немножко пришлетъ какой нибудь помѣщикъ, и то по знакомству. Времена-то, батюшка, теперь другія.

— А хлопотъ, чай, не оберешься? спросилъ Василій Ивановичъ.

— Ну, ужъ, батюшка, что и говорить! Пообѣдать некогда. Вотъ теперь, изволите видѣть, я долженъ здѣсь дожидаться губернатора, а пока въ уѣздѣ три мертвыя тѣла не похоронены, да шестнадцать слѣдствій неокончено, да недоимокъ-то однѣхъ, описей-то, взысканій-то, я вамъ скажу, чортова гибель! Что день, то подтвержденія отъ губернскаго правленія, да выговоры, да угрозы наказанія, а нарочные такъ и разъѣзжаютъ на нашъ счетъ... Тяжело, батюшка! Того и глядишь только какъ бы спастись отъ суда. А канцелярія-то, вы сами, батюшка, знаете, какова: всего-то одинъ писарь, Митрофашка, при мнѣ, да еще изъ своего

жалованья плати ему сотни двѣ, да давай платья всякаго, да сапоги вырѣзные. Пьетъ, мошенникъ, шибко, зато собака писать. Прійдетъ несчастный часъ, подвернетъ спьяну какую нибудь бумажку, подпишешь—анъ выйдетъ не то, ну, и пропалъ!

— Да у васъ должно быть помѣстье? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Батюшка, какое помѣстье! Насъ четыре человѣка владѣльцевъ, а у всѣхъ-то у насъ 17 душъ по послѣдней ревизіи. На мою долю приходится три семейства, и то все почти женщины, да старики. И тутъ благодати нѣтъ! Парень былъ одинъ хорошій—руку вывихнулъ; а женщины такія маленькія, худенькія, что ни въ полѣ работать, ни полотна ткать, ничего не умѣютъ.

— Да, замѣтилъ Василій Ивановичъ, это ужъ точно несчастье. Плохая работница много барыша не дастъ.

— Все бы ничего, продолжалъ бѣдный чиновникъ, да вотъ бѣда: года мои подошли такіе, что слабъ становлюсь что-то здоровьемъ. Иной

разъ сидишь себѣ за бумагами, какъ вдругъ въ глазахъ потемнѣетъ, такъ потемнѣетъ, что ни писанаго, ни бумаги... чортъ знаетъ, что такое — ничего не разберешь. Божье наказанье—что ты станешь тутъ дѣлать? А главное-то, что для разъѣздовъ—вотъ какъ, напримѣръ, скакать теперь передъ его превосходительствомъ—ужъ негожуся вовсе. Всего такъ и ломитъ, а дѣлать нечего: скачи себѣ на тройкѣ, да заготовляй лошадей.

Ивану Васильевичу стало невольно грустно; онъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ темному углу. За занавѣской послышался вздохъ. Иванъ Васильевичъ поспѣшно ее отдернулъ. На кровати сидѣлъ смотритель, спустивъ ноги на полъ. Иванъ Васильевичъ хотя и былъ человѣкъ европейскій, проповѣдникъ всеобщаго равенства, но не менѣе того нашелъ весьма оскорбительнымъ и неучтивымъ, что простой смотритель осмѣливался передъ нимъ не вставать. Онъ хотѣлъ уже сдѣлать самое анти-европейское замѣчаніе, но внимательный взглядъ на смотрителя остановилъ порывъ дво-

рянскаго негодованія: на блѣдномъ и впаломъ лицѣ смотрителя виденъ былъ отпечатокъ тяжкихъ страданій, а во всемъ его существѣ выражалась какая-то страшная безжизненность.

— Вы нездоровы? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Нездоровъ, отвѣчалъ слабый голосъ: второй годъ обѣ руки, обѣ ноги отнялись.

На перинѣ, на которой сидѣлъ окостенѣвшій стотритель, лежало трое дѣтей. Старшій мальчикъ глядѣлъ на отца съ видомъ участія и сожалѣнія, другіе валялись въ пуху и жалобно просили хлѣба, или закутывались въ лохмотья оборваннаго одѣяла.

— Зачѣмъ же у васъ такъ холодно? спросилъ съ заботливостью Иванъ Васильевичъ. Для больного человѣка это вредно.

— Что-жъ дѣлать, батюшка? Дровъ не даютъ, здѣсь станція вольная, содержатель — помѣщикъ, не приказываетъ давать хорошихъ дровъ... его воля. Извольте въ печкѣ поглядѣть: все хворостъ да прутья сырые; дымъ только отъ нихъ, не загораются, хоть тресни.

Посылалъ намедни къ нему: нельзя ли дать дровъ—куда! Раскричался. „Выгоню“, говоритъ, „его: здѣсь трактъ большой, больного ненадо, куда угодно ступай!“—А вы видите сами, куда я пойду? Вотъ, продолжалъ смотритель съ улыбкою зависти, на той станціи хорошо: помѣщикъ добрый, дрова трехполѣнныя; очень тамъ жить хорошо. А меня—такъ бы и выгнали; слава Богу, начальство заступилось: позволило сынишкѣ моему, вотъ, чтó рядомъ, исправлять мою должность. Одиннадцать лѣтъ всего, а ужъ пишетъ...

Бѣдный страдалецъ взглянулъ съ невыразимымъ чувствомъ нѣжности на бѣлокураго мальчика, лежавшаго въ тулупѣ подлѣ него.

Ну, Ваня, вставай, прописывай... Дай мнѣ подорожную. Ваня развернулъ передъ глазами отца своего подорожную, потомъ придвинулъ къ кровати столъ, вооружился перомъ и съ почтеніемъ ожидалъ, что отецъ прикажетъ ему писать.

— Ну, готовъ, Ваня? Прописывай: Отъ Москвы до Казани... дай Богъ благополучія

начальству, не выгнало, вступилось...—по подорожной московскаго гражданскаго губернатора...—и проѣзжающимъ спасибо, никто не жаловался, слава Богу, я всегда старался...—второго октября... написалъ, что ли?...—дѣлать имъ угодное...—№ 7273...—всякія учтивости. Слава Богу, и участье принимаютъ...—Казанскому помѣщику... — Проѣзжалъ докторъ намедни, добрый такой; совѣтовалъ ѣхать въ городъ лечиться. Гдѣ мнѣ: съ чѣмъ ѣхать? Денегъ гдѣ взять? Въ чемъ ѣхать? Пошевелиться не могу. Буду такъ лечиться, какъ нибудь, простыми средствами, а всего лучше Богу молиться.

„Странное дѣло!“ подумалъ, задумавшись, Иванъ Васильевичъ: „когда я входилъ въ эту комнату, мнѣ хотѣлось сердиться и презирать, или по крайней мѣрѣ насмѣяться вдоволь; а теперь, сказать правду, едвали не плакать хочется“.

Онъ взглянулъ на своихъ собесѣдниковъ. Усердно допивали они по четвертому стакану чая.

XIX.

Востокъ.

„Казань... Татары... Востокъ!“ радостно воскликнулъ, просыпаясь, Иванъ Васильевичъ. „Казань... Іоаннъ Грозный... бирюза, мыло, халаты... Казанское царство... Преддверіе Азіи...“

„Наконецъ, я въ Казани... Кто бы подумалъ, а вотъ-таки и доѣхали. Доѣхали до Востока... хоть не совсѣмъ до Востока, а все-таки по сосѣдству... Ну, и деревни уже другія пошли по дорогамъ, съ мечетями, съ избами безъ оконъ, съ женщинами, которыя прячутся отъ нашего тарантаса, закрывшись грязными полотенцами... На пути уже рѣдко попадается православная бородка... Теперь стало поживописнѣе. Идетъ маленькій бритый татаринъ какой нибудь, въ чибитейкѣ, или глупый чувашъ, или разряженная мордовка. Все ужъ получше. Берись за перо, Иванъ Васильевичъ, берись скорѣе! Дожидайся вдохновенія, а покамѣсть пиши... Пиши свои замѣтки... Начинай свои впечатлѣнія.

„Идетъ татаринъ, идетъ чувашъ, идетъ мордовка... Ну, и что̀ еще?..

„Видѣлъ татарина, видѣлъ чуваша, видѣлъ мордовку. Ну, а тамъ что?..

„Вотъ что̀“, съ восторгомъ воскликнулъ Иванъ Васильевичъ, „вотъ что: надо задѣлать прорѣху въ нашей исторіи. Надо написать краткую, но выразительную лѣтопись Восточной Россіи... окинуть орлинымъ взоромъ дѣянія и бытъ кочующихъ народовъ. Было здѣсь Мордовское царство, которое распалось надвое и угрожало Нижнему порабощеніемъ подъ предводительствомъ вождя своего Пургаса. Было Болгарское царство съ семью городами, съ огромной торговлей. Было здѣсь множество народовъ, которые пришли неизвѣстно откуда, откочевали неизвѣстно куда и исчезли, не оставивъ ни слѣда, ни памятника... Чтобы!..“

Тутъ жаръ Ивана Васильевича немного простылъ.

„А источники гдѣ? подумалъ онъ.

„Источники найдутся гдѣ нибудь. А какъ найдутся?

„Нѣтъ, Иванъ Васильевичъ, это трудъ ужъ, кажется, не по тебѣ. Тебѣ бы къ цѣли поскорѣй. И въ самомъ дѣлѣ, кому-жъ охота пожертвовать всей жизнью на дѣло, которое еще на повѣрку можетъ выйти вздоромъ.

„Не написать ли дѣловымъ слогомъ какой нибудь казенной статистической статейки: Казань. Широта. Долгота. Топографія. Исторія. Кварталы. Торговля. Нравы.

„Тутъ можно сказать, что я стоялъ въ гостиницѣ Мельникова, за столъ платятъ столько-то, за чай столько - то. Въ Казани болѣе ста гостиницъ, что доказываетъ цвѣтущее состояніе города и торговую его значительность. Домовъ столько-то, бань столько-то.

„Нѣтъ, Иванъ Васильевичъ, это будетъ ужъ не живымъ впечатлѣніемъ, а чѣмъ-то въ родѣ сочиненія по обязанности службы или выпиской изъ губернскихъ вѣдомостей. Такъ какъ же быть?

„Неужели потомству лишиться прекраснаго сочиненія?

„Можно было бы поговорить о здѣшнемъ университетѣ и обо всѣхъ университетахъ вообще.

Здѣшній университетъ извѣстенъ въ Европѣ по своей обсерваторіи, по математическому факультету и въ особенности по изученію восточныхъ языковъ. Да я-то ихъ не знаю.

„Говорятъ, хорошая здѣсь и библіотека, рукописей много. Читать-то ихъ я не умѣю, а все-таки люблю.

„Запомню самыя важныя.

„Восточныя съ прекрасными рисунками и арабесками, которыя могутъ быть заимствованы современемъ для украшенія въ нашемъ зодчествѣ. Еврейская: Моисеево пятикнижіе, писанное на пятидесяти кожахъ и свернутое въ огромный свертокъ.

„Книга 1703 года, а въ ней списокъ бояръ и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ людей, и стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и дьяковъ, и жильцовъ.

„Путешествіе стольника Петра Толстаго по Европѣ въ 1697 году.

„Чинъ и поставленіе великихъ князей на царство. Свадьбы царей Михаила Ѳеодоровича и Алексія Михайловича.

„О пришествіи святыхъ вселенскихъ патріарховъ въ Москву по писаніи къ нимъ отъ царя Алексія Михайловича.

„Книга записная, кто сидѣлъ въ судныхъ приказахъ въ 1613 году.

„Записка разрядовъ.

„Воинскій уставъ царя Василія Іоанновича Шуйскаго.

„Traité d'Arithmétique par Alexandre de Souvoroff, собственноручно писанный Суворовымъ въ дѣтствѣ.

„Кромѣ того, цѣлая библіотека князя Потемкина-Таврическаго.

„Уфъ!..“ сказалъ Иванъ Васильевичъ: „все это, безъ сомнѣнія, занимательно, но все это надо прочесть...

„Всего бы проще было взять описаніе Казани г. Рыбушкина и кое-что изъ него выписать. Для придачи же ученаго вида, который малыхъ обманетъ, однакожъ обманетъ кого нибудь, стану теряться въ загадкахъ о происхожденіи названія города.

„У насъ многіе слывутъ учеными чужимъ ученьемъ.

„Многіе, подобно мнѣ, начали бы книгу свою слѣдующимъ:

„Полагаютъ, что названіе города Казани происходитъ отъ турецкаго слова:

قازن

что̀ означаетъ чугунный котелъ.

„Какъ ни говори, а это слово, которое ни я, ни читатель“, замѣтилъ Иванъ Васильевичъ, „не съумѣемъ прочесть, сейчасъ придастъ моему вступленію нѣкоторый важный и пріятный колоритъ..

„Не всякій напишетъ

قازن

„Не всякій знаетъ, что

قازن

и чугунный котелъ одно и то же.

„А если подумать, такъ какое кому до того

дѣло? Теперь ужъ проходитъ пора шарлатанства и пустыхъ словъ. И стоитъ ли хлопотать о томъ, что дѣйствительно ли слуга какого-то Алтынъ-Бека ненарочно уронилъ въ рѣку котелъ, въ то время, какъ черпалъ для господина воду? Вѣдь это ни къ чему не ведетъ: это сущій вздоръ. Даже если ханы и пили воду изъ котловъ—въ томъ нѣтъ намъ никакой надобности".

Вдругъ Иванъ Васильевичъ ударилъ себя по лбу...

„Нашелъ!" закричалъ онъ съ вдохновеніемъ: „нашелъ свое новое, глубокое, громадное воззрѣніе... Я человѣкъ русскій, я посвятилъ себя Россіи. Скажетъ ли она за то спасибо—не знаю; да не въ томъ дѣло. Я всѣ труды, всѣ мысли отдаю родинѣ, и потому прочіе предметы могутъ имѣть для меня цѣнность только относительную. Итакъ, я изучу вліяніе Востока на Россію, въ отношеніяхъ его къ одной Россіи, вліяніе неоспоримое, вліяніе важное, тройственное: нравственное, торговое и политическое.

„Сперва начну съ нравственнаго вліянія, которое съ давняго времени ведетъ на нашей почвѣ упорную борьбу съ вліяніемъ Запада. Давно оба врага разъярились и кинулись другъ на друга въ рукопашную, не замѣчая, что они стискиваютъ между собою бѣдное, исхудалое славянское начало. Не лучше ли бы имъ, кажется, помириться и взять съ обѣихъ сторонъ невинную свою жертву за руки и вывести ее на чистый воздухъ и дать ей оправиться и поздоровѣть. Пусть каждый разскажетъ ей потомъ исповѣдь своего сердца, наставитъ на истинный путь, указавъ на пагубныя послѣдствія собственныхъ заблужденій, на блестящую награду своихъ доблестей. Въ самомъ дѣлѣ, Россія находится въ странномъ положеніи. Слѣва Европа, какъ хитрая прелестница, нашептываетъ ей на ухо обольстительныя слова; справа Востокъ, какъ пасмурный, сѣдой старикъ, протяжно, но грозно, твердитъ ей вѣчно свою неизмѣнную рѣчь. Кого же слушать? Къ кому обращаться? Слушать обоихъ. Не обращаться ни къ кому, а идти впередъ своей до-

рогой. Слушать для того, чтобъ воспользоваться чужимъ опытомъ, чужими бѣдствіями, чужими страшными уроками, и надежнѣе, вѣрнѣе стремиться къ истинѣ. На Востокѣ всякое убѣжденіе свято. На Западѣ нѣтъ болѣе убѣжденій. На Востокѣ господствуетъ чувство; на Западѣ владычествуетъ мысль. А Россіи суждено слить въ себѣ мысль и чувство при лучахъ просвѣщенія, какъ сливаются на небѣ цвѣты радуги отъ яркаго блеска солнца. Востокъ презираетъ суетность житейскихъ треволненій; Западъ погибаетъ въ безпрерывномъ ихъ столкновеніи. И тутъ можно найдти середину. Можно слить желаніе усовершенствованія съ мирнымъ высокимъ спокойствіемъ, съ непоколебимыми основными правилами. Мы многимъ обязаны Востоку: онъ передалъ намъ чувство глубокаго вѣрованія въ судьбы Провидѣнія, прекрасный навыкъ гостепріимства и въ особенности патріархальность нашего народнаго быта. Но — увы! онъ передалъ намъ также свою лѣнь, свое отвращеніе къ успѣхамъ человѣчества, непростительное нерадѣніе

къ возложеннымъ на насъ обязанностямъ и, что хуже всего, духъ какой-то странной, тонкой хитрости, который, какъ народная стихія, проявляется у насъ во всѣхъ сословіяхъ безъ исключенія. При благодѣтельномъ направленіи, эта хитрость можетъ сдѣлаться качествомъ и даже добродѣтелью; но, при отсутствіи духовнаго образованія, она доводитъ до самыхъ жалкихъ послѣдствій; она доводитъ къ неискренности взаимныхъ отношеній, къ неуваженію чужой собственности, къ постоянному тайному стремленію ослушиваться законовъ, не исполнять приказаній и, наконецъ, даже къ самому безнравственному плутовству. Востоку мы обязаны, что столько мужиковъ и мастеровыхъ обманываютъ у насъ на работѣ, столько купцовъ обвѣшиваютъ и обмѣриваютъ въ лавкахъ и столько дворянъ губятъ имя честнаго человѣка на службѣ. Страшно вымолвить, а привычка въ насъ сдѣлала то, что мы остаемся равнодушными, будучи свидѣтелями самыхъ противозаконныхъ хищеній, такъ что даже первобытныя понятія наши съ годами измѣняют-

ся и кража не кажется намъ воровствомъ, обманъ не кажется намъ ложью, а какой-то предосудительною необходимостью. Впрочемъ, слава Богу, тутъ Западомъ побѣжденъ у насъ Востокъ и мстительный факелъ освѣтилъ пучину козней и позора. Долго еще будутъ у насъ проявляться слѣды сокрушительнаго начала, но они давно уже переходятъ въ осадки всѣхъ сословій, въ низшіе слои людей разныхъ именованій, потому что каждое сословіе имѣетъ свою чернь. Какъ ни говори, какъ ни кричи, что ни печатай, Россія быстрымъ полетомъ стремится по стезѣ величія и славы— къ недосягаемой на землѣ цѣли совершенства. И болѣе всѣхъ другихъ народовъ Россія приблизится къ ней, ибо никогда не забудетъ, что одного вещественнаго благосостоянія точно такъ же недостаточно для жизни государства, какъ недостаточно для жизни частнаго человѣка. Широкой, могучей пятой задавитъ она мелкія гадины, кровожадныя эхидны, которыя хотятъ ползкомъ пробраться до ея сердца, и весело отпрянетъ она, полна любви и

силы, къ чистому, безпредѣльному русскому небу...

„Вотъ, заключилъ Иванъ Васильевичъ: предметъ, такъ предметъ! Вліяніе нравственное, вліяніе торговое, вліяніе политическое. Вліяніе восточное, слитое съ вліяніемъ Запада въ славянскомъ характерѣ, составляютъ, безъ сомнѣнія, нашу народность. Но какъ распознать каждую стихію отдѣльно? Народность-то, кажется, препорядочно закутана. Ее придется распеленать, чтобъ добраться до нея, а потомъ какъ узнаешь, что̀ пеленка, что̀ нога. Мужайся, Иванъ Васильевичъ: дѣло великое! Ты на Востокъ недаромъ попалъ; итакъ, изучай старательно вліяніе Востока на святую Русь... Ищи, ищи теперь впечатлѣній. Всматривайся въ восточные народы. Изучай все, до послѣдней мелочи... Разсмотри каждую каплю, влитую въ нашу народную жизнь, а потомъ и найдешь ты народность. За дѣло, Иванъ Васильевичъ, за дѣло!

Впечатлѣніе первое.

— Баринъ, не надо ли халатъ, настоящій ханскій, какія самъ ханъ носитъ?

— Баринъ, не надо ли бирюза? Самый лучшій, некрашенный!

— Баринъ, не надо ли китайскій жемчугъ?

— Китайскій тушь.

— Китайскій кашма.

— Китайскій зеркало.

— Ергакъ самый лучшій.

— Купи, баринъ, купи, баринъ.

— Дешево отдамъ.

— Деньги нужны.

Иванъ Васильевичъ поднялъ голову. Пока онъ приготовлялся къ первому своему впечатлѣнію, комната наполнилась татарами въ чибитейкахъ, съ выразительными лицами, съ товарами подъ мышкой. Всѣ говорили вмѣстѣ, всѣ кланялись и улыбались; каждый хватался сперва за суконный или кумачный кафтанъ, вытаскивалъ изъ-за пазухи желтенькія сложенныя бумаги и потомъ, бросившись на полъ,

начиналъ развязывать узлы съ халатами и разными тканями.

У Ивана Васильевича глаза разбѣжались. Во-первыхъ, онъ привыкъ заграницей благоговѣть передъ азіатскимъ товаромъ; во-вторыхъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ русскихъ людей, которые не могутъ взглянуть въ лавку, не почувствовавъ желанія купить все, что въ ней есть. Всякая пестрая дрянь, въ видѣ товара, имѣетъ для такихъ людей какую-то неодолимую прелесть. Иванъ Васильевичъ забылъ и вліяніе Востока, и прекрасныя свои изслѣдованія. Онъ вдругъ одушевился новымъ чувствомъ: ему чрезвычайно понравился полосатый халатъ.

— Что стоитъ? спросилъ онъ.

— Послѣдняя цѣна—триста рублей. Другого не найдешь... Не дѣлаютъ больше... Эй, бери, баринъ. Будешь доволенъ... Пріѣзжалъ князь изъ Петербурга, два такіе халата взялъ. Семьсотъ рублевъ заплатилъ. Не скупись, баринъ... Для тебя отдамъ за двѣсти пятьдесятъ... Баринъ, вижу, хорошій. Купи, право... Да по-

смотри, что̀ за халатъ. На обѣ стороны. Этакъ поносилъ... повернулъ—опять новый халатъ. Ну, бери за двѣсти рублей. Деньги нужны... А то бы не отдалъ... Этакій халатъ и не дѣлаютъ больше... Послѣдній, право, послѣдній... Ну, такъ и быть, три полсотни. Вижу, хорошій баринъ... Для почина въ убытокъ отдамъ.

— А бирюза?

— Давай пять золотыхъ. Даромъ будешь имѣть.

— А жемчугъ, а зеркало, а тушь?

— Пять цѣлковыхъ. Десять цѣлковыхъ. Двадцать цѣлковыхъ. Купи, баринъ. Даромъ возьмешь. Больно дешево.—Купи для почина... Для тебя только, потому что хорошій баринъ. Не купишь—будешь жалѣть. Деньги нужны.

Иванъ Васильевичъ не устоялъ противъ такого искушенья. Онъ высыпалъ весь кошелекъ на столъ, и проворные татары, быстро раздѣливъ между собой деньги, бросились, толкая другъ друга, къ дверямъ и разсыпались по корридору.

Въ эту минуту, въ сосѣдней комнатѣ послышалась звучная зѣвота и Василій Ивановичъ началъ пошевеливаться, нѣжно охать и, наконецъ, приподыматься съ своего ложа. Вскорѣ дверь комнаты его распахнулась и онъ въ откровенномъ утреннемъ безпорядкѣ, прикрытый однимъ лишь тулупчикомъ, явился на радостный призывъ Ивана Васильевича.

Иванъ Васильевичъ сидѣлъ въ новомъ пестромъ халатѣ, съ желто-зеленоватыми бирюзами въ рукѣ. Передъ нимъ, на столѣ, лежали въ желтыхъ бумажкахъ какія-то исковерканныя раковины, два куска черной туши и маленькое зеркальцо.

— Василій Иванычъ!

— Что, батюшка?

— Видите эти вещи?

— Вижу...

— Оцѣните, пожалуйста.

Василій Ивановичъ взглянулъ съ пренебреженіемъ на мнимыя сокровища.

— Халатъ, отвѣчалъ онъ, на фабрикѣ въ Москвѣ, гдѣ ихъ дѣлаютъ, стоитъ тринадцать

рублей съ полтиною. За бирюзу эту негодную и цѣлковаго много. Тушь можетъ стоитъ полтинникъ. Да зачѣмъ вамъ тушь, Иванъ Васильичъ? Вы, кажется, не рисуете?

— Не рисую, Василій Иванычъ, а все-таки интересно имѣть этакую вещь.

— И, батюшка, чортъ ли вамъ въ ней?

— Ну, а прочее?

— Прочее я не совѣтовалъ бы даромъ брать. А вы что дали?

— Все, что у меня было въ кошелькѣ, печально отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ. „Перваго своего впечатлѣнія“, прибавилъ онъ мысленно: „я не помѣщу въ своемъ сочиненіи“.

Василій Ивановичъ громко расхохотался.

— Ай-да плуты, эти татары! Вотъ какъ васъ, младенцевъ, проучаютъ. Хха, хха, хх..! И дѣло: не покупай бирюзы въ другой разъ...

— Сенька! закричалъ онъ вдругъ.

Сенька вошелъ.

— Подмазали тарантасъ?

— Подмазали-съ!..

— Прикажи закладывать.

— Какъ? спросилъ съ ужасомъ Иванъ Васильевичъ.—Вы хотите ѣхать?

— А что̀ ты думаешь, халаты покупать, что̀ ли?..

— Повремените хоть денекъ. Дайте взглянуть на башню Сумбеки.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Я хочу изучать Востокъ.

— Вотъ тебѣ на? Да здѣсь не Востокъ, а Казань.

— Да физіономія здѣсь восточная; населеніе татарское.

— Да ты, батюшка, никакъ узналъ татаръ — довольно съ тебя... Завтра мы и въ Мордасахъ будемъ. Не прогнѣвайся: я стосковался и по Авдотьѣ Петровнѣ, и по старичкамъ своимъ. Дѣла у меня довольно, а Востокъ ты изучай, коли угодно, въ другой разъ.

Волей-неволей, Иванъ Васильевичъ сердито взгромоздился въ тарантасъ подлѣ неумолимаго своего спутника... Тарантасъ выѣхалъ грузно изъ Казани и покатился по широкой дорогѣ. И скоро скрылись изъ вида и городскія стѣ-

ны, и высокія башни, и все далѣе и далѣе въѣзжалъ тарантасъ въ широкую, гладкую равнину... И вотъ исчезли лѣса и долины и жилыя мѣста. Голая степь раскинулась, растянулась во всѣ стороны, какъ скованное море... Тощій ковыль едва колыхался отъ широкаго размета ничѣмъ необузданнаго вѣтра... Тучи бѣжали бѣлыми волнами по небу... Орелъ, расширивъ крылья, парилъ въ неизмѣримой высотѣ... Въ цѣлой природѣ дышало таинственное, унылое величіе. Все напоминало смерть, и въ то же время сливалось въ какое-то неясное понятіе о вѣчности и жизни безпредѣльной...

XX.

Сонъ.

Поздно вечеромъ катился тарантасъ по широкой степи. Становилось темно. Наконецъ, наступила ночь, покрывъ всю окрестность мрачною завѣсой.

— Что̀ это? сказалъ съ безпокойствомъ

Иванъ Васильевичъ. — Куда же дѣвался Василій Иванычъ? Василій Иванычъ! Василій Иванычъ! Гдѣ вы? Гдѣ вы? Василій Иванычъ?

Василій Ивановичъ не отвѣчалъ.

Иванъ Васильевичъ протеръ глаза.

— Странно, диковинное дѣло! продолжалъ онъ. — Мерещится мнѣ, что ли, это въ темнотѣ, а вотъ такъ и кажется, что тарантасъ совсѣмъ не тарантасъ... а вотъ, право, что-то живое... Большой тараканъ, кажется... Такъ и бѣжитъ тараканомъ... Нѣтъ, теперь онъ скорѣе похожъ на птицу... Вздоръ, однакожъ, быть не можетъ; а что̀ ни говори, птица, большая птица, какая—неизвѣстно. Этакихъ огромныхъ птицъ не бываетъ. Да слыханное ли дѣло, чтобъ тарантасы только притворялись экипажами, а были въ самомъ дѣлѣ птицами? Иванъ Васильичъ, ужъ не съ ума ли ты сходишь! Доживешь ты, братъ, до этого съ твоими бреднями. Тьфу! Страшно становится. Птица, рѣшительно птица!

И въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Васильевичъ не ошибался: тарантасъ дѣйствительно становился

птицей. Изъ козелъ вытягивалась шея, изъ переднихъ колесъ образовывались лапы, а заднія обращались въ густой, широкій хвостъ. Изъ перинъ и подушекъ начали выползать перья, симметрически располагаясь крыльями, и вотъ огромная птица начала пошатываться со стороны въ сторону, какъ бы имѣя намѣреніе подняться на воздухъ.

— Нѣтъ, врешь! сказалъ Иванъ Васильевичъ. — Оставаться ночью въ степи одному — слуга покорный. Ты, пожалуй, прикидывайся птицей, да меня-то не проведешь: я все-таки знаю, что ты не что иное, какъ тарантасъ. Прошу везти, на чемъ хочешь и какъ хочешь — это твое ужъ дѣло.

Тутъ Иванъ Васильевичъ схватилъ руками за огромную шею фантастическаго животнаго и, спустивъ ноги надъ крыльями по обѣ стороны, не безъ душевнаго волненія ожидалъ, что изъ всего этого будетъ.

И вотъ странная птица, орелъ не орелъ, индѣйка не индѣйка, стала тихо приподыматься. Сперва выдвинула она шею, потомъ присѣла

къ землѣ, отряхнулась и вдругъ, ударивъ крыльями, поднялась и полетѣла.

Иванъ Васильевичъ былъ очень недоволенъ.

„Наконецъ, дождался я впечатлѣнія“, думалъ онъ: „и въ самомъ пошломъ, въ самомъ глупомъ родѣ. Надо же быть такому несчастію. Ищу современнаго, народнаго, живаго—и послѣ долгихъ, тщетныхъ ожиданій добиваюсь какой-то безтолковой фантастической исторіи. Я вообще этого подражательнаго, разогрѣтаго фантастическаго рода терпѣть не могу... Экая досада! Неужели суждено мнѣ вѣкъ искать истины и вѣкъ добиваться только вздора?“

Между тѣмъ, темнота была страшная и все становилась непроницаемѣе. Воздухъ вдругъ сдѣлался удушливъ. Страшная гробовая сырость бросила Ивана Васильевича въ лихорадку. Мало-по-малу началъ онъ чувствовать, что надъ нимъ сгущались тяжелые своды. Ему показалось, что онъ несется ужъ не по воздуху, а въ какой-то душной пещерѣ. И въ самомъ дѣлѣ онъ летѣлъ по узкой и мрачной пещерѣ и отъ земли вѣяло на него какимъ-то

могильнымъ холодомъ. Иванъ Васильевичъ перепугался не на шутку.

„Тарантасъ!“ сказалъ онъ жалобно: „добрый тарантасъ! милый тарантасъ! Я вѣрю, что ты птица. Только вывези меня, вылети отсюда. Спаси меня. Вѣкъ не забуду!“

Тарантасъ летѣлъ.

Вдругъ въ прощелинѣ черной пещеры зардѣлся красноватый огонекъ и на багровомъ пламени начали отдѣляться страшныя тѣни. Безглавые трупы съ орудіями пытки вокругъ членовъ, съ головами своими въ рукахъ, чинно шли попарно, медленно кланялись направо и налѣво и исчезали во мракѣ; а за ними шли другія тѣни, и снова такія тѣни, и не было конца кровавому шествію.

„Добрый тарантасъ! славная птица!..“ закричалъ Иванъ Васильевичъ: „страшно мнѣ. Страшно! Послушай меня: я починю тебя; я накормлю тебя; въ сарай поставлю—вывези только!“

Тарантасъ летѣлъ.

Вдругъ тѣни смѣшались. Пещера снова почернѣла мглой непроницаемой.

Тарантасъ все летѣлъ.

Прошло нѣсколько времени въ удушливомъ мракѣ. Ивану Васильевичу вдругъ послышался отдаленный гулъ, который все становился слышнѣе. Тарантасъ быстро повернулъ влѣво. Вся пещера мгновенно освѣтилась блѣдно-желтымъ сіяніемъ, и новое зрѣлище поразило трепетнаго всадника. Огромный медвѣдь сидѣлъ, скорчившись, на камнѣ и игралъ плясовую на балалайкѣ; вокругъ него уродливыя рожи выплясывали въ присядку со свистомъ и хохотомъ какого-то отвратительнаго трепака. Гадко и страшно было глядѣть на нихъ. Что за лики! что за образы! Кочерги въ виѝмундирахъ, летучія мыши въ очкахъ, разряженные въ пухъ франты, съ визитной карточкой вмѣсто лица подъ шляпой, надѣтой на бекрень, маленькія дѣти съ огромными изсохшими черепами на младенческихъ плечикахъ, женщины съ усами и въ ботфортахъ, пьяныя піявки въ длиннополыхъ сюртукахъ, напудренныя обезьяны во французскихъ кафтанахъ, бумажные змѣи съ шитыми воротниками и тоненькими шпа-

гами, ослы съ бородами, метлы въ переплетахъ, азбуки на костыляхъ, избы на куриныхъ ножкахъ, собаки съ крыльями, поросята, лягушки, крысы... все это прыгало, вертѣлось, скакало, визжало, свистѣло, смѣялось, ревѣло такъ, что своды пещеры тряслись до основанія и судорожно дрожали, какъ бы испуганные адскимъ разгуломъ бѣснующихся гадинъ...

— Тарантасъ! возопилъ Иванъ Васильевичъ. Заклинаю тебя именемъ Василья Ивановича и Авдотьи Петровны, не дай мнѣ погибнуть во цвѣтѣ лѣтъ. Я молодъ еще; я не женатъ еще... спаси меня...

Тарантасъ летѣлъ.

„Ага!.. Вотъ и Иванъ Васильичъ!“ закричалъ кто-то въ толпѣ. „Иванъ Васильичъ, Иванъ Васильичъ!“ подхватилъ хоромъ уродливый сбродъ. „Дождались мы этой канальи, Ивана Васильича! Подавайте его сюда! Мы его, подлеца, проучимъ, голубчика! Мы его въ палки пріймемъ, плясать заставимъ. Пусть пляшетъ съ нами. Пусть околѣетъ... Вотъ и къ намъ попался... Ге, ге, ге... братъ! Важничалъ больно.

Свѣта искалъ. Мы просвѣтимъ тебя по-своему. Эка великая фигура!.. И грязи не любишь, и взятки бранишь, и сумерки не жалуешь. А мы тутъ сами взятки, дѣти тьмы и свѣта, сами сумерки, дѣти свѣта и тьмы. Эге, ге, ге, ге!.. Ату его!.. Ату его!.. Не плошайте, ребята... Ату его!.. Лови, лови, лови!.. Сюда его, подлеца, на расправу... Мы его... Ге... ге... ге...“

И метлы, и кочерги, и всѣ мерзкія уродливыя гадины понеслись, помчались, полетѣли Ивану Васильевичу въ погоню. „Постой, постой! кричали хриплые голоса. Ату его!.. Ловите его... Вотъ мы его, подлеца... Не уйдешь теперь... Попался... Хватайте его, хватайте его!“

„Караулъ!“ заревѣлъ съ отчаяніемъ Иванъ Васильевичъ.

Но добрый тарантасъ понялъ опасность; онъ вдругъ ударилъ сильнѣе крыльями, удвоилъ быстроту полета. Иванъ Васильевичъ зажмурилъ глаза и, ни живъ, ни мертвъ, съежился на странномъ своемъ гиппогрифѣ... Онъ ужъ чувствовалъ прикосновеніе мохнатыхъ лапъ, острыхъ когтей, шершавыхъ крылій; горячее,

ядовитое дыханье адской толпы уже жгло ему и плечи, и спину... Но тарантасъ бодро летѣлъ. Вотъ ужъ подался онъ впередъ... Вотъ ужъ изнемогаетъ, вотъ отстаетъ нечистая погоня, и ругается, и кричитъ, и проклинаетъ... а тарантасъ все бодрѣе, все сильнѣе несется впередъ... Вотъ отстали уже они совсѣмъ; вотъ бѣснуются они уже только издали... но долго еще раздаются въ ушахъ Ивана Васильевича ругательства, насмѣшки, проклятія и визгъ, и свистъ, и отвратительный хохотъ... Наконецъ, желтое пламя стало угасать... Адскій трескъ снова обратился въ глухой гулъ, который все становился отдаленнѣе и неявственнѣе и мало-по-малу началъ исчезать. Иванъ Васильевичъ открылъ глаза. Кругомъ все было еще темно, но на него пахнуло уже свѣжимъ вѣтеркомъ. Мало-по-малу, своды пещеры начали расширяться, расширяться и слились постепенно съ прозрачнымъ воздухомъ. Иванъ Васильевичъ почувствовалъ, что онъ на свободѣ и что тарантасъ мчится высоко, высоко по небесной степи.

Вдругъ на небосклонѣ солнечный лучъ блеснулъ молніей. Небо перешло мало-по-малу черезъ всѣ радужные отливы зари и земля начала обозначаться. Иванъ Васильевичъ, нагнувшись черезъ тарантасъ, смотрѣлъ съ удивленіемъ: подъ нимъ разстилалось панорамой необозримое пространство, которое все становилось явственнѣе при первомъ мерцаніи восходящаго солнца. Семь морей бушевали кругомъ, и на семи моряхъ колебались бѣлыя точки парусовъ на безчисленныхъ судахъ. Гористый хребетъ, сверкающій золотомъ, окованный желѣзомъ, тянулся съ сѣвера на югъ и съ запада къ востоку. Огромныя рѣки, какъ животворныя жилы, вились по всѣмъ направленіямъ, сплетаясь между собою и разливая повсюду обиліе и жизнь. Густые лѣса ложились между ними широкою тѣнью. Тучныя поля, обремененныя жатвой, колыхались отъ предутренняго вѣтра. Посреди нихъ города и селенія пестрѣли яркими звѣздами и плотныя ленты дорогъ тянулись отъ нихъ лучами во всѣ стороны. Сердце Ивана Васильевича заби-

лось. Начинало свѣтать. Вдругъ все огромное пространство дружно взыграло стройной, одинакой жизнью; все засуетилось и закипѣло. Сперва загудѣли колокола, призывая къ утренней молитвѣ; потомъ озабоченные поселяне разсыпались по полямъ и нивамъ, и на цѣлой землѣ не было мѣста, гдѣ бы не сіяло благоденствіе, не было угла, гдѣ бы не означался трудъ. По всѣмъ рѣкамъ летѣли паровыя суда и сокровища цѣлыхъ царствъ съ непостигаемой быстротой мѣнялись мѣстами и всюду доставляли спокойствіе и богатство. Странные, неизвѣстные Ивану Васильевичу кареты и тарантасы начали съ фантастической скоростью перелетать и перебѣгать изъ города въ городъ, черезъ горы и степи, унося съ собой цѣлыя населенія. Иванъ Васильевичъ не переводилъ дыханія. Тарантасъ началъ медленно спускаться. Золотыя главы городовъ сверкнули при утреннихъ лучахъ. Но одинъ городъ сверкалъ ярче прочихъ и церквами своими, и царскими палатами, и горделиво-широко раскинулся онъ на цѣлую область. Могучее сердце могучаго

края, онъ, казалось, стоялъ богатырскимъ стражемъ и охранялъ цѣлое государство и силой своей и заботливостью. Душа Ивана Васильевича исполнилась восторгомъ. Глаза засверкали. „Великъ русскій Богъ! Велика русская земля!“ воскликнулъ онъ невольно, и въ эту минуту солнце заиграло всѣми лучами своими надъ любимой небомъ Россіей, и всѣ народы отъ моря Балтійскаго до дальней Камчатки склонили головы и какъ бы слились вмѣстѣ въ дружной благодарственной молитвѣ, въ побѣдномъ торжественномъ гимнѣ славы и любви.

Иванъ Васильевичъ быстро спускался въ землѣ и по мѣрѣ того, какъ онъ спускался, тарантасъ снова измѣнялъ свою птичью наружность для болѣе приличнаго вида. Шея его вновь становилась козлами, хвостъ и лапы колесами, одни перья не собирались только въ перины, а разнеслись свободно по воздуху. Тарантасъ становился снова тарантасомъ, только не такимъ неуклюжимъ и растрепаннымъ, какъ знавалъ его Иванъ Васильевичъ, а приглажен-

нымъ, лакированнымъ, стройнымъ, словомъ, совершеннымъ молодцомъ. Коробочки и веревочки исчезли. Рогожъ и кульковъ какъ бы не бывало. Мѣсто ихъ занимали небольшіе сундуки, обтянутые кожей и плотно привинченные къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ. Тарантасъ какъ бы переродился, перевоспитался и помолодѣлъ. Въ твердой его поступи не видно было болѣе прежняго неряшества; напротивъ, въ ней выражалась какая-то увѣренность, чувство неотъемлемаго достоинства, быть можетъ, даже немного гордости.

„Экъ его Василій Иванычъ отдѣлалъ!“ подумалъ невольно Иванъ Васильевичъ. „Экипажъ длинный, это правда, однакожъ, для степной ѣзды удобный. Къ тому-жъ, онъ не лишенъ оригинальности, и ѣхать въ немъ весьма пріятно... Спасибо Василью Иванычу... Да гдѣ же онъ въ самомъ дѣлѣ?.. Василій Иванычъ! Василій Иванычъ! Гдѣ вы?—Нѣтъ Василья Ивановича. Ужели пропалъ онъ, исчезъ совершенно? Жаль старика! Добрый былъ человѣкъ... Нѣтъ его, какъ нѣтъ. Упалъ гдѣ ни-

будь дорогой. Не остановиться ли поискать его?“

Остановиться, однако, было невозможно. Въ тарантасъ впряглась ретивая тройка, ямщикъ весело прикрикнулъ и Иванъ Васильевичъ поскакалъ съ такой неимовѣрной быстротой, какъ ему никогда еще не случалось, даже когда онъ разъѣзжалъ встарину съ курьерской подорожной по казенной надобности. Тарантасъ мчался все впередъ безъ остановки по гладкой, какъ зеркало, дорогѣ. Лошади незамѣтно мѣнялись и тарантасъ несся все далѣе и далѣе мимо полей, селеній и городовъ. Земли, по которымъ онъ несся, казались Ивану Васильевичу знакомыми. Должно быть, онъ бывалъ тутъ когда-то часто и по собственнымъ дѣламъ, и по обязанности службы, однако, все, кажется, приняло другой видъ... Мѣста, гдѣ были прежде неизмѣримыя безплодныя пространства, болота, степи, трущобы, теперь кипятъ народомъ, жизнью и дѣятельностью. Лѣса очищены и хранятся какъ народныя сокровища; поля и нивы, какъ разноцвѣтныя моря, раскинуты до

небосклона, и благословенная почва всюду приноситъ щедрое вознагражденіе заботамъ поселянъ. На лугахъ живописно пасутся стада, и небольшія деревеньки, разсыпая кругомъ себя земледѣльцевъ симметрической своей сѣтью, какъ бы наблюдаютъ за сбереженіемъ времени и труда человѣческаго. Куда ни взгляни, вездѣ обиліе, вездѣ стараніе, вездѣ просвѣщенная заботливость. Селенія, чрезъ которыя мчался тарантасъ, были русскія селенія. Иванъ Васильевичъ бывалъ даже въ нихъ нерѣдко. Они сохранили прежнюю, начальную свою наружность, только очистились и усовершенствовались, какъ и самъ тарантасъ. Черныя избы, соломенныя крыши, всѣ безобразные признаки нищеты и нерадѣнія исчезли совершенно. По обѣимъ сторонамъ дороги возвышались красивыя строенія съ желѣзными крышами, съ кирпичными стѣнами, съ пестрыми изразцовыми наличниками у оконъ, съ точеными перилами и украшеніями... На широкихъ дубовыхъ воротахъ прибиты были вывѣски, означающія, что въ длинные зимніе дни хозяинъ дома не

занимался пьянствомъ, не валялся праздный на лежанкѣ, а приносилъ пользу братьямъ выгоднымъ ремесломъ, благодаря способности русскаго народа все перенять и все дѣлать, и тѣмъ упрочивалъ и свое благоденствіе. На улицахъ не было видно ни пьяныхъ, ни нищихъ... Для дряхлыхъ, безпріютныхъ стариковъ были устроены у церкви богадѣльни, и тутъ же пріюты для призрѣнія малолѣтнихъ дѣтей во время занятій отцовъ и матерей полевыми работами. Къ пріютамъ примыкали больницы и школы...школы для всѣхъ дѣтей безъ исключенія. У дверей, обсаженныхъ деревьями, рѣзвились пестрыя толпы ребятишекъ, и въ непринужденномъ ихъ веселіи видно было, что часы труда не промчались даромъ, что они постоянно и терпѣливо готовились къ полезной жизни, къ честному имени, къ похвальному труду... и сельскій пастырь, сидя подъ ракитой, съ любовью глядѣлъ на дѣтскія игры. Кое-гдѣ надъ деревнями возвышались дома помѣщиковъ, строенные въ томъ же вкусѣ, какъ и простыя избы, только въ большемъ размѣрѣ. Эти дома,

казалось, стояли блюстителями порядка, залогомъ того, что счастіе края не измѣнится, а, благодаря мудрой заботливости просвѣщенныхъ путеводителей, все будетъ еще стремиться впередъ, все будетъ еще болѣе развиваться, прославляя дѣла человѣка и милосердіе Создателя.

Города, черезъ которые мчался тарантасъ, казались тоже Ивану Васильевичу знакомыми, хотя онъ во многомъ ихъ не узнавалъ. Улицы не стояли печальными пустынями, а кипѣли движеніемъ и народомъ. Не было нигдѣ заборовъ вмѣсто домовъ, домовъ съ плачевной наружностью, разбитыми стеклами и оборванной челядью у воротъ. Не было развалинъ, растрескавшихся стѣнъ, грязныхъ лавочекъ; напротивъ, домы, дружно тѣснясь одинъ къ одному, весело сіяли чистотой... окна блестѣли какъ зеркала, и тщательно отдѣланныя украшенія придавали красивымъ фасадамъ какую-то славянскую народную, оригинальную наружность. И по этой наружности не трудно было заключить, въ какомъ порядкѣ, въ какомъ

духѣ текла жизнь горожанъ; безчисленное множество вывѣсокъ означало со всѣхъ сторонъ торговую дѣятельность края... Огромныя гостиницы манили путешественниковъ въ свои чистые покои, а надъ золотыми куполами звучные колокола гудѣли благословеніемъ надъ братской семьей православныхъ.

И вотъ блеснулъ передъ Иваномъ Васильевичемъ цѣлый соборъ сверкающихъ куполовъ, цѣлый край дворцовъ и строеній... „Москва, Москва!“ закричалъ Иванъ Васильевичъ... и въ эту минуту тарантасъ исчезъ, какъ бы провалился сквозь землю, и Иванъ Васильевичъ очутился на Тверскомъ бульварѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно, кажется, встрѣтилъ онъ Василья Ивановича и условился съ нимъ ѣхать въ Мордасы. Иванъ Васильевичъ изумился. Вѣковыя деревья осѣняли бульваръ густою, широкою тѣнью. По сторонамъ его красовались дворцы такой легкой, такой прекрасной архитектуры, что ужъ при одномъ взглядѣ на нихъ душа наполнялась благородной любовью къ изящному, отраднымъ чув-

ствомъ гармоніи. Каждый домъ казался храмомъ искусства, а не чванной выставкой безтолковой роскоши... „Италія... Италія! Неужели мы тебя перещеголяли?“ воскликнулъ Иванъ Васильевичъ и вдругъ остановился. Ему показалось, что навстрѣчу къ нему шелъ князь, тотъ самый, котораго онъ когда-то встрѣтилъ на большой дорогѣ, въ дормезѣ, который вѣчно живетъ заграницей и пріѣзжаетъ въ Россію съ тѣмъ только, чтобы забрать съ мужиковъ оброкъ.

„Не можетъ быть, подумалъ онъ: „однакожъ, кажется, что князь... Да онъ вѣрно заграницей... И къ тому же, онъ развѣ изъ маскарада идетъ въ такомъ нарядѣ?“

Навстрѣчу къ Ивану Васильевичу шелъ въ самомъ дѣлѣ князь, только не въ томъ видѣ, какъ онъ знавалъ его прежде. На головѣ его была бобровая шапка, станъ былъ плотно схваченъ тонкимъ суконнымъ полушубкомъ на собольемъ мѣху. Онъ узналъ стараго своего знакомаго и учтиво его привѣтствовалъ.

— Здорово, старый пріятель, сказалъ онъ.

— Какъ, князь... такъ это точно вы?.. Я никакъ бы не узналъ васъ въ этомъ костюмѣ.

— Почему же?.. Нарядъ этотъ совершенно удобенъ для нашего сѣвернаго холода, а притомъ онъ нашъ народный, и я другого не ношу.

— Не зналъ-съ, виноватъ, совсѣмъ не зналъ... А я думалъ, князь, что вы заграницей.

— Что?

— Я думалъ, что вы заграницей.

— За какой границей?

— Да на Западѣ...

— Зачѣмъ?

— Да такъ-съ.

— Помилуйте!.. У насъ есть свой западъ, свой востокъ, свой югъ и свой сѣверъ... Коли любишь путешествовать...' такъ и тутъ своего во всю жизнь не объѣдешь.

— Конечно, это правда, князь... Однако, согласитесь сами, что заграницей мы находимъ не только удовольствія, но и важныя поученія.

Князь посмотрѣлъ на Ивана Васильевича съ удивленіемъ.

— Какія поученія?

— Примѣры-съ.

— Какіе примѣры?

— Да просвѣщенія и свободы.

Князь разсмѣялся.

— Помилуйте... да это слова... Мы не дѣти, слава Богу... Намъ неприлично заниматься шарадами и принимать названія за дѣла. Я вижу, впрочемъ, съ удовольствіемъ, что вы читаете исторію—занятіе похвальное. Вы говорите о томъ времени, когда непрошенные крикуны вопили о судьбѣ народовъ, не столько для народнаго блага, какъ для того, чтобъ ихъ голосъ былъ слышенъ. Но вѣдь народы давно сами догадались, что весь этотъ шумъ прикрывалъ только мелкіе разсчеты, частныя страсти, личное самолюбіе, или горячность молодости. Повѣрьте, если благо общее и подвинулось, такъ это отъ собственной силы, а не отъ громкихъ возгласовъ. Для всякаго человѣческаго дѣла страсть не только пагубна, но даже смертельна. Вамъ это докажетъ исторія, а исторія ни что иное, какъ поученіе прошедшаго настоящему для будущаго. Мы начали послѣ

всѣхъ, и потому мы не впали въ прежнія ребяческія заблужденія. Мы шли спокойно впередъ, съ вѣрою, съ покорностью и надеждой: мы не шумѣли, не проливали крови, мы искали не укрывательства отъ законной власти, а открытой, священной цѣли, и мы дошли до нея и указали ее цѣлому міру... Терпѣніемъ разгадали мы загадку простую, но до того еще никѣмъ неразгаданную. Мы объяснили цѣлому свѣту, что свобода и просвѣщеніе одно и то же цѣлое, недѣлимое, и что это цѣлое ни что иное, какъ точное исполненіе каждымъ человѣкомъ возложенной на него обязанности.

— Вы шутите, князь.

— Сохрани меня Богъ! Люди кричали много о своихъ правахъ, но всегда умалчивали о своихъ обязанностяхъ. А мы сдѣлали иначе: мы крѣпко держались обязанностей и право такимъ образомъ опредѣлилось у насъ само собой.

— Да какъ же вы это сдѣлали?

— Богъ благословилъ наше смиреніе. Вы знаете, Россія никогда не заносилась духомъ

гордыни, никогда не хотѣла служить примѣромъ прочимъ народамъ и оттого-то Богъ избралъ Россію.

— Неужели это правда, князь?.. Дай-то Богъ... Да все-таки я не понимаю, какъ вы дошли до такого счастія.

— Дошли просто, повинуясь стремленію вѣка, а не бѣгая съ нимъ взапуски. Мы искали возможнаго и не гонялись за недостижимымъ; мы отдѣлили человѣческое отъ идеальнаго. Мы не увлекались пустыми, непримѣняемыми началами, ибо знали, что нѣтъ начала, которое бы, доведенное до крайняго своего выраженія, не дѣлалось нелѣпостью и, что хуже, преступленіемъ. Вотъ почему мы старались согласовать разнородныя стихіи, а не разрушать, не сокрушать ихъ въ безразсудныхъ порывахъ. Мы искали равновѣсія. Равновѣсіемъ держится весь міръ и это равновѣсіе нашли мы въ одной только любви. Въ любви христіанской таится и гражданственное спокойствіе, и семейное счастіе—все, что мы можемъ просить отъ земли, все, что мы должны просить отъ Неба.

— И вы не встрѣтили препятствій? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Безъ препятствій не было бы успѣха, не было бы человѣческихъ условій. Но въ любви мы нашли и волю, и силу, и побѣду надъ враждебными началами, нашли единодушное вліяніе всѣхъ сословій для великаго народнаго подвига. Дворяне шли впередъ, исполняя благую волю Божьяго помазанника; купечество очищало путь, войско охраняло край, а народъ бодро и довѣрчиво подвигался по указанному ему направленію. И побороли мы и западное зло, и восточное зло, пользуясь ихъ же примѣромъ, и теперь, слава Богу, Россія владычествуетъ надъ вселенной не однѣми громадными силами, но и духовнымъ, высоконравственнымъ, успокоительнымъ вліяніемъ.

— Я вижу, замѣтилъ Иванъ Васильевичъ: вы все-таки попрежнему аристократъ...

Князь улыбнулся и пожалъ плечами.

— Опять слова... опять пустыя названія... Хорошо, что я съ вами давно знакомъ и не повторю вашего замѣчанія. Но я васъ пред-

варяю, вы можете уронить себя въ общемъ мнѣніи, если узнаютъ, что вы еще занимаетесь пустыми толкованіями объ аристократахъ и демократахъ. Теперь все называется настоящимъ именемъ и оцѣняется по достоинству. Тунеядецъ, который надувается глупой надменностью, точно такъ же отвратителенъ, какъ и желчный завистникъ всякаго отличія и всякаго успѣха. Голодная зависть нищей бездарности ничѣмъ не лучше спѣсиваго богатства. Я аристократъ въ томъ смыслѣ, что люблю всякое усовершенствованіе, всякое истинное отличіе, а демократъ потому, что въ каждомъ человѣкѣ вижу своего брата. Впрочемъ, какъ вы видите, эти понятія вовсе не разнородны, а, напротивъ, тѣсно связаны между собой.

„Да онъ, кажется, сдѣлался педантомъ“, подумалъ съ удивленіемъ Иванъ Васильевичъ. „Ужъ не набрался ли онъ нѣмецкой философіи? На философію мода въ Москвѣ... Видно, и князь сдѣлался мудрецомъ отъ скуки“. Иванъ Васильевичъ продолжалъ разговоръ:

— Какъ же вы, князь, проводите здѣсь вре-

мя, скучненько, я думаю? Развѣ ведете большую игру въ лото или въ палки?

— Что̀ за шутки!.. возразилъ, немного обидѣвшись, князь. У насъ въ карты одни только слуги играютъ, и то мы лишаемъ ихъ мѣстъ за такую гнусную потерю времени. У насъ, слава Богу, есть довольно занятій. Нетрудящійся человѣкъ недостоинъ званія человѣка. Когда же мы устаемъ отъ дѣла, то отправляемся въ клубъ.

— Въ англійскій?

— Нѣтъ, въ русскій. Тамъ собираются наши свѣтлые умы; слушая ихъ бесѣду, всегда можно почерпнуть или новое познаніе, или отрадное впечатлѣніе. Повѣрите ли, всѣ наши огромныя предпріятія, всѣ усовершенствованія, которыми мы такъ справедливо гордимся, возникли среди этого дружескаго размѣна мнѣній и чувствъ.

— Такъ вы, князь, постоянно живете въ Москвѣ?

— О, нѣтъ. Я въ Москву только изрѣдка наѣзжаю, а то живу себѣ большей частью въ уѣздѣ. Служба беретъ много времени.

— Вы служите, князь?

— Да... Засѣдателемъ?

Иванъ Васильевичъ захохоталъ во все горло.

— Чему же вы смѣетесь?...

— Помилуйте, князь, съ вашимъ богатствомъ, съ вашимъ именемъ...

— Да оттого-то я и служу... Во-первыхъ, какъ гражданинъ, я обязанъ отдать часть своего времени для общей пользы; во-вторыхъ, выгоды мои, какъ значительнаго владѣльца, тѣсно связаны съ выгодами моего края. Наконецъ, находясь самъ на службѣ, я не отвлекаю отъ выгоднаго занятія или ремесла бѣднаго человѣка, который бы долженъ былъ занимать мою должность. Такимъ образомъ, правительство не содержитъ нищихъ невѣждъ или безсовѣстныхъ лихоимцевъ. Охраненіе законовъ не дѣлается источникомъ беззаконности.

— Такъ вы живете въ губернскомъ городѣ?

— Иногда... по службѣ, иногда для удовольствія. Пріѣзжайте къ намъ. Вы найдете много любопытнаго, много древностей, много предметовъ искусствъ, не говоря ужъ объ огромныхъ предпріятіяхъ относительно про-

мышленности и торговли. Общество у насъ серьезное, ненавидящее праздность съ ея жалкими послѣдствіями. Пріѣзжайте къ намъ; а всего лучше пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню, въ старый мой дѣдовскій замокъ: есть что посмотрѣть.

— Могу вообразить, прервалъ Иванъ Васильевичъ; если роскошь усовершенствовалась у насъ, какъ и прочее, какія должны быть у васъ комнаты. Я чаю, вы каждый годъ мѣняете обои и мебель?

— Сохрани Богъ! Мой замокъ стоитъ, какъ есть, ужъ нѣсколько вѣковъ. Въ немъ сохраняются съ почтеніемъ всѣ слѣды дѣдовской жизни. Онъ служитъ нѣкоторымъ образомъ памятникомъ ихъ дѣйствій. Воспоминаніе о нихъ не исчезаетъ, а переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, внушая дѣтямъ благородную гордость и обязанность не уронить чести своего рода. Впрочемъ, дѣды наши не употребляли денегъ своихъ на вздоръ, а на важныя мѣстныя улучшенія, на книги, на поощреніе художествъ, на пособіе наукамъ... Зато каж-

дый замокъ можетъ служить у насъ предметомъ самыхъ любопытныхъ изученій, самыхъ изящныхъ удовольствій... У меня въ особенности замѣчательно собраніе картинъ.

— Итальянской школы? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Арзамасской школы... Вообразите, у меня цѣлая галерея образцовыхъ произведеній славныхъ арзамасскихъ живописцевъ.

„Вотъ-те на!...“ подумалъ Иванъ Васильевичъ.

— Не малаго вниманія заслуживаетъ тоже моя библіотека.

— Иностранной словесности, вѣрно?

— Напротивъ, иностранной словесности вы найдете у меня только то малое число геніальныхъ писателей, творенія которыхъ сдѣлались принадлежностью человѣчества. Но вы найдете у меня полное собраніе русскихъ классиковъ, любопытную коллекцію нашихъ прекрасныхъ журналовъ, которые своими полезными и совѣстливыми трудами поощряли народъ на стезѣ прямого образованія и сдѣлались предме-

томъ общаго уваженія и благодарности. Зато, повѣрите ли, чтеніе журналовъ сдѣлалось необходимостью во всѣхъ сословіяхъ. Нѣтъ избы теперь, гдѣ бы вы не нашли листка „Сѣверной Пчелы "или книги „Отечественныхъ Записокъ". Писатели наши—честь и слава нашей родины. Въ ихъ твореніяхъ столько добросовѣстности, столько роднаго вдохновенія, столько безкорыстія, столько увлекательности и силы, что нельзя не порадоваться ихъ высокому и лестному значенію въ нашемъ обществѣ... Да бишь, скажите пожалуйста... гдѣ Василій Иванычъ?

Иванъ Васильевичъ смутился. Онъ совершенно забылъ о Васильѣ Ивановичѣ и совѣсть начала его въ томъ упрекать.

— Вы знаете Василья Иваныча? спросилъ онъ, запинаясь.

— Знавалъ въ молодости... Да вотъ давно ужъ не видалъ. Онъ человѣкъ не бойкій въ разговорахъ, а практически дѣльный. Еслибъ всѣ люди были какъ онъ, просто безъ образованія, нашъ народъ гораздо бы скорѣе обра-

зовался... А то намъ долго мѣшали недообразованные крикуны, которые кое о чемъ слышали, да мало что поняли... Кланяйтесь Василью Ивановичу, если онъ живъ... А теперь прощайте... Я заговорился съ вами... Прощайте.

Князь пожалъ у Ивана Васильевича руку и быстро скрылся, оставивъ своего собесѣдника въ сильномъ раздумьѣ.

„Ужъ не это ли наша гражданственность?“ подумалъ онъ.

— Ваня, Ваня!... закричалъ вдругъ кто-то за нимъ.

Иванъ Васильевичъ обернулся и очутился въ объятіяхъ своего пансіоннаго товарища, того самаго, который встрѣтился ему на Владимірскомъ бульварѣ...

— Ваня, какъ это ты здѣсь? спрашивалъ онъ съ дружескимъ удивленіемъ.

— Самъ не знаю, отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ.

— Пойдемъ ко мнѣ. Жена будетъ такъ рада съ тобой познакомиться. Я такъ часто ей говорилъ о томъ счастливомъ времени, когда мы

сидѣли съ тобой въ пансіонѣ на одной лавкѣ и такъ ревностно занимались, такъ жадно вслушивались въ ученыя лекціи нашихъ профессоровъ.

— Шутишь ли? сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Ахъ, братецъ, какъ не быть признательнымъ къ этимъ людямъ. Имъ я обязанъ и душевнымъ спокойствіемъ, и вещественнымъ благосостояніемъ. Я богатъ потому, что умѣренъ въ своихъ желаніяхъ. Я неприхотливъ потому, что вѣчно занятъ. Я не взволнованъ желаніемъ искать разсѣянья, потому что нахожу счастье въ семейной жизни. Въ этомъ счастіи заключается вся моя роскошь и, благодаря строгому порядку, я могу еще дѣлиться своимъ избыткомъ съ неимущими братьями. Къ несчастью, на землѣ не можетъ быть равенства; человѣкъ никогда не можетъ быть равенъ другому человѣку. Всегда будутъ люди богатые, передъ которыми другіе будутъ почитаться бѣдными. Умъ и добродѣтель имѣютъ тоже своихъ богатыхъ и своихъ бѣдныхъ. Но обязанность богатыхъ дѣлиться съ неимущими и

въ томъ заключается ихъ роскошь. Пойдемъ ко мнѣ.

Они отправились. Все было просто въ скромномъ жилищѣ товарища Ивана Васильевича, но все дышало какой-то изящной изысканностью, какимъ-то неизъяснимымъ отблескомъ присутствія молодой, прекрасной женщины. Привѣтливо улыбнулась она Ивану Васильевичу, и онъ остановился передъ ней въ нѣмомъ благоговѣніи. Ему показалось, что онъ до того времени никогда женщины не видывалъ. Она была хороша не той бурной сверкающей красотой, которая тревожитъ страстные сны юношей, но въ цѣломъ существѣ ея было что-то высоко безмятежное, поэтически спокойное. На лицѣ, сіявшемъ нѣжностью, всякое впечатлѣніе ярко обозначалось, какъ на чистомъ зеркалѣ. Душа выглядывала изъ очей, а сердце говорило изъ устъ. Въ полудѣтскихъ ея чертахъ выражались такое доброжелательное радушіе, такая заботливая покорность, такая глубокая, святая, ничѣмъ неразвлеченная любовь, что уже, глядя на нее, каждый человѣкъ дол-

женъ былъ становиться лучше. Въ каждомъ ея движеніи было очаровательное согласіе... Она улыбнулась вошедшему гостю, а двое розовыхъ и рѣзвыхъ дѣтей, смущенныя видомъ незнакомца, прижали къ ея колѣнямъ свои кудрявыя головки. Иванъ Васильевичъ глядѣлъ на эту картину какъ на святыню, и ему показалось, что онъ въ ней видѣлъ свѣтлое олицетвореніе тихой семейственности, этого высокаго вознагражденія за всѣ труды, за всѣ скорби человѣка. И мало ли, долго ли стоялъ онъ передъ этой чудной картиной—онъ этого не замѣтилъ; онъ не помнилъ что̀ слышалъ, что̀ говорилъ, только душа его становилась все шире и шире, чувства его успокоились въ тихомъ блаженствѣ, а мысли слились въ молитву.

— Есть на землѣ счастіе! сказалъ онъ съ вдохновеніемъ. Есть цѣль въ жизни... и она заключается...

— Батюшки, батюшки, помогите!.. Бѣда... Помогите... Валимся, падаемъ!..

Иванъ Васильевичъ вдругъ почувствовалъ

сильный толчокъ и, шлепнувшись обо что-то всей своей тяжестью, вдругъ проснулся отъ сильнаго удара.

— А... что?.. Что такое?..

— Батюшки, помогите, умираю! кричалъ Василій Ивановичъ. Кто бы могъ подумать... тарантасъ опрокинулся.

Въ самомъ дѣлѣ тарантасъ лежалъ во рву вверхъ колесами. Подъ тарантасомъ лежалъ Иванъ Васильевичъ, ошеломленный нежданнымъ паденіемъ; подъ Иваномъ Васильевичемъ лежалъ Василій Ивановичъ въ самомъ ужасномъ испугѣ. Книга путевыхъ впечатлѣній утонула навѣки на днѣ влажной пропасти. Сенька висѣлъ внизъ головой, зацѣпясь ногами за козлы...

Одинъ ямщикъ успѣлъ выпутаться изъ постромокъ и уже стоялъ довольно равнодушно у опрокинутаго тарантаса... Сперва оглядѣлся онъ кругомъ, нѣтъ ли гдѣ помощи, а потомъ хладнокровно сказалъ вопіющему Василью Ивановичу:

— Ничего, ваше благородіе!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Встрѣча 1
II. Отъѣздъ 12
III. Начало путевыхъ впечатлѣній 22
IV. Станція 33
V. Гостинница 43
VI. Губернскій городъ 58
VII. Простая и глупая исторія 71
VIII. Цыгане 92
IX. Перстень 105
X. Нѣчто о словесности 114
XI. Русскій баринъ 124
XII. Печорскій монастырь 139
XIII. Помѣщикъ 152
XIV. Купцы 166
XV. Нѣчто о Васильѣ Ивановичѣ 188
XVI. Нѣчто о Иванѣ Васильевичѣ 215
XVII. Сельскій праздникъ 244
XVIII. Чиновники 267
XIX. Востокъ 278
XX. Сонъ 296